

17

234

ŒUVRES D'ALEXANDRE HERZEN

СОЧИНЕНІЯ

А. И. ГЕРЦЕНА

ТОМЪ V

INSTITUT

BADAŃ LITERACKICH PAN

BIBLIOTEKA

00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 77

Тел. 26-68-63

Съ того берега. — Русскій народъ и социализмъ. —
Крещеная собственность. — Старый мѣръ и Россія. —
Вольное русское книгопечатаніе въ Лондонѣ. —
Юрьевъ день! Юрьевъ день! — Поляки прощайте
насъ. — Вольная русская община въ Лондонѣ. —
XXIII годовщина польскаго возстанія въ Лондонѣ. —
Народный сходъ въ память февральской революціи.

GENÈVE — BALE — LYON

H. GEORG, LIBRAIRE-ÉDITEUR

1878

Tous droits réservés.

24.104/5-6

1847---1859

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1847—1859.

	Стр.
Съ ТОГО БЕРЕГА.	1
Введеніе. — I. Передъ грозой. — II. Послѣ грозы. — III. LVII годъ Республикн.—IV. Vixerunt. — V. Con- solatio. — VI. Эпилогъ 1849 года. — VII. Omnia mea mecum porto. — VIII. Донозо Кортесъ.	
Русскій народъ и Соціализмъ (<i>Письмо къ Мишле</i>)	178
Крещеная собственность.	217
Старый міръ и Россія (<i>Письма къ В. Линтону</i>)	249
Вольное русское книгопечатаніе въ Лондонѣ. (<i>Братьямъ на Руси</i>).	297
I. Юрьевъ день! Юрьевъ день! (<i>Русскому дворянству</i>) . . .	301
II. Поляки прощаютъ насъ! !	310
III. Вольная русская овщина въ Лондонѣ. (<i>Русскому воинству въ Польшу</i>)	320
IV. XXIII годовщина польскаго возстанія въ Лондонѣ. (Рѣчь). .	327
V. Народный сходъ въ память февральской революціи. (Рѣчь). .	336

HERBARIUM

1897

1897
1898
1899
1900
1901
1902
1903
1904
1905
1906
1907
1908
1909
1910
1911
1912
1913
1914
1915
1916
1917
1918
1919
1920
1921
1922
1923
1924
1925
1926
1927
1928
1929
1930
1931
1932
1933
1934
1935
1936
1937
1938
1939
1940
1941
1942
1943
1944
1945
1946
1947
1948
1949
1950
1951
1952
1953
1954
1955
1956
1957
1958
1959
1960
1961
1962
1963
1964
1965
1966
1967
1968
1969
1970
1971
1972
1973
1974
1975
1976
1977
1978
1979
1980
1981
1982
1983
1984
1985
1986
1987
1988
1989
1990
1991
1992
1993
1994
1995
1996
1997
1998
1999
2000
2001
2002
2003
2004
2005
2006
2007
2008
2009
2010
2011
2012
2013
2014
2015
2016
2017
2018
2019
2020
2021
2022
2023
2024
2025
2026
2027
2028
2029
2030
2031
2032
2033
2034
2035
2036
2037
2038
2039
2040
2041
2042
2043
2044
2045
2046
2047
2048
2049
2050
2051
2052
2053
2054
2055
2056
2057
2058
2059
2060
2061
2062
2063
2064
2065
2066
2067
2068
2069
2070
2071
2072
2073
2074
2075
2076
2077
2078
2079
2080
2081
2082
2083
2084
2085
2086
2087
2088
2089
2090
2091
2092
2093
2094
2095
2096
2097
2098
2099
2100

СЪ ТОГО БЕРЕГА

СЫНУ МОЕМУ АЛЕКСАНДРУ

Другъ мой Саша,

Я посвящаю тебѣ эту книгу, потому что я ничего не писалъ лучшаго и вѣроятно ничего лучшаго не напишу; потому что я люблю эту книгу какъ памятникъ борьбы, въ которой я пожертвовалъ многимъ, но не отвагой знанія; потому наконецъ, что я нисколько не боюсь дать въ твои отроческія руки этотъ, мѣстами дерзкой, протестъ независимой личности противъ возрѣнія устарѣлаго, рабскаго и полнаго лжи, противъ нелѣпыхъ идоловъ, принадлежащихъ иному времени и безсмысленно доживающихъ свой вѣкъ между нами, мѣшая однимъ, пугая другихъ.

Я не хочу тебя обманывать, знай истину, какъ я ее знаю; тебѣ эта истина пусть достанется не мучительными ошибками, не мертвящими разочарованіями, а просто по праву наслѣдства.

Въ твоей жизни придутъ нныя вопросы, нныя столкновенія... въ страданіяхъ, въ трудѣ недостатка не будетъ. Тебѣ 15 лѣтъ — и ты уже псыталь страшныя удары.

Не ищи рѣшеній въ этой книгѣ — ихъ нѣтъ въ ней, ихъ вообще нѣтъ у современнаго человѣка. То, что рѣшено, то кончено, а грядущій переворотъ только что начпнается.

Мы не строимъ, мы ломаемъ, мы не возвѣщаемъ новаго откровенія, а устраняемъ старую ложь. Современный человѣкъ, печальный Pontifex Maximus ставитъ только мостъ — нной, неизвѣстный, будущій пройдетъ по немъ. Ты можетъ увидишь его... не остаься на *старомъ берегу*... Лучше съ нимъ погибнуть, нежели спастись въ богадѣльнѣ реакціи.

Религія грядущаго общественнаго пересозданія — одна религія, которую я завѣщаю тебѣ. Она безъ рая, безъ вознагражденія, кромѣ собственнаго сознанія, кромѣ совѣсти... Идти въ свое время проповѣдывать ее, къ Намъ *домой*; тамъ любили когда-то мой языкъ и можетъ вспомнить меня.

... Благословляю тебя на этотъ путь во имя человѣческаго разума, личной свободы и братской любви!

Твой Отець.

Твикнемъ, 1 Января 1855 г.

«Vom ander n Ufer,» первая книга изданная мною на Западѣ; рядъ статей, составляющихъ ее, былъ написанъ по русски, въ 1848 и 49 году. Я ихъ самъ продиктовалъ молодому литератору Ф. Каппу по нѣмецки.

Теперь многое не ново въ ней. *) Пять страшныхъ лѣтъ научили кой-чему самыхъ упорныхъ людей, самыхъ нераскаянныхъ грѣшниковъ *нашего* берега. Въ началѣ 1850 г., книга моя сдѣлала много шума въ Германіи; ее хвалили и брали съ ожесточеніемъ и рядомъ съ отзывами, больше нежели лестными, такихъ людей какъ Юліусъ Фребель, Якоби, Фальмерейеръ — люди талантливые и добросовѣстные съ негодованіемъ нападали на нее.

Меня обвиняли въ проповѣдываніи отчаянія, въ незнаніи народа, въ *dépit amoureux* противъ революціи, въ *неуваженіи* къ демократіи, къ массамъ, къ Европѣ...

Второе Декабря отвѣтило имъ громче меня.

Въ 1852 г. я встрѣтился въ Лондонѣ съ самымъ остроумнымъ противникомъ монмъ, съ Зольгеромъ — онъ укладывался, чтобъ скорѣе ѣхать въ Америку, въ Европѣ казалось ему *дѣлать* нечего. „Обстоятельства, замѣтилъ я, кажется убѣдили васъ, что я былъ не во-

*) Я прибавилъ три статьи, напечатанныя въ журналахъ и назначенныя для *второго* изданія, которое нѣмецкая цензура не позволила; эти три статьи: „Эпизодъ“, „Omnia mea mecum porto“ и „Донозо Кортесъ“. Ими замѣнилъ я небольшую статью объ Россіи, писанную для иностранцевъ.

все неправъ?“ — „Мнѣ не нужно было столько, отвѣчалъ Зольгеръ, добродушно смѣясь, чтобъ догадаться, что я тогда писалъ большой вздоръ.“

Не смотря на это милое сознаніе—общій выводъ сужденій, оставшееся впечатленіе были скорѣе противъ меня. Не выражаетъ-ли это чувство раздражительности близость опасности, страхъ передъ будущимъ, желаніе скрыть свою слабость, капризное, окаменѣлое старчество?

... Странная судьба русскихъ—видѣть дальше сосѣдей, видѣть мрачнѣе, и смѣло высказывать свое мнѣніе—русскихъ, этихъ „нѣмыхъ“, какъ говорилъ Мишле.

Вотъ что писалъ, гораздо прежде меня одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ: „Кто болѣе нашего славилъ преимущество XVIII вѣка, свѣтъ филозофін, смягченіе нравовъ, всемѣстное распространеніе духа общественности, тѣснѣйшую и дружелюбнѣйшую связь народовъ, кротость правленій?... хотя и являлись еще нѣкоторыя черныя облака на горизонтѣ человѣчества, но свѣтлый лучъ надежды златилъ уже края оныхъ... Конецъ нашего вѣка почитали мы концемъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣчества, и думали, что въ немъ послѣдуетъ соединеніе теоріи съ практикой, умозрѣнія съ дѣятельностью... Гдѣ теперь эта утѣшительная система? Она разрушилась въ своемъ основаніи; XVIII-й вѣкъ кончается, и несчастный филантропъ мѣряетъ двумя шагами могилу свою, чтобъ лечь въ нее съ обманутымъ, растерзаннымъ сердцемъ своимъ и закрыть глаза на вѣки.“

„Кто могъ думать, ожидать, предвидѣть? Гдѣ люди, которыхъ мы любили? Гдѣ плодъ наукъ и мудрости? Вѣкъ просвѣщенія, я не узнаю тебя; въ крови и пламени, среди убійствъ и разрушеній, я не узнаю тебя.“

„Мизософы торжествуютъ. Вотъ плоды вашего просвѣщенія, говорятъ они, вотъ плоды вашихъ наукъ; да погибнетъ философія.—И бѣдный лишенный отечества, и бѣдный лишенный крова, отца, сына или друга, повторяетъ: да погибнетъ.

„Кровопротитіе не можетъ быть вѣчно. Я увѣренъ, рука сѣкущая мечемъ утомится; сѣра и селитра истощатся въ нѣдрахъ земли и громы умолкнутъ, тишина рано или поздно настанетъ, но какова будетъ она? — есть ли мертвая, хладная, мрачная...

„Паденіе наукъ кажется мнѣ не только возможнымъ, но даже неминуемымъ, даже близкимъ. Когда же падутъ онѣ; когда ихъ вѣликолѣнное зданіе разрушится, благодѣтельные лампы угаснутъ — что будетъ? Я ужасаюсь и чувствую трепеть въ сердцѣ. Положимъ, что нѣкоторыя искры и спасутся подъ пепломъ; положимъ, что нѣкоторые люди и найдутъ ихъ, освѣтятъ ими тихія, уединенныя свои хижины — но что-же будетъ съ міромъ?

„Я закрываю лицо свое!

„Уже-ли родъ человѣческой доходилъ въ наше время до крайней степени возможнаго просвѣщенія и долженъ снова погрузиться въ варварство и снова мало по малу выходить изъ онаго, подобно Сизифову камню, который, будучи вознесенъ на верхъ горы, собственной тяжестью скатывается внизъ и опять рукою вѣчнаго труженика на гору возносится? — Печальный образъ!

„Теперь мнѣ кажется, будто самыя лѣтописи доказываютъ вѣроятность сего мнѣнія. Намъ едва извѣстны имена древнихъ Азіятскихъ народовъ и царствъ, но по нѣкоторымъ историческимъ отрывкамъ можно думать, что сіи народы были не варвары..... Царства разрушались, народы исчезали, изъ праха ихъ рождались новыя

племена, рождались въ сумракѣ, въ мерцаніи, младенчествовали, учились и славились. Можетъ быть Эоны погрузились въ вѣчность и нѣсколько разъ сіялъ день въ умахъ людей и нѣсколько разъ ночь темнила души, прежде нежели возсіялъ Египеть.

„Египетское просвѣщеніе соединяется съ греческимъ. Римляне учились въ сей великой школѣ.

„Что-же послѣдовало за сею блестящею эпохой? Варварство многихъ вѣковъ.

„Медленно рѣдѣла, медленно прояснялась густая тьма. Наконецъ солнце возсіяло, добрые и легковѣрные человѣколюбцы заключали отъ успѣховъ къ успѣхамъ, видѣли близкую цѣль совершенства и въ радостномъ упоеніи восклицали *берегъ!* но вдругъ небо дымится и судьба человѣчества скрывается въ грозныхъ тучахъ. О потомство! Какая участь ожидаетъ тебя?

„Иногда несносная грусть тѣснитъ мое сердце, иногда упадаю на колѣна и простираю руки свои къ невидимому ... Нѣтъ отвѣта! — голова моя клонится къ сердцу.

„Вѣчное движеніе въ одномъ кругу, вѣчное повтореніе, вѣчная смѣна дня съ ночью и ночи съ днемъ, капля радостныхъ и море горестныхъ слезъ. Мой другъ! на что жить мнѣ, тебѣ и всѣмъ? На что жили предки наши? На что будетъ жить потомство?

„Духъ мой унылъ, слабъ и печаленъ!“

Эти выстраданныя строки, огненные и полныя слезъ были писаны въ концѣ девяностыхъ годовъ — *Н. М. Карамзинымъ.*

Введеніемъ къ русской рукописи были нѣсколько словъ, обращенныхъ къ друзьямъ на Руси. Я не счелъ нужнымъ повторять ихъ въ нѣмецкомъ изданіи — вотъ они:

ПРОЩАЙТЕ!

(Парижъ 1 Марта 1849.)

Наша разлука продолжится еще долго — можетъ всегда. Теперь я не хочу возвратиться, потому не знаю, будетъ-ли это возможно. Вы ждали меня, ждете теперь, надобно-же объяснить въ чемъ дѣло. Если я кому-нибудь повиненъ отчетомъ въ моемъ отсутствіи, въ моихъ дѣйствіяхъ, то это конечно вамъ, мои друзья.

Непреодолимое отвращеніе и сильный внутренній голосъ, что-то пророчасій, не позволяютъ мнѣ переступить границу Россіи, особенно теперь, когда самодержавіе, озлобленное и испуганное всѣмъ что дѣлается въ Европѣ, душитъ съ удвоеннымъ ожесточеніемъ всякое умственное движеніе и грубо отрѣзываетъ отъ освобождающагося челоѳчества шестьдесятъ милліоновъ челоѳкъ, загораживая послѣдній свѣтъ, скудно падавшій на малое число изъ нихъ, своей черною, желѣзною рукою, на которой запылала польская кровь. Нѣтъ, друзья мои, я не могу переступить рубежъ этого царства мглы, пропзвола, молчаливаго замранья, гибели безъ вѣсти, мученій съ платкомъ во рту. И подожду то тѣхъ поръ, пока усталая власть, ослабленная безуспѣшными успіями и возбужденнымъ противудѣйствіемъ, не признаетъ *чего-нибудь* достойнымъ уваженія въ рускомъ челоѳкѣ!

Пожалуйста не ошибитесь; не радость, не разсѣяніе, не отдыхъ, ни даже личную безопасность нашелъ я здѣсь; да и не знаю, кто можетъ находить теперь въ Европѣ радость и отдыхъ, отдыхъ во время землетря-

сенія, радость во время отчаянной борьбы. Вы видѣли грусть въ каждой строкѣ моихъ писемъ; жизнь здѣсь очень тяжела, ядовитая злоба примѣшивается къ любви, желчь къ слезѣ, лихорадочное безпокойство точитъ весь организмъ. Время прежнихъ обмановъ, упованій миновало. Я ни во что не вѣрю здѣсь, кромѣ въ кучку людей, въ небольшое число мыслей, да въ невозможность остановить движеніе; я вижу неминуемую гибель старой Европы и не жалѣю ничего изъ существующаго, ни ея вершинное образованіе, ни ея учрежденія... я ничего не люблю въ этомъ мірѣ, кромѣ того что онъ преслѣдуетъ, ничего не уважаю, кромѣ того что онъ казнитъ—и остаюсь... остаюсь страдать вдвойнѣ, страдать отъ своего горя и отъ его горя; погибнуть, можетъ быть, при разгромѣ и разрушеніи, къ которому онъ несется на всѣхъ парахъ.

Зачѣмъ-же я остаюсь?

Остаюсь затѣмъ, что борьба *здѣсь*, что, не смотря на кровь и слезы, здѣсь разрѣшаются общественные вопросы, что здѣсь страданія болѣзненны, жгучи, но *гласны*, борьба открытая, никто не прячется. Горе побѣжденнымъ, но они не побѣждены прежде боя, не лишены языка прежде, *чѣмъ* вымолвили слово; велико насилие, но протестъ громокъ; бойцы часто идутъ на галеры, скованные по рукамъ и ногамъ, но съ поднятой головой, съ свободной рѣчью. Гдѣ не погибло слово, тамъ и дѣло еще не погибло. За эту открытую борьбу, за эту рѣчь, за эту гласность—я остаюсь здѣсь; за нее я отдаю все, я васъ отдаю за нее, часть своего достоянія, а можетъ отдамъ и жизнь въ рядахъ энергическаго меньшинства, „гонимыхъ, но не нпзлагаемыхъ.“

За эту рѣчь я переломилъ или, лучше сказать, за-

глушилъ на время мою кровную связь съ народомъ, въ которомъ находилъ такъ много отзвонковъ на свѣтлыя и темныя стороны моей души, котораго пѣснь и языкъ — моя пѣснь и мой языкъ, и остаюсь съ народомъ, въ жизни котораго я глубоко сочувствую одному горькому плачу пролетаріа и отчаянному мужеству его друзей.

Дорого мнѣ стоило рѣшиться... вы знаете меня... и повѣрите. Я заглушилъ внутреннюю боль, и перестрадалъ борьбу, и рѣшился не какъ негодующій юноша, а какъ человѣкъ обдумавшій что дѣлаетъ, сколько теряетъ... Мѣсяцы цѣлые взвѣшивалъ я, колесбался, и наконецъ принесть все на жертву:

Человѣческому достоинству,

Свободной рѣчи.

До послѣдствій мнѣ нѣтъ дѣла, они не въ моей власти, они скорѣе во власти своевольнаго каприза, который забылся до того, что очертилъ произвольнымъ циркулемъ не только наши слова, но и наши шаги. Въ моей власти было не послушаться—я и не послушался.

Новповаться противно своему убѣжденію, когда есть возможность не повиноваться—безпривраственно. Страдательная покорность становится почти невозможной. Я присутствовалъ при двухъ переворотахъ, я слишкомъ жилъ свободнымъ человѣкомъ, чтобъ снова позволить сковать себя; я испыталъ народныя волненія, я привыкъ къ свободной рѣчи, и не могу сдѣлаться вновь крѣпостнымъ, ни даже для того, чтобъ страдать съ вами. Еслибъ еще надо было умѣрить себя для общаго дѣла. можетъ силы нашлись бы; но гдѣ на сію минуту наше общее дѣло? У васъ дома нѣтъ почвы, на которой можетъ стоять свободный человѣкъ. Можете-ли вы послѣ этого звать?.. На борьбу идемъ, на глухое му-

ченичество, на безплодное молчаніе, на повиновеніе — ни подь какимъ видомъ. Требуите отъ меня всего, но не требуйте двосдушія, не заставляйте меня снова представлять вѣрнопопданнаго, уважьте во мнѣ свободу человѣка.

Свобода лица, величайшее дѣло; на ней и *только на ней* можетъ вырости дѣйствительная воля народа. Въ себѣ самомъ человѣкъ долженъ уважать свою свободу и чтить ее не менѣе какъ въ ближнихъ, какъ въ цѣломъ народѣ. Если вы въ этомъ убѣждены, то вы согласитесь, что остаться теперь здѣсь мое право, мой долгъ; это единственный протестъ, который можетъ у насъ сдѣлать личность, эту жертву она должна принести своему человѣческому достоинству. Ежели вы назовете мое удаленіе бѣгствомъ и извините меня только вашей любовью, это будетъ значить, что вы еще не совершенно свободны.

Я все знаю, что можно возразить съ точки зрѣнія романтическаго патріотизма и цивической натянутости; но я не могу допустить этихъ старовѣрческихъ воззрѣній, я ихъ пережилъ, я вышелъ изъ нихъ и именно противъ нихъ борюсь. Эти подогрѣтые остатки римскихъ и христіанскихъ воспоминаній мѣшаютъ больше всего водворенію истинныхъ понятій о свободѣ, понятій здоровыхъ, ясныхъ, возмужалыхъ. По счастью въ Европѣ нравы и долгое развитіе восполняютъ долею нелѣпыя теоріи и нелѣпыя законы. Люди, живущіе здѣсь, живутъ на почвѣ удобренной двумя цивилизаціями; путь, пройденный ихъ предками въ продолженіи двухъ съ половиною тысячелѣтій не былъ напрасенъ, много человѣческаго выработалось независимо отъ внѣшняго устройства и офиціального порядка.

Въ самыя худшія времена европейской исторіи мы

встрѣчаемъ нѣкоторое уваженіе къ личности, нѣкоторое признаніе независимости, нѣкоторыя права, уступаемыя таланту, гению. Не смотря на всю гнусность тогдашнихъ нѣмецкихъ правительствъ, Спинозу не послали на поселеніе, Лесинга не сѣкли или не отдали въ солдаты. Въ этомъ уваженіи не къ одной матеріальной, но и къ нравственной силѣ, въ этомъ невольномъ признаніи личности—одинъ изъ великихъ человѣческихъ принциповъ европейской жизни.

Въ Европѣ никогда не считали преступникомъ, живущаго за границей и измѣнникомъ переселяющагося въ Америку.

У насъ нѣтъ ничего подобнаго. У насъ лицо всегда было подавлено, поглощено, не стремилось даже выступить. Свободное слово у насъ всегда считалось за дерзость, самобытность за крамолу; человѣкъ пропадалъ въ государствѣ, распускался въ общинѣ. Переворотъ Петра I замѣнилъ устарѣлое, помѣщичье управленіе Русью — европейскимъ канцелярскимъ порядкомъ; все что можно было переписать изъ ниведскихъ и нѣмецкихъ законодательствъ, все что можно было перенести изъ муниципально-свободной Голландіи въ страну общинно-самодержавную, все было перенесено; но написанное, нравственно обуздывавшее власть, инстинктуальное признаніе правъ лица, правъ мысли, истины, не могло перейти и не перешло. Рабство у насъ увеличилось съ образованіемъ; государство росло, улучшалось, но лицо не выигрывало; напротивъ, чѣмъ сильнѣе становилось государство, тѣмъ слабѣе лицо. Европейскія формы администраціи и суда, военнаго и гражданскаго устройства, развились у насъ въ какой-то чудовищный, безвыходный деспотизмъ.

Еслибъ Россія не была такъ пространна, еслибъ чу-

железное устройство власти не было такъ смутно устроено и такъ беспорядочно выполнено, то безъ преувеличенія можно сказать, что въ Россіи нельзя бы было жить ни одному человѣку, понимающему сколько-нибудь свое достоинство.

Избалованность власти, не встрѣчавшей никакого противудѣйствія, доходила пѣсколько разъ до необузданности, не имѣющей ничего себѣ подобнаго ни въ какой исторіи. Вы знаете мѣру ея изъ рассказовъ о поэтѣ своего ремесла, императорѣ Павлѣ. Отнимите капризное, фантастическое у Павла, и вы увидите, что онъ вовсе не оригиналенъ, что принципъ, вдохновлявшій его, одинъ и тотъ-же не токмо во всѣхъ царствованіяхъ, но въ каждомъ губернаторѣ, въ каждомъ квартальномъ, въ каждомъ помѣщикѣ. Опьяненіе самовластия овладѣваетъ всѣми степенями знаменитой іерархіи въ четырнадцать ступеней. Во всѣхъ дѣйствіяхъ власти, во всѣхъ отношеніяхъ высшихъ къ низшимъ проглядываетъ нахальное безстыдство, наглое хвастовство своей безответственностью, оскорбительное сознаніе, что лицо все вынесетъ: тройной наборъ, законъ о заграничныхъ видахъ, исправительныя розги въ инженерномъ институтѣ. Такъ какъ Молороссія вынесла крѣпостное состояніе въ XVIII вѣкѣ; такъ какъ вся Русь наконецъ повѣрила, что людей можно продавать и перепродавать, и никогда никто не спросилъ, на какомъ законномъ основаніи все это дѣлается; ни даже тѣ, которыхъ продавали. Власть у насъ увѣреннѣе въ себѣ, свободнѣе, нежели въ Турціи, нежели въ Персіи, ее ничего не останавливаетъ, никакое прошедшее; отъ своего она отказалась, до европейскаго ей дѣла нѣтъ; народность она не уважаетъ, общечеловѣческой образованности не знаетъ, съ настоящимъ — она борется. Прежде покрайней

мѣръ правительство стыдилось сосѣдей, училось у нихъ, теперь оно считаетъ себя призваннымъ служить примѣромъ для всѣхъ притѣснителей; теперь оно поучаетъ.

Мы съ вами видѣли самое страшное развитіе императорства. Мы выросли подъ терроромъ, подъ черными крыльями тайной полиціи, въ ея когтяхъ; мы пзуродовались подъ безнадежнымъ гнетомъ, и уцѣлѣли кой-какъ. Но не мало-ли этого? не пора-ли развязать себѣ руки п слово для дѣйствія, для примѣра, не пора-ли разбудить дремлющее сознание народа? а развѣ можно будить, говоря шопотомъ, дальними намеками, когда крикъ и прямое слово едва слышны? Открытыя, откровенныя дѣйствія необходимы; 14 Декабря такъ сильно потрясло всю моледую Русь, оттого что оно было на Исакиевской площади. Теперь не токмо площадь, но кинга, кафедра—все стало невозможно въ Россіи. Остается личный трудъ въ тиши или личный протестъ издали.

Я остаюсь здѣсь не только потому, что мнѣ противно, переѣзжая черезъ границу, снова надѣть колodки; но для того чтобъ работать. Жить сложа руки можно вездѣ; здѣсь мнѣ нѣтъ другаго дѣла, кромѣ *нашего* дѣла.

Кто больше двадцати лѣтъ проносилъ въ груди своей одну мысль, кто страдалъ за нее и жилъ ею, скитался по тюрьмамъ и ссылкамъ, кто ею приобрѣлъ лучшія минуты жизни, самыя свѣтлыя встрѣчи, тотъ ее не оставитъ, тотъ ее не приведетъ въ зависимость внѣшней необходимости и географическому градусу широты и долготы. Совсѣмъ напротивъ, я здѣсь полезнѣе, я здѣсь безъ-цензурная рѣчь ваша, вашъ свободный органъ, вашъ случайный представитель.

Все это кажется новымъ и страннымъ только намъ, въ сущности тутъ ничего нѣтъ безпримѣрнаго. Во всѣхъ странахъ, при началѣ переворота, когда мысль еще слаба, а матеріальная власть необуздана, люди преданные и дѣятельные отъѣзжали, ихъ свободная рѣчь раздавалась издали, и самое это *издали* придавало словамъ ихъ силу и власть, потому что за словами видѣлись дѣйствія, жертвы. Мощь ихъ рѣчей росла съ разстояніемъ, какъ сила верженія растеть въ кампѣ, пущенномъ съ высокой башни. Эмиграція первый признакъ приближающагося переворота.

Для русскихъ за границей есть еще другое дѣло. Пора дѣйствительно знакомить Европу съ Русью. Европа насъ не знаетъ; она знаетъ наше правительство, нашъ фасадъ и больше ничего; для этого знакомства обстоятельства превосходны, ей теперь какъ-то не идетъ гордиться и величаво завертываться въ мантию пренебрегающаго незнанія; Европѣ не къ лицу *das vornehme Ignorigen* Россіи, съ тѣхъ поръ какъ она испытала мѣщанское самодержавіе и алжирскихъ казаковъ, съ тѣхъ поръ какъ отъ Дуная до Атлантическаго Океана она побывала въ осадномъ положеніи, съ тѣхъ поръ какъ тюрьмы, галеры полны за *убѣжденія*... Пусть она узнаетъ ближе народъ, котораго отроческую силу она оцѣнила въ боѣ, гдѣ онъ остался побѣдителемъ; расскажемъ ей объ этомъ мощномъ и неразгаданномъ народѣ, который въ тихомолку образовалъ государство въ шестьдесятъ милліоновъ, который такъ крѣпко и удивительно разросся, не утративъ общиннаго начала, и первый перенесъ его черезъ начальныя перевороты государственнаго развитія; объ народѣ, который какъ-то чудно умѣлъ сохранить себя подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкихъ бюрократовъ, подъ капраль-

скою палкою казарменной дисциплины и подъ позорнымъ кнутомъ татарскимъ; который сохранилъ величавыя черты, живой умъ и широкой разгулъ богатой природы подъ гнетомъ крѣпостнаго состоянія, и въ отвѣтъ на царской приказъ образоваться — отвѣтили черезъ столѣтъ громаднымъ явленіемъ Пушкина. Пусть узнаютъ Европейцы своего сосѣда, они его только боятся, надобно имъ знать, чего они боятся.

До сихъ поръ мы были непростительно скромны и, сознавая свое тяжкое положеніе безправія, забывали все хорошее, полное надеждъ, и развитія, что представляетъ наша народная жизнь. Мы дождались Нѣмца для того, чтобъ рекомендоваться Европѣ. Не стыдно-ли?

Успѣю-ли я что сдѣлать?... Не знаю,—надѣюсь!

И такъ прощайте, друзья, на долго... давайте ваши руки, вашу помощь, мнѣ нужно и то и другое. А тамъ кто знаетъ, чего мы не видали въ послѣднее время! Быть можетъ и *не такъ далеко*, какъ кажется, тотъ день, въ который мы соберемся, какъ бывало въ Москвѣ, и безбоязненно сдвинемъ наши чаши при крикѣ: „*За Русь и святую волю!*“

Сердце отказывается вѣрить, что этотъ день не придетъ, замираетъ при мысли вѣчной разлуки. Будто я не увижу эти улицы, по которымъ я такъ часто ходилъ полный юношескихъ мечтаній; эти дома такъ сроднившіеся съ воспоминаніями, наши русскія деревни, нашихъ крестьянъ, которыхъ я вспоминалъ съ любовью на самомъ югѣ Италіи?... не можетъ быть! — Ну, а если? — Тогда я завѣщаю мой тостъ моимъ дѣтямъ и умирая на чужбинѣ, сохраню вѣру въ будущность русскаго народа, и благословлю его изъ дали моей добровольной ссылки!

ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ

(РАЗГОВОРЪ НА ПАЛУБѢ).

Ist's denn so grosses Geheimniss was Gott und der
Mensch und die Welt sei?
Nein, doch niemand hoert's gerne, da bleibt es geheim.
GÆTNE.

.....Я согласенъ, что въ вашемъ взглядѣ много смѣлости, силы, правды, много юмору даже; но принять его не могу; можетъ, это дѣло организаціи, нервной системы. У васъ не будетъ послѣдователей, пока вы не научитесь перемѣнять крови въ жилахъ.

— Быть можетъ. Однако мой взглядъ начинаетъ вамъ нравиться, вы отыскиваете физиологическія причины, обращаетесь къ природѣ.

— Только навѣрное не для того, чтобъ успокоиться, отдѣлаться отъ страданій, смотрѣть въ безучастномъ созерцаніи съ высоты олимпическаго величія, какъ Гете на тревоженный міръ и любоваться броженіемъ этого хаоса, бессильно стремящагося установиться.

— Вы становитесь злы, но ко мнѣ это не относится; если я старался уразумѣть жизнь, у меня въ этомъ не было никакой цѣли, мнѣ хотѣлось что-нибудь узнать,

мнѣ хотѣлось заглянуть подальше; все слышанное, читанное не удовлетворяло, не объясняло, а, напротивъ, приводило къ противорѣчіямъ или къ нелѣпостямъ. Я не искалъ для себя ни утѣшенія, ни отчаянія, и это потому, что былъ молодъ; теперь, я всякое мимолетное утѣшеніе, всякую минуту радости цѣню очень дорого, пхъ остается все меньше и меньше. Тогда я искалъ только истины, сильнаго пониманья; много-ли уразумѣлъ, много-ли понялъ, не знаю. Не скажу, чтобъ мой взглядъ былъ особенно утѣшителенъ, но я сталъ покойнѣе, пересталъ сердиться на жизнь за то, что она не даетъ того, чего не можетъ дать — вотъ все выработанное мною.

— Я съ своей стороны не хочу перестать ни сердиться, ни страдать, это такое человѣческое право, что я и не думаю поступиться имъ; мое негодованіе—мой протестъ; я не хочу мириться.

— Да и не съ кѣмъ. Вы говорите, что вы не хотите перестать страдать; это значитъ, что вы не хотите принять истины, такъ какъ она откроется вашей собственной мыслию — можетъ, она и не потребуетъ отъ васъ страданій; мы впередъ отрекаетесь отъ логики, вы предоставляете себя по выбору принимать и отвергать послѣдствія. Помните того англичанина, который всю жизнь не признавалъ Наполеона императоромъ, что тому не помѣшало два раза короноваться. Въ такомъ упорномъ желаніи оставаться въ разрывѣ съ міромъ, не только непослѣдовательность, но бездна суетности; человѣкъ любитъ эффектъ, ролю, особенно трагическую, страдать хорошо, благородно, предполагаетъ несчастіе, Это еще не все — сверхъ суетности тутъ бездна трусости. Не сердитесь за слово, изъ-за боязни узнать истину, многіе предпочитаютъ страданіе—разбору; стра-

даніе отвлекаетъ, занимаетъ, утѣшаетъ..... да, да, утѣшаетъ; а главное какъ всякое занятіе, оно мѣшаетъ человѣку углубляться съ собою на единѣ. Мы постоянно пищемъ такихъ или другихъ картъ, соглашаемся даже проигрывать, лишь бы забыть дѣло. Наша жизнь постоянное бѣгство отъ себя, точно угрызенія совѣсти преслѣдуютъ, пугаютъ насъ. Какъ только человѣкъ становится на свои ноги, онъ начинаетъ кричать, чтобъ не слышать рѣчей, раздающихся внутри: ему грустно — онъ бѣжитъ разсѣяться, ему нечего дѣлать — онъ выдумываетъ занятіе; отъ ненависти къ одиночеству—онъ дружится со всѣми, все читаетъ, интересуется чужими дѣлами, наконецъ женится на скорую руку. Тутъ гавань, семейный міръ и семейная война не дадутъ много мѣста мысли; семейному человѣку какъ-то неприлично много думать; онъ не долженъ быть настолько празденъ. Кому и эта жизнь не удалась, тотъ напивается до пьина всѣмъ на свѣтѣ—виномъ, нумизматикой, картами, скачками, женщинами, скупостью, благодѣяніями; ударяется въ мистицизмъ, идетъ въ Іезуиты, налагаетъ на себя чудовищные труды, и они ему все-таки легче кажутся нежели какая-то угрожающая истина, дремлющая внутри его. Въ этой боязни изслѣдовать, чтобъ не увидать вздоръ изслѣдуемаго, въ этомъ искусственномъ недосугѣ, въ этихъ поддѣльныхъ несчастіяхъ, усложняя каждый шагъ вымышленными путями, мы проходимъ по жизни съ просонья и умираемъ въ чадѣ нелѣпности и пустяковъ не пришедши путемъ въ себя. Престранное дѣло во всемъ, пекасающемъ внутреннихъ жизненныхъ вопросовъ, люди умны, смѣлы, проницательны; они считаютъ себя, напимѣръ, посторонними природѣ и изучаютъ ее добросовѣстно, тутъ другая метода, другой приѣмъ. Не жалко-ли такъ бояться

правды, изслѣдованія? Положимъ, что много мечтаній поблекнутъ, будетъ не легче. а тяжеле — все-же нравственнѣе, достоиннѣе, мужественнѣе не ребячиться. Еслибъ люди смотрѣли другъ на друга, какъ смотрятъ на природу, смѣясь, сошли бы они съ своихъ пьедесталей и курульныхъ кресель, взглянули бы на жизнь проще, перестали бы выходить изъ себя за то, что жизнь не исполняетъ ихъ гордые приказы и личныя фантазін. Вы, напримѣръ, ждали отъ жизни совсѣмъ не то, что она вамъ дала; вмѣсто того, чтобъ оцѣнить то, что она вамъ дала вы негодуете на нее. Это негодованіе пожалуй хорошо, острая закваска, влекущая человѣка впередъ, къ дѣятельности, къ движенію; но вѣдь это одинъ начальный толчекъ, нельзя-же только негодовать, проводить всю жизнь въ оплакиваніи неудачъ, въ борьбѣ и досадѣ. Скажите откровенно: чѣмъ вы искали убѣдиться, что требованія ваши истинны?

— Я ихъ не выдумывалъ, они невольно родились въ моей груди; чѣмъ больше я размышлялъ объ нихъ потомъ, тѣмъ яснѣе раскрывалась мнѣ ихъ справедливость, ихъ разумность—вотъ мои доказательства. Это вовсе не уродство, не помѣшательство; тысячи другихъ, все наше поколѣніе страдаетъ почти также, больше или меньше, смотря по обстановкѣ, по степени развитія—и тѣмъ больше, чѣмъ больше развитія. Повсюдная скорбь самая рѣзкая характеристика нашего времени; тяжелая скука палагла на душу современнаго человѣка, сознаніе нравственнаго безсилія его томитъ, отсутствіе довѣрія къ чему бы то ни было старѣетъ его прежде времени. Я на васъ смотрю какъ на исключеніе, да и сверхъ того ваше равнодушіе мнѣ подозрительно, оно сбивается на охладившееся отчаяніе, на равнодушіе человѣка, который потерялъ не только надежду, но и без-

надежность; это неестественный покой. Природа, истинная во всемъ что дѣлаетъ, какъ вы повторяли нѣсколько разъ, должна быть истинна и въ этомъ явленіи скорби, тягости, всеобщность его даетъ ему нѣкоторое право. Сознайтесь, что именно съ вашей точки зрѣнія довольно трудно возражать на это.

— На что-же непременно возражать; я ничего лучше не прошу какъ соглашаться съ вами. Тягостное состояніе, о которомъ вы говорите, очевидно, и конечно имѣетъ право на историческое оправданіе и еще болѣе на то, чтобъ сыскать выходъ изъ него. Страданіе, боль — это вызовъ на борьбу, это сторожевой крикъ жизни, обращающій вниманіе на опасность. Міръ, въ которомъ мы живемъ, умираетъ, то есть тѣ формы, въ которыхъ проявляется жизнь; никакія лекарства не дѣйствуютъ болѣе на обвѣтшалое тѣло его; чтобъ легко вздохнуть наслѣдникамъ надобно его похоронить, а люди хотятъ непременно его вылечить и задерживаютъ смерть. Вамъ вѣрно случалось видѣть удручающую грусть, томительную, тревожную неизвѣстность, которая распространяется въ домъ гдѣ есть умирающій, отчаяніе усиливается надеждой, нервы у всѣхъ натянуты, здоровые больны, дѣла не идутъ. Смерть больного облегчаетъ душу оставшихся; льются слезы, но нѣтъ болѣе убійственнаго ожиданія, несчастіе передъ глазами, во весь ростъ, безвозвратное, отрѣзавшее всѣ надежды, и жизнь начинается врачевать, примирять, брать новый оборотъ. Мы живемъ во время большой и трудной агоніи, это достаточно объясняетъ нашу тоску. Къ кому-же предшествовавшіе вѣка особенно воспитали въ насъ грусть, болѣзненное томленіе. Три столѣтія тому назадъ все простое, здоровое, жизненное было еще подавлено; мысль едва осмѣливалась поднимать свой голосъ, ея положе-

ніе было похоже на положеніе жидовъ въ среднихъ вѣкахъ, лукавое по необходимости, рабское, озирающееся. Подъ этими вліяніями сложился нашъ умъ, онъ выросъ, возмужалъ внутри этой нездоровой сферы; отъ католическаго мистицизма онъ естественно перешелъ въ идеализмъ и сохранилъ боязнь своего естественнаго угрызения обманутой совѣсти, притязанія на невозможныя блага; онъ остался при разладѣ съ жизнію, при романтической тоскѣ, онъ воспиталъ себя въ страданія и разорванность. Давно-ли мы, застращенные съ дѣтства, перестали отказываться отъ самыхъ невинныхъ побужденій? давно-ли мы перестали содрогаться, находя внутри своей души страстные порывы, не взошедшіе въ каталогъ романтическаго тарифа? Вы давеча сказали, что мучація васъ требованія развились естественно; оно и такъ, и нѣтъ—все естественно, золотуха происходитъ отъ дурнаго питанья, отъ дурнаго климата, но мы ее все-же считаемъ чѣмъ-то чужимъ организму. Воспитаніе поступаетъ съ нами какъ отецъ Анибала съ своимъ сыномъ. Оно беретъ обѣтъ прежде сознанія, опутываетъ насъ нравственной кабалой, которую мы считаемъ обязательною по ложной деликатности, по трудности отдѣлаться отъ того, что привито такъ рано, наконецъ отъ лѣни разобрать въ чемъ дѣло. Воспитаніе насъ обманываетъ прежде нежели мы въ состояніи понимать, увѣряетъ въ невозможномъ дѣтей, отрѣзываетъ имъ свободное и прямое отношеніе къ предмету. Подрастая, мы видимъ, что ничто неладится, ни мысль, ни бытъ; что то, на что насъ учили опираться—гнило, хрупко; а отъ чего предостерегали какъ отъ—яду цѣлбно; забитые и одураченные, пріученные къ авторитету и указкѣ, мы выходимъ съ лѣтами на волю, каждый своими силами добирается до истины, борясь, ошибаясь. Томимые желаніемъ знать,

мы подслушиваемъ у дверей, стараемся разглядѣть въ щель, кривя душой, притворяясь, мы считаемъ правду за порокъ и презрѣніе ко лжи за дерзость. Мудрено-ли послѣ этого что мы не умѣемъ уладить ни внутренняго, ни внѣшняго быта, лишнее требуемъ, лишнее жертвуемъ, пренебрегаемъ возможнымъ и негодуемъ за то, что невозможное нами пренебрегаетъ; возмущаемся противъ естественныхъ условій жизни и покоряемся произвольному вздору. Вся наша цивилизація такова, она выросла въ нравственномъ междуособіи; вырвавшись изъ школь и монастырей, она не вышла въ жизнь, а прошла по ней, какъ Фаустъ, чтобъ посмотреть, порефлексировать и потомъ удалиться отъ грубой толпы въ гостинныя, въ академію, въ книги. Она совершила весь свой путь съ двумя знаменами въ рукахъ; „романтизмъ для сердца“ было написано на одномъ, „идеализмъ для ума“ на другомъ. Вотъ откуда идетъ большая доля неустройства въ нашей жизни. Мы не любимъ простаго, мы не уважаемъ природу по преданію, хотимъ распоряжаться ею, хотимъ лечить заговариваніемъ и удивляемся, что больному не лучше; физика насъ оскорбляетъ своей независимой самобытностью, намъ хочется алхиміи, магіи; а жизнь и природа равнодушно идутъ своимъ путемъ, покоряясь человѣку по мѣрѣ того, какъ онъ выучивается дѣйствовать ихъ-же средствами.

— Вы, кажется меня, считаете нѣмецкимъ поэтомъ, и то еще прошлой эпохи, которые сердпились за то, что у нихъ есть тѣло, за то, что они ѣдятъ и пьютъ неземныхъ дѣвъ, „пную природу, другаго солнца.“ Мнѣ не хочется ни магіи, ни мистеріи, а просто выйти изъ того состоянія души, которое вы сейчасъ представили въ десять разъ рѣзче меня; выйти изъ нравственнаго бесплія, изъ жалкой непрілагаемости убѣжденій, изъ

хаоса, въ которомъ наконецъ мы перестали понимать кто врагъ и кто другъ; мнѣ противно видѣть, куда ни обернусь, или пытаемыхъ или пытающихъ. Какое колдовство нужно на то, чтобъ растолковать людямъ, что они сами виноваты въ томъ, что имъ такъ скверно жить, объяснить имъ, напримѣръ, что не надобно грабить нищаго, что противно объѣдаться возлѣ умирающаго съ голоду, что убійство равно отвратительно ночью на большой дорогѣ тайкомъ и днемъ открыто на площади при барабанномъ боѣ; что одно говорить, а другое дѣлать—подло.... словомъ, всѣ тѣ новыя истины, которыя говорятъ, повторяютъ, печатаютъ со временъ семи греческихъ мудрецовъ, да и тогда, я думаю, онѣ уже были очень стары. Моралисты, попы гремятъ, съ каедръ, толкуютъ о нравственности, о грѣхахъ, читаютъ Евангеліе, читаютъ Руссо—никого не возражаетъ, и никто не исполняетъ.

— По совѣсти, жалѣть объ этомъ нечего. Всѣ эти ученія и проповѣди ио большей части невѣрны, неудобноисполнимы и сбивчивѣе простаго обычнаго быта. Бѣда въ томъ, что мысль забѣгаетъ всегда далеко впередъ, народы не поспѣваютъ за своими учителями; возьмите наше время, нѣсколько человѣкъ коснулись переворота, который совершить не въ силахъ ни они сами, ни народы. Передовые думали, что стоитъ сказать, „брось одръ твой и иди за нами“—все и двинется; они ошиблись, народъ ихъ также мало зналъ, какъ они его, имъ не повѣрили. Не замѣчая, что за ними никого нѣтъ, эти люди предводительствовали, шли впередъ; спохватившись, они стали кричать отставшимъ, махать, звать ихъ. осыпать упреками — но поздно, слишкомъ далеко, голоса не достаетъ, да и языкъ ихъ не тотъ, которымъ говорятъ массы. Намъ больно сознаться, что мы жи-

вемъ въ мірѣ, выжившемъ изъ ума, дряхломъ, истощенномъ, у котораго явнымъ образомъ не достаетъ силы и поведенія, чтобъ подняться на высоту собственной мысли; намъ жаль старій міръ, мы къ нему привыкли какъ къ родительскому дому, мы поддерживаемъ его, стараемъ его разрушить и прилаживаемъ къ своимъ убѣжденіямъ его неспособныя формы, не видя что первая іота ихъ — его смертный приговоръ. Мы носимъ платья, шитыя не по нашей мѣркѣ, а по мѣркѣ нашихъ пращуровъ, мозгъ нашъ образовался подъ вліяніемъ предшествующихъ обстоятельствъ, онъ многого не осилываетъ, многое видитъ подъ ложнымъ угломъ. Люди съ такимъ трудомъ добились до современнаго быта, онъ имъ кажется такою счастливою пристаею послѣ безумія феодализма и тупаго гнета, слѣдовавшаго за нимъ, что они боятся измѣнять его, они отяжелѣли въ его формахъ, обжались въ нихъ, привычка замѣнила привязанность, горизонтъ сжался... размахъ мысли сдѣлался малъ, воля ослабла.

— Прекрасная картина; добавьте, что возлѣ этихъ удовлетворенныхъ, которымъ современный порядокъ по плечу, съ одной стороны бѣдный, неразвитый народъ, одичалый, отсталый, голодный, въ безвыходной борьбѣ съ нуждой, въ изнуряющей работѣ, которая не можетъ его пропитать; а съ другой, мы, неосторожно забѣжавшіе впередъ, землемѣры, вбивающіе вѣхи новаго міра — и которые никогда не увидимъ даже выведеннаго фундамента. Отъ всѣхъ упований, отъ всей жизни, которая прошла, между рукъ, (да еще какъ прошла) если что-нибудь осталось, то это вѣра въ будущее; когда-нибудь, долго послѣ нашей смерти, домъ, для котораго мы расчистили мѣсто, выстроится и въ немъ будетъ удобно и хорошо — другимъ.

— Впрочемъ нѣтъ причины думать, что новый міръ будетъ строиться по нашему плану.....

....Молодой человѣкъ сдѣлалъ недовольное движеніе головой и посмотрѣлъ съ минуту на море — совершеннѣйшій штиль продолжался; тяжелая туча едва двигалась надъ головами, такъ низко, что дымъ парохода, стелясь, мѣшался съ ней—море было черно, воздухъ не освѣжалъ.

— Вы со мною поступаете, сказалъ онъ, помолчавъ, такъ какъ разбойники съ путешественниками; ограбивши у меня все, вамъ кажется еще мало, вы добираетесь до послѣдняго рубища, которое меня предохраняетъ отъ стужи, до моихъ волосъ; вы заставили меня сомнѣваться во многомъ, у меня оставалось будущее— вы отнимаете его, вы грабите мои надежды, вы убиваете сны, какъ Макбетъ.

— А я думалъ, что я больше похожъ на хирурга, который вырѣзываетъ дикое мясо.

— Пожалуй, это еще лучше, хирургъ отрѣзываетъ большую часть тѣла, не замѣняя ее здоровою.

— И по дорогѣ спасаетъ человѣка, освобождая его отъ тяжелыхъ узъ застарѣлой болѣзни.

— Знаемъ мы ваше освобожденіе. Вы отворяете двери темницы и хотите вытолкнуть колодника въ степь, увѣряя его, что онъ свободенъ; вы ломаете Бастилью, но не воздвигаете ничего взамѣну острога, остается одно пустое мѣсто.

— Это было бы чудесно, еслибъ было такъ, какъ вы говорите, худо то, что развалины, мусоръ мѣшаютъ на каждомъ шагу.

— Чему мѣшаютъ? Гдѣ въ самомъ дѣлѣ наше призваніе, гдѣ наше знамя? во что мы вѣримъ, во что не вѣримъ?

— Вѣримъ во все, не вѣримъ въ себя; вы ищите найти знамя, а я ищу потерять его; вы хотите указку, а мнѣ кажется, что въ извѣстный возрастъ стыдно читать съ указкой. Вы сейчасъ сказали, что мы вбѣваемъ вѣхи новому міру.....

— И ихъ вырываетъ изъ земли духъ отрицанія и разбора. Вы несравненно мрачнѣе меня смотрите на міръ и утѣшаете только для того, чтобъ еще ужаснѣе выразить современную тягость. Если и будущее не наше, тогда вся наша цивилизація ложь, мечта пятнадцатилѣтней дѣвочки, надъ которой она сама смѣется въ двадцать пять лѣтъ, наши труды вздоръ, наши усплія смѣшны, наши упованія похожи на ожиданія дунайскаго мужика. Впрочемъ можетъ быть вы то и хотите сказать, чтобъ мы бросили нашу цивилизацію, отказались отъ нея, воротились бы къ отставшимъ.

— Нѣтъ, отказаться отъ развитія невозможно. Какъ сдѣлать, чтобъ я не зналъ того, что знаю. Наша цивилизація лучшей цвѣтъ современной жизни, кто-же поступится своимъ развитіемъ? Но какое-же это имѣетъ отношеніе къ осуществленію нашихъ идеаловъ, гдѣ лежитъ необходимость, чтобы будущее разыгрывало нами придуманную программу?

— Стало быть наша мысль привела насъ къ несбыточнымъ надеждамъ, къ нелѣпымъ ожиданіямъ; съ нимъ какъ съ послѣднимъ плодомъ нашихъ трудовъ мы захвачены волнами на кораблѣ, который тонетъ. Вудущее не наше, въ настоящемъ намъ нѣтъ дѣла; спастись некуда, мы съ этимъ кораблемъ связаны на животъ и на смерть, остается, сложа руки, ждать, пока вода зальетъ—а кому скучно, кто поотважнѣе, тотъ можетъ броситься въ воду.

.... Le monde fait naufrage,
Vieux bâtiment, usé par tous les flots,
Il s'engloutit — sauvons-nous à la page! *)

— Я ничего лучше не прошу, но только есть разница между спастись въ плавь и топиться. Судьба молодыхъ людей, которыхъ вы напомнили этой нѣснью, страшна; сугубые страдальцы, мученики безъ вѣры, смерть ихъ пусть падеть на страшную среду, въ которой они жили, пусть обличаетъ ее, позоритъ; но кто же вамъ сказалъ, что нѣтъ другаго выхода, другаго спасенія изъ этого міра старчества и агоніи — какъ смерть? Вы оскорбляете жизнь. Оставьте міръ, къ которому вы не принадлежите, если вы дѣйствительно чувствуете, что онъ вамъ чуждъ. Его не спасемъ — спасите себя отъ угрожающихъ развалинъ; спасая себя, вы спасете будущее. Что вы имѣете общаго съ этимъ міромъ—его цивилизацію? но вѣдь она теперь принадлежитъ вамъ, а не ему, онъ произвелъ ее, или, лучше сказать, изъ него произвелъ ее, онъ не грѣшенъ даже въ пониманіи ея; его образъ жизни — онъ вамъ ненавистенъ, да и, по правдѣ, трудно любить такую нелѣпость. Ваши страданія — онъ и не подозрѣваетъ: ваши радости ему не знакомы; вы молоды — онъ старъ; посмотрите, какъ онъ осунулся въ своей изношенной, арпстократической ливреѣ, особенно послѣ тридцатаго года, лицо его подернулось матовой землистостью. Это *facies hyrcatica*, по которой доктора узнаютъ, что смерть уже занесла косу. Везильно успливается оно иногда еще разъ схватить жизнь, еще разъ овладѣть ею, отдѣлаться отъ болѣзни, насладиться — не можетъ, и впадаетъ въ тяжкій, горячечный полусонъ. Тутъ тол-

*) *Беранже* — На смерть Деку и Лебрю.

кують о фаланстерахъ, демократіяхъ, социализмѣ, онъ слушаетъ и ничего не понимаетъ — иногда улыбается такимъ рѣчамъ, покачивая головою и вспоминая мечты, которымъ и онъ вѣрилъ когда-то, потомъ взошелъ въ разумъ и давно не вѣритъ..... Оттого-то онъ старчески равнодушно смотритъ на коммунистовъ и іезуитовъ, на пасторовъ и якобинцевъ, на братьевъ Ротшпильдъ и на умирающихъ съ голоду; онъ смотритъ на все несущееся передъ глазами — сжавши въ кулакъ нѣсколько франковъ, за которые готовъ умереть или сдѣлаться убійцей. Оставьте старика доживать, какъ знаетъ, свой вѣкъ въ богадѣльнѣ, вы для него ничего не сдѣлаете.

— Это не такъ легко, не говоря о томъ, что оно противно — куда бѣжать? Гдѣ эта новая Пенсильванія, готовая....?

— Для старыхъ построекъ изъ новаго кирпича? Вильямъ Пеннъ везъ съ собою старый міръ на новую почву; Сѣверная Америка — исправленное изданіе прежняго текста, не болѣе. А Христіане — въ Римѣ перестали быть Римлянами — этотъ внутренній отъѣздъ полезнѣе.

— Мысль сосредоточиться въ себѣ, оторвать пуповину, связующую насъ съ родиной, съ современностью, проповѣдуется давно, но плохо осуществляется; она является у людей послѣ всякой неудачи, послѣ каждой утраченной вѣры, на ней опирались мистики и масоны, философы и иллюминаты; всѣ они указывали на внутренній отъѣздъ — никто не уѣхалъ. Руссо? — и тотъ отворачивался отъ міра, страстно любя его, онъ отрывался отъ него — потому что не могъ быть безъ него. Ученики его продолжали его жизнь въ Конвентѣ, боролись, страдали, казнили другихъ, снесли свою голову на плаху, но не ушли ни вонъ изъ Франціи, ни вонъ изъ кипѣвшей дѣятельности.

— Ихъ время нѣсколько не было похоже на наше. У нихъ впереди было бездна упованій. Руссо и его ученики воображали, что если ихъ идеи братства не осуществляются, то это отъ матеріальныхъ препятствій — тамъ сковано слово, тутъ дѣйствіе невольное—и они, совершенно послѣдовательно, шли грудью противъ всего, мѣшавшаго ихъ идеѣ; задача была страшная, гигантская, но они побѣдили. Побѣдивши, они думали: вотъ теперь-то.... но теперь-то ихъ повели на гильотину, и это было самое лучшее, что могло съ ними случиться: они умерли съ полной вѣрой, ихъ унесла бурная волна, среди битвы, труда, опьянѣнья, они были увѣрены, что когда возвратится тишина, ихъ идеаль осуществится безъ нихъ, но осуществится. Наконецъ этотъ штиль пришелъ. Какое счастье, что всѣ эти энтузіасты давно были схоронены! имъ бы пришлось увидѣть, что дѣло ихъ не подвинулось ни на вершокъ, что ихъ идеалы остались идеалами, что недостаточно разобрать по камешку Бастилю, чтобъ сдѣлать колодниковъ свободными людьми. Вы сравниваете насъ съ ними, забывая, что мы знаемъ событія пятидесяти лѣтъ прошедшихъ послѣ ихъ смерти, что мы были свидѣтелями, какъ всѣ упованія теоретическихъ умовъ были осмѣяны, какъ демоническое начало исторіи нахоталось надъ ихъ наукой, мыслию, теоріей, какъ оно изъ республики сдѣлало Наполеона, изъ революціи 1830 г. биржевой оборотъ. Свидѣтели всего бывшаго, мы не можемъ имѣть надежды нашихъ предшественниковъ. Глубже изучивши революціонные вопросы, мы требуемъ теперь и больше и шире того, что они требовали, а ихъ-то требованія остались тою-же неприлагаемостью какъ были. Съ одной стороны вы видите логическую послѣдовательность мысли, ея успѣхъ; съ другой пол-

ное безсиліе ея надъ міромъ глухимъ, нѣмымъ, безсильнымъ схватить мысль спасенія, такъ какъ она высказывается ему—потому-ли что она дурно высказывается или потому, что имѣетъ только теоретическое, книжное значеніе, какъ напримѣръ римская философія, не выходившая никогда изъ небольшого круга образованныхъ людей.

— Но кто-же по вашему правъ? мысль-ли теоретическая, которая точно также развилась и сложилась исторически, но сознательно, или фактъ современнаго міра, отвергающій мысль и представляющій, также какъ она, необходимый результатъ прошедшаго.

— Оба совершенно правы. Вся эта запуганность выходитъ изъ того, что жизнь имѣетъ свою эмбриогенію, не совпадающую съ діалектикой чистаго разума. Я помануль древній міръ, вотъ вамъ примѣръ, вмѣсто того чтобъ осуществлять республику Платона и политику Аристотеля, онъ осуществляетъ римскую республику и политику ихъ завоевателей; вмѣсто утопій Цицерона и Сенеки, — Лонгобардскія графства и германское право.

— Не пророчите-ли вы и нашей цивилизаціи такую-же гибель, какъ римской? — утѣшительная мысль и прекрасная перспектива.....

— Не прекрасная и не дурная. Отчего васъ удивляетъ мысль, которая до пошлости извѣстна, что все на свѣтѣ преходяще? Впрочемъ цивилизаціи не гибнутъ, пока родъ человѣческой продолжаетъ жить безъ совершеннаго перерыва—у людей память хороша; развѣ римская цивилизація не жива для насъ? а она точно также какъ наша вытянулась далеко за предѣлы окружавшей жизни; именно отъ этого она съ одной стороны и развѣла такъ пышно, такъ великолѣпно, а съ другой, не могла фактически осуществиться. Она при-

несла свое міру современному, она приноситъ многое намъ, но ближайшее будущее Рима прозябало на другихъ пажитяхъ — въ катакомбахъ, гдѣ прятались гонимые Христіане, въ лѣсахъ, гдѣ кочевали дикіе Германь.

— Какъ-же это въ природѣ все такъ цѣлеобразно, а цивилизація высшее успіе, вѣнецъ эпохи, выходитъ безцѣльно изъ нея, выпадаетъ изъ дѣйствительности, и увядаетъ наконецъ, оставляя по себѣ не полное воспоминаніе? Между тѣмъ человѣчество отступаетъ назадъ, бросается въ сторону и начинаетъ съизнова тянуться, чтобъ окончить такимъ же махровымъ цвѣтомъ — пышнымъ, но лишеннымъ сѣмянъ.... Въ вашей философіи исторіи есть что-то возмущающее душу — для чего эти усилія? — жизнь народовъ становится праздною игрой, лѣнитъ, лѣнитъ по песчинѣ, по камешку, а тутъ опять все рухнетъ на земь и люди ползутъ изъ подъ развалинъ, начинаютъ снова расчищать мѣсто, да строить хижины изъ мха, досокъ и упавшихъ капителей, достигая вѣками, долгимъ трудомъ — паденія. Шекспиръ не даромъ сказалъ, что исторія скучная сказка, рассказанная дуракомъ.

— Это ужъ такой печальный взглядъ у васъ. Вы похожи на тѣхъ монаховъ, которые при встрѣчѣ ничего лучшаго не находятъ сказать другъ другу, какъ мрачное *memento mori* или на тѣхъ чувствительныхъ людей, которые не могутъ вспомнить безъ слезъ, „что люди рождаются для того, чтобъ умереть.“ Смотрѣть наконецъ, а не на самое дѣло — величайшая ошибка. На что растенію этотъ яркій, пышный вѣнчикъ, на что этотъ упоительный запахъ, который пройдетъ совсѣмъ не нужно? Но природа вовсе не такъ скупа, и не такъ пренебрегаетъ мимолетнымъ, настоящимъ, она на каждой

точкѣ достигаетъ всего, чего можетъ достигнуть, идетъ до нельзя, до запаха, до наслажденія, до мысли..... до того, что разомъ касается до предѣловъ развитія и до смерти, которая осаживаетъ, умѣряетъ слишкомъ поэтическую фантазію и необузданное творчество ея. Кто же станетъ негодовать на природу за то, что цвѣты утромъ распускаются, а вечеромъ вянутъ, что она розѣ и лилеѣ не умѣетъ придавать прочности кремня? И этотъ-то бѣдный, прозаическій взглядъ мы хотимъ перенести въ историческій міръ! Кто ограничилъ цивилизацію однимъ прилагаемымъ? — гдѣ у нея заборъ? она безконечна какъ мысль, какъ искусство, она чертитъ идеалы жизни, она мечтаетъ апотеозу своего собственного быта, но на жизни не лежитъ обязанность исполнять ея фантазій и мысли, тѣмъ болѣе, что это было бы только улучшенное изданіе того-же, а жизнь любитъ новое. Цивилизація Рима была гораздо выше и человѣчественнѣе, нежели варварской порядокъ; но въ его нестройности были зародыши развитія тѣхъ сторонъ, которыхъ вовсе не было въ римской цивилизаціи и варварство восторжествовало, не смотря ни на *Corpus juris civilis*, ни на мудрое воззрѣніе римскимъ философамъ. Природа рада достигнутому и домогается высшаго; она не хочетъ обижать существующее; пусть оно живетъ, пока есть силы, пока новое подрастаетъ. Вотъ отъ чего такъ трудно прозведенія природы вытянуть въ прямую линію, природа ненавидитъ фронтъ, она бросается во всѣ стороны и никогда не идетъ правильнымъ маршемъ впередъ. Дикіе Германцы были въ своей непосредственности, *potentialiter*, выше образованныхъ Римлянъ.

— Я начинаю подозревать, что вы поджидаете наступленіе варваровъ и переселеніе народовъ.

— Я гадать не люблю. Будущаго нѣтъ, его образуетъ

совокупность тысячи условий необходимых и случайных, да воля человеческая, придающая неожиданныя драматическія развязки и *cours de théâtre*. Исторія импровизируется, рѣдко повторяется, она пользуется всякой нечаянностью, случится разомъ въ тысячу воротъ... которыя отпрутятся... кто знаетъ.

— Можетъ балтійскіе — и тогда Россія хлынетъ на Европу?

— Можетъ быть.

— И вотъ мы, долго мудрствуя, пришли опять къ бѣлпчъему колесу, опять къ *corsi* и *gicorsi* старика Вико. Опять возвратились къ Реѣ, непрерывно рождающей въ страшныхъ страданіяхъ дѣтей, которыми закусываетъ Сатурнъ. Рея только стала добросовѣстна и не подмѣниваетъ новорожденныхъ камнями, да и не стоитъ труда, въ числѣ ихъ нѣтъ ни Юпитера, ни Марса..... Какая цѣль всего этого? вы обходите этотъ вопросъ, не рѣшая его; стоитъ ли дѣтямъ родиться для того, чтобъ отецъ ихъ съѣлъ, да вообще стоитъ-ли игра свѣчъ?

— Какъ не стоитъ! тѣмъ болѣе что не вы за нихъ платите. Васъ смущаетъ, что не всѣ игры догрываются, но безъ этого онѣ были бы нестерпимо скучны. Гёте давнымъ давно толковалъ, что красота проходить, потому-что только преходящее и можетъ быть красиво — это обижаетъ людей. У человѣка есть инстинктивная любовь къ сохраненію всего, что ему нравится; родился—такъ хочетъ жить во всю вѣчность; влюбился —такъ хочетъ любить и быть любимымъ во всю жизнь, какъ въ первую минуту признанія. Онъ сердится на жизнь, видя, что въ пятьдесятъ лѣтъ нѣтъ той свѣжести чувствъ, той звонкости ихъ, какъ въ двадцать. Но такая неподвижная стоячесть противна духу жизни, —

она ничего личного, индивидуального не готовитъ впрокъ, она всякой разъ вся изливается въ настоящую минуту и надѣляя людей способностью наслажденія, насколько можно, (не боится ни жизни, ни наслажденія, не отвѣчаетъ за ихъ продолженіе. Въ этомъ непрерывномъ движеніи всего живаго, въ этихъ повсюдныхъ переменахъ природа обновляется, живетъ, ими она вѣчно молода. Оттого каждый историческій мигъ полонъ, замкнутъ по своему, какъ всякій годъ съ весной и лѣтомъ, съ зимой и осенью, съ бурями и хорошей погодой. Оттого каждый періодъ новъ, свѣжъ, исполненъ своихъ надеждъ, самъ въ себѣ носитъ свое благо и свою скорбь, настоящее принадлежитъ ему, но людямъ этого мало, имъ хочется, чтобъ и будущее было ихъ.

— Человѣку больно, что онъ и въ будущемъ не видитъ пристани, къ которой стремится. Онъ съ тоскливымъ безпокойствомъ смотритъ передъ собою на безконечный путь и видитъ, что также далеко отъ цѣли. послѣ всѣхъ усилій, какъ за тысячу лѣтъ, какъ за двѣ тысячи лѣтъ.

— А какая цѣль пѣсни, которую поетъ пѣвица?..... звуки вырывающіеся изъ ея груди, звуки умиряющіе въ ту минуту, какъ раздались. Если вы кромѣ наслажденія имъ будете искать что-нибудь, выждать иной цѣли, вы дождетесь, когда кантатриса перестанетъ пѣть и у васъ останется воспоминаніе и раскаяніе, что, вмѣсто того чтобъ слушать, вы ждали чего-то... Васъ сбиваютъ категоріи, которыя дурно уловляютъ жизнь. Вы подумайте порядкомъ, что эта цѣль—программа что-ли или приказъ? Кто его составилъ, кому онъ объявленъ, обязательенъ онъ или нѣтъ? Если да, — то что мы куклы или люди въ самомъ дѣлѣ, нравственно свободныя су-

щества или колеса въ машинѣ. Для меня легче жизнь а слѣдственно и исторію считать за достигнутую цѣль, нежели за средство достиженія.

— То есть, просто, цѣль природы и исторіи—мы съ вами?...

— Отчасти, да *плюсъ* настоящее всего существующаго; тутъ все входитъ: и наслѣдіе всѣхъ прошлыхъ усилій и зародыши всего что будетъ; вдохновеніе артиста и энергія гражданна и наслажденіе юноши, который въ эту самую минуту пробирается гдѣ-нибудь къ завѣтной бесѣдѣ, гдѣ его ждетъ подруга, робкая и отдающаяся вся настоящему, не думая ни о будущемъ, ни о цѣли... и веселье рыбы, которая плещется, вотъ на мѣсячномъ свѣтѣ..... и гармонія всей солнечной системы..... словомъ, какъ послѣ феодальныхъ титуловъ, я смѣло могу поставить три „и прочая... и прочая.....“

— Вы совершенно правы относительно природы, но, мнѣ кажется, вы забыли, что черезъ всѣ измѣненія и спутанности исторіи прошла красная нитка, связующая ее въ одно цѣлое, эта нитка прогрессъ — или можетъ быть вы не принимаете и прогрессъ.

— Прогрессъ—неотъемлемое свойство сознательнаго развитія, которое не прерывалось; это дѣятельная память и физиологическое усовершеніе людей общественной жизнию.

— Неужели вы тутъ не видите цѣли?

— Совсѣмъ напротивъ, я тутъ вижу послѣдствіе. Если прогрессъ цѣль, то для кого мы работаемъ? кто этотъ Молохъ, который по мѣрѣ, приближенія къ нему труженниковъ, вмѣсто награды нятится и въ утѣшеніе изнуреннымъ и обреченнымъ на гибель толпамъ, которья ему кричатъ: *morituri te salutant*, только и умѣетъ

отвѣтитъ горькой насмѣшкой, что послѣ ихъ смерти будетъ прекрасно на землѣ. Неужели и вы обрекаете современныхъ людей на жалкую участь каріатидъ, поддерживающихъ террасу, на которой когда нибудь другіе будутъ танцовать... или, на то, чтобъ быть несчастными работникамъ, которые, по колѣно въ грязи, тащутъ барку съ таинственнымъ руномъ и съ смиренной надписью, „*прогрессъ* въ будущемъ“ нафлагѣ. Утомленные падаютъ на дорогѣ, другіе съ свѣжими силами принимаются за веревки, а дороги, какъ вы сами сказали, остается столько-же какъ при началѣ, потому что прогрессъ безконеченъ. Это одно должно было насторожить людей; цѣль безконечно далекая не цѣль, а если хотите, уловка; цѣль должна быть ближе, по крайней мѣрѣ заработанная плата или наслажденіе въ трудѣ. Каждая эпоха, каждое поколѣніе, каждая жизнь имѣли, имѣютъ свою полноту, по дорогѣ развиваются новыя требованія, испытанія, новыя средства, одни способности усовершенствуются на счетъ другихъ, наконецъ самое вещество мозга улучшается.... что вы улыбаетесь?... да, да, cerebrinъ улучшается... Какъ все естественное становится вамъ ребромъ, удивляетъ васъ, идеалистовъ, точно какъ нѣкогда рыцари удивлялись, что виланы хотятъ тоже человѣческихъ правъ. Когда Гёте былъ въ Италіи, онъ сравнивалъ черепъ древняго быка съ черепомъ нашихъ быковъ и нашелъ, что у нашего кость тоньше, а вмѣстѣлице большихъ полушарій мозга пространнѣе; древній быкъ былъ очевидно сильнѣе нашего, а нашъ развился въ отношеніи къ мозгу въ своемъ мирномъ подчиненіи человѣку. За что же вы считаете человѣка менѣе способнымъ къ развитію нежели быка? Этотъ родовой ростъ не цѣль, какъ вы полагаете, а свойство преемственно продолжающа-

гося существованія поколѣній. Цѣль для каждаго поколѣнія—оно само. Природа не только никогда не дѣлаетъ поколѣній средствами для достиженія будущаго, но она вовсе объ будущемъ не заботится; она готова, какъ Клеопатра, распустить въ винѣ жемчужину, лишь бы потѣшиться въ настоящемъ, у нея сердце баядеры и вакханки.

— И бѣдная не можетъ осуществить своего призванія!.... Вакханка на діэтѣ, Баядера въ траурѣ!... Въ наше время она право скорѣе похожа на кающуюся Магдалину. Или можетъ мозгъ выдѣлался въ сторону.

— Вы вмѣсто насмѣшки сказали вещь, которая гораздо дѣльнѣе, нежели вы думаете. Одностороннее развитіе всегда влечетъ за собою *avortement* другихъ забытыхъ сторонъ. Дѣти, слишкомъ развитые въ психическомъ отношеніи, дурно растутъ, слабы тѣломъ; вѣками не-естественнаго быта мы воспитали себя въ идеализмъ, въ искусственную жизнь и разрушили равновѣсіе. Мы были велики и сплны, даже счастливы въ нашей отчужденности, въ нашемъ теоретическомъ блаженствѣ, а теперь перешли эту степень и она стала для насъ невыносима; между тѣмъ разрывъ съ практическими сферами сдѣлался страшный; виноватыхъ въ этомъ нѣтъ ни съ той, ни съ другой стороны. Природа натянула всѣ мышцы, чтобъ перешагнуть въ челоуѣкъ ограниченность звѣря; а онъ такъ перешагнулъ, что одной ногой совсѣмъ вышелъ изъ естественнаго быта — сдѣлалъ онъ это потому, что онъ свободенъ. Мы столько толкуемъ о волѣ, такъ гордимся ею и въ тоже время досадуемъ за то, что насъ никто не ведетъ за руку, что оступаемся и несемъ послѣдствія своихъ дѣлъ. Я готовъ повторить ваши слова, что мозгъ вы-

дѣлался въ сторону отъ идеализма, люди начинаютъ замѣчать это и идутъ теперь въ другую сторону; они вылечатся отъ идеализма такъ, какъ вылечились отъ другихъ историческихъ болѣзней, отъ рыцарства, отъ католицизма, отъ протестантизма...

— Согласитесь впрочемъ, что путь развитія болѣзнями и отклоненіями — престранный.

— Да вѣдь путь и не назначенъ..... природа слегка, самыми общими нормами, наметнула свои виды и предоставила всѣ подробности на волю людей, обстоятельствъ, климата, тысячъ столкновений. Борьба, взаимное дѣйствіе естественныхъ силъ и силъ воли, которой слѣдствія нельзя знать впередъ, придаетъ поглащающій интересъ каждой исторической эпохѣ. Еслибъ человечество шло прямо къ какому-нибудь результату, тогда исторіи не было бы, а была бы логика, человечество остановилось бы готовымъ въ непосредственномъ *statu quo*, какъ животныя. Все это по-счастію невозможно, не нужно и хуже существующаго. Животный организмъ мало-по-малу развиваетъ въ себѣ инстинктъ, въ человѣкѣ развитіе идетъ далѣе..... вырабатывается разумъ и вырабатывается трудно, медленно — *его нѣтъ* ни въ природѣ, ни внѣ природы, его надобно достигать, съ нимъ улаживать жизнь какъ придется, потому что *libretto* нѣтъ. А будь *libretto*, исторія потеряетъ весь интересъ, сдѣлается ненужна, скучна, смѣшна; горестъ Тацита и восторгъ Колумба превратятся въ шалость, въ гаерство; великіе люди сойдутъ на одну доску съ театральными героями, которые, худо-ли, хорошо-ли играютъ, непременно идутъ и дойдутъ къ извѣстной развязкѣ. Въ исторіи все импровизація, все воля, все *ex tempore*, впередъ ни предѣловъ, ни марш-рутовъ нѣтъ, есть условія, святое безпокойство, огонь

жизни, и вѣчный вызовъ бойцамъ пробовать силы, идти вдалеку куда хотять, куда только есть дорога—а гдѣ ея нѣтъ, тамъ ее сперва проложить гений.

— А если на бѣду не найдется Колумба?

— Кортесъ сдѣлаетъ за него. Геніальныя натуры почти всегда находятся, когда ихъ нужно, впрочемъ въ нихъ нѣтъ необходимости, народы дойдутъ послѣ, дойдутъ иной дорогой, болѣе трудной; гений роскошь исторіи, ея поэзія, ея *сoup d'état*, ея скачекъ, торжество ея творчества.

— Все это хорошо, но мнѣ кажется, при такой неопредѣленности, распушенности, исторія можетъ продолжаться во вѣки вѣковъ или завтра окончиться.

— Безъ сомнѣнія. Со скуки люди не умрутъ, если родъ человѣческій очень долго заживется; хотя вѣроятно люди и натолкнутся на какіе нибудь предѣлы, лежащіе въ самой природѣ человѣка, на такія фзіологическія условія, которыхъ нельзя будетъ перейти, оставаясь человѣкомъ; но собственно недостатка въ дѣлѣ, въ занятіяхъ не будетъ, три-четверти всего что мы дѣлаемъ, повтореніе того, что дѣлали другіе. Изъ этого вы видите, что исторія можетъ продолжаться миллионы лѣтъ. Съ другой стороны я ничего не имѣю противъ окончанія исторіи завтра. Мало-ли что можетъ быть! Энкейва комета зацѣпитъ земной шаръ, геологическій катаклизмъ пройдетъ по поверхности, ставя все вверхъ дномъ, какое нибудь газообразное испареніе сдѣлаетъ на полъ часа невозможнымъ дыханіе — вотъ вамъ и финалъ исторіи.

— Фу, какіе ужасы! вы меня страшаете какъ маленькихъ дѣтей, но я увѣряю васъ, что этого не будетъ. Стоило бы очень развиваться три тысячи лѣтъ съ пріятной будущностью задохнуться отъ какого нибудь сѣр-

новодороднаго испаренія! Какъ - же вы не видите что это нелѣпость?

— Я удивляюсь, какъ это вы до сихъ поръ не привыкнете къ путямъ жизни. Въ природѣ, такъ какъ въ душѣ человѣка, дремлетъ безконечное множество силъ. возможностей; какъ только соберутся условія, нужныя для того, чтобъ ихъ возбудить, онѣ развиваются и будутъ развиваться до нельзя, они готовы собой наполнить мѣръ, но онѣ могутъ заннуться на полдорогѣ, принять иное направленіе, остановиться, разрушиться. Смерть одного человѣка не меньше нелѣпа, какъ гибель всего рода человѣческаго. Кто намъ обезпечилъ вѣковѣчность планеты? она также мало устоитъ при какой нибудь революціи въ солнечной системѣ, какъ геній Сократа устоялъ противъ цыкуты—но можетъ ей не подадутъ этой цыкуты... можетъ... я съ этого началъ. Въ сущности для природы это все равно, ея не убудеть, изъ нея ничего не вынешь, все въ ней, какъ ни мѣняй — и она съ величайшей любовью, похоронивши родъ человѣческій, начнетъ опять съ уродливыхъ папоротниковъ и съ ящерицъ въ полверсты длиною — вѣроятно еще съ какими нибудь усовершеніями, взятыми изъ новой среды и изъ новыхъ условій.

— Ну, для людей это далеко не все равно; я думаю. Александръ Македонскій япсколько не былъ бы радъ, узнавши, что онъ пошелъ на замазку — какъ говоритъ Гамлетъ.

— На счетъ Александра Македонскаго я васъ успокою, — онъ этого никогда не узнаетъ. Разумѣется, что для человѣка совсѣмъ не все равно жить или не жить; изъ этого ясно одно, что надобно пользоваться жизнію, настоящимъ; не даромъ природа всѣми языками своими

безпрерывно манитъ къ жизни и шепчетъ на ухо всему свое *vivere memento*.

— Напрасный трудъ. Мы помнимъ, что мы живемъ по глухой боли, по досадѣ, которая точитъ сердце, по однообразному бою часовъ..... Трудно наслаждаться, пьянить себя, зная, что весь міръ около васъ рушится, и стало быть гдѣ нибудь задавить же и васъ. Да еще это куда бы ни шло, а то умереть на старости лѣтъ, видя, что ветхія покачнувшіяся стѣны и не думаютъ падать. Я не знаю въ исторіи такого удушливаго времени; была борьба, были страданія и прежде, но была еще какая нибудь замѣна, можно было погибнуть — по-крайней-мѣрѣ съ вѣрой, — намъ не за что умереть и не для чего жить..... самое время наслаждаться жизнію!

— А вы думаете, что въ падающемъ Римѣ было легче жить?

— Конечно, его паденіе было столько-же очевидно, какъ міръ шедшій въ замѣну его.

— Очевидно для кого? Неужели вы думаете, что римляне смотрѣли на свое время такъ, какъ мы смотримъ на него. Гиббонъ не могъ отдѣляться отъ обаянія, которое производитъ древній Римъ на каждую сильную душу. Вспомните, сколько вѣковъ продолжалась его агонія; намъ это время скрадывается по бѣдности событій, по бѣдности въ лицахъ, по томному однообразію! именно такіе-то періоды, нѣмые, сѣрые и страшны для современниковъ; вѣдь годы въ нихъ имѣли тѣже триста шестьдесятъ пять дней, вѣдь и тогда были люди съ душой горячей и блекли, терялись от грома падающихъ стѣнъ. Какіе звуки скорби вырывались тогда изъ груди человѣческой,—ихъ стонъ теперь наводитъ ужасъ на душу!

— Они могли креститься.

— Положеніе христіанъ было тогда тоже очень печальное, они четыре столѣтія прятались по подземельямъ, успѣхъ казался невозможнымъ, жертвы были передъ глазами.

— Но ихъ поддерживала фанатическая вѣра—и она оправдалась.

— Только на другой день послѣ торжества явилась ересь, языческій міръ ворвался въ святую тишину ихъ братства и Христіанинъ со слезами обращался назадъ къ временамъ гоненій и благословлялъ воспоминанія о нихъ—читая мартирологъ.

— Вы, кажется, начинаете меня утѣшать тѣмъ, что всегда было также северно, какъ теперь.

— Нѣтъ, я хотѣлъ только напомнить вамъ, что нашему вѣку не принадлежитъ монополю страданій и что вы дешево цѣните прошедшія скорби. Мысль была и прежде нетерпѣлива, ей хочется сей-часъ, ей ненавистно ждать—а жизнь не довольствуется отвлеченнымъ идеями, не торопится, медлитъ съ каждымъ шагомъ, потому что ея шаги трудно поправляются. Отсюда трагическое положеніе мыслящихъ... Но чтобъ опять не отклониться, позвольте мнѣ теперь васъ спросить, отчего вамъ кажется, что міръ насъ окружающій такъ проченъ и долготѣнъ?...

Давно тяжелыя и крупныя капли дождя падали на насъ, глухіе раскаты грома становились слышнѣе, молніи ярче; тутъ дождь полился ручьями... всѣ бросились въ каюту, пароходъ скрипѣлъ, качка была невыносима, — разговоръ не продолжался.

Roma, Via del Corso.

31 Декабря 1847 г.

II.

ПОСЛѢ ГРОЗЫ.

Pereq:

Женщины плачутъ, чтобъ облегчить душу, мы не умѣемъ плакать. Въ замѣну слезъ я хочу писать — не для того, чтобъ описывать; объяснить кровавыя событія, а просто чтобъ говорить объ нихъ, дать волю рѣчи, слезамъ, мысли, желчи. Гдѣ тутъ описывать, собирать свѣдѣнія, обсуживать! — Въ ушахъ еще *раздаются* выстрѣлы, топотъ несущейся кавалеріи, тяжелый, густой звукъ лафетныхъ колесъ по мертвымъ улицамъ; въ памяти мелькаютъ отдѣльныя подробности — раненый на носилкахъ держитъ рукой бокъ и нѣсколько капель крови течетъ по ней; омнибусы наполненные трупами, плѣнные съ связанными руками, пушки на *place de la Bastille*, лагерь у *Porte St. Denis*, на Елисейскихъ поляхъ и мрачное ночное *Sentinelle prenez garde à vous!*.. Какія тутъ описанія, мозгъ слишкомъ воспаленъ, кровь слишкомъ остра.

Сидѣть у себя въ комнатѣ, сложа руки, не имѣть возможности выйти за ворота и слышать возлѣ, кругомъ, вблизи, вдали, выстрѣлы, канонаду, крики, барабанный бой и знать, что возлѣ льется кровь, рѣжутся, колютъ, что возлѣ умираютъ — отъ этого можно умереть, сойти съума. Я не умеръ, но я состарѣлся, я оправляюсь послѣ июньскихъ дней, какъ послѣ тажкой болѣзни.

А торжественно начались они. Двадцать третьяго числа, часа въ четыре передъ обѣдомъ шелъ я берегомъ Сены къ Hôtel de Ville, лавки запирались, колонны національной гвардіи съ зловѣщими лицами шли по разнымъ направленіямъ, небо было покрыто тучами, шелъ дождикъ. Я остановился на Pont neuf, сильная молнія сверкнула изъ-за тучи, удары грома слѣдовали другъ за другомъ и середь всего этого раздался мѣрный протяжный звукъ набата съ колокольни св. Сульпиція, которымъ еще разъ обманутый пролетарій — звалъ своихъ братій къ оружію. Соборъ и всѣ зданія по берегу были необыкновенно освѣщены нѣсколькими лучами солнца, ярко выходящими изъ подъ тучи, барабанъ раздавался съ разныхъ сторонъ, артиллерія тянулась съ Карусельской площади.

Я слушалъ громъ, набатъ и не могъ насмотрѣться на панораму Парижа, будто я съ нимъ прощался; я страстно любилъ Парижъ въ эту минуту; это была послѣдняя дань великому городу — послѣ іюньскихъ дней онъ мнѣ опротивѣлъ.

Съ другой стороны рѣки, на всѣхъ переулкахъ и улицахъ строились барикады. Я какъ теперь вижу эти сумрачныя лица, таскавшія камни, дѣти, женщины помогали имъ. На одну барикаду, повидимому оконченную, взошелъ молодой Политехникъ, водрузилъ знамя и запѣлъ тихимъ, печально торжественнымъ голосомъ Марсельезу, всѣ работавшіе запѣли и хоръ этой великой пѣсни, раздававшійся изъ-за камней барикады, захватывалъ душу.... набатъ все раздавался. Между тѣмъ по мосту простучала артиллерія и генераль Бедо осматривалъ съ моста въ трубу *непріятельскую* позицію....

Въ это время еще можно было все предупредить, тогда еще можно было спасти республику, свободу всей

Европы, тогда еще можно было помириться. Тупое и неловкое правительство не умѣло этого сдѣлать, собраніе не хотѣло, реакціонеры искали мести, крови, искупленія за 24 Февраля, закормы National' я дали имъ исполнителей.

Ну что вы скажите, любезный князь Радецкій и сіятельнѣйшій графъ Паскевичъ Эриванскій? Вы не годитесь въ помощники Каваньяку. Метернихъ и всѣ члены третьяго отдѣленія собственной канцеляріи дѣти кротости, de bons enfants, въ сравненіи съ собраніемъ осерчалыхъ лавочниковъ.

Вечеромъ 26 Іюня мы услышали, послѣ побѣды National' я надъ Парижемъ, правильные залпы, съ небольшими разстановками..... Мы всѣ взглянули другъ на друга, у всѣхъ лица были зеленыя..... „Вѣдь это разстрѣливаютъ,“ сказали мы въ одинъ голосъ и отвернулись другъ отъ друга. Я прижалъ лобъ къ стеклу окна. За такія минуты ненавидятъ десять лѣтъ, мстятъ всю жизнь. *Горе тѣмъ, кто прощаютъ такія минуты!*

Послѣ боины, продолжавшейся четверо сутокъ, наступила тишина и миръ осаднаго положенія; улицы были еще оцѣплены, рѣдко, рѣдко гдѣ-нибудь встрѣчался экипажъ, надменная національная гвардія, съ свирѣпой и тугой злобой на лицѣ, берегла свои лавки, грозя штыкомъ и прикладомъ; ликующія толпы пьяной мобили сходили по бульварамъ, распѣвая: Mourir pour la patrie, мальчишки 16, 17 лѣтъ хвастались кровью своихъ братій, запекшейся на ихъ рукахъ, на нихъ бросали цвѣты мѣщанки, выбѣгавшія изъ-за прилавка, чтобъ привѣтствовать побѣдителей. Каваньякъ возилъ съ собою въ коляскѣ какого-то изверга, убившаго десятки французовъ. Буржуази торжествовала. А дома предмѣстья св. Антонія еще дымились, стѣны разбитыя ядрами обвалива-

лись, раскрытая внутренность комнат представляла каменные раны, сломанная мебель тлѣла, куски разбитыхъ зеркалъ мерцали..... А гдѣ-же хозяева, жильцы? — Объ нихъ никто и не думалъ..... мѣстами посыпали пескомъ, но кровь все таки выступала.... Къ Пантеону разбитому ядрами не подпускали, по бульварамъ стояли палатки, лошади глодали береженья деревья Елисейскихъ полей, на Place de la Concorde вездѣ было сѣно, кирасирскія латы, сѣдла, въ Тюлерійскомъ саду солдаты у рѣшетки варили супъ. Парижъ этого не видалъ и въ 1814 году.

Прошло еще нѣсколько дней—и Парижъ сталъ принимать обычный видъ, толпы празднующихся снова явились на бульварахъ, нарядныя дамы ѣздили въ коляскахъ и кабріолетахъ *смотреть* развалины домовъ и слѣды отчаяннаго боя... однѣ частыя патрули и партіи арестантовъ напомнили страшные дни, тогда только стало уясняться прошедшее. У Байрона есть описаніе ночной битвы; кровавыя подробности ея скрыты темнотою; при разсвѣтѣ, когда битва давно кончена, видны ея остатки, клинокъ, окровавленная одежда. Вотъ этотъ-то разсвѣтъ наставалъ теперь въ душѣ, онъ освѣтилъ страшное опустошеніе. Половина надеждъ, половина вѣрованій была убита, мысли отрпцанія, отчаянія бродили въ головѣ, укоренялись. Предполагать нельзя было, чтобъ въ душѣ нашей, прошедшей черезъ столько опытовъ, испытанной современнымъ скептицизмомъ, оставалось такъ много истребляемаго.

Послѣ такихъ потрясеній, живой человѣкъ не остается по старому. Душа его или становится еще религіознѣе, держится съ отчаяннымъ упорствомъ за свои вѣрованія, находитъ въ самой безнадежности утѣшеніе и человѣкъ вновь зеленѣетъ, обозженный грозой, нося

смерть въ груди—или онъ мужественно и скрѣпя сердце отдаетъ послѣднія упованія, становится еще трезвѣе и не удерживаетъ послѣднія слабыя листья, которыя уносятъ рѣзкій весенній вѣтеръ.

Что лучше? Мудрено сказать.

Одно ведетъ къ блаженству безумія.

Другое къ несчастію знанія.

Выбирайте сами. Одно чрезвычайно прочно, потому что отнимаетъ все. Другое ничѣмъ не обезпечено, за то многое даетъ. Я избираю знаніе и пусть оно лишитъ меня послѣднихъ утѣшеній, я пойду нравственнымъ нищимъ по бѣлому свѣту, но съ корнемъ вонъ дѣтскія надежды, отроческія упованья! — Всѣ ихъ подъ судъ неподкупнаго разума.

Внутри человѣка есть постоянный революціонный трибуналъ, есть безошадный Фуке-Тенвиль и, главное есть гильотина. Иногда судья засыпаетъ, гильотина ржавѣетъ, ложное, прошедшее, романтическое, слабое поднимаетъ голову, обживается и вдругъ какой нибудь дикой ударъ будитъ оплошный судъ, дремлющаго палача и тогда начинается свирѣпая расправа — малѣйшая уступка, пощада, сожалѣніе, ведутъ къ прошедшему, оставляютъ цѣпи. Выбора нѣтъ: или казнить и идти впередъ, или миловать и запнуться на полдорогѣ.

Кто не помнитъ своего логическаго романа, кто не помнитъ, какъ въ его душу попала первая мысль сомнѣнія, первая смѣлость изслѣдованія — и какъ она захватила потомъ болѣе и болѣе и дотрогивалась до святѣйшихъ достояній души? Это-то и есть страшный судъ разума. Казнить вѣрованія не такъ легко, какъ кажется, трудно разставаться съ мыслями, съ которыми мы выросли, сжились, которыя насъ лѣлѣяли, утѣшали

— пожертвовать ими кажется неблагодарностью. Да, во въ этой средѣ, въ которой стоитъ трибуналъ, тамъ нѣтъ благодарности, тамъ неизвѣстно святотатство и если революція какъ Сатурнъ ѣстъ своихъ дѣтей, то отрицаніе какъ Неронъ убиваетъ свою мать, чтобъ отдѣлаться отъ прошедшаго. Люди боятся своей логики и опрометчиво вызвавъ передъ ея судъ церковь и государство, семью и нравственность, добро и зло — стремятся спасти клочки, отрывки стараго. Отказываясь отъ Христіанства, берегутъ безсмертіе души, идеализмъ, провидѣніе. Люди, шедшіе вмѣстѣ, тутъ расходятся, одни идутъ на право, другіе на лѣво; одни замираютъ на полдорогѣ какъ верстовые столбы, показывая сколько пройдено, другіе бросаютъ послѣднюю ношу прошедшаго и идутъ бодро впередъ. Переходя изъ стараго міра въ новый, ничего нельзя взять съ собою.

Разумъ безплощаденъ какъ Конвентъ, нелицепріятенъ и строгъ, онъ ни на чемъ не останавливается и требуетъ на лавку подсудимыхъ самое верховное бытіе, для добраго короля теологіи настаетъ 21 Января. Этотъ процессъ, какъ процессъ Людовика XVI, пробный камень для жирондистовъ; все слабое, половинчатое или бѣжить, или лжетъ, не подаетъ голоса, или подаетъ безъ вѣры. Между тѣмъ люди, произнесшіе приговоръ, думаютъ, что казнивши короля, нечего больше казнить, что 22 Января республика готова и счастлива. Какъ будто достаточно атеизма, чтобъ не имѣть религіи, какъ будто достаточно убить Людовика XVI, чтобъ не было монархіи. Удивительное сходство феноменологіи террора и логики. Терроръ именно начался послѣ казни короля, вслѣдъ за нимъ явились на помостѣ благородные отроки революціи, блестящіе, краснорѣчивые, слабые. Жаль ихъ, но спасти невозможно и головы ихъ пали,

а за ними покатицась львиная голова Дантона и голова баловня революціи Камиль Демулена. — Ну теперь, теперь по крайней мѣрѣ кончено? Нѣтъ, теперь чередъ неподбунныхъ палачей, они будутъ казнены за то, что вѣрили въ возможность демократіи во Франціи, за то, что казнили во имя равенства, да, казнены какъ Анахарсисъ Клооцъ, мечтавшій о братствѣ народовъ, за нѣсколько дней до Наполеоновской эпохи, за нѣсколько лѣтъ до Вѣнскаго Конгреса.

Не будетъ міру свободы, пока все религіозное, политическое, не превратится въ человѣческое, простое, подлежащее критикѣ и отрицанію. Возмужалая логика ненавидитъ канонизированныя истины, она ихъ растрептываетъ изъ ангельскаго чина въ людской, она изъ священныхъ таинствъ дѣлаетъ явныя истины, она ничего не считаетъ неприкосновеннымъ и если республика присвоиваетъ себѣ такія-же права, какъ монархія—презираетъ ее, какъ монархію — нѣтъ, гораздо больше. Монархія не имѣетъ смысла, она держится насиліемъ, а отъ имени республика сильнѣе бьется сердце; монархія сама по себѣ религія, у республики нѣтъ мистическихъ отговорокъ, нѣтъ божественнаго права, она съ нами стоитъ на одной почвѣ. Мало ненавидѣть корону, надобно перестать уважать и фригійскую шапку; мало не признавать преступленіемъ оскорбленіе величества, надобно признавать преступнымъ *salus populi*. Пора человѣку потребовать къ суду: республику, законодательство, представительство, все понятія о гражданѣ и его отношеніяхъ къ другимъ и къ государству. Казней будетъ много; близкимъ, дорогимъ надобно пожертвовать — мудрено-ли жертвовать ненавистнымъ? въ томъ-то и дѣло, чтобъ отдать дорогое, если мы убѣдимся, что оно не истинно. И въ этомъ наше дѣйстви-

тельное дѣло. Мы не призваны собирать плодъ, но призваны быть палачами прошедшаго, казнить, преслѣдовать его, узнавать его во всѣхъ одеждахъ и приносить на жертву будущему. Оно торжествуетъ фактически, погубимъ его въ идеѣ, въ убѣжденіи, во имя человѣческой мысли. Уступокъ дѣлать не кому — трехвѣтное знамя уступокъ слишкомъ замазано, оно долго не просохнетъ отъ юньской крови. И кого въ самомъ дѣлѣ щадить? Всѣ элементы разрушающейся веси являются во всей жалкой нецѣлности, во всемъ отвратительномъ безуміи своемъ. — Что вы уважаете? *Народное* правительство, что-ли? — Кого вамъ жаль — можетъ быть Парижъ?

Три мѣсяца люди, избранные всеобщей подачей голосовъ, люди выборные всей земли французской ничего не дѣлали и вдругъ стали во весь ростъ, чтобъ показать міру зрѣлице невиданное — восьмисотъ человѣкъ, дѣйствующихъ какъ одинъ злодѣй, какъ одинъ извергъ. Кровь лилась рѣками, а они не нашли слова любви, примиренія; все великодушное, человѣческое покрывалось воплемъ мести и негодованія, голосъ умирающаго Афра не могъ тронуть этого многоголоваго Калигулу, этого Бурбона, размѣненнаго на мѣдные гроши; они прижали къ сердцу національную гвардію, растрѣливавшую безоружныхъ, Сенаръ благословлялъ Каваньяка и Каваньякъ умильно плакалъ, исполнивъ всѣ злодѣйства, указаннаго адвокатскимъ пальцемъ представителей. А грозное меньшинство притаилось, *гора* скрылась за облаками довольная, что ее не растрѣляли, не сгноили въ подвалахъ, молча смотрѣла она, какъ обираютъ оружіе у гражданъ, какъ декретируютъ депортацию, какъ сажаютъ въ тюрьму людей за все на свѣтѣ — за то, что они не стрѣляли въ своихъ братій.

Убийство въ эти страшные дни сдѣлалось обязанностью, человекъ, не отмочившій себѣ рукъ въ пролетарской крови, становился подозрителенъ для мѣщанъ.... По крайней мѣрѣ большинство имѣло твердость быть злодѣемъ. А эти жалкіе друзья народа, риторы, пустыя сердца!. Одинъ мужественный плачь, одно великое негодованіе и раздалось, и то въ камеры. Мрачное проклятiе старца Ламене останется на головѣ бездушныхъ канибаловъ, и всего ярче выступить на лбу малодушныхъ, которые, произнося слово республика, испугались смысла его.

Парижъ! Какъ долго это имя горѣло путеводной звѣздой народовъ; кто не любилъ, кто не поклонялся ему — но его время миновало, пускай онъ идетъ со сцены. Въ іюньскіе дни онъ завязалъ великую борьбу, которую ему не развязать. Парижъ состарѣлся — и юношескія мечты ему больше не идутъ; для того чтобъ оживиться, ему нужны сильныя потрясенія, Варооломеевскія ночи, сентябрскіе дни. Но іюньскіе ужасы не оживили его; откуда же возьметъ дряхлый Вампиръ еще крови, крови праведниковъ, той крови, которая 27 Іюня отражала огонь плошекъ, зажженныхъ ликующими мѣщанами. Парижъ любилъ играть въ солдаты, онъ посадилъ императоромъ счастливаго солдата, онъ рукоплескалъ злодѣйствамъ, называемымъ побѣдою, онъ воздвигалъ статуи, онъ мѣщанскую фигуру маленькаго капрала опять поставилъ, черезъ пятнадцать лѣтъ, на колонну, онъ съ благоговѣніемъ переносилъ прахъ водворителя рабства, онъ и теперь надѣялся найти въ солдатахъ якорь спасенія отъ свободы и равенства, онъ позвалъ дикія орды одичалыхъ африканцевъ противъ братій своихъ, чтобъ не дѣлиться съ ними и зарѣзалъ ихъ бездушной рукою убійцы по ремеслу. Пусть-же онъ не-

сеть послѣдствіе своихъ дѣлъ, своихъ ошибокъ... Паряжъ растрѣливалъ безъ суда... Что выйдетъ изъ этой крови? — кто знаетъ; но что бы ни вышло, довольно, что въ этомъ разгарѣ бѣшенства, мести, раздора, возмездія, погибнетъ міръ, тѣснящій новаго человѣка, мѣшающій ему жить, мѣшающій водвориться будущему— и это прекрасно, а потому — Да здравствуетъ хаосъ и разрушеніе!

Vive la mort!

И да водружится будущее!

Парижъ 24 Іюля 1848 г.

III.

LXVII ГОДЪ

Республики единой и нераздѣльной.

Ce n'est pas le socialisme, c'est la république !

Рѣчь Ледрю-Роллена въ Шалѣ,
22 октября 1848 года.

На дняхъ праздновали Первое Вандеміера пятьдесятъ-седьмаго года. Въ Шалѣ на Елисейскихъ поляхъ собрались всѣ аристократы демократической республики, всѣ алые члены собранія. Къ концу обѣда Ледрю-Ролленъ произнесъ блестящую рѣчь. Рѣчь его, наолненная *красныхъ* розъ для республики и колючихъ шиповъ для

правительства, имѣла полный успѣхъ и заслуживала его. Когда онъ кончилъ, раздалось громкое *Vive la République démocratique!* Всѣ встали и стройно, торжественно, безъ шляпъ, заиѣли Марсельезу. Слова Ледрю-Роллена, звуки завѣтной пѣсни освобожденія и бокалы вина въ свою очередь одушевили всѣ лица, глаза горѣли, и тѣмъ болѣе горѣли, что не все бродившее въ ловѣ являлось на губахъ. Барабанъ лагеря Елисейскихъ полей напоминалъ, что непріятель близко, что осадное положеніе и солдатская диктатура продолжаютъ.

Большая часть гостей были люди въ цвѣтѣ лѣтъ, но уже больше или меньше искусившіе свои силы на политической аренѣ. Шумно, горячо говорили они между собою. Сколько энергіи, отваги, благородства въ характерѣ французовъ, когда они еще не подавили въ себѣ хорошаго начала своей національности, или уже вырвались изъ мелкой и грязной среды мѣщанства, которое какъ тина покрываетъ зеленью своей всю Францію. Что за мужественное, рѣшительное выраженіе въ лицахъ, что за стремительная готовность подтвердить дѣломъ—слово; сейчасъ идти на бой, стать подъ пулю, казнить, быть казненнымъ. Я долго смотрѣлъ на нихъ и мало по малу невыносимая грусть поднялась во мнѣ и налегла на всѣ мысли, мнѣ стало смертельно жаль эту кучку людей—благородныхъ, преданныхъ, умныхъ, даровитыхъ, чуть-ли не лучшій цвѣтъ новаго поколѣнія..... Не думайте, что мнѣ стало ихъ жаль потому, что можетъ быть они не доживутъ до I-го Брюмера или до I-го Нивоза 57-го года, что можетъ черезъ недѣлю они погибнуть на барикадахъ, пропадутъ на галерахъ, въ депортаціи, на гильотинѣ или по новой модѣ ихъ можетъ перестрѣляютъ съ связанными руками, загнавши куда нибудь въ уголъ Карусельской площади или подъ

внѣшніе форты — все это очень печально, но я не объ этомъ жалѣль, грусть моя была глубже.

Мнѣ было жаль ихъ откровенное заблужденіе, ихъ добросовѣстную вѣру въ несбыточныя вещи, ихъ горячее упованіе, столько-же чистое и столько-же призрачное какъ рыцарство Донъ-Кихота. Мнѣ было жаль ихъ, какъ врачу бываетъ жаль людей, не подозрѣвающихъ страшнаго недуга въ груди своей. Сколько нравственныхъ страданій готовятъ себѣ эти люди — они будутъ биться какъ герои, они будутъ работать всю жизнь и не успѣютъ. Они отдадутъ кровь, силы, жизнь и со старѣвшнсь увидятъ, что изъ ихъ труда ничего не вышло, что они дѣлали не то, что надобно и умрутъ съ горькимъ сомнѣніемъ въ человѣка, который не виновать; или—еще хуже—впадутъ въ ребячество и будутъ какъ теперь ждать всякой день огромной перемѣны, водворенія *ихъ* республики — принимая предсмертныя муки умирающаго, за страданія предшествующія родамъ. Республика, *такъ какъ они ее* понимаютъ, отвлеченная и неудобноисполнимая мысль, плодъ теоретическихъ думъ, апотеоза существующаго государственнаго порядка, преображеніе *того что есть*, ихъ республика послѣдняя мечта, поэтический бредъ стараго міра. Въ этомъ бреду есть и пророчество, но пророчество, относящееся къ жизни за гробомъ, къ жизни будущаго вѣка. Вотъ чего они люди прошеднаго, не смотря на революціонность свою, связанные съ старымъ міромъ на животъ и на смерть не могутъ понять. Они воображаютъ, что этотъ дряхлый міръ можетъ какъ Улиссъ поюнѣть — не замѣчая того, что осуществленіе одной закраины *ихъ* республики мгновенно убьетъ его; они не знаютъ, что нѣтъ круче противорѣчія какъ между ихъ идеаломъ и существующимъ порядкомъ, что одно

должно умереть, чтобъ другому можно было жить. Они не могутъ выйти изъ старыхъ формъ, они ихъ принимаютъ за какія-то вѣчныя границы и оттого ихъ идеаль носитъ только имя и цвѣтъ будущаго, а въ сущности принадлежитъ міру прошедшему, не отрѣшается отъ него.

Зачѣмъ они не знаютъ этого?

Роковая ошибка ихъ состоитъ въ томъ, что увлеченные благородной любовью къ ближнему, къ свободѣ, увлеченные нетерпѣніемъ и негодованіемъ, они бросились освобождать людей прежде, нежели сами освободились, они нашли въ себѣ силу порвать желѣзныя, грубыя цѣпи, не замѣчая того, что стѣны тюрьмы остались. Они хотятъ, не мѣняя стѣнъ, дать имъ иное назначеніе, какъ будто планъ острога можетъ родиться для свободной жизни.

Всѣхній міръ, католико-феодальный, далъ всѣ видоизмѣненія, къ которымъ онъ былъ способенъ, развился во всѣ стороны, до высшей степени изысканаго и отвратительнаго, до обличенія всей истины въ немъ заключенной, и всей лжи, наконецъ онъ истощился. Онъ можетъ еще долго стоять, но обновляться не можетъ; общественная мысль, развивающаяся теперь, такова, что каждый шагъ къ осуществленію ея будетъ выходъ изъ него. Выходъ! — тутъ-то и остановка! Куда? что тамъ за его стѣнами! — Страхъ берегъ — пустота, ширина, воля... какъ идти, не зная куда, какъ терять, не видя пріобрѣтеній!—Еслибъ Колумбъ такъ рассуждалъ, онъ никогда не снялъ бы якоря. Сумашествіе ѣхать по океану, не зная дороги, по океану, по которому никто не ѣздилъ, плыть въ страну, существованіе которой вопросъ. Этимъ сумашествіемъ онъ открылъ новый міръ. Конечно, еслибъ народы переѣзжали изъ одного гото-

ваго hôtel garni въ другой—еще лучший, было бы легче, да бѣда въ томъ, что некому заготовлять новыхъ квартиръ. Въ будущемъ хуже нежели въ океанѣ—ничего нѣтъ, оно будетъ такимъ, какимъ его сдѣлають обстоятельства и люди.

Если вы довольны старымъ міромъ, старайтесь его сохранить, онъ очень хилъ и на долго его не станетъ при такихъ толчеяхъ какъ 24 Февраля; но если вамъ невыносимо жить въ вѣчномъ раздорѣ убѣжденій съ жизнью, думать одно и дѣлать другое, выходите изъ-подъ выбѣленныхъ, средневѣковыхъ сводовъ на свой страхъ; отважная дерзость въ иныхъ случаяхъ выше всякой мудрости. Я очень знаю, что это не легко; шутка-ли разстаться со всѣмъ, къ чему чековѣкъ привыкъ со дня рожденія, съ чѣмъ вмѣстѣ росъ и выросъ, Люди, о которыхъ мы говоримъ, готовы на страшныя жертвы,—но не на тѣ, которыя отъ нихъ требуетъ новая жизнь. Готовы-ли они пожертвовать современной цивилизаціей, образомъ жизни, религіей, принятой условной нравственностью? Готовы-ли они лишиться всѣхъ плодовъ, выработанныхъ съ такими усиліями, плодовъ, которыми мы хвастаемся три столѣтія, которые намъ такъ дороги, *лишиться* всѣхъ удобствъ и прелестей нашего существованія, предпочесть дикую юность—образованной дряхлости, необработанную почву, непроходимые лѣса—истощеннымъ полямъ и расчищеннымъ паркамъ, сломать свой наследственный замокъ, изъ одного удовольствія участвовать въ закладкѣ новаго дома, который построится, безъ сомнѣнія, гораздо послѣ насъ? Это вопросъ безумнаго, скажутъ многіе. Его дѣлалъ Христосъ иными словами.

Либералы долго играли, шутили съ идеей революціи и дошутились до 24 Февраля. Народный ураганъ по-

ставилъ ихъ на вершину колокольни и указалъ имъ, куда они идутъ и куда ведутъ другихъ; посмотрѣвши на пропасть, открывавшуюся передъ ихъ глазами, они поблѣднѣли; они увидѣли, что не только то падаетъ, что они считали за предразсудокъ, но и все остальное, что они считали за вѣчное и истинное; они до того перепугались, что одни уцѣпились за надающія стѣны, а другіе остановились кающимися на подорогѣ и стали клясться всѣмъ прохожимъ, что они этого не хотѣли. Вотъ отчего люди, провозглашавшіе республику, сдѣлались палачами свободы, вотъ отчего либеральныя имена, звучавшія въ ушахъ нашихъ лѣтъ двадцать, являются ретроградными депутатами, измѣнниками, инквизиторами. Они хотятъ свободы, даже республика въ извѣстномъ кругѣ литературно-образованномъ. За предѣлами своего умѣреннаго круга они становятся консерваторами. Такъ рационалистамъ нравилось объяснять тайны религіи, имъ нравилось раскрывать значеніе и смыслъ мифовъ, они не думали, что изъ этого выйдетъ, не думали, что ихъ изслѣдованія, начинающіяся со страха господня, окончатся атеизмомъ, что ихъ критика церковныхъ обрядовъ приведетъ къ отрицанію религіи.

Либералы всѣхъ странъ, со времени реставраціи, звали народы на низверженіе монархически-феодальнаго устройства во имя равенства, во имя слезъ несчастнаго, во имя страданій притѣсненнаго, во имя голода немущаго, они радовались, гоняя до упаду министровъ, отъ которыхъ требовали неудобно-исполнимаго, они радовались, когда одна феодальная подставка падала за другой и до того увлеклись наконецъ, что перешли собственныя желанія. Они опомнились, когда изъ-за полуразрушенныхъ стѣнъ явился — не въ книгахъ, не въ

парламентской болтовни, не въ филантропическихъ разглагольствованіяхъ, а на самомъ дѣлѣ — пролетарій, работникъ съ топоромъ и черными руками, голодный и едва одѣтый рубищемъ. Этотъ „несчастный, обдѣленный братъ,“ о которомъ столько говорили, котораго такъ жалѣли, спросилъ наконецъ, гдѣ-же его доля во всѣхъ благахъ, въ чемъ *его* свобода, *его* равенство, *его* братство. Либералы удивились дерзости и неблагодарности работника, взяли приступомъ улицы Парижа, покрыли ихъ трупами и спрятались отъ брата за штыками осаднаго положенія, спасая *цивилизацию и порядокъ!*

Они правы, только они непослѣдовательны. Зачѣмъ-же они прежде подламывали монархію? Какъ-же они не поняли, что, уничтожая монархическій принципъ, революція не можетъ остановиться на томъ, чтобъ вытолкать за дверь какую-нибудь династію. Они радовались какъ дѣти, что Людовикъ Филиппъ не успѣлъ доѣхать до С. Клу, а ужъ въ Hôtel de Ville явилось новое правительство и дѣло пошло своимъ чередомъ; въ то время какъ эта легкость переворота должна имъ была показать несущественность его. Либералы были удовлетворены. Но народъ не былъ удовлетворенъ, но народъ поднялъ теперь свой голосъ, онъ повторялъ ихъ слова, ихъ обѣщанія а они какъ Петръ троекратно отрѣклись и отъ словъ и отъ обѣщанія, какъ только увидѣли, что дѣло идетъ не на шутку—и начали убійства. Такъ Лютеръ и Кальвинъ топили *анабаптистовъ*, такъ Протестанты отрѣкались отъ Гегеля, и Гегелисты отъ Фейербаха. Таково положеніе *реформаторовъ* вообще, они собственно наводятъ только понтоны, по которымъ увлеченные ими народы переходятъ съ одного берега на другой. Для нихъ нѣтъ среды лучше какъ конституціонное сумрачное ни-то, ни-сѣ. И въ этомъ-то

мірѣ словопреній, раздора, непримиримыхъ противорѣчій, не измѣняя его, хотѣли эти суетные люди осуществить свои *via desideria* свободы, равенства и братства.

Формы европейской гражданственности, ея цивилизація, ея добро и зло разочтены по другой сущности, развѣлись изъ иныхъ понятій, сложились по инымъ потребностямъ. До нѣкоторой степени формы эти, какъ все живое, были измѣняемы, но какъ все живое измѣняемы до *нѣкоторой степени*, организмъ можетъ воспитываться, отклоняться отъ назначенія, прилаживаться къ вліяніямъ до тѣхъ поръ, пока отклоненія не отрицаютъ его особности, его индивидуальности, то что составляетъ его личность; какъ скоро организмъ встрѣчаетъ такого рода вліянія, дѣлается борьба и организмъ побѣждаетъ или гибнетъ. Явленіе смерти въ томъ и состоитъ, что составныя части организма получаютъ иную цѣль, онѣ не пропадаютъ, пропадаетъ личность, а онѣ вступаютъ въ рядъ совѣтъ другихъ отношеній, явленій.

Государственныя формы Франціи и другихъ европейскихъ державъ — не совмѣстны по внутреннему своему понятію ни съ свободой, ни съ равенствомъ, ни съ братствомъ, всякое осуществленіе этихъ идей будетъ отрицаніемъ современной европейской жизни, ея смертью. Никакая конституція, никакое правительство не въ состояніи дать феодально-монархическимъ государствамъ истинной свободы и равенства — не разрушая до тла все феодальное и монархическое. Европейская жизнь, христіанская и аристократическая, образовала нашу цивилизацію, наши понятія, нашъ бытъ; ей необходима христіанская и аристократическая среда. Среда эта могла развиваться сообразно съ духомъ времени, съ степенью образованія, сохраняя свою сущность, въ

католическомъ Римѣ, въ кощунствующемъ Парижѣ, въ философствующей Германіи; но далѣе идти нельзя, не переступая границу. Въ разныхъ частяхъ Европы люди могутъ быть посвободнѣе, поровнѣе, нигдѣ не могутъ они быть свободны и равны, пока существуетъ *эта* гражданская форма, пока существуетъ *эта* цивилизація. Это знали всѣ умные консерваторы и оттого поддерживали всѣми силами старое устройство. Неужели вы думаете, что Метернихъ и Гизо не видѣли несправедливости общественнаго порядка, ихъ окружавшаго? — но они видѣли, что эти несправедливости такъ глубоко вплетены во весь организмъ, что стоитъ коснуться до нихъ — все зданіе рухнется; понявши это, они стали стражами status quo. А либералы разнуздали демократію, да и хотятъ воротиться къ прежнему порядку. Кто же правѣе?

Въ сущности, само собою разумѣтся, всѣ неправы — и Гизо и Метернихъ и Каваньяки, всѣ они дѣлали дѣйствительныя злодѣянія изъ-за мнимой цѣли, они тѣснили, губили, лили кровь для того, чтобъ задержать смерть. Ни Метернихъ съ своимъ умомъ, ни Каваньякъ съ своими солдатами, ни республиканцы съ своимъ непониманіемъ, не могутъ въ самомъ дѣлѣ остановить потокъ, теченіе котораго такъ сильно обозначилось, только вмѣсто облегченія они усыпаютъ людямъ путь толченымъ стекломъ. Идущіе народы пройдутъ, хуже, труднѣе, изрѣжутъ себѣ ноги, но все таки пройдутъ; сила соціальныхъ идей велика, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ихъ началъ понимать истинный врагъ, врагъ по праву существующаго гражданского порядка — пролетарій, работникъ, которому досталась вся горечь этой формы жизни и котораго миновали всѣ ея плоды. Намъ еще жаль старшій порядокъ вещей, кому-же и пожа-

дѣтъ его какъ не намъ? онѣ только для насъ и былъ хорошъ мы воспитаны имъ, мы его любимыя дѣтки, мы сознаемъ, что ему надобно умереть, но не можемъ ему отказать въ слезѣ. Ну а массы, задавленные работой, изнуренныя голодомъ, притупленныя невѣжествомъ, онѣ о чемъ будутъ плакать на его похоронахъ?... Онѣ были эти неприглашенные на пиръ жизни, о которыхъ говорить Мальтусъ, ихъ *подавленность* была необходимымъ условіемъ нашей жизни.

Все наше образованіе, наше литературное и научное развитіе, наша любовь изящнаго, наши занятія, предполагаютъ среду постоянно расчищаемую *другими*, приготовляемую *другими*; надобенъ чей-то трудъ для того, чтобъ намъ доставить досугъ необходимый для нашего психическаго развитія, тотъ досугъ, ту дѣятельную праздность, которая способствуетъ мыслителю сосредоточиваться, поэту мечтать, эпикурейцу наслаждаться, которая способствуетъ пышному, капризному, поэтическому, богатому развитію нашихъ арпстократическихъ индивидуальностей.

Кто не знаетъ, какую свѣжесть духу придаетъ беззаботное довольство; бѣдность вырабатывающаяся до Жильбера исключеніе, бѣдность страшно искажаетъ душу человѣка—не меньше богатство. Забота объ однихъ матеріальныхъ нуждахъ подавляетъ способности. А развѣ довольство можетъ быть доступно всѣмъ при современной гражданской формѣ? Наша цивилизація — цивилизація меньшинства, она только возможна при большинствѣ чернорабочихъ. Я не моралистъ и не сентиментальный человѣкъ; мнѣ кажется, если меньшинству было дѣйствительно хорошо и прпвольно, если большинство молчало, то эта форма жизни въ прошедшемъ оправдана. Я не жалѣю о двадцати поколѣніяхъ нѣм-

цевъ, потраченныхъ на то, чтобъ сдѣлать возможнымъ Гёте, и радуюсь, что исковской оброкъ далъ возможность воспитать Пушкина. Природа безжалостна; точно какъ извѣстное дерево, она мать и мачиха вмѣстѣ; она ничего не имѣетъ противъ того, что двѣ трети ея произведеній идутъ на питаніе одной трети, лишь бы они развивались. Когда не могутъ всѣ хорошо жить, пусть живутъ нѣсколько, пусть живетъ одинъ — на счетъ другихъ, лишь бы кому-нибудь было хорошо и широко. Только съ этой точки и можно понять аристократію. Аристократія вообще болѣе или менѣе образованная антропофагія; канибаль, который ѣстъ своего невольника, помѣщикъ, который беретъ страшный процентъ съ земли, фабрикантъ, который богатѣетъ на счетъ своего работника—составляютъ только видоизмѣненія одного и того-же людоедства. И впрочемъ готовъ защищать и самую грубую антропофагію, если одинъ человекъ себя разсматриваетъ какъ блюдо, а другой хочетъ его съѣсть—пусть ѣстъ; они стоятъ того, одинъ, чтобъ быть людоедомъ, другой, чтобъ быть кушаньемъ.

Пока развитое меньшинство, поглощая жизнь поколѣній, едва догадывалось, отчего ему такъ ловко жить; пока большинство, работая день и ночь, не совсѣмъ догадывалось, что вся выгода работы для другихъ, и тѣ и другіе считали это естественнымъ порядкомъ, міръ антропофагіи могъ держаться. Люди часто принимаютъ предразсудокъ, привычку за истину — и тогда она ихъ не тѣснитъ: но когда они однажды поняли, что ихъ истина вздоръ, дѣло кончено, тогда только силою можно заставить дѣлать то, что человекъ считаетъ нелѣпымъ. Учредите постные дни безъ вѣры? — Ни подъ какимъ видомъ; человекъ сдѣлается также

невыносимо ѣсть постное, какъ вѣрующему ѣсть скромное.

Работникъ не хочетъ больше работать для другаго — вотъ вамъ и конецъ антропофагіи, вотъ предѣлъ аристократіи. Все дѣло остановилось теперь за тѣмъ, что работники не сосчитали своихъ силъ, что крестьяне отстали въ образованіи; когда они протянутъ другъ другу руку, — тогда вы распроститесь съ вашимъ досугомъ, съ вашей роскошью, съ вашей цивилизаціей, тогда окончится поглощеніе большинства на выработку свѣтлой и роскошной жизни меньшинству. Въ идеѣ теперь уже кончена эксплуатація челоуѣка челоуѣкомъ. Кончена потому, что никто не считаетъ это отношеніе справедливымъ.

Какъ - же этотъ міръ устоитъ противъ соціального переворота? во имя чего будетъ онъ себя отстаивать? — религія его ослабла, монархической принципъ потерялъ авторитетъ; онъ поддерживается страхомъ и насиліемъ; демократическій принципъ — ракъ, снѣдающій его изнутри.

Духота, тягость, усталъ, отвращеніе отъ жизни — распространяется вмѣстѣ съ судорожными попытками куда-нибудь выйти. Всѣмъ на свѣтѣ стало дурно жить — это великій признакъ.

Гдѣ эта тихая, созерцательная, кабинетная жизнь въ сферѣ знанія и искусствъ, въ которой жили Германцы; гдѣ этотъ вихрь веселья, остроты, либерализма, нарядовъ, пѣсенъ, въ которомъ кружился Паркъ? Все это прошедшее, воспомнаніе. Послѣднее усиліе спасти старый міръ обновленіемъ изъ его собственныхъ началъ не удалось.

Все мельчаетъ и вянетъ на истощенной почвѣ — нѣту талантовъ, нѣту творчества, нѣту силы мысли,—

нѣту силы воли; міръ этотъ пережилъ эпоху своей славы, время Шиллера и Гёте прошло также какъ время Рафаеля и Бонаротти, какъ время Вольтера и Руссо, какъ время Мирабо и Дантона; блестящая эпоха индустріи проходитъ, она пережита, такъ какъ блестящая эпоха аристократіи; всѣ нищаютъ, не обогащая никого; кредиту нѣтъ, всѣ перебиваются съ дня на день, образъ жизни дѣлается менѣе и менѣе изящнымъ, граціознымъ, всѣ жмутся, всѣ боятся, всѣ живутъ какъ лавочники, нравы мелкой буржуазіи сдѣлались общими; никто не беретъ осѣдлости, все на время, наемно, шатко. Это то тяжелое время, которое давило людей въ третьемъ столѣтіи, когда самые пороки древняго Рима утратились, когда императоры стали вялы, легіоны мирны. Тоска мучила людей энергическихъ и безпокойныхъ до того, что они толпами бѣжали куда-нибудь въ Оивайдскія степи, кидая на площадь мѣшки золота и разставаясь на вѣкъ и съ родиной, и съ прежними богами. Это время настаетъ для насъ, тоска наша растетъ!

Кайтесь господа, кайтесь! судъ міру вашему пришелъ. Не спасти вамъ его ни осаднымъ положеніемъ, ни республикой, ни казнями, ни благотвореніями, ни даже раздѣленіемъ полей. Можетъ-быть судьба его не была бы такъ печальна, еслибъ его не защищали съ такимъ усердіемъ и упорствомъ, съ такой безнадежной ограниченностью. Никакое перемиріе не поможетъ теперь во Франціи; враждебныя партіи не могутъ ни объясниться ни понять другъ друга, у нихъ разныя логики, два разума. Когда вопросы становятся такъ, нѣтъ выхода — кромѣ борьбы, одинъ изъ двухъ долженъ остаться на мѣстѣ—монархія или социализмъ.

Подумайте, у кого больше шансовъ? Я предлагаю парі за социализмъ. „Мудрено себѣ представить!“ —

Мудрено было и христіанству восторжествовать надъ Римомъ. Я часто воображаю, какъ Тацитъ или Плиній умно разсуждали съ своими пріятелями объ этой нелѣпой сектѣ Назареевъ, объ этихъ Пьеръ Ле-Ру, пришедшихъ изъ Іудеи, съ энергической и полубезумной рѣчью, о тогдашнемъ Прудонѣ, явившемся въ самый Римъ проповѣдывать конецъ Рима. Гордо и мощно стояла имперія въ противоположность этнмъ бѣднымъ пропагандистамъ—а не устояла однако.

Или вы не видите новыхъ Христіанъ, идущихъ странъ; новыхъ варваровъ, идущихъ разрушать? — они готовы, они какъ лава тяжело шевелятся подъ землею, внутри горъ. Когда настанетъ ихъ часъ—Геркуланумъ и Помпея исчезнутъ, хорошее и дурное, правый и виноватый погибнуть рядомъ. Это будетъ не судъ, не расправа, а катаклизмъ, переворотъ..... Эта лава, эти варвары, этотъ новый міръ, эти Назареи, идущіе покончить дряхлое и безсильное и расчистить мѣсто свѣжему и новому, ближе нежели вы думаете. Вѣдь это они умправятъ отъ голода, отъ холода, они ропнутъ надъ нашей головой и подъ нашими ногами, на чердакахъ и въ подвалахъ, въ то время какъ мы съ вами *au premier*,

Шампанскимъ вафли запивая,

толкуемъ о социализмѣ. Я знаю, что это не новость, что оно и прежде было такъ, но прежде они не догадывались, что это *очень глупо*.

— Но неужели будущая форма жизни вмѣсто прогресса должна водвориться ночью варварства, должна купиться утратами? Не знаю, но думаю, что образованному меньшинству, если оно доживетъ до этого разгрома и не закалится въ свѣжихъ, новыхъ понятіяхъ, жить будетъ хуже. Многіе возмущаются противъ этого, я на-

хожу это утѣшительнымъ, для меня въ этихъ утра-
тахъ доказательство, что каждая историческая фаза
имѣетъ полную дѣйствительность, свою индивидуаль-
ность, что каждая достигнутая цѣль, а не средство;
оттого у каждой свое благо, свое хорошее, лично при-
надлежащее ей и которое съ нею гибнетъ. Что вы ду-
маете, римскіе патриціи много выиграли въ образѣ
жизни, перешедши въ христіанство? или аристократы
до революціи развѣ не лучше жили, нежели мы съ вами
живемъ?

— Все это такъ, но мысль о крутомъ и насиль-
ственномъ переворотѣ, имѣетъ въ себѣ что-то отталки-
вающее для многихъ. Люди, видящіе, что перемѣна не-
обходима, желали бы, чтобъ она сдѣлалась исподволь.
Сама природа, говорятъ они, по мѣрѣ того какъ она
складывалась и становилась богаче, развитѣе, перестала
прибѣгать къ тѣмъ страшнымъ катаклизмамъ, о кото-
рыхъ свидѣтельствуется кора земнаго шара, наполнен-
ная костями цѣлыхъ населеній погпбнувшихъ въ ея пе-
ревороты; тѣмъ болѣе стройная, покойная метаморфоза
свойственна той степени развитія природы, въ которой
она достигла сознанія.

— Она достигла его нѣсколькими головами, малымъ
числомъ избранныхъ, остальные достигаютъ еще и от-
того покорены Naturgewalt-амъ, инстинктамъ, темнымъ
влеченіямъ, страстямъ. Для того чтобъ мысль ясная и
разумная для васъ, была мыслию другаго — недо-
статочно чтобъ она была истинна, для этого нужно,
чтобъ его мозгъ былъ развитъ такъ-же какъ вашъ,
чтобъ онъ былъ освобожденъ отъ предавія. Какъ вы
уговорите работника терпѣть голодъ и нужду, пока
исподволь перемѣнится гражданское устройство? Какъ
вы убѣдите собственника, ростовщика, хозяина разжать

руку, которой онъ держится за свои монополи и права? Трудно представить себѣ такое самоотверженіе. Что можно было сдѣлать — сдѣлано; развитіе средняго сословія, конституціонный порядокъ дѣлать ничто иное какъ промежуточная форма, связующая міръ феодально-монархическій съ социально-республиканскимъ. Буржуазія именно представляетъ это полуосвобожденіе, эту дерзкую нападку на прошедшее съ желаніемъ унаслѣдовать его власть. Она работала для себя — и была права. Человѣкъ серьезно дѣлаетъ что-нибудь только тогда, когда дѣлаетъ для себя. Не могла-же буржуазія себя принимать за уродливое промежуточное звѣно, она принимала себя за цѣль; но такъ какъ ея нравственный принципъ былъ меньше и бѣднѣе прошлаго, а развитіе идетъ быстрѣе и быстрѣе, то и нечему дивиться, что міръ буржуазии истощился такъ скоро и не имѣетъ въ себѣ болѣе возможности обновленія. Наконецъ подумайте, въ чемъ можетъ быть этотъ переворотъ исподволь — въ раздробленіи собственности, въ родѣ того, что было сдѣлано въ первую революцію?— Результатъ этого будетъ тотъ, что всѣмъ на свѣтѣ будетъ керзко; мелкій собственникъ — худшій буржуа изъ всѣхъ; всѣ силы таящіяся теперь въ многострадальной, но мощной груди пролетарія изсякнутъ; правда онъ не будетъ умирать съ голода, да на томъ и остановится, ограниченный своимъ клочкомъ земли или своей коморкой въ работничьихъ казармахъ. Такова перспектива мирнаго, органическаго переворота. Если это будетъ, тогда главный нотокъ исторіи найдетъ себѣ другое русло. онъ не потеряется въ песокъ и глинѣ, какъ Рейнь, человѣчество не пойдетъ узкимъ и грязнымъ проселкомъ, — ему надобно широкую дорогу. Для того, чтобъ расчистить ее, оно ничего не пожалѣетъ.

Въ природѣ консерватизмъ такъ-же силенъ какъ революціонный элементъ. Природа дозволяетъ жить старому и ненужному, пока можно; но она не пожалѣла мамонтовъ и мастодонтовъ для того, чтобъ уладить земной шаръ. Переворотъ, ихъ погубившій, не былъ направленъ *противъ нихъ*; еслибъ они могли какъ-нибудь спастись, они бы уцѣлѣли и потомъ спокойно и мирно выродились бы, окруженные средой имъ несвоейственной. Мамонты, которыхъ кости и кожу находятъ въ сибирскихъ льдахъ, вѣроятно спаслись отъ геологическаго переворота; это Комнены, Палеологи въ феодальномъ мірѣ. Природа ничего не имѣетъ противъ этого, также какъ исторія. Мы ей подкладываемъ сентиментальную личность и наши страсти, мы забываемъ нашъ метафорическій языкъ и принимаемъ образъ выраженія за самое дѣло. Не замѣчая нелѣпости, мы вносимъ маленькія правила нашего домашняго хозяйства во всемірную экономію, для которой жизнь поколѣній, народовъ, цѣлыхъ планетъ не имѣетъ никакой важности въ отношеніи къ общему развитію. Въ противоположность намъ субъективнымъ, любящимъ одно личное, для природы гибель частнаго, исполненіе той-же необходимости, той-же игры жизни, какъ возникновеніе его, она не жалѣетъ объ немъ потому, что изъ ея широкихъ объятій ничего не можетъ утратиться, какъ ни измѣняйся.

1 октября 1848 года.*)

Champs Elysees.

*) Слѣдуетъ вѣроятно читать *1 Ноября*, такъ какъ эпиграфомъ этой главы взята фраза изъ рѣчи Ледрю-Роллена, произнесенной 22 Октября.

Прим, Изд.

IV.

VIXERUNT!

СМЕРТЮ СМЕРТЬ ПОПРАВЪ.

(Заутреня передъ Свѣтлымъ Воскресеніемъ.)

Двадцатое Ноября 1848 года, въ Парижѣ, погода была ужасная, суровый вѣтеръ съ преждевременнымъ снѣгомъ и инеемъ въ первый разъ послѣ лѣта напоминалъ о приближеніи зимы. Зимы ждутъ здѣсь какъ общественнаго несчастія, неимущіе приготавлиются дрогнуть въ нетопленныхъ маисардахъ. безъ теплой одежды, безъ достаточной пищи; смертность увеличивается въ эти два мѣсяца изморози, гололедицы и сырости; лихорадки изнуряютъ и лишаютъ силы рабочихъ людей.

Въ этотъ день совсѣмъ не разсвѣтало, мокрый снѣгъ, тая, падалъ непрерывно въ туманномъ воздухѣ, вѣтеръ рвалъ шляпы и съ ожесточеніемъ тормозилъ сотни трехцвѣтныхъ флаговъ, привязанныхъ къ высокимъ шестамъ около площади Согласія. Густыми массами стояли на ней войска и народная стража, въ воротахъ тьюльрійскаго сада былъ разбитъ какой-то наметъ съ христіанскимъ крестомъ на верху; отъ сада до обелиска площадь, оцѣпленная солдатами, была пуста. Линейные полки, мобиль, уланы, драгуны, артиллерія наполняли всѣ улицы, идущія къ площади. Незнавшему нельзя было догадаться, что тутъ готовилось.... не сновали царская казнь.... не объявленіе ли что отечество въ опасности....? — Нѣтъ, это было 21 января не для короля, а для народа, для революціи.... это были похороны 24 февраля.

Часу въ девятомъ утра нестройная кучка пожилыхъ людей стала пробираться черезъ мостъ; печально плелись они, поднявши воротники пальто и выскивая не твердой ногой гдѣ посуше ступить. Передъ ними шли двое вожатыхъ. Одинъ, закутанный въ африканской кабанъ, едва выказывалъ жесткія, суровыя черты средне-вѣковаго кондотьера; въ его исхудаломъ и болѣзненномъ лицѣ не примѣнивалось ничего человѣческаго, смягчающаго къ чертамъ хищной птицы; отъ хилой фигуры его вѣяло бѣдой и несчастіемъ. Другой, толстый, разодѣтый, съ кудрявыми сѣдыми волосами, шелъ въ одномъ фракѣ, съ видомъ изученной, оскорбительной небрежности; на его лицѣ, нѣкогда красивомъ, осталось одно выраженіе сладострастно-сознательнаго довольства почетомъ, своимъ мѣстомъ.

Ни какое привѣтствіе не встрѣтило ихъ, одни почорныя ружья брякнули на караулъ. Въ то-же время, съ противоположной стороны, отъ Мадлены, двигалась другая кучка людей, еще болѣе странныхъ, въ средне-вѣковомъ нарядѣ, въ митрахъ и ризахъ; — окруженные кадильницами, съ четками и молитвенниками, они казались давно умершими и забытыми тѣнями феодальныхъ вѣковъ.

Зачѣмъ шли тѣ и другіе?

Одни шли провозглашать, подъ охраною ста тысячъ штыковъ, *народную волю*, уложеніе, составленное подъ выстрѣлами, обдуманное въ осадномъ положеніи — во имя *свободы, равенства и братства*; другіе шли благословить этотъ плодъ философіи и революціи *во имя отца и сына и святаго духа!*

Народъ не пришелъ даже взглянуть на эту пародію. Онъ грустными толпами гулялъ около общаго гроба всѣхъ падшихъ за него братій. около іюньской колон-

ны. Мелкіе лавочники, разнощики, сидѣльцы, дворники близъ лежащихъ домовъ, трактирные слуги, да наша братья — иностранные туристы — составляли кайму за шпалерами войскъ и вооруженныхъ буржуа. Но и эти зрители смотрѣли съ удивленіемъ на чтеніе, котораго слышать было невозможно, на маскарадныя платья судей — красныя, черныя, съ мѣхомъ и безъ мѣха, на снѣгъ, который хлесталъ въ глаза, на боевой порядокъ войскъ, которому придавали что-то грозное выстрѣлы съ эспланады инвалиднаго дома. Солдаты и пальба невольно напоминали іюньскіе дни, сердце сжималось. Лица у всѣхъ были озабочены, будто всѣ имѣли сознание своей неправоты — одни оттого, что совершаютъ преступленіе, другіе оттого, что участвуютъ въ немъ, допустивъ его. При малѣйшемъ шорохѣ, шумѣ, тысячи головъ оборачивались, ожидая вслѣдъ за тѣмъ свистъ пули, крикъ возстанія, мѣрный звукъ набата. Вьюга продолжалась. Войска, промокнувшіе до костей, роптали; наконецъ ударилъ барабанъ, масса шевельнулась и началась безконечная дефилея подъ бѣдныя звуки *Mourir pour la patrie*, которыми замѣнили великую *Марсельезу*.

Около этого времени, молодой человекъ, съ которымъ мы уже знакомы, продрался сквозь толпу къ человекъу среднихъ лѣтъ и сказалъ ему съ знаками истинной радости:

— Вотъ неожиданное счастье, я не зналъ, что вы здѣсь.

— Ахъ, здравствуйте! — отвѣчалъ тотъ, дружески протягивая ему обѣ руки, — давно-ли вы пріѣхали?

— На дняхъ.

— Откуда?

— Изъ Италіи.

— Ну что, плохо?

— Лучше не говорить.... скверно.

— То-то, мой милый мечтатель и идеалистъ — я зналъ, что вы не устоите противъ февральскаго искушенія и приготовите себѣ этимъ много страданій, страданія всегда достигаютъ уровни надеждъ.... Вы все жаловались на застои, на дремоту въ Европѣ. Съ этой стороны, кажется, нельзя ее упрекнуть теперь?

— Не смѣйтесь! Есть обстоятельства, надъ которыми смѣяться не хорошо, какой бы скептицизмъ ни былъ въ душѣ. Слезъ не достаетъ подь часъ, время-ли трунить? Миѣ, я признаюсь вамъ, страшно обернуться, страшно вспомнить; году еще нѣтъ, какъ мы съ вами расстались, а точно вѣкъ прошелъ. Видѣть исполняющимися все лучшія упованія, все задушевные надежды, видѣть возможность ихъ осуществленія—и пасть такъ глубоко, такъ низко! все утратить и не въ бою, не въ борьбѣ съ врагомъ, а отъ собственнаго безсилія, неумѣнья — это страшно. Миѣ стыдно встрѣчаться съ какимъ-нибудь легитимистомъ; они смѣются въ глаза и я чувствую, что они правы. Какая школа—не развитія, а пригупленія всѣхъ способностей. Я ужасно радъ, что столкнулся съ вами, у меня наконецъ просто сдѣлалась необходимость васъ видѣть; я съ вами заочно ссорился и мирился, написалъ какъ-то вамъ предлинное письмо и теперь душевно радъ, что изодралъ его—оно было полно дерзкихъ надеждъ, я думалъ васъ побить ими, а теперь миѣ хотѣлось бы, чтобъ вы окончательно увѣрили меня, что этотъ міръ гибнетъ, что ему выхода нѣтъ, что ему назначено заглухнуть, порости травой. Теперь вы меня не огорчите, да впрочемъ я и не ждалъ облегченія отъ встрѣчи съ вами; отъ вашихъ словъ миѣ становится всякой разъ тяжеле,

а не легче... да я этого-то и хочу.... убѣдите меня, и я завтра ѣду въ Марсель и отправляюсь съ первымъ пароходомъ въ Америку или въ Египеть, лишь бы вонъ изъ Европы. Я усталъ, я изнемогаю здѣсь, я чувствую болѣзнь въ груди, въ мозгу, я сойду съ ума, если останусь.

— Мало нервныхъ болѣзней упорнѣе идеализма. Я васъ застаю послѣ всѣхъ событій, случившихся въ послѣднее время, такимъ, какъ оставилъ. Вы лучше хотите страдать нежели понимать. Идеалисты большіе баблони и большіе трусы; я ужъ извинялся за это выраженіе, вы знаете, что тутъ рѣчь не о личной храбрости, ея почти слишкомъ много. Идеалисты трусы передъ истиной, вы ее отталкиваете, вы боитесь фактовъ, не идущихъ подъ ваши теоріи. Вы думаете, что, помимо вами открытыхъ путей, нѣтъ міру спасенія; вы хотите, чтобъ за вашу преданность, міръ плясалъ по вашей дудкѣ, и какъ только замѣчаете, что у него свой шагъ и свой тактъ, вы сердитесь, вы въ отчаяніи, вы даже не имѣете любопытства посмотрѣть на его собственную пляску.

— Называйте, какъ хотите, трусостью или глупостью—но дѣйствительно у меня нѣтъ любопытства видѣть этотъ макабрской тапецъ, у меня нѣтъ пристрастія римлянъ къ страшнымъ зрѣлищамъ, можетъ оттого, что я не понимаю всѣхъ тонкостей искусства умирать.

— Достоинство любопытства мѣряется достоинствомъ зрѣлища. Публика Колизея состояла изъ той же праздно толпы, которая тѣснилась на аутодафе, на казняхъ, сегодня пришла сюда, чтобъ чѣмъ нибудь занять внутреннюю пустоту, завтра пойдетъ съ тѣмъ-же усердіемъ смотрѣть, какъ будутъ вѣшать кого нибудь изъ

нынѣшнихъ героевъ. Есть другое, болѣе почтенное любопытство, корни его въ болѣе здоровой почвѣ, оно ведетъ къ знанію, къ изученію, оно мучится объ неоткрытой части свѣта, подвергается заразѣ, чтобъ узнать ея свойство.

— Словомъ, которое имѣеть въ виду пользу, но какая-же польза смотрѣть на умирающаго, зная, что время помощи прошло? Это просто поэзія любопытства.

— Для меня это поэтическое любопытство, какъ вы называете его, чрезвычайно человѣчественно — я уважаю Плинія, остающагося досматривать грозное изверженіе Везувія въ своей лодкѣ, забывающаго явную опасность. Удалиться было благоразумнѣе и во всякомъ случаѣ покойнѣе.

— Я понимаю намекъ; но сравненіе ваше не совѣмъ идетъ, при гибели Помпей нечего было дѣлать человѣку, смотрѣть или идти прочь зависѣло отъ него. Я хочу уйти не отъ опасности, а оттого, что не могу остаться дольше; подвергаться опасности гораздо легче, чѣмъ кажется издали; но видѣть гибель, сложа руки, знать что не принесешь никакой пользы, понимать, чѣмъ можно бы помочь и не имѣть возможности передать, указать, растолковать; быть празднымъ свидѣтелемъ, какъ люди, пораженные какимъ то повальнымъ безуміемъ, мечутся, крутятся, губятъ другъ друга, какъ ломится цѣлая цивилизація, цѣлый міръ, вызывая хаосъ и разрушеніе—это выше силъ человѣка. Съ Везувіемъ нечего дѣлать, но въ мірѣ исторіи человѣкъ дома, тутъ онъ не только зритель, но и дѣятель, тутъ онъ имѣеть голосъ и если не можетъ принять участія, онъ долженъ протестовать хоть своимъ отсутствіемъ.

— Человѣкъ конечно дома въ исторіи, — но изъ вашихъ словъ можно подуматъ, что онъ гость въ приро-

дѣ; какъ будто между природой и исторіей каменная стѣна. Я думаю, онъ тамъ и тутъ дома, но ни тамъ, ни тутъ не самовластный хозяинъ. Человѣкъ оттого не оскорбляется непокорностью природы, что ея самобытность очевидна для него; мы вѣримъ въ ея дѣйствительность независимую отъ насъ; а въ дѣйствительность исторіи, особенно современной, не вѣримъ; въ исторіи человѣку кажется воля вольная дѣлать, что хочетъ. Все это горькіе слѣды дуализма, отъ котораго такъ долго двоялось у насъ въ глазахъ и мы колебались между двумя оптическими обманами; дуализмъ утратилъ свою грубость, но и теперь незамѣтно остается въ нашей душѣ. Нашъ языкъ, наши первыя понятія, сдѣлавшіяся естественными отъ привычки, отъ повтореній, мѣшаютъ видѣть истину. Еслибъ мы не знали съ пятилѣтняго возраста, что исторія и природа совершенно разное, намъ было бы легко понимать, что развитіе природы незамѣтно переходитъ въ развитіе человѣчества; что это двѣ главы одного романа, двѣ фазы одного процесса, очень далекія на краяхъ и чрезвычайно близкія въ серединѣ. Намъ не удивило бы тогда, что доля всего совершающагося въ исторіи покорена физиологіи, темнымъ влеченіямъ. Разумѣется, законы историческаго развитія не противоположны законамъ логики, но они не совпадаютъ въ своихъ путяхъ съ путями мысли; такъ какъ ничто въ природѣ не совпадаетъ съ отвлеченными нормами, которыя троютъ чистый разумъ. Зная это, мы устремились бы на изученіе, на открытіе этихъ физиологическихъ вліяній. Дѣлаемъ ли мы это? Занимался-ли кто-нибудь серьезно физиологіей общественной жизни, исторіей, какъ дѣйствительно объективной наукой? — никто, ни консерваторы, ни радикалы, ни философы, ни исторыки.

— Однако дѣйствовали много; можетъ потому, что намъ такъ-же естественно дѣлать исторію, какъ пчелѣ медъ, что это не плодъ размышленій, а внутренняя потребность духа человѣческаго.

— Вы хотите сказать инстинктъ. Вы правы, онъ вель, онъ и теперь еще ведетъ массы. Но мы не въ томъ положеніи, мы утратили дикую мѣткость инстинкта, мы на столько рефлектеры, что заглушили въ себѣ естественныя влеченія, которыми исторія пробивается къ дальнѣйшему. Мы вообще городскіе жители, равно лишенные физическаго и нравственнаго такта,—земледѣлецъ, морякъ знаетъ впередъ погоду, а мы нѣтъ. У насъ осталось отъ инстинкта одно безпокойное желаніе дѣйствовать—и это прекрасно. Сознательнаго дѣйствія, т. е. такого, которое бы вполнѣ удовлетворяло, не можетъ еще быть, мы дѣйствуемъ оцущью. Мы все пробуемъ втѣснять свои мысли, свои желанія — средѣ, насъ окружающей, и эти опыты, постоянно неудачные, служатъ для нашего воспитанія. Вы досадуете, что народы не исполняютъ мысль дорогую вамъ, ясную для васъ, что они не умѣютъ спастись оружіями, которыя вы имъ даете — и перестать страдать; но почему вы думаете, что народъ именно долженъ исполнять вашу мысль, а не свою, именно въ это время, а не въ другое? увѣрены-ли вы, что средство, вами придуманное, не имѣетъ неудобствъ; увѣрены-ли вы, что онъ понимаетъ его, увѣрены-ли вы, что нѣтъ другого средства, что нѣтъ цѣлей шире?—Вы можете угадать народную мысль, это будетъ удача, но скорѣй вы ошибетесь. Вы и массы принадлежите двумъ разнымъ образованіямъ, между вами вѣка, больше нежели океаны, которые теперь переплываютъ такъ легко. Массы полны тайныхъ влеченій, полны страстныхъ порывовъ, у нихъ мысль

не разъединилась съ фантазіей, у нихъ она не остается по нашему теоріей, она у нихъ тотчасъ переходитъ въ дѣйствіе, имъ оттого и трудно иривить мысль, что она не шутка для нихъ. Оттого онѣ иногда обгоняютъ самыхъ смѣлыхъ мыслителей, увлекаютъ ихъ по неволѣ, покидаютъ середь дороги тѣхъ, которымъ поклонялись вчера, и отстаютъ отъ другихъ вопреки очевидности; онѣ дѣти, онѣ женщины, онѣ капризны, бурны, непостоянны. вмѣсто того чтобъ изучить эту самобытную фізіологію рода человѣческаго, сродниться, понять ея пути, ея законы, мы принимаемся крпиковать, учить, приходимъ въ негодованіе, сердиться; какъ будто народы или природа отвѣчаютъ за что-нибудь, какъ будто имъ есть дѣло, правится-ли намъ или не нравится ихъ жизнь, которая влечетъ ихъ по неволѣ къ неяснымъ цѣлямъ и безотвѣтнымъ дѣйствіямъ! До сихъ поръ это дидактическое, жресческое отношеніе имѣло свое оправданіе, но теперь оно становится смѣшно и ведетъ насъ къ битой роли—разочарованныхъ. Вы обижены тѣмъ, что дѣлается въ Европѣ, васъ возмущаетъ эта свирѣпая, тупая и побѣдоносная реакція; и меня также, но вы вѣрны романтизму — сердитесь, хотите бѣжать для того только, чтобъ не видать истины. Я согласенъ, что пора выходить изъ нашей искусственной, условной жизни, но не бѣгствомъ въ Америку. Что вы тамъ найдете? Сѣверные штаты послѣднее, опрятное изданіе того-же феодально-христіанскаго текста, да еще въ грубомъ англійскомъ переводѣ; годъ тому назадъ отъѣздъ вашъ не имѣлъ бы ничего удивительнаго — обстоятельства тащились томно, вяло. А какъ-же ѣхать въ пушій разгаръ перелома, когда все въ Европѣ бродитъ, работаетъ, когда падаютъ вѣковыя стѣны, кумиръ валится за кумиромъ, когда въ Вѣнѣ научились строить барикады....

— А въ Парижѣ научились ихъ ломать ядрами. Когда вмѣстѣ съ кумпрами, (которые впрочемъ возстановляются на другой день), падаютъ на всегда лучшіе плоды европейской жизни, такъ трудно выработанные, вырощенные вѣками. Я вижу судъ, я вижу казнь, смерть; но я не вижу ни воскресенія, ни помилованія. Эта часть свѣта кончила свое, силы ея истощились; народы, живущіе въ этой полосѣ, дожили до конца своего призванія, они начинаютъ тупѣть, отставать. Исторія по видимому нашла другое русло; я иду туда; вы мнѣ сами доказывали въ прошломъ году что-то подобное — помните, на парходѣ, когда мы плыли изъ Генуи въ Чивитту.

— Помню, это было *передъ грозой*. Только тогда вы возражали мнѣ, а теперь согласился черезъ край. Вы не жизнью, не мыслию дошли до вашего новаго взгляда, оттого вмѣсто спокойнаго характера, онъ имѣеть у васъ характеръ судорожный; вы дошли до него раг дѣріт, отъ минутнаго отчаянія, которымъ вы наивно и безъ намѣренія прикрыли прежнія надежды. Еслибъ этотъ взглядъ не былъ въ васъ капризомъ будирующаго любовника, а просто трезвымъ знаніемъ того что дѣлается, вы иначе выражались бы, иначе смотрѣли бы; вы оставили бы личную гансипе, вы забыли бы себя, тронутые и исполненные ужаса; при видѣ трагической судьбы, совершающейся передъ вашими глазами; но идеалисты скупы на то чтобъ отдаваться, они такъ же упорно себялюбивы, какъ монахи, которые переносятъ всякія лишенія, не выпуская изъ виду себя, свою личность, награду. Чего вы боитесь оставаться здѣсь? развѣ вы уходите изъ театра при началѣ пятаго дѣйствія каждой трагедіи, боясь разстроить нервы? . . . Судьба Эдипа не облегчится тѣмъ, что вы оставите

партеръ, онъ все такъ-же погибнетъ. Оставаться до послѣдней сцены лучше, иногда зритель задавленный, несчастіемъ Гамлета, встрѣтилъ молодаго Фортинбраса, полнаго жизни и надеждъ. Самое зрѣлище смерти торжественно—въ немъ лежитъ великое поученіе.... Туча, висѣвшая надъ Европой, не позволявшая никому свободно дышать, разразилась, молнія за молніей, ударъ за ударомъ. земля трясется, а вы хотите бѣжать оттого, что Радецкій взялъ Миланъ, а Каваньякъ Парижъ. Вотъ что значить не признавать объективность исторіи; я ненавижу смиреніе, но въ этихъ случаяхъ смиреніе показываетъ пониманье, тутъ мѣсто покорности передъ исторіей, признанія ея. Сверхъ того, она лучше идетъ, нежели можно было ожидать. За что-же вы сердитесь? Мы приготовлялись зачахнуть, увянуть въ нездоровой и утомительной средѣ медленнаго старчества, а у Европы вмѣсто малярии открылся тифусъ; она рушится, разваливается, таетъ, забывается.... забывается до того, что въ ея борьбахъ обѣ стороны бредятъ и не понимаютъ больше ни себя, ни врага. Пятое дѣйствіе трагедіи началось 24 февраля; грусть, трепетное состояніе духа совершенно естественно, ни одинъ серьезный человѣкъ не глумится при такихъ событіяхъ, но это далеко отъ отчаянія и отъ вашего взгляда. Вы воображаете, что вы отчаяваетесь оттого, что вы революціонеръ и ошибаетесь; вы отчаяваетесь оттого, что вы консерваторъ.

— Очень благодаренъ; по вашему, я стою на одной доскѣ съ Радецкимъ и Виндигрецомъ.

— Нѣтъ, вы гораздо хуже. Какой-же консерваторъ Радецкій? онъ все ломаетъ, онъ чуть не подорвалъ пороховъ Миланской соборъ. Неужели вы серьезно полагаете, что это консерватизмъ, когда дикіе Кроаты

беруть приступомъ австрійскіе города и не оставляють тамъ камня на камень? Ни они, ни ихъ генералы не знаютъ, что дѣлають, но только они не *хранятъ*. Вы все судите по знаменамъ: эти за императора—консерваторы, эти за республику—революціонеры. Нынче монархическое начало и консерватизмъ дерутся съ обѣихъ сторонъ. Самый вредный консерватизмъ тотъ, который со стороны республики, тотъ, который проповѣдуете вы.

— Однако не мѣшало бы сказать, что я стремлюсь сохранить, въ чемъ именно вы находите мой *революціонный* консерватизмъ?

— Скажите, вѣдь вамъ досадно, что конституція, которую сегодня провозглашаютъ, такъ глупа?

— Разумѣется.

— Васъ сердить, что движеніе въ Германіи ушло сквозь франкфуртскую воронку и исчезло, что Карлъ Альбертъ не отсталялъ независимость Италіи, что Пій IX оказывается какъ-то пзъ рукъ вонъ плохъ?

— Что-же пзъ этого? я не хочу и защищаться.

— Это-то и есть консерватизмъ. Еслибъ ваши желанія исполнились, вышло бы торжественное оправданіе стараго міра. Все было бы оправдано — кромѣ революціи.

— Стало быть, намъ остается радоваться, что Австрійцы побѣдили Ломбардію?

— Зачѣмъ-же радоваться? Ни радоваться, ни удивляться; Ломбардія не могла освободиться демонстраціями въ Миланѣ и помощію Карла Альберта.

— Хорошо намъ здѣсь разсуждать объ этомъ *sub specie eternitatis*... Впрочемъ я умѣю отдѣлять человека отъ его діалектики; я увѣренъ, что вы забыли бы всѣ ваши теоріи передъ горами труповъ, передъ огра-

бленными городами, оскорбленными женщинами, передъ дикими солдатами въ бѣлыхъ мундирахъ.

— Вы вмѣсто отвѣта дѣлаете воззваніе къ состраданію, которое всегда удается. Сердце есть у всѣхъ, кромѣ у нравственныхъ уродовъ. Судьбой Милана такъ же легко тронуть какъ судьбою герцогини Ламбаль, человѣку естественно сострадать; вы не вѣрьте Лукрецію, что нѣтъ больше наслажденія, какъ смотрѣть съ берега на тонущій корабль — это клевета поэта. Случайныя жертвы, падающія отъ дикой силы, возмущаютъ все нравственное существо наше. Я не видалъ Радецаго въ Миланѣ, но видѣлъ чуму въ Александрію, я знаю, какъ эти роковые бичи унижаютъ, оскорбляютъ человѣка, но на этомъ плачѣ останавливаться — бѣдно, слабо. Рядомъ съ негодованіемъ въ душѣ является непреоборимое желаніе противудѣйствія, борьбы, изслѣдованія, изысканія средствъ, причинъ. Чувствительностию не разрѣшишь этихъ вопросовъ. Доктора разсуждаютъ о трудно-больномъ не такъ, какъ безутѣшные родственники; они могутъ въ душѣ плакать, принимать участіе, но для борьбы съ болѣзнію надобно пониманіе, а не слезы. Наконецъ, какъ бы врачъ ни любилъ больного, онъ не долженъ теряться, онъ не долженъ удивляться приближенію смерти, неотразимости которой онъ понялъ. Впрочемъ, если вы жалѣете только людей, гибнувшихъ при этомъ страшномъ броженіи и разгромѣ, вы правы; къ безчувственности надобно воспитаться; люди, не имѣющіе никакого состраданія къ ближнему — военачальники, министры, судьи, палачи — всею жизнію своей отучали себя отъ всего человѣческаго, еслибъ имъ не удалось это, они остановились бы на поль-дорогѣ. Ваша скорбь вполне оправдана, и я не имѣю для васъ утѣшеній — развѣ одни количе-

ственные: вспомните, что все случившееся, отъ возста-
нiя въ Палермѣ до взятiя Вѣны не стоило Европѣ
трети людей, погибнувшихъ подъ Эйлау, на примѣрѣ.
Наши понятiя такъ еще сбиты, что мы не умѣемъ счи-
тать падшихъ, если они пали въ рядахъ, куда ихъ
привела не охота драться, не убѣжденiе, а *граждан-
ская чума*, называемая рекрутствомъ. Павшiе за барп-
кадами знали по крайней мѣрѣ, за что падаютъ; ну а
тѣ еслибъ могли слышать, чѣмъ началось рѣчное сви-
данiе двухъ императоровъ, имъ пришлось бы краснѣть
за свою храбрость. „Изъ чего мы съ вами деремся? —
спросилъ Наполеонъ — это одно недоразумѣнiе!“ „Въ
самомъ дѣлѣ, не изъ чего“ — отвѣчалъ Александръ и
они поцѣловались. Десятки тысячъ воиновъ, съ удиви-
тельной отвагой, перебили бездну другихъ и сами ле-
гли костью изъ-за *недоразумѣнiя*. Какъ бы то ни бы-
ло, мало-ли, много-ли погибло людей, повторяю, ихъ
жалъ, очень жалъ. Но мнѣ кажется, что вы печалитесь
не объ однихъ людяхъ, вы еще что-то оплакиваете!

— Очень многое. Я оплакиваю революцію 24 февра-
ля, такъ величественно начавшуюся и такъ скромно
погибнувшую. Республика была возможна, я ее видѣлъ,
я дышалъ ея воздухомъ; республика была не мечта, а
быль, и что-же изъ нея сдѣлалось? Мнѣ ее жалъ, такъ
какъ жалъ Италию, проснувшуюся для того, чтобъ на
другой день быть побѣжденной, такъ какъ жалъ Гер-
манiю, которая встала во весь ростъ для того, чтобъ
упасть къ ногамъ своихъ тридцати помѣщиковъ. Мнѣ
жалъ, что человѣчество опять отодвинулось на цѣлое
поколѣнiе, что движенiе опять заморожено, остановлено.

— Что касается до движенiя собственно, его не уй-
мешь. Девизъ нашего времени, больше нежели когда-
нибудь, *semper in motu...* видите, какъ я былъ правъ,

упрекая васъ въ консерватизмѣ, онъ у васъ доходитъ до противурѣчій. Не вы-ли мнѣ рассказывали, годъ тому назадъ, о страшномъ нравственномъ паденіи образованныхъ сословій во Франціи и вдругъ повѣрили, что за ночь изъ нихъ сдѣлались республиканцы, оттого что народъ прогналъ въ три шеи упрямаго старика и на мѣсто упорнаго квекера, окруженнаго мелкими дипломатами, позволилъ сѣсть безхарактерному теофилантропу, окруженному мелкими журналистами.

— Теперь легко быть проникательнымъ.

— И тогда было не трудно, 26 февраля опредѣлило весь характеръ 24-го. Всѣ неконсерваторы поняли, что эта республика игра словъ — Бланки и Прудонъ, Распаль и Пьеръ Леру. Тутъ не даръ пророчества нуженъ, а навыкъ добросовѣстнаго изученія, привычка наблюдать, вотъ оттого-то я и рекомендую укрѣплять, изоощрять умъ естественными науками. Натуралистъ привыкаетъ не вносить, до поры, до времени, ничего своего, слѣдить, выжидаетъ; онъ не проронитъ ни одного признака, ни одной перемѣны, онъ ищетъ истину безкорыстно, не подкладывая ни любви своей, ни своей ненависти. Замѣьте, что самый проникательный публицистъ первой революціи былъ коноваль и что химикъ *) 27 февраля печаталъ въ своемъ журналѣ, который сожгли студенты въ *quartier latin*, то, что теперь всѣ увидѣли, но чего уже поправить нельзя. Непростительно было ждать что-нибудь отъ политическаго сюрприза 24 февраля — кромѣ броженія; оно и началось съ этого дня и это великій результатъ его; отрицать броженія нельзя, оно влечетъ Францію и всю Европу отъ потрясенія къ потрясенію. Того-ли вы хотѣли, того-ли жда-

*) Распаль.

ли? Нѣтъ, вы ждали, что *благорозумная* республика удержится на золотушныхъ ножкахъ ламартинольской елейности, обернутыхъ бюлтенями Ледрю-Роллена. Это было бы всемірное несчастье, такая республика была бы самымъ тяжелымъ тормазомъ, который задержалъ бы всѣ колеса исторіи. Республика временнаго правительства, основанная на старыхъ монархическихъ началахъ, была бы вреднѣе всякой монархіи. Она явилась не какъ нелѣпость насилія, а какъ вольное соглашеніе, не какъ историческое несчастье, а какъ нѣчто рациональное, справедливое съ своимъ тупымъ большинствомъ голосовъ и съ своею ложью на знамени. Слово „республика“ имѣло ту нравственную силу, которой нѣтъ больше ни у одного трона; обманывая своимъ именемъ, она ставила подпорки для поддержки падающаго государственнаго устройства. Реакція спасла движеніе, реакція сбросила маски и этимъ снасла революцію. Люди, которые годы остались бы въ опьяненіи отъ ламартиновскаго лауданума, протрезвѣли отъ трехмѣсячнаго осаднаго положенія; они знаютъ теперь, что значитъ усмирять возмущенія по понятіямъ *этой* республики. Вещи, которыя были понятны для нѣсколькихъ человѣкъ, сдѣлались доступны всѣмъ: всѣ знаютъ, что не Каваньякъ виноватъ въ томъ, что дѣлалось, что винить палача глупо, что онъ больше гадокъ нежели виноватъ. Реакція сама подрубила ноги послѣднимъ кумирамъ, за которыми какъ за престоломъ въ алтарѣ прятался старый порядокъ. Народъ не вѣритъ теперь въ республику и превосходно дѣлаетъ, пора перестать вѣрить въ какую бъ то ни было единую, спасающую церковь. Религія республики была на мѣстѣ въ 93 г., и тогда она была колоссальна, велика, тогда она произвела этотъ величавый рядъ гигантовъ, которыми за-

мыкается длинная эра политическихъ переворотовъ. Формальная республика показала себя послѣ юньскихъ дней. Теперь начинаютъ понимать несомнѣстность *братства и равенства* съ этими капканами, называемыми асизами, *свободы* и этихъ бойнь, подъ именемъ военно-судныхъ комиссій; теперь никто не вѣритъ въ подтасованныхъ присяжныхъ, которые рѣшаютъ въ жмурки судьбу людей, безъ апелляціи; въ гражданское устройство, защищающее только собственность, ссылающее людей въ видѣ мѣры общественнаго спасенія, содержащее хоть сто человекъ постоянного войска, которые, не спрашивая причины, готовы спустить курокъ по первой командѣ. Вотъ польза реакціи. Сомнѣнія бродятъ, занимаютъ умы, заставляютъ задумываться; а не легко было дойти до нихъ, особенно французамъ, которые чрезвычайно туги на пониманіе новаго, не смотря на всю остроту свою. Тоже въ Германіи; Берлину, Вѣнѣ удалось сначала, они-было обрадовались своимъ дѣламъ, своимъ хартіямъ, о которыхъ скромно вздыхали тридцать пять лѣтъ. Теперь, испытавъ реакцію и зная по опыту что такое дѣты и камеры, они не удовлетворятся никакой хартіей, ни данной, ни взятой, онѣ сдѣлались для нѣмцевъ то, что для человека игрушка, о которой онъ мечталъ ребенкомъ. Европа догадалась, благодаря реакціи, что представительная система хитро придуманное средство перегонять въ слова и безконечные споры общественныя потребности и энергическую готовность дѣйствовать. вмѣсто того, чтобъ радоваться этому, вы негодуете. Вы негодуете за то, что національное собраніе, составленное изъ реакціонеровъ, облеченное нелѣпой властію, подъ вліяніемъ трусости вотировало нелѣпость; а помоему это великое доказательство, что ни этихъ вселенскихъ соборовъ для

законодательства, ни представителей въ родѣ перво-священниковъ—вовсе не нужно, что умной конституціи теперь вотировать не возможно. Не смѣшно-ли писать уложеніе для грядущихъ поколѣній, когда у драхлаго міра едва есть время на то, чтобъ распорядиться будущимъ и продиктовать какъ-нибудь духовное завѣщаніе? Вы оттого не рукоплещете всѣмъ этимъ неудачамъ, что вы консерваторъ, что вы, сознательно или нѣтъ, принадлежите къ этому міру. Въ прошломъ году, сердясь, негодуя на него, вы не выходили изъ него; за это онъ обманулъ васъ 24 февраля; вы повѣрили, что онъ можетъ спастись домашними средствами, агитаціей, реформами, что онъ можетъ обновиться, оставаясь при старомъ; вы вѣрили, что онъ *можетъ* исправиться и теперь вѣрите. Сдѣлался уличный бунтъ; провозгласи французъ Ледрю-Роллена президентомъ, вы опять взойдете въ восторгъ. Пока вы молоды это простиительно, но оставаться въ этомъ направленіи на долго я не совѣтую, вы сдѣлаетесь смѣшны. У васъ натура живая, воспримчивая — переступите послѣдній заборъ, отрясите послѣднюю пыль съ сапоговъ вашихъ и убѣдитесь, что маленькія революціи, маленькія перемѣны, маленькія республики недостаточны, кругъ дѣйствія ихъ слишкомъ ограниченъ, онѣ теряютъ всякой интересъ. Не надобно имъ поддаваться, всѣ они заражены консерватизмомъ. Я отдаю имъ справедливость, разумѣется, они имѣютъ свою хорошую сторону; въ Римѣ при Шии IX стало лучше жить, нежели при пьяномъ и зломъ Григоріи XVI; республика 26 февраля въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даетъ болѣе удобную форму для новыхъ идей, нежели монархія, но всѣ эти пальятивныя средства столько-же вредны, сколько полезны, они минутнымъ облегченіемъ заставляютъ забыть болѣзнь. А потомъ

какъ взглядишься въ эти улучшенія, какъ посмотришь съ какимъ кислымъ, недовольнымъ лицомъ дѣлаются онѣ, какъ всякую уступку представляютъ благодѣяніемъ, даютъ нехотя, оскорбляя — такъ право охота пройдетъ слишкомъ дорого цѣнить ихъ услугу. Я не умѣю выбирать между рабствами, такъ какъ между религіями; у меня вкусъ притупился, я не въ состояніи различать тонкостей; которое рабство хуже, которое лучше, которая религія ближе къ спасенію, которая дальше, что притѣснительнѣе: *честная* республика или *честная* монархія, революціонный консерватизмъ Радцакаго или консервативная революціонность Каваньяка, что пошлѣе: квекеры или іезуиты, что хуже розги или краподина. Съ обѣихъ сторонъ рабство, съ одной хитрое, прикрытое именемъ свободы и слѣдственно опасное; съ другой дикое, животное и слѣдственно бросающееся въ глаза. Но счастью они другъ въ другъ не узнаютъ родственныхъ чертъ и готовы ежеминутно вступить въ бой; пусть борются, пусть составляютъ коалиціи, пусть грызутъ другъ друга и тащутъ въ могилу. Кто бы изъ нихъ ни восторжествовалъ, ложь или насиліе, на первый случай это побѣда не для насъ, а впрочемъ и не для нихъ, все, что побѣдители успѣютъ, это, ловко попировать денекъ, другой.

— А памъ оставаться по прежнему зрителями, вѣчными зрителями, жалкими присяжными, которыхъ приговоръ не исполняется; понятыми, въ свидѣтельствѣ которыхъ не пуждаются. Я удивляюсь вамъ и не знаю, долженъ-ли завидовать или иѣтъ. Съ такимъ дѣятельнымъ умомъ у васъ столько—какъ бы это сказать? — столько воздержности.

— Что дѣлать? Я себя не хочу насловать, искренность и независимость мои кумиры, мнѣ не хочется

стать ни подъ то, ни подъ другое знамя; оба стана такъ хорошо стоятъ на дорогѣ къ кладбищу, что мощь моя имъ не нужна. Такія положенія бывали и прежде. Какое участіе могли принимать христіане въ римскихъ борьбахъ за претендентовъ на императорство? ихъ называли трусами, они улыбались и дѣлали свое дѣло, молились и проповѣдывали.

— Проповѣдывали потому, что были сильны вѣрою, имѣли единство ученія; гдѣ у насъ Евангеліе, новая жизнь, къ которой мы зовемъ, добрая вѣсть, о которой мы призваны свидѣтельствовать міру?

— Проповѣдуйте вѣсть о смерти, указывайте людямъ каждую новую рану на груди стараго міра, каждый успѣхъ разрушенія; указывайте хилость его начинаній, мелкость его домогательствъ, указывайте, что ему нельзя выздоровѣть, что у него нѣтъ ни опоры, ни вѣры въ себя, что его никто не любитъ въ самомъ дѣлѣ, что онъ держится на недоразумѣніяхъ; указывайте, что каждая его побѣда ему-же ударъ; проповѣдуйте *смерть* какъ добрую вѣсть приближающагося искупленія.

— Ужъ не лучше-ли молиться?.. Кому проповѣдывать, когда съ обѣихъ сторонъ падаютъ ряды жертвъ? это одинъ парижскій архіерей не зналъ, что во время сраженія ни у кого нѣтъ уха. Погодимте еще немного; когда борьба кончится, тогда начнемте проповѣдывать о смерти, никто не будетъ мѣшать на обширномъ кладбищѣ, на которомъ лягутъ рядомъ всѣ бойцы; кому-же лучше и слушать апотеозу смерти какъ не мертвымъ? Если дѣла пойдутъ какъ теперь, зрѣлище будетъ оригинальное; будущее водворяемое погибнетъ вмѣстѣ съ дряхлымъ, отходящимъ; недоношенная демократія замретъ, терзая холодную и исхудалую грудь умирающей монархіи.

— Будущее, которое гибнетъ, не будущее. Демократія по преимуществу настоящее; это борьба, отрицаніе іерархіи, общественной неправды, развившейся въ прошедшемъ; очистительный огонь, который сожжетъ отжившія формы и, разумѣется, потухнетъ, когда сожигаемое кончится. Демократія не можетъ ничего создать, это не ея дѣло, она будетъ нелѣпостію послѣ смерти послѣдняго врага; демократы только *знаютъ* (говоря словами Кромвеля), *чего не хотятъ; чего они хотятъ, они не знаютъ.*

— За знаніемъ чего мы не хотимъ таится предчувствіе чего хотимъ; на этомъ основана мысль, которая до того часто повторялась, что совѣстно на нее ссылаться, мысль о томъ, что каждое разрушеніе своего рода созданіе. Человѣкъ не можетъ довольствоваться однимъ разрушеніемъ, это противно его творческой натурѣ. Для того, чтобъ онъ проповѣдывалъ смерть, ему нужна вѣра въ возрожденіе. Христіанамъ легко было возвѣщать кончину древняго міра, у нихъ похороны совпадали съ крестинами.

— У насъ не одно предчувствіе, но есть и нѣчто побольше; только мы не такъ легко удовлетворяемся какъ Христіане. у нихъ одинъ критеріумъ и былъ — вѣра. Для нихъ конечно было большое облегченіе въ неизблемой увѣренности, что церковь восторжествуетъ, что міръ приметъ крещеніе, имъ и въ голову не приходило, что крещеный ребенокъ выйдетъ не совѣмъ по желанію духовныхъ родителей. Христіанство осталось благочестивымъ упованіемъ; теперь, на канунѣ смерти, какъ въ первомъ столѣтіи, оно утѣшается небомъ, раемъ; безъ неба оно пропало. Водвореніе мысли о новой жизни несравненно труднѣе въ наше время, у насъ нѣтъ неба, нѣтъ „веси Божіей“, наша *весь* человѣ-

ческая и должна осуществиться на той почвѣ, на которой существуетъ все дѣйствительное — на землѣ. Тутъ нельзя сослаться ни на искушеніе діавола, ни на помощь Божію, ни на жизнь за гробомъ. Демократія впрочемъ и не идетъ такъ далеко, она сама еще стоитъ на христіанскомъ берегу, въ ней бездна аскетическаго романтизма, либеральнаго идеализма; въ ней страшная мощь разрушенія, но какъ примется создавать, она теряется въ ученическихъ опытахъ, въ политическихъ этюдахъ. Конечно, разрушеніе создаетъ, оно расчищаетъ мѣсто, и это ужъ созданіе. оно отстраняетъ цѣлый рядъ лжи, и это ужъ истина. Но дѣйствительнаго творчества въ демократіи нѣтъ — и потому то она не будущее. Будущее внѣ политики, будущее носится надъ хаосомъ всѣхъ политическихъ и соціальныхъ стремленій и возьметъ изъ нихъ нитки въ свою новую ткань, изъ которой выйдутъ саванъ прошедшему и пеленки новорожденному. Соціализмъ соотвѣтствуетъ назарейскому ученію въ римской имперіи.

— Если припомнить что вы сейчасъ сказали о Христіанствѣ и продолжить сравненіе, то будущность соціализма незавидная, онъ останется вѣчнымъ упованіемъ.

— И по дорогѣ разовьетъ блестящій періодъ исторіи подъ своимъ благословеніемъ. Евангеліе не осуществилось, да это и не нужно было; а осуществились средніе вѣка, вѣка возстановленія, вѣка революцій, но Христіанство проникло во всѣ эти явленія, участвовало во всемъ, указывало, напутствовало. Исполненіе соціализма представляетъ также неожиданное сочетаніе отвлеченнаго ученія съ существующими фактами. Жизнь осуществляетъ только ту сторону мысли, которая находитъ себѣ почву, да и почва при томъ не остается

страдательнымъ носителемъ, а даетъ свои соки, вносить свои элементы. Новое, возникающее изъ борьбы утопій и консерватизма, входитъ въ жизнь не такъ, какъ его ожидала та или другая сторона; оно является переработаннымъ, пнымъ, составленнымъ изъ воспоминаній и надеждъ, изъ существующаго и водворяемаго, изъ преданій и возникновеній, изъ вѣрованій и знаній, изъ отжившихъ римлянъ и нежившихъ германцевъ, соединяемыхъ одной церковью, чуждой обоимъ. Идеалы, теоретическія построенія никогда не осуществляютъ такъ, какъ они носятся въ нашемъ умѣ.

— Какъ и для чего они приходятъ въ голову послѣ этого? Это какая-то пронія.

— А отчего вамъ хочется, чтобъ въ умѣ человѣка все было въ обрѣзъ? что за прозаическое сведеніе всего на крайне нужное, на необходимо полезное, на неминуемо прилагаемое. Вспомните старика Лира, который, когда одна изъ дочерей уменьшала его штатъ и увѣряла, что ему про нужду достанетъ, сказалъ ей: „про нужду можетъ быть, но знаешь-ли ты, когда человѣкъ сводится только на то, что ему нужно, онъ дѣлается звѣремъ.“ Фантазія и мысль человѣка несравненно свободнѣе, нежели полагаютъ; цѣлыя міры поэзіи, лиризма, мышленія, независимые до нѣкоторой степени отъ окружающихъ обстоятельствъ, дремлютъ въ душѣ каждаго. Ихъ будить толчекъ и они просыпаются съ своими видѣніями, рѣшеніями, теоріями; мысль, опираясь на фактическое данное, стремится къ ихъ всеобщимъ нормамъ, старается ускользнуть отъ случайныхъ и временныхъ опредѣленій въ логическія сферы — но отъ нихъ до сферъ практическихъ очень далеко.

— Слушая ваши слова, я думалъ теперь, отчего у васъ такъ много нелицепріятной справедливости — и

нашелъ причину: вы не ринуты въ потокъ, вы не вовлечены въ этотъ круговоротъ; посторонній всегда лучше разбираетъ семейныя дѣла, нежели члены семейства. Но еслибъ вы, какъ многіе, какъ Барбесъ, какъ Маццини, работали всю жизнь, потому что внутри вашей души раздавался голосъ, который требовалъ этой дѣятельности, которого перекричать не было у васъ возможности, потому что онъ поднимался изъ глубины оскорбленнаго сердца, обливающагося кровью при видѣ притѣсненія, замирающаго при видѣ насилія;—еслибъ этотъ голосъ былъ не только въ умѣ и сознаніи, но въ крови, въ нервахъ, и вы, слѣдуя ему, попали бы въ дѣйствительное столкновеніе съ властью, долю жизни были бы въ цѣпяхъ, скитались бы изгнанникомъ и вдругъ для васъ наступила бы заря того дня, который вы ожидали полжизни—вы бы какъ Маццини, на итальянскомъ языкѣ, при громѣ рукоплесканій, говорили бы въ Миланѣ на площади, открыто, слова независимости и братства, не боясь бѣлаго мундира и желтыхъ усовъ. Еслибъ вы, послѣ десятилѣтняго заключенія, какъ Барбесъ, были принесены ликующей толпой на площадь того города, гдѣ вамъ одинъ товарищъ палача читалъ приговоръ, а другой его товарищъ васъ миловалъ пожизненными цѣпями; и вы бы послѣ всего этого увидѣли осуществленною вашу мысль и слышали бы двухсоттысячную толпу, которая привѣтствуетъ мученика крикомъ *Vive la République!* и вслѣдъ за тѣмъ вамъ пришлось бы увидѣть Радецкаго въ Миланѣ, Каваньяка въ Парижѣ и опять сдѣлаться скитальцемъ, колодникомъ. Представьте къ тому, что вы не имѣли бы утѣшенія отнести все это на счетъ матеріальной, грубой силы, а напротивъ, видѣли бы народъ измѣняющій самому себѣ, видѣли бы тѣже толпы, избирающія те-

перь кому дать въ руки ножъ противъ себя, — вы не стали бы тогда умѣренно и основательно разсуждать насколько мысль обязательна и гдѣ предѣлы воли. Нѣтъ, вы проклинали бы эти людскія стада, любовь превратилась бы въ ненависть, или хуже, въ презрѣніе. Вы можетъ пошли бы въ монастырь со всѣмъ атеизмомъ вашимъ.

— Это было бы доказательствомъ, что и я слабъ, подтвержденіемъ того, что всѣ люди слабы, что мысль не только не обязательна для міра, но даже для самаго человѣка. Но, простите, я никакъ не могу вамъ позволить свести разговоръ нашъ на личности. Замѣчу одно: да, я зритель, только это и не роль и не натура моя, это мое положеніе; я понялъ его, это мое счастье; когда-нибудь поговоримъ обо мнѣ, теперь мнѣ не хочется отвлекаться. — Вы говорите, что я проклиналъ бы народъ, можетъ быть, но это было бы очень глупо. Народы, массы — это стихіи, океаниды; ихъ путь — путь природы, они ея ближайшіе преемники, влекутся темнымъ инстинктомъ, безотчетными страстями, упорно хранятъ то, до чего достигли, хотя бы оно было дурно; ринутые въ движеніе, они неотразимо увлекаются собою или давятъ все что попало на дородѣ, хотя бы оно было хорошо. Они идутъ какъ извѣстный индійскій кумирь, всѣ встрѣчные бросаются подъ его колесницу, и первые раздавленные бывають усерднѣйшіе поклонники идола. Народы обвинять нелѣпо, они правы, потому что всегда сообразны обстоятельствамъ своей былой жизни; на нихъ нѣтъ отвѣтственности ни за добро, ни за зло, они факты, какъ урожай и неурожай, какъ дубъ и колось. Отвѣтственность скорѣе на меньшинствѣ, которое представляетъ собою сознающую мысль своего времени, хотя и оно не виновато: вообще юри-

дическая точка зрѣнія не годится нигдѣ, кромѣ въ судѣ, и именно потому всѣ суды въ мірѣ нигде не годятся. Понимать и обвинять, это почти такъ-же нелѣпо, какъ не понимать и казнить. Виновато-ли меньшинство, что все историческое развитіе, вся цивилизація предшествующихъ вѣковъ была для него, что у него умъ развитъ на счетъ крови и мозга другихъ, что оно вслѣдствіе этого далеко ушло впередъ отъ одичалаго, неразвитаго, задавленнаго тяжкимъ трудомъ народа. Тутъ не вина, тутъ трагическая, роковая сторона исторіи, ни богатый не отвѣчаетъ за богатство, найденное имъ въ колыбели, ни бѣдный за бѣдность, они оба оскорблены несправедливостью, фатализмомъ. Если мы и имѣемъ нѣкоторое право требовать, чтобъ страждущій, худой отъ голода и горя, притѣсненный и оскорбляемый народъ, отпустилъ намъ наше неправое стяженіе, наше превосходство, наше развитіе, потому что мы въ немъ неповинны, потому что мы работаемъ надъ тѣмъ, чтобъ сознательно поправить безсознательный грѣхъ, то откуда возьмемъ мы силу проклинать, презирать народъ, который остался Каспаромъ Гаузеромъ для того, чтобъ мы съ вами читали Данта, слушали Бетговена. Презирать за то, что онъ не понимаетъ насъ, пользующихся монополію пониманія — это безобразная, гнусная жестокость. Вспомните, какъ было дѣло: образованное меньшинство, долго наслаждаясь въ своемъ исключительномъ положеніи, въ своемъ аристократическомъ, литературномъ, художественномъ, правительственномъ кругѣ, наконецъ почувствовало угрызение совѣсти, оно вспомнило забытыхъ братій, мысль о несправедливости общественнаго устройства, мысль о равенствѣ, какъ электрическая искра, облетѣла лучшіе умы прошлаго вѣка. Книжно, теоретически поняли

люди несправедливость и книжно хотѣли ее поправить, это позднее раскаяніе меньшинства назвали либерализмомъ. Они, добросовѣстно желая вознаградить народъ за тысячелѣтнія униженія, провозгласили его самодержавнымъ, требовали, чтобъ каждый поселянинъ вдругъ сдѣлался политическимъ человѣкомъ, понялъ запутанные вопросы полусвободнаго и полурабскаго законодательства, оставилъ свою работу, т. е. кусокъ хлѣба, и, новый Цинцинатъ, шелъ бы заниматься общественными дѣлами. О хлѣбѣ насущномъ—либерализмъ серьезно не думалъ, онъ слишкомъ романтикъ, чтобъ пещся о такихъ грубыхъ потребностяхъ. Либерализму легче было выдумать народъ, нежели его изучить. Онъ нагаль на него изъ любви не меньше того, что на него нагали другіе изъ ненависти. Либералы сочинили свой народъ a priori, построили его по воспоминаніямъ, изъ прочтеннаго, одѣли его въ римскую тогу и въ пастушескій нарядъ. О дѣйствительномъ народѣ мало думали; онъ жилъ, работалъ, страдалъ, возлѣ, около и если его кто-нибудь зналъ, то это его враги—попы и легитимисты. Судьба его оставалась по старому, за то народъ вымышленный сдѣлался кумиромъ въ новой политической религіи — елей, которымъ мазали чело царей, перешелъ на загорѣлое чело, покрытое морщинами и горькимъ потомъ. Не освободивши ни его рукъ, ни его ума, либерализмъ посадилъ народъ на тронъ и, кланяясь ему въ поясъ, старался въ тоже время оставить власть себѣ. Народъ поступилъ какъ одинъ изъ его представителей, Санчо-Панса, онъ отказался отъ мнимаго престола или, лучше сказать, и не садился на него. Мы начинаемъ понимать ложное съ обѣихъ сторонъ, это значитъ, что мы выходимъ на дорогу, будемте указывать ее всѣмъ, но зачѣмъ-же, обертываясь назадъ,

мы будемъ ругаться? я не токмо не виню народъ, но не виню и либераловъ; они большею частію любили народъ по своему, они много жертвовали для своей идеи, это всегда почтению—но они были на ложномъ пути. Ихъ можно сравнить съ прежними натуралистами, которые начинали и оканчивали изученіе природы въ гербаріи, въ музеѣ; все, что они знали о жизни, былъ трупъ, мертвая форма, слѣдъ жизни. Честь и слава тѣмъ, которые догадались взять котомку и идти въ горы, плыть за моря ловить природу и жизнь на самомъ дѣлѣ. Но зачѣмъ-же ихъ славой, ихъ успѣхами задвигать труды ихъ предшественниковъ? Либералы были вѣчные жители большихъ городовъ и маленькихъ кружковъ, люди журналовъ, книгъ, клубовъ, они вовсе не знали народа, они его глубокомысленно изучали по историческимъ источникамъ, по памятникамъ — а не по деревнѣ, не по рынку. Больше или меньше всѣ мы грѣшны въ этомъ, отсюда недоразумѣнія, обманутыя надежды, досада, наконецъ отчаяніе. Еслибъ вы были знакомы съ внутренней жизнью Франціи, вы не удивлялись бы, что народъ хочетъ вотировать за Бонапарта, вы знали бы, что народъ французскій не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о свободѣ, о республикѣ, но имѣетъ бездну національной гордости; онъ любитъ Бонапартовъ, и терпѣть не можетъ Бурбоновъ. Бурбоны для него напоминаютъ корвею, Бастилью, дворянъ; Бонапарты,—разказы стариковъ, пѣсни Баранже, побѣды и наконецъ воспоминанія о томъ, какъ сосѣдъ, такой-же крестьянинъ, возвращался генераломъ, полковникомъ, съ почетнымъ легиономъ на груди... и сынъ сосѣда торопится подать голосъ за *племянника*.

— Конечно такъ. Одно странно, отчего-же они забыли деспотизмъ Наполеона, его конскрипціи, тиран-

ство префектовъ, если у нихъ такъ хороша память?

— Это очень просто, для народа деспотизмъ не можетъ составить характеристики имперіи. Для него до сихъ поръ всѣ правительства были деспотизмомъ. Онъ, напимѣрь, узналъ республику, провозглашенную для удовольствія *Reforme*, для пользы *National* — по 45-сантимному налогу, по депортаціямъ, по тому, что бѣднымъ работникамъ не выдаютъ пассовъ въ Парижъ. Народъ вообще плохой филологъ; слово республика его не тѣшитъ, ему отъ него не легче. Слова: имперія, Наполеонъ его электризуютъ, далѣе онъ не идетъ.

— Если на все смотрѣть такимъ образомъ, то я самъ начинаю думать, что не только перестанешь сердиться и что-нибудь дѣлать, но перестанешь имѣть даже желаніе что-нибудь дѣлать.

— По моему, я говорилъ вамъ, понимать, это ужъ дѣйствовать, осуществлять. Вы думаете, что когда поймешь окружающее, пройдетъ желаніе дѣйствовать — это значило бы, что вы хотѣли дѣлать не то, что нужно. Ищите въ такомъ случаѣ другой работы, не найдете виѣшней, найдете внутреннюю. Страненъ человекъ, который ничего не дѣлаетъ, имѣя дѣло; но вѣдь страненъ и тотъ, который, не имѣя дѣла, дѣлаетъ. Трудъ вовсе не клубокъ на ниткѣ, который даютъ котенку, чтобъ его занимать, онъ опредѣляется не однимъ желаніемъ, но и требованіемъ на него.

— Я никогда не сомнѣвался, что думать всегда можно, и не смѣшивалъ насильственнаго бездѣйствія съ произвольнымъ безмысліемъ. Я предвидѣлъ впрочемъ утѣшительный результатъ, къ которому вы придете — оставаться въ разсуждающемъ бездѣйствіи, останавливая умомъ сердце и критикою любовь къ человѣчеству.

— Для того, чтобъ дѣятельно участвовать въ мірѣ насъ окружающемъ, я повторяю вамъ, мало желанія и любви къ человѣчеству. Все это какія-то неопредѣленные, мерцающія понятія—что такое любить человѣчество? Что такое самое человѣчество? Все это здается мнѣ прежними христіанскими добродѣтелями, подогрѣтыми на философскомъ очагѣ. Народы любятъ соотечественниковъ—это понятно, но что такое любовь, которая обнимаетъ все, что перестало быть обезьяной, отъ Эскимоса и Готтентота до Далай-Ламы и Папы — я не могу въ толкъ взять...что-то слишкомъ широко. Если это та любовь, которою мы любимъ природу, планеты, вселенную, то я не думаю, чтобъ она могла быть особенно дѣятельна. Или инстинктъ или пониманіе среды, въ которой вы живете, ведутъ васъ къ дѣятельности? Инстинктъ вашъ утраченъ, — утратьте ваше отвлеченное знаніе и станьте самоотверженно передъ истиной, поймите ее, тогда вы увидите, какая дѣятельность нужна, какая нѣтъ. Хотите вы политической дѣятельности въ существующемъ порядкѣ, сдѣлайтесь Марастомъ, сдѣлайтесь Одилономъ Барро, и она вамъ будетъ. Вы этого не хотите, вы чувствуете, что всякой порядочный чеконъ совершенно посторонній во всѣхъ политическихъ вопросахъ, что онъ не можетъ серьезно думать—нуженъ или не нуженъ президентъ республикѣ? можетъ или нѣтъ собраніе посылать людей на каторгу безъ суда? или еще лучше должно-ли подать голосъ за Каваньяка или за Луи Бонапарта?...думайте мѣсяць, думайте годъ, кто изъ нихъ лучше, вы не рѣшите, оттого что они, какъ говорятъ дѣти, „оба хуже.“ Все что остается дѣлать человѣку, уважающему себя—вовсе не вотировать. Посмотрите на другіе вопросы à l'ordre du jour — все то-же; „они посвящены богамъ,“ смерть у

нихъ за плечами. Что дѣлаетъ священникъ, призванный къ умирающему? Онъ не лечитъ его, онъ не выражаетъ на его бредъ, а читаетъ ему отходную. Читайте отходную, читайте смертный приговоръ, исполненіе котораго идетъ не по днямъ, а по часамъ; убѣдитесь разъ навсегда, что никто изъ осужденныхъ не уйдетъ отъ казни: ни *самодержавіе* петербургскаго царя, ни *свобода* мѣщанской республики, да и не жалѣйте ни того, ни другого. Убѣждайте лучше легкомысленныхъ, поверхностныхъ людей, которые рукоплещутъ паденію австрійской имперіи и блѣднѣютъ за судьбу полу-республики, что паденіе ея такой-же великій шагъ къ освобожденію народовъ и мысли, какъ паденіе Австріи, что никакихъ исключеній не надобно, никакой пощады, что время снисхожденія не пришло; скажите словами либераловъ-реакціонеровъ, что „амнистія дѣло будущаго,“ требуйте вмѣсто любви къ человѣчеству, *ненависти* ко всему что валяется на дорогѣ и мѣшаетъ идти впередъ. Пора перевязать всѣхъ враговъ развитія и свободы одной веревкой, такъ какъ *они* перевязываютъ колодниковъ и провести ихъ по улицамъ, чтобъ всѣ видѣли круговую поруку—французскаго кодекса и русскаго свода, Каваньяка и Радецкаго—это будетъ великое поученіе. Кто теперь послѣ этихъ грозныхъ, потрясающихъ событій не протрезвится, никогда не протрезвится и умретъ какимъ-нибудь рыцаремъ Тогенбургомъ либерализма, какъ Лафайетъ. Терроръ казнилъ людей, наша судьба легче, мы призваны казнить учрежденія, разрушать вѣрованія, отнимать надежду на старое, ломать предрасудки, касаться до всѣхъ прежнихъ святыхъ безъ уступокъ, безъ пощады. Улыбка, привѣтъ одному возникающему, одной зарѣ и если мы не въ силахъ подвинуть ея часа, то по крайней мѣрѣ

можемъ указывать ея близость тѣмъ, которые не видятъ....

— Какъ этотъ старикъ нищій на Вандомской площади, который всякую ночь предлагаетъ прохожимъ свой телескопъ, чтобъ посмотреть на дальнія звѣзды?

— Ваше сравненіе очень хорошо, именно показывайте каждому идущему мимо, какъ все ближе и ближе подступаютъ, какъ растутъ и поднимаются волны карающаго потока. Указывайте съ тѣмъ вмѣстѣ и бѣлый парусъ ковчега.... тамъ въ дали на горизонтѣ. Вотъ вамъ и дѣло. Когда все утонетъ, когда все ненужное растворится и погребнетъ въ соленой водѣ, когда она начнетъ сбывать и уцѣлѣвшій ковчегъ остановится, тогда будетъ людямъ другое дѣло, много дѣла. Теперь нѣтъ!

Парижъ, 1 Декабря 1848 г.

V.

CONSOLATIO.

Der Mensch ist nicht geboren frey zu seyn.
Goethe. — (*Tasso.*)

Изъ окрестностей Парижа мнѣ нравится больше другихъ Монморанси. Тамъ ничего не бросается въ глаза, ни особенно береженные парки, какъ въ Сен-Клу ни будуары изъ деревьевъ, какъ въ Трианонѣ; а ѣхать оттуда не хочется. Природа въ Монморанси чрезвычайно проста, она похожа на тѣ женскія лица, которыя не останавливаютъ, не поражаютъ, но привлекаютъ какимъ-то милымъ и довѣрчивымъ выраженіемъ и при-

влекають тѣмъ сильнѣе, что это дѣлается совершенно незамѣтно для насъ. Въ такой природѣ и въ такихъ лицахъ есть обыкновенно что-то трогательное, успокоивающее и именно за этотъ покой, за эту каплю воды Лазарю, всего больше благодарить душа современнаго человѣка, безирерывно потрясенная, растерзанная, взволнованная. Я нѣсколько разъ находилъ отдыхъ въ Монморанси, и за это благодаренъ ему. Тамъ есть большая роща, мѣстоположеніе довольно высокое, и тишина, которой подъ Парпжемъ нпгдѣ нѣтъ. Не знаю отчего, но эта роща напоминаетъ мнѣ всегда нашъ русскій лѣсъ...идешь и думаешь....вотъ сейчасъ пахнетъ дымкомъ отъ овиновъ, вотъ сейчасъ откроется село...съ другой стороны должно быть господская усадьба, дорога туда пошире и идетъ просѣкомъ, и вѣрите-ли? мнѣ становилось грустно, что черезъ нѣсколько минутъ выходишь на открытое мѣсто и видишь вмѣсто Звенпгорода—Парижъ; вмѣсто окошечка земскаго или попа — окошечко, въ которое такъ долго и такъ печально смотрѣлъ Жанъ-Жакъ.....

Именно къ этому домику шли разъ изъ рощи какіе-то повидимому путешественники: дама лѣтъ двадцати пяти одѣтая вся въ черномъ и мужчина среднихъ лѣтъ, преждевременно сѣдой. Выраженіе ихъ лицъ было серьезно, даже покойно. Одна долгая привычка сосредоточиваться и жизнь, обильная мыслию, событіями, даютъ чертамъ этотъ покой. Это не природная тишина, а тишина послѣ бурь, послѣ борьбы и побѣды.

— Вотъ домъ Руссо, сказалъ мужчина, указывая на маленькое строеніе окна въ тѣп; — они остановились. Одно окошко было немного пріотворено, занавѣска колебалась отъ вѣтра.

— Это движеніе занавѣски, замѣтила дама, наводитъ

невольный страхъ, такъ и кажется, вотъ сейчасъ подозрительный и раздраженный старикъ ее отдернетъ и спроситъ насъ, зачѣмъ мы тутъ стоимъ. Кому придется въ голову, глядя на мирный домикъ, окруженный зеленью, что онъ былъ прометеевской скалой для великаго человѣка, котораго вся вина состояла въ томъ, что онъ слишкомъ любилъ людей, слишкомъ вѣрилъ въ нихъ, желалъ имъ больше добра, нежели они сами? Современники не могли ему простить, что онъ высказалъ тайное угрызеніе ихъ собственной совѣсти и вознаграждали себя искусственнымъ хохотомъ презрѣнія, а онъ оскорблялся; они смотрѣли на поэта братства и свободы, какъ на безумнаго; они боялись признать въ немъ разумъ, это значило бы признать свою глупость, а онъ плакалъ объ нихъ. За цѣлую жизнь преданности, страстнаго желанія помочь, любить, быть любимымъ, освобождать...находилъ онъ мимолетные привѣты и постоянный холодъ, надменную ограниченность, гоненія, сплетни! Мнительный и нѣжный отъ природы, онъ не могъ стать независимо отъ этихъ мелочей и потухалъ, оставленный всѣми, больной, въ нищетѣ. Въ отвѣтъ на всѣ его стремленія къ симпатіи, къ любви, ему досталась одна Тереза, въ ней сосредоточивалось для него все теплое, вся сторона сердца — Тереза, которая не могла научиться узнавать который часъ, существо неразвитое, полное предрасудковъ, которая стягивала жизнь Руссо въ узкую подозрительность, въ мѣщанскіе пересуды и кончила тѣмъ, что разсорила его съ послѣдними друзьями. Сколько горькихъ минутъ провелъ онъ, облакачивался на эту оконницу, съ которой кормилъ птицъ, думая какимъ зломъ онѣ ему заплатятъ. У бѣднаго старика только и оставалось что природа—и онъ восхищался ею, закрылъ глаза усталые

отъ жизни, тяжелые отъ слезъ. Говорять, что онъ даже ускорилъ минуту покоя...на этотъ разъ Сократъ самъ осудилъ себя на смерть за грѣхъ сознанія, за преступленіе геніальности. Когда взглядишься серьезно во все, что дѣлается, становится противно жить. Все на свѣтѣ гадко и притомъ глупо; люди хлопчутъ, работаютъ, ни минуты не находятъ отдыха, а дѣлаютъ все вздоръ; другіе хотять ихъ вразумить, остановить, спасти—ихъ распинаютъ, гонять—и все это въ какомъ-то бреде, не давая себѣ труда понять. Волны подымаются, торопятся, клубятся безъ цѣли, безъ нужды..... тамъ онѣ разбиваются съ бѣшенствомъ объ скалу, тутъ подмываютъ берегъ... мы стоимъ середь водоворота, бѣжать некуда. Я знаю, докторъ, вы не такъ смотрите на жизнь, она васъ не сердитъ, потому что вы въ ней ищете одинъ физиологическій интересъ и мало требуете отъ нея, вы большой оптимистъ. Иногда я съ вами соглашаюсь, вы меня сбиваете съ толку вашей діалектикой; но какъ только сердце принимаетъ участіе, какъ только изъ общихъ сферъ, гдѣ все разрѣшено и успокоено, коснешься живыхъ вопросовъ, взглянешь на людей, душа возмущается. Подавленное на минуту пегодованіе снова просыпается и досадуешь объ одномъ: что нѣтъ достаточно силъ ненавидѣть, презирать людей за ихъ лѣнивое бездушіе, за ихъ нежеланіе стать выше, благороднѣе...еслибъ было можно отвернуться отъ нихъ! и пусть они дѣлаютъ, что хотять въ своихъ полиньякахъ, пусть живутъ нынче какъ вчера, опираясь на привычки и обряды, бессмысленно принимая на вѣру что дѣлать и чего не дѣлать... и измѣняя притомъ на каждомъ шагу своей собственной нравственности, своему собственному катихизису!

— Я не думаю, чтобъ вы были справедливы. Развѣ

люди виноваты въ вашемъ довѣрїи къ нимъ, въ вашемъ идеальномъ понятїи объ ихъ нравственномъ достоинствѣ.

— Я не понимаю, что вы говорите, я сейчасъ сказала совершенно противоположное. Кажется, это не верхъ довѣрїя, когда говорятъ объ людяхъ, что у нихъ ничего нѣтъ кромѣ мученическихъ вѣщцовъ для всякаго пророка и бесполезнаго раскаянїя послѣ ихъ смерти; что они готовы броситься какъ звѣри на того, кто, замѣняя ихъ совѣсть, *назоветъ* ихъ дѣла; кто, снимая на себя ихъ грѣхи, хочетъ разбудить ихъ сознанїе.

— Да, но вы забываете источникъ вашего негодованїя. Вы сердитесь на людей за многое, чего они не сдѣлали, потому что вы не считаете ихъ способными на всѣ эти прекрасныя свойства, къ которымъ вы воспитали себя или къ которымъ васъ воспитали,—но они по большей части этого развитїя не имѣли. Я не сержусь, потому что и не жду отъ людей ничего кромѣ того, что они дѣлаютъ, я не вижу ни повода, ни права требовать отъ нихъ чего нибудь другого, нежели что они могутъ дать, а могутъ они дать то, что дадутъ; требовать больше, обвинять—ошибка, насилїе. Люди только справедливы къ безумнымъ и къ совершеннымъ дуракамъ, ихъ по крайней мѣрѣ мы не обвиняемъ за дурное устройство мозга, имъ прощаемъ природныя недостатки; съ остальными страшная моральная требовательность. Почему мы ждемъ отъ всѣхъ встрѣчныхъ на улицѣ примѣрныхъ доблестей, необыкновеннаго пониманїя — я не знаю; вѣроятно по привычкѣ все идеализировать, все судить свысока такъ, какъ обыкновенно судятъ жизнь по мертвой буквѣ, страсть по кодексу, лице по родовому понятїю. Я иначе смотрю, я привыкъ къ взгляду врача, къ взгляду совершенно противополож-

ному судья. Врачъ живетъ въ природѣ, въ мѣрѣ фактовъ и явленій, онъ не учитъ, онъ учится; онъ не мститъ, а старается облегчить; видя страданіе, видя недостатки, онъ ищетъ причину, связь, онъ ищетъ средствъ, въ томъ-же мѣрѣ фактовъ. Нѣтъ средствъ, онъ грустно пожимаетъ плечами, досадуетъ на свое невѣдѣніе — и не думаетъ о наказаніи, о пѣни, не пощадитъ. Взглядъ судьи проще, ему собственно взгляда и не надобно, не даромъ Темеиду представляютъ съ завязанными глазами, она тѣмъ справедливѣе. чѣмъ меньше видитъ жизнь; нашъ братъ, напротивъ, хотѣлъ бы, чтобы пальцы и уши имѣли глаза. Я не оптимистъ и не пессимистъ, я смотрю, вглядываюсь, безъ заготовленной темы, безъ придуманнаго идеала, и не тороплюсь съ приговоромъ — я просто, извините, скромнѣе васъ.

— Не знаю, такъ-ли я васъ поняла, но мнѣ кажется, вы находите очень естественнымъ, что современники Руссо его мучили маленькими преслѣдованіями, отравили ему жизнь, оклеветали его; вы имъ отпускаете ихъ грѣхи, это очень снисходительно, не знаю, насколько справедливо и нравственно.

— Для того, чтобъ отпускать грѣхи, надобно прежде обвинять; я этого не дѣлаю. Впрочемъ, пожалуй, я приму ваше выраженіе, да, я отпускаю имъ зло, ими причиненное, такъ какъ вы отпускаете холодной погодѣ, которая на дняхъ простудила вашу малютку. Можно-ли сердиться на событія, которыя независимы ни отъ чьей воли, ни отъ чьего сознанія. Они иногда бываютъ очень тяжелы для насъ; но обвиненіе не поможетъ, только запутаеть. Когда мы съ вами сидѣли у кровати больной и горячка такъ развернулась, что я самъ испугался, мнѣ было безконечно горько смотрѣть

и на больную и на васъ; вы такъ много страдали въ эти часы—но вмѣсто того, чтобъ проклинать дурной составъ крови и съ ненавистію смотрѣть на законы органической химіи, я думалъ тогда о другомъ, а именно о томъ, какъ возможность понимать, чувствовать, любить, привязываться необходимо влечетъ за собою противоположную возможность несчастія, страданій, лишеній, нравственныхъ оскорбленій, горечи. Чѣмъ нѣжнѣе развивается внутренняя жизнь, тѣмъ жестче, губительнѣе для нея капризная игра случайности, на которой не лежитъ никакой отвѣтственности за ея удары.

— Я сама не обвиняла болѣзнь. Ваше сравненіе не совсѣмъ идетъ; природа вовсе не имѣетъ сознанія.

— А я думаю, что и на полу-сознательную массу людей нельзя сердиться, войдите въ ея состояніе борьбы между предчувствіемъ свѣта и привычкой къ темнотѣ. Вы берете за норму береженные, особенно удавшіеся оранжерейные цвѣты, за которыми было бездна ухода, и сердитесь, что полевые не такъ хороши. Не только это не справедливо, по это чрезвычайно жестоко. Еслибъ у большинства людей было сознаніе сколько нибудь свѣтлѣе, неужели вы думаете, что они могли бы жить въ томъ положеніи, въ которомъ живутъ? Они не только зло дѣлаютъ другимъ, но и себѣ, и это именно ихъ пзвняетъ. Имъ владѣть привычка, они умираютъ отъ жажды возлѣ колодца, и не догадываются что въ немъ вода, потому что ихъ отцы имъ этого не сказали. Люди всегда были такіе, пора наконецъ перестать дивиться, негодовать; можно было привыкнуть со временъ Адама. Это тотъ-же романтизмъ, который заставлялъ поэтовъ сердиться за то, что у нихъ есть тѣло, за то, что они чувствуютъ голодь. Сердитесь, сколько хотите, но міра никакъ не передѣлаете по какой-нибудь программѣ;

онъ идетъ своимъ путемъ и никто не въ сплахъ его сбить съ дороги. Узнавайте этотъ путь—п вы отбросите нравоучительную точку зрѣнія п вы приобрѣтете силу. Моральная оцѣнка событій п журьба людей принадлежатъ къ самымъ начальнымъ ступенямъ пониманія. Оно лестно самолюбію, раздавать Монтионовскія преміи п читать выговоры, принимая мѣриломъ самого себя—но бесполезно. Есть люди, которые пробовали внести этотъ взглядъ въ самую природу п сдѣлали разнымъ звѣрямъ прекрасныя или прескверныя репутаціи. Увидали напри- мѣръ, что заяцъ бѣжитъ отъ неминуемой опасности, и назвали его трусомъ; увидали, что левъ, который въ двадцать разъ больше зайца, не бѣжитъ отъ человѣка, а иногда его съѣдаетъ, стали его считать храбрымъ; увидали, что левъ сытый не ѣстъ—сочли это за величіе духа; а заяцъ столько-же трусъ, сколько левъ великодушень а осель глупъ. Нельзя больше останавливаться на точкѣ зрѣнія Эзоповыхъ басенъ; надобно смотрѣть на міръ природы п на міръ людской прощѣ, покойнѣе, яснѣе. Вы говорите о страданіяхъ Руссо, онъ былъ несчастливъ, это правда, но и это правда, что страданія всегда сопровождаютъ необыкновенное развитіе, натура геніальная можетъ иногда не страдать, сосредоточиваясь въ себѣ, довольствуясь собою, наукой, искусствомъ; но въ практическнхъ сферахъ никакъ. Дѣло очень простое: такія натуры, входя въ обычныя людскія отношенія, нарушаютъ равновѣсіе; среда, ихъ окружающая, имъ узка, невыносима, ихъ жмутъ отношенія, рассчитанныя по пному росту, по пнымъ плечамъ п необходимыя для тѣхъ плечъ. Все, что давило по мелочи того, другого, все, о чемъ толковали въ разбивку п чему покорялись обыкновенные люди, все это вырастаетъ въ нестерпимую боль въ груди сильнаго человѣка, въ

грозный протестъ, въ явную вражду, въ смѣлый вызовъ на бой; отсюда неминуемо столкновение съ современниками; толпа видитъ презрѣніе къ тому, что она хранитъ и бросаетъ въ геніи камнями и грязью, до тѣхъ поръ пока нойметъ, что онъ былъ правъ. Вина вать-ли геній, что онъ выше толпы, виновата-ли толпа, что она его не понимаетъ?

— И вы находите это состояніе людей и притомъ большинства людей, нормальнымъ, естественнымъ? По вашему это нравственное паденіе, эта глупость такъ и быть должны?—Вы шутите!

— Какъ-же иначе? Вѣдь никто не принуждаетъ ихъ такъ поступать, это ихъ наивная воля. Люди вообще въ практической жизни меньше лгутъ, нежели на словахъ. Лучшее доказательство ихъ простодушія въ искренней готовности, какъ только ноймутъ, что совершили какое-либо преступленіе, раскаяться. Они спохватились, распявши Христа, что скверно сдѣлали и бросились на колѣни передъ крестомъ. О какомъ нравственномъ паденіи рѣчь, *si toutefoі* вы не говорите о грѣхопаденіи, я не понимаю. Откуда было падать? чѣмъ дальше смотришь назадъ, тѣмъ больше встрѣчаешь дикости, непониманія или совершенно иного развитія, которое до насъ почти не касается, какія-нибудь погибшія цивилизаціи, какіе-нибудь китайскіе нравы. Долгая жизнь въ обществѣ выработываетъ мозгъ. Выработка это дѣлается трудно, туго; а тутъ, вмѣсто признанія, сердятся на людей за то, что они не похожи ни на идеаль мудреца, выдуманнаго стоиками, ни на идеаль святаго, выдуманнаго христіанами. Цѣлыя поколѣнія легли костями, чтобъ обжить какой-нибудь клочекъ земли, вѣка прошли въ борьбѣ, кровь лилась рѣками, поколѣнія мерли въ страданіяхъ, въ тщетныхъ уси-

лѣяхъ, въ тяжеломъ трудѣ...едва выработывая скудную жизнь, немного покоя и пять-шесть умовъ, которые понимали заглавныя буквы общественнаго процесса и двигали массы къ совершенію судебъ своихъ. Удивляться надобно, какъ народы, при этихъ гнетущихъ условіяхъ, дошли до современнаго нравственнаго состоянія, до своей самоотверженной терпѣливости, своей тихой жизни; удивляться надобно, какъ люди такъ мало дѣлаютъ зла, а не упрекать ихъ, зачѣмъ каждый изъ нихъ не Аристидъ и не Симеонъ Столпникъ.

— Вы хотите меня увѣрить, докторъ, что людямъ предназначено быть мошенниками.

— Повѣрьте, что людямъ ничего не предназначено.

— Да зачѣмъ-же они живутъ?

— Такъ себѣ, родились и живутъ. Зачѣмъ все живетъ? Тутъ мнѣ кажется предѣлъ вопросамъ; жизнь — и цѣль и средство и причина и дѣйствіе. Это вѣчное безпокойство дѣятельнаго, напряженнаго вещества, отыскивающаго равновѣсіе для того, чтобы снова потерять его, это непрерывное движеніе, *ultima ratio*, далѣе идти некуда. Прежде все искали отгадки въ облакахъ или въ глубинѣ, подымались или спускались, однако не нашли ничего; оттого, что главное, существенное, все тутъ, на поверхности. Жизнь не достигаетъ цѣли, а осуществляетъ все возможное, продолжаетъ все осуществленное, она всегда готова шагнуть дальше — за тѣмъ чтобы полнѣе жить, еще больше жить, если можно; другой цѣли нѣтъ. Мы часто за цѣль принимаемъ послѣдовательныя фазы одного и того-же развитія къ которому мы приучились; мы думаемъ, что цѣль ребенка совершеннолѣтіе, потому что онъ дѣлается совершеннолѣтнимъ, а цѣль ребенка скорѣе играть, нас-

лаждаться, быть ребенкомъ. Если смотрѣть на предѣль, то цѣль всего живаго — смерть.

— Вы забываете другую цѣль, докторъ, которая развивается людьми, но переживаетъ ихъ, передается изъ рода въ родъ, растетъ изъ вѣка въ вѣкъ, и именно въ этой-то жизни неотдѣльнаго человѣка отъ человѣчества и раскрываются тѣ постоянныя стремленія, къ которымъ человѣкъ идетъ, къ которымъ поднимается и до осуществленія которыхъ когда-нибудь достигнетъ.

— Я совершенно согласенъ съ вами, я даже сказалъ сейчасъ, что мозгъ вырабатывается; сумма идей и ихъ объемъ растетъ въ сознательной жизни, передается изъ рода въ родъ, но что касается до послѣднихъ словъ вашихъ, тутъ позвольте усомниться. Ни стремленіе, ни вѣрность его — нисколько еще не обусловляетъ осуществленіе. Возьмите самое всеобщее, самое постоянное стремленіе во всѣхъ эпохахъ и у всѣхъ народовъ, стремленіе къ благосостоянію, стремленіе глубоко лежащее во всемъ чувствующемъ, развитіе простаго инстинкта самосохраненія, врожденное бѣгство отъ того, что причиняетъ боль и стремленіе къ тому, что доставляетъ удовольствіе, наивное желаніе чтобъ было лучше, а не было бы хуже; между тѣмъ, работая тысячелѣтія, люди не достигли даже животнаго довольства; пропорціонально я полагаю, что больше всѣхъ звѣрей и больше всѣхъ животныхъ страдаютъ рабы въ Россіи и гибнутъ съ голоду Ирландцы. Откуда вы можете заключить, легко-ли сбудутся другія стремленія, неопредѣленные и принадлежащія меньшинству.

— Позвольте, стремленіе къ свободѣ, къ независимости стоитъ голода — оно весьма не слабо и очень опредѣленно.

— Исторія этого не показываетъ. Точно, нѣкоторые

слои общества, развившіеся при особенно счастливыхъ обстоятельствахъ, имѣютъ нѣкоторое поползновеніе къ свободѣ и то весьма не сильное, судя по нѣсколькимъ тысячамъ лѣтъ рабства и по современному гражданскому устройству наконецъ. Мы, разумѣется, не говоримъ объ исключительныхъ развитіяхъ, для которыхъ неволя тягостна, а о большинствѣ, которое даетъ постоянное *démenti* этимъ страдальцамъ, что и заставило раздраженнаго Руссо сказать свой знаменитый *pop sens*: „Человѣкъ рождается быть свободнымъ — и вездѣ въ цѣпяхъ!“

— Вы повторяете этотъ крикъ негодованія, вырвавшійся изъ груди свободнаго человѣка, съ ироніей?

— Я вижу тутъ насиліе исторіи, презрѣніе фактовъ, а это для меня невыносимо; меня оскорбляетъ самоуправство. Къ тому-же превредная метода впередъ рѣшать именно то, что составляетъ трудность вопроса; что сказали бы вы человѣку, который, грустно качая головой, замѣтилъ бы вамъ, что „рыбы рождаются для того, чтобы летать—и вѣчно плаваютъ.“

— Я спросила бы, почему онъ думаетъ, что рыбы рождаются для того, чтобы летать?

— Вы становитесь строги; но другъ *Рыбства* готовъ держать отвѣтъ... во-первыхъ, онъ вамъ скажетъ, что скелетъ рыбы явнымъ образомъ показываетъ стремленіе развитію конечности въ ноги или крылья; онъ вамъ покажетъ вовсе ненужныя косточки, которыя намекаютъ на скелетъ ноги, крыла; наконецъ онъ сошлетъ на летающихъ рыбъ, которыя, на дѣлѣ доказываютъ, что *рыбство* не токмо стремится летать, но иногда и можетъ. Давши вамъ такой отвѣтъ, онъ будетъ въ правѣ васъ спросить, отчего-же вы у Руссо не требуете отчета, почему онъ говоритъ, что человѣкъ дол-

женъ быть свободенъ, опираясь на то, что онъ постоянно въ цѣпяхъ. Отчего все существующее только и существуетъ такъ, какъ оно *должно* существовать, а человѣкъ напротивъ ?

— Вы, докторъ, преопасный софистъ, и еслибъ я не коротко васъ знала, я считала бы васъ пребезнравственнымъ человѣкомъ. Не знаю какія лишнія кости у рыбъ, а знаю только, что въ костяхъ у нихъ недостатка нѣтъ; но что у людей есть глубокое стремленіе къ независимости, ко всякой свободѣ, въ этомъ я убѣждена. Они заглушаютъ мелочами жизни внутренней голосъ, и по этому я на нихъ сержусь. Я утѣшительнѣе нападаю на людей, нежели вы ихъ защищаете.

— Я зналъ, что мы съ вами послѣ нѣсколькихъ словъ перемѣнимъ роли, или лучше, что вы обойдете меня и очутитесь съ противоположной стороны. Вы хотите бѣжать съ негодованіемъ отъ людей за то, что они не умѣютъ достигнуть нравственной высоты, независимости, всѣхъ вашихъ идеаловъ, и въ то-же время вы на нихъ смотрите какъ на избалованныхъ дѣтей, вы увѣрены, что они на дняхъ поправятся и будутъ умны. Я знаю, что люди торопятся очень медленно, не довѣряю ни ихъ способностямъ, ни всѣмъ этимъ стремленіямъ, которыя выдумываютъ за нихъ и остаюсь съ ними, такъ какъ остаюсь съ этими деревьями, съ этими животными — изучаю ихъ, даже люблю. Вы смотрите àргіогі и можете логически правы, говоря, что человѣкъ долженъ стремиться къ независимости. Я смотрю патологически, и вижу, что до сихъ поръ рабство постоянное условіе гражданскаго развитія, стало быть или оно необходимо, или нѣтъ отъ него такого отвращенія, какъ кажется.

— Отчего мы съ вами добросовѣстно разсматривая исторію, видимъ совершенно розное?

— Оттого, что говоримъ объ розномъ; вы, говоря объ исторіи и народахъ, говорите о летающихъ рыбахъ, а я о рыбахъ вообще,—вы смотрите на міръ пдей отрѣщенный отъ фактовъ, на рядъ дѣятелей, мыслителей, которые представляютъ верхъ сознанія каждой эпохи; на тѣ энергическія минуты, когда вдругъ цѣлмя страны становятся на ноги и разомъ берутъ массу мыслей для того, чтобъ пживать ихъ вотомъ цѣлые вѣка въ покоѣ; вы принимаете эти катаклизмы, сопровождающіе ростъ народовъ, эти псключительныя личности за рядовой фактъ, но это только высшій фактъ, предѣлъ. Развитое меньшинство, которое торжественно несется надъ головами другихъ и передаетъ изъ вѣка въ вѣкъ свою мысль, свое стремленіе, до котораго массамъ кишущимъ внизу дѣла вѣтъ, даетъ блестящее свидѣтельство, до чего можетъ развиваться человѣческая натура, какое страшное богатство силъ могутъ вызвать исключительныя обстоятельства, но все это не относится къ массамъ, ко всѣмъ. Краса какой-нибудь арабской лошади, воспитанной двадцатью поколѣніями, нисколько не даетъ право ждаты отъ лошадей вообще тѣхъ-же статей. Идеалисты непремѣнно хотять поставить на своемъ, во чтобъ-то ни стало. Физическая красота между людьми такъ-же исключеніе, какъ особенное уродство. Посмотрите на мѣщанъ, толпящихся въ воскресенье на Елисейскихъ поляхъ, и вы ясно убѣдитесь, что природа людская вовсе не красива.

— Я это знаю и нисколько не удивляюсь глупымъ ртамъ, жирнымъ лбамъ, дерзко вздернутымъ и глупо висящимъ носамъ, они мнѣ просто противны.

— А какъ бы вы стали смѣяться надъ человѣкомъ,

который принялъ бы близко къ сердцу, что лошаки не такъ красивы какъ олени. Для Руссо было невыносимо нелѣпое общественное устройство его времени, кучка людей, стоявшая возлѣ него и развитая до того, что имъ только не доставало гениальной инициативы, чтобъ назвать зло, тяготившее ихъ — отъликнулись на его призывъ; эти отщепенцы, раскольники остались вѣрны и составили гору въ 92 году. Они почти всѣ погибли, работая для французскаго народа, котораго требованія были очень скромны и который безъ сожалѣнія позволилъ ихъ казнить. Я даже не назову это неблагодарностью, не въ самомъ дѣлѣ все, что дѣлалось, дѣлали они для народа, мы *себя* хотимъ освободить, *намъ* больно видѣть подавленную массу, *насъ* оскорбляетъ ея рабство, *мы* за нее страдаемъ — и хотимъ снять свое страданіе. За что тутъ благодарить; могла-ли толпа въ самомъ дѣлѣ въ половинѣ XVIII столѣтія желать свободы, *Contrat social*, когда она теперь, черезъ вѣкъ послѣ Руссо, черезъ полвѣка послѣ Конвента пѣла къ ней, когда она теперь въ тѣсной рамкѣ самаго пошлаго гражданскаго быта здорова какъ рыба въ водѣ?

— Броженіе всей Европы плохо соединяется съ нашимъ возрѣніемъ.

— Глухое броженіе, волнующее народы, происходитъ отъ голода. Будь пролетарій побогаче, онъ и не подумалъ бы о коммунизмѣ. Мѣщане сыты, ихъ собственность защищена, они и оставили свои попеченія о свободѣ, о независимости; напротивъ они хотятъ сильной власти, они улыбаются, когда имъ съ негодованіемъ говорятъ, что такой-то журналъ схваченъ, что того-то ведутъ за мнѣніе въ тюрьму. Все это бѣсить, сердить небольшую кучку эксцентрическихъ людей; другіе равнодушно ндутъ мимо, они заняты, они торгуютъ, они

семейные люди. Изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что мы не въ правѣ требовать полнѣйшей независимости; но только не за что сердиться на народъ, если онъ равнодушенъ къ вашимъ скорбямъ.

— Оно такъ, но мнѣ кажется, вы слишкомъ держитесь за арифметику, тутъ не поголовный счетъ важенъ, а нравственная мощь, въ ней *большинство* достоинства (*).

— Что касается до качественного преимущества, я его вполне отдаю сильнымъ личностямъ. Для меня Аристотель представляетъ не только сосредоточенную силу своей эпохи, но еще гораздо больше. Людямъ надобно было двѣ тысячи лѣтъ понимать его наизусть, чтобъ выразумѣть наконецъ смыслъ его словъ. Вы помните, Аристотель называетъ Анаксагора первымъ трезвымъ между пьяными греками; Аристотель былъ послѣдній. Поставьте между ними Сократа и у васъ полный комплектъ трезвыхъ до Бэкона. Трудно по такимъ исключеніямъ судить о массѣ.

— Наукой всегда занимались очень немногіе; на это отвлеченное поле выходятъ одни строгіе, исключительные умы; если вы въ массахъ не встрѣтите большой трезвости, то найдете вдохновенное опьяненіе, въ которомъ бездна сочувствія къ истинѣ. Массы не понимали Сенеки и Цицерона, а каково отзывались на призывъ двѣнадцати Апостоловъ?

— Знаете-ли, по моему, сколько ихъ не жаль, а надобно признаться, они сдѣлали совершеннѣйшее fiasco.

— Да, только окрестили полъ-вселенной.

— Въ четыре столѣтія борьбы, въ шесть столѣтій совершеннаго варварства, и послѣ этихъ успій, про-

*) Августинъ употребилъ выраженіе: *prioritas dignitatis*.

должавшихся тысячу лѣтъ, міръ такъ окрестился, что отъ апостольскаго ученія ничего не осталось; изъ освобождающаго Евангелія сдѣлали притѣсняющее католичество, изъ религіи любви и равенства — церковь крови и войны. Древній міръ, истощивъ всё свои жизненные силы, падалъ, Христіанство явилось на его одрѣ врачомъ и утѣшителемъ, но прилаживаясь къ больному, оно само заразилось и сдѣлалось римское, варварское, какое хотите, только не евангельское. Какова сила родовой жизни, массъ и обстоятельствъ! Люди думаютъ, что достаточно доказать истину какъ математическую теорему, чтобъ ее приняли; что достаточно самому вѣрить, чтобъ другіе повѣрили. Выходитъ совсѣмъ иное, одни говорятъ одно, а другіе слушаютъ ихъ и понимаютъ другое, оттого-что ихъ развитія разные. Что проповѣдывали первые Христіане и что поняла толпа? Толпа поняла все непонятное, все нелѣпое и мистическое; все ясное и простое было ей недоступно; толпа приняла все связующее совѣсть и ничего освобождающее челоуѣка. Такъ впоследствии она поняла революцію только кровавой расправой, гильотинной, мезтью; горькая историческая необходимость сдѣлалась торжественнымъ крикомъ; къ слову „братство“ приклепили слово „смерть“, Fraternité ou la mort! сдѣлалось какимъ-то la bourse ou la vie—террористовъ. Мы столько жили сами, столько видѣли, да столько за насъ жили наши предшественники, что наконецъ намъ непростительно увлекаться, думать, что достаточно возвѣстить римскому міру Евангеліе, чтобъ сдѣлать изъ него демократическую и социальную республику, какъ это думали *красные* Апостолы; или что достаточно въ два столбца напечатать иллюстрированное изданіе des droits de l'homme, чтобъ челоуѣкъ сдѣлался свободнымъ.

— Скажите, пожалуйста, что вамъ за охота выста-
влять одну дурную сторону человѣческой природы?

— Вы начали разговоръ съ грознаго проклятiя лю-
дямъ, а теперъ защищаете ихъ. Вы меня сейчасъ обви-
няли въ оптимизмъ, я вамъ могу возвратить обвиненiе.
У меня никакой нѣтъ системы, никакого интереса кромѣ
истины и я высказываю ее, какъ она мнѣ кажется. Я
не считаю нужнымъ изъ учтивости къ человѣчеству,
выдумывать на него всякія добродѣтели и доблести. Я
ненавижу фразы, къ которымъ мы привыкли, какъ хри-
стіане къ символу вѣры; какъ бы онѣ ни были съ виду
нравственны и хороши, онѣ связываютъ мысль, поко-
ряютъ ее. Мы принимаемъ ихъ безъ повѣрки и идемъ
далее, оставляя за собой эти ложные маяки и сбл-
ваемся съ дороги. Мы до того привыкаемъ къ нимъ,
что теряемъ способность въ нихъ сомнѣваться, что
совѣстимся касаться до такихъ святыхъ. Думали-ли вы
когда-нибудь, что значать слова „человѣкъ родится сво-
боднымъ“? Я вамъ ихъ переведу, это значитъ: чело-
вѣкъ родится звѣремъ — не больше. Возьмите табунъ
дикихъ лошадей, совершенная свобода и равное участіе
въ правахъ, полнѣйшій коммунизмъ. За то развитіе не-
возможно. Рабство первый шагъ къ цивилизаціи. Для
развитiя надобно, чтобъ однимъ было гораздо лучше,
а другимъ гораздо хуже; тогда тѣ, которымъ лучше,
могутъ идти впередъ на счетъ жизни остальныхъ. При-
рода для развитiя ничего не жалѣетъ. Человѣкъ—звѣрь
съ необыкновенно хорошо устроеннымъ мозгомъ, тутъ
его мощь. Онъ не чувствовалъ въ себѣ ни ловкости
тигра, ни львиной силы, у него не было ни ихъ удиви-
тельныхъ мышцъ, ни такого развитiя виѣшнихъ чувствъ,
но въ немъ нашлось бездна хитрости, множество смир-
ныхъ качествъ, которыя, съ естественнымъ побужде-

ніемъ жить стадами, поставилъ его на начальную ступень общественности. Не забывайте, что человѣкъ любитъ подчиняться, онъ ищетъ всегда къ чему-нибудь прислониться, за что-нибудь спрятаться, въ немъ нѣтъ гордой самобытности хищнаго звѣря. Онъ росъ въ повиновеніи семейномъ, племенномъ; чѣмъ сложнѣе и круче связывался узель общественной жизни, тѣмъ въ большее рабство впадали люди; они были подавлены религіей, которая тѣснила ихъ за ихъ трусость; старѣйшими, которые тѣснили ихъ, основываясь на привычкѣ. Ни одинъ звѣрь, кромѣ породы, „развращенныхъ человѣкомъ,“ какъ называлъ домашнихъ звѣрей Байронъ, не вынесъ бы этихъ человѣческихъ отношеній. Волкъ ѣстъ овцу, потому что голоденъ и потому что она слабѣе его, но рабства отъ нея не требуетъ, овца не покоряется ему, она протестуетъ крикомъ, бѣгомъ; человѣкъ вноситъ въ дико-независимый и самобытный міръ животныхъ—элементъ вѣрнопопданничества, элементъ Калибана, на немъ только и было возможно развитіе Пропера; и тутъ опять та-же безошадная экономія природы, ея разсчитанность средствъ, которая, ежели гдѣ перейдетъ, то навѣрное не дойдетъ гдѣ-нибудь и вытянувши въ непомѣрную вышину переднія ноги и шею камелеопардала, губить его заднія попр.

— Докторъ, да вы страшный аристократъ.

— Я натуралистъ, и знаете, что еще?... я не трусь, я не боюсь ни узнать истину, ни высказывать ее.

— Я не стану вамъ противурѣчить; впрочемъ въ теоріи всѣ говорятъ правду, на сколько ее понимаютъ, тутъ нѣтъ большаго мужества.

— Вы думаете? Какой предрассудокъ!... помплуйте, на сто философовъ вы не найдете одного, котораго былъ

бы откровененъ; пусть бы ошибался, несъ бы нелѣшцу, но только съ полной откровенностію. Одни обманываютъ другихъ изъ нравственныхъ цѣлей, другіе самихъ себя—для спокойствія. Много-ли вы найдете людей какъ Спиноза, какъ Юмъ, идущихъ смѣло до всякаго вывода? Всѣ эти великіе освободители ума чловѣческаго поступали такъ какъ Лютеръ и Кальвинъ и можетъ были правы съ практической точки зрѣнія; они освобождали себя и другихъ включительно до какого-нибудь рабства, до символическихъ книгъ, до текста Писанія и находили въ душѣ своей воздержность и умѣренность не идти далѣе. По большей части послѣдователи продолжаютъ строго идти въ путяхъ учителей; въ числѣ ихъ являются люди посмѣлѣй, которые догадываются, что дѣло то не совсѣмъ такъ, но молчатъ изъ благочестія, и лгутъ изъ уваженія къ предмету такъ, какъ лгутъ адвокаты, ежедневно говоря, что не смѣютъ сомнѣваться въ справедливости судей, зная очень хорошо, что они мошенники и не довѣряя имъ нисколько. Эта учтивость совершенно рабская, но мы къ ней привыкли. Знать истину не легко, но все-же легче нежели высказывать ее, когда она не совпадаетъ съ общимъ мнѣніемъ. Сколько кокетства, сколько риторики, позолоты, околичнословія употребляли лучшіе умы, Бэконъ, Гегель, чтобъ не говорить просто, боясь тупаго негодованія или пошлаго свиста. Оттого до такой степени трудно понимать науку, надобно отгадывать ложно высказанную истину. Теперь разсудите: у многихъ ли есть досугъ и охота доработываться до внутренней мысли и копаться въ тукѣ, которымъ наши учителя прикрываютъ свое сильное пониманье — отрывая фразы и крашенные стекла ихъ науки.

— Это опять приближается къ вашей аристократи-

ческой мысли, что истина для нѣсколькихъ, а ложь для всѣхъ, что...

— Позвольте, вы во второй разъ назвали меня аристократомъ, я при этомъ вспоминаю Робеспьеровское выраженіе: *l'athéisme est aristocrate*. Еслибъ Робеспьеръ хотѣлъ только сказать, что атеизмъ возможенъ для немногихъ, такъ точно какъ дифференціальныя исчисления, какъ физика, онъ былъ бы правъ; но онъ, сказавши, атеизмъ аристократиченъ, заключилъ, что атеизмъ ложь. Для меня это возмутительная демагогія, это покореніе разума нелѣпому большинству голосовъ. Неумолимый логикъ революціи сѣздался и провозглашая *демократическую* неправду, народной религіи не возстановилъ, а указавъ предѣлы своихъ силъ, указавъ между, за которой и онъ не революціонеръ, а указать это во время переворота и движенія значить напомнить, что время лица миновало..... И въ самомъ дѣлѣ, послѣ *Fête de l'Être Suprême*, Робеспьеръ становится мраченъ, задумчивъ, безпокоенъ, его томитъ тоска, нѣтъ прежней вѣры, нѣтъ того смѣлаго шага, которымъ онъ шелъ впередъ, которымъ ступалъ въ кровь и кровь его не марала; тогда онъ не зналъ своихъ границъ, будущее было безпредѣльно; теперь онъ увидѣлъ заборъ, онъ почувствовалъ, что ему приходится быть консерваторомъ, и голова атеиста Клоца, пожертвованная предразсудку, лежала въ ногахъ его какъ улика, черезъ нее ему нельзя было перешагнуть. Мы старше нашихъ старшихъ братій; не будемъ дѣтьми, не будемъ бояться ни были, ни логики, не станемъ отказываться отъ послѣдствій, они не въ нашей волѣ; не будемъ выдумывать Бога—если его нѣтъ, отъ этого его все-же не будетъ. Я сказалъ, что истина принадлежитъ меньшинству, развѣ вы этого не знали? отчего вамъ это пока-

залось странно? оттого, что я не прибавилъ къ этому никакой риторической фразы. Помилуйте, да вѣдь я не отвѣчаю ни за пользу, ни за вредъ этого факта, я говорю только о его существованіи. И вѣжу въ настоящемъ и прошедшемъ знаніе, истину, нравственную силу, стремленіе къ независимости, любовь къ изящному — въ небольшой кучкѣ людей, потерянныхъ въ средѣ не симпатизирующей имъ. Съ другой стороны я вижу ту-гое развитіе остальныхъ слоевъ общества, узкія понятія, основанныя на преданіяхъ, ограниченныя потребности, небольшія стремленія къ добру, небольшія поползновенія къ злу.

— Да сверхъ того необычайную вѣрность въ стремленіяхъ.

— Вы правы, общія симпатіи массъ почти всегда вѣрны, какъ инстинктъ животныхъ вѣрны, и знаете отчего? оттого, что жалкая самобытность отдѣльныхъ личностей стирается въ общемъ; масса хороша только какъ безличная и развитіе самобытной личности составляетъ всю прелесть, до которой доработывается съ другой стороны все свободное, талантливое, сильное.

— Да... до тѣхъ поръ, пока вообще будетъ толпа, но замѣтите, что прошедшее и настоящее не даютъ вамъ причины заключать, что въ будущемъ не измѣнятся эти отношенія; все идетъ къ тому, чтобъ разрушить дряхлыя основы общественности. Вы ясно поняли и рѣзко представляете раздоръ, двойство въ жизни, и успокоиваетесь на этомъ; вы какъ докладчикъ уголовной палаты свидѣльствуете о преступленіи и стараетесь его доказать, предоставляя судъ—палатѣ. Другіе идутъ далѣе, они хотятъ его снять; всѣ сильныя натуры меньшинства, о которомъ вы говорите, постоянно стремились наполнить пропасть ихъ отдѣляющую отъ

массъ, имъ было противно думать, что это неизбежный, роковой фактъ, у нихъ въ груди слишкомъ много было любви, чтобъ остаться въ своей исключительной выси. Они лучше хотѣли, съ опрометчивостію самоотверженнаго порыва, погибнуть въ пропасти ихъ отдѣляющей отъ народа, нежели прогуливаться по ихъ краямъ, какъ вы. И эта связь ихъ съ массами не капризъ, не риторика, а глубокое чувство сродства, сознание того, что они сами вышли изъ массъ, что безъ этого хора не было бы и ихъ, что они представляютъ ея стремленія, что они достигли того, до чего она достигаетъ.

— Безъ сомнѣнія, всякій распустившійся талантъ, какъ цвѣтокъ тысячью нитями связанъ съ растеніемъ и никогда не былъ бы безъ стебля, а все-таки онъ не стебель, не листъ, а цвѣтокъ, жизнь его, соединенная съ прочими частями, все же иная. Одно холодное утро — и цвѣтокъ гибнетъ, а стебель остается; въ цвѣткѣ, если хотите, цѣль растенія и край его жизни, но все же лепестки вѣнчика, не цѣлое растеніе. Всякая эпоха выплескиваетъ, такъ сказать, дальнѣйшей волной полнѣйшія, лучшія организаціи, если только онѣ нашли средства развиться; онѣ не только выходятъ изъ толпы, но и *вышли* изъ нея. Возьмите Гёте, онъ представляетъ усиленную, сосредоточенную, очищенную, *сублимированную* сущность Германіи, онъ изъ нея вышелъ, онъ не былъ бы безъ всей исторіи своего народа, но онъ такъ удалился отъ своихъ соотечественниковъ, въ ту сферу, въ которую поднялся, что они не ясно понимали его и что онъ наконецъ плохо ихъ понималъ; въ немъ собралось все волновавшее душу протестантскаго міра и распахнулось такъ, что онъ носился надъ тогдашнимъ міромъ, какъ духъ божій надъ водами. Внизу хаосъ, не-

доразумѣніе, схоластика, домогательство понять; въ немъ свѣтлое сознаніе и покойная мысль, далеко опередившая современниковъ.

— Гёте представляетъ во всемъ блескѣ именно вашу мысль; онъ отчуждается, онъ доволенъ своимъ величіемъ; и въ этомъ отношеніи онъ исключеніе. Таковъ-ли былъ Шпллеръ и Фихте, Руссо и Байронъ и всѣ эти люди, мучившіеся изъ того, чтобъ привести къ одному уровню съ собою массу, толпу. Для меня страданія этихъ людей, безвыходныя, жгучія, провожавшія ихъ иногда до могилы, иногда до плахи или до дома умалишенныхъ—лучше нежели Гётевской покой.

— Они много страдали, но не думайте, что они были безъ утѣшеній. У нихъ было много любви; и еще больше вѣры. Они вѣрили въ человѣчество такъ, какъ его придумали, вѣрили въ свой разумъ, вѣрили въ будущее, упиваясь своимъ отчаяніемъ, и эта вѣра врачевала одушевленіе ихъ.

— Зачѣмъ-же въ васъ нѣтъ вѣры?

— Отвѣтъ на этотъ вопросъ сдѣланъ давно Байрономъ; онъ отвѣчалъ дамѣ, которая его обращала въ христіанскую вѣру: „какъ-же я сдѣлаю, чтобъ начать вѣрить?“ Въ наше время можно или вѣрять, не думая, или думать, не вѣривши. Вамъ кажется, что спокойное повидному сомнѣніе легко; а почему вы знаете, сколько бы человѣкъ иногда готовъ былъ дать въ минуту боли, слабости, изнеможенія за одно вѣрованіе? Откуда его возьмешь? Вы говорите: лучше страдать, и советуете вѣровать, но развѣ религіозные люди страдаютъ въ самомъ дѣлѣ? Я вамъ расскажу случай, который былъ со мною въ Германіи. Призываютъ меня разъ въ гостинницу къ пріѣзжей дамѣ, у которой занемогли дѣти; я прихожу; дѣти въ страшной скарлатинѣ; меди-

цина нынче на столько сдѣлала успѣховъ, что мы поняли, что мы не знаемъ почти ни одной болѣзни и почти ни одного леченія, это большой шагъ впередъ. Вижу я, дѣло очень плохо, прописалъ дѣтямъ для успокоенія матерн, всякія певинныя вещи, далъ разныя приказанія очень хлопотливныя, чтобъ ее занять, а самъ сталъ выжидать, какія силы найдетъ организмъ для протнвудѣйствія болѣзни. Старшій мальчикъ поприутихъ. „Онъ кажется теперь спокойно заснулъ,“ сказала мнѣ мать; я ей показалъ пальцемъ, чтобъ она его не разбудила; ребенокъ отходилъ. Для меня было очевидно, что болѣзнь совершенно одинаково пойдетъ у его сестры; мнѣ казалось, что ее спасти невозможно. Мать, женщина очень нервная, была въ безуміи и непрерывно молилась; дѣвочка умерла. Первые дни человѣческая натура взяла свое, мать пролежала въ горячкѣ, была сама на краю гроба, но мало по малу силы воротились, она стала покойнѣе, толковала мнѣ все о Шведенборгѣ... Уѣзжая, она взяла меня за руку и сказала съ видомъ торжественнаго спокойствія: „Тяжело мнѣ было.... какое страшное испытаніе!... но я ихъ хорошо помѣстила, они возвратились чистыми, ни одной пылпки, ни одного тлѣтворнаго дыханія не коснулось ихъ... имъ будетъ хорошо! Я для ихъ блага должна покориться!“

— Какая разница между этимъ фанатизмомъ и вѣрой человѣка въ людей, въ возможность лучшаго устройства, свободы! Это сознаніе, мысль, убѣжденіе, а не суевѣріе.

— Да, то есть, не грубая религія des Jenseits, которая отдаетъ дѣтей въ пансіонъ на томъ свѣтѣ, а религія des Diesseits, религія науки, всеобщаго, родоваго, трансцендентальнаго, разума, идеализма. Объясните мнѣ пожалуйста, отчего вѣрнть въ Бога смѣшно, а вѣрнть въ

человѣчество не смѣшно; вѣрить въ царство небесное— глупо, а вѣрить въ земныя утопіи— умно? Отбросивши положительную религію, мы остались при всѣхъ религіозныхъ привычкахъ, и, утративъ рай на небѣ, вѣримъ въ пришествіе рая земнаго и хвастаемся этимъ. Вѣра въ будущее за гробомъ дала столько силы мученикамъ первыхъ вѣковъ; во вѣдь такая-же вѣра поддерживала и мучениковъ революціи; тѣ и другіе гордо и весело несли голову на плаху, потому что у нихъ была непреклонная вѣра въ успѣхъ ихъ идей, въ торжество христіанства, въ торжество республики. Тѣ и другіе ошиблись — ни мученики не воскресли, ни республика не водворилась. Мы пришли послѣ нихъ и увидѣли это, Я не отрицаю ни величіе, ни пользу вѣры; это великое начало движенія, развитія, страсти въ исторіи, но вѣра въ душѣ людской или частной фактъ или эпидемія. Натянуть ее нельзя, особенно тому, кто допустилъ разборъ и недоувѣрчивое сомнѣніе, кто пыталъ жизнь и задерживая дыханіе, съ любовью останавливался на всякихъ трупораззятіяхъ, кто заглянулъ, можетъ быть больше нежели нужно, за кулисы; дѣло сдѣлано, повѣрить вновь нельзя. Можно-ли напримѣръ меня увѣрить, что послѣ смерти духъ человѣка живъ, когда такъ легко понять нелѣпость этого раздѣленія тѣла и духа; можно-ли меня увѣрить, что завтра или черезъ годъ водворится социальное братство, когда я вижу, что народы понимаютъ братство, какъ Канъ и Авель?

— Вамъ, докторъ, остается скромное *a parte* въ этой драмѣ, бесплодная критика и праздность до скончанія дней.

— Быть можетъ; очень можетъ быть. Хотя я не называю праздною внутреннюю работу, но тѣмъ не менѣе думаю, что вы вѣрно смотрите на мою судьбу.

Помните ли вы римскихъ философовъ въ первые вѣка христіанства, ихъ положеніе имѣетъ много сходнаго съ нашимъ; у нихъ ускользнуло настоящее и будущее. съ прошедшимъ они были во враждѣ. Увѣренные въ томъ, что они ясно и лучше понимаютъ истину, они скорбно смотрѣли на разрушающійся міръ и на міръ водворяемый, они чувствовали себя правѣе обонхъ и слабѣе обонхъ. Кружокъ ихъ становился тѣснѣе и тѣснѣе, съ язычествомъ они ничего не имѣли общаго кромѣ привычки, образа жизни. Натяжки Юліана Отступника и его реставраціи были также смѣшны, какъ реставрація Людовика XVIII и Карла X; съ другой стороны, христіанская теодицея оскорбляла ихъ свѣтскую мудрость, они не могли принять ея языкъ, земли исчезала подъ ихъ ногами, участіе къ нимъ стѣло; но они умѣли величаво и гордо дожидаться, пока разгромъ захватитъ кого-нибудь изъ нихъ — умѣли умирать, не накунаясь на смерть и безъ притязанія спасти себя или міръ, они гибли хладнокровно, безучастно къ себѣ; они умѣли, пощаженные смертью, завертываться въ свою тогу и молча досматривать, что станетъ съ Римомъ, съ людьми. Одно благо, остававшееся этимъ иностранцамъ своего времени, была спокойная совѣсть, утѣнительное сознаніе, что они не испугались истины, что они, понявъ ее, нашли довольно силы, чтобъ вынести ее, чтобъ остаться вѣрными ей.

— И только.

— Будто этого не довольно? Впрочемъ нѣтъ, я забылъ, у нихъ было еще одно благо—личныя отношенія, увѣренность въ томъ, что есть люди также понимающіе, сочувствующіе съ ними, увѣренность въ глубокой связи, которая независима ни отъ какого событія; если

при этомъ немного солнца, море вдали или горы, шумящая зелень, теплый климатъ... чего-же больше?

— По несчастію этого спокойнаго уголка въ теплѣ и тишинѣ, вы не найдете теперь во всей Европѣ.

— Я поѣду въ Америку.

— Тамъ очень скучно.

— Это правда...

Парижъ, 1 Марта 1849 г.

VI.

ЭПИЛОГЪ 1849.

Opfer fallen hier,
Weder Lamm noch Stier,
Aber Menschenopfer—unerhört.

(GÖTTE) *Braut v. Corinth.*

— Проклятіе тебѣ, годъ крови и безумія, годъ торжествующей пошлости, звѣрства, тупоумья. Проклятіе тебѣ!

Отъ перваго до послѣдняго дня, ты былъ несчастіемъ, ни одной свѣтлой минуты, ни одного покойнаго часа, нигдѣ, не было въ тебѣ. Отъ возстановленной гильотины въ Парижѣ, отъ буржскаго процесса до кефалонійскихъ висѣлицъ, поставленныхъ англичанами для дѣтей; отъ пуля, которыми растрѣлывалъ баденцевъ

братъ короля прусскаго, отъ Рима, падшаго передъ народомъ, измѣнившимъ челоѳчеству, до Венгріи, проданной врагу полководцемъ, измѣнившимъ отечеству — все въ тебѣ преступно, кроваво, гадко, все заклѣмено печатью отверженія. И это только первая ступень, начало, введеніе, слѣдующіе годы будутъ и отвратительнѣе, и свирѣпѣе, и пошлѣе...

До какого времени слезъ и отчаянія мы дожили!.. Голова идетъ кругомъ, грудь ломится, страшно знать, что дѣлается и страшно не знать, что еще за неистовства случились. Лихорадочная злоба подстрекаетъ на ненависть и презрѣніе; униженіе разѣдаетъ грудь ... и хочется бѣжать, уйдти ... отдохнуть, уничтожиться безслѣдно, безсознательно.

Послѣдняя надежда, которая согрѣвала, поддерживала, надежда на мечь — на мечь безумную, дикую, ненужную, но которая бы доказала, что въ груди у современнаго челоѳка есть сердце — исчезаетъ; душа остается безъ зеленаго листа, все облетѣло...и все затихло... мгла и холодъ распространяются...только порою топоръ палача стукнетъ падая; да пуля, тоже палача, просвищеть, отыскивая благородную грудь юноши, разстрѣливаемаго за то, что онъ вѣрплъ въ челоѳчество.

И *они* не будутъ отомщены?....

Развѣ у нихъ не было друга, брата? Развѣ нѣтъ людей, дѣлящихъ ихъ вѣру? — Все было, только мести не будетъ!

Вмѣсто Марія изъ ихъ праха родилась цѣлая литература застольныхъ рѣчей, демагогическихъ разглагольствованій — мое въ томъ числѣ — и прозаическихъ стиховъ.

Они этого не знаютъ. Какое счастье что ихъ нѣтъ и что нѣтъ жизни за гробомъ. Вѣдь *они* вѣрили въ лю-

дей, вѣрили, что есть за что умереть и умерли прекрасно, свято, пскушая разслабленное поколѣніе кастратовъ. Мы едва знаемъ ихъ имена — убійство Роберта Блума ужаснуло, удивило, потому мы обдержались.....

Я краснѣю за наше поколѣніе, мы какіе-то бездушные риторы, у насъ кровь холодна, а горячи одни чернила; у насъ мысль привыкла къ безслѣдному раздраженію, а языкъ къ страстнымъ словамъ, не плѣющимъ никакого вліянія на дѣло. Мы размышляемъ тамъ, гдѣ надобно разить, обдумываемъ тамъ, гдѣ надобно увлечься, мы отвратительно благоразумны, на все смотримъ съ высока, мы все переносимъ, мы занимаемся однимъ *общимъ, идеей, человечествомъ*. Мы заморпли наши души въ отвлеченныхъ и общихъ сферахъ, такъ какъ монахи обезсиляли ее въ мірѣ молитвы и созерцанія. Мы потеряли вкусъ къ дѣйствительности, вышли изъ нея вверхъ, такъ какъ мѣщане вышли внизъ.

А вы что дѣлали, революціонеры испугавшіеся революціи? Политическіе шалуны, паяцы свободы, вы играли въ республику, въ терроръ, въ правительство, вы дурачились въ клубахъ, болтали въ камерахъ, одѣвались шутами съ пистолетами и саблями, цѣломудренно радовались, что заявленные злодѣи, удивляясь что живы, хвалили ваше милосердіе. Вы ничего не предупредили, ничего не предвидѣли. А тѣ, лучшіе изъ васъ, заплатили головой за ваше безуміе. Учитесь теперь у вашихъ враговъ, которые васъ побѣдили, потому что они умиѣ васъ. Посмотрите, боятся-ли они реакціи, боятся-ли они идти слишкомъ далеко, замарать себѣ кровью руки? Они по локоть, по горло въ крови. Погодите немного, они васъ всѣхъ переказнятъ, вы не далеко ушли. Да что, переказнятъ — они васъ пересѣкутъ всѣхъ.

Меня просто ужасаетъ современный человѣкъ. Какая безчувственность и ограниченность, какое отсутствіе страсти, негодованія, какая слабость мысли, какъ скоро стынетъ въ немъ порывъ, какъ рано изношено въ немъ увлеченіе, энергія, вѣра въ собственное дѣло!—и гдѣ? чѣмъ? когда эти люди истратили свою жизнь, когда они успѣли потерять силы? Они растлились въ школѣ, гдѣ ихъ одурачили; они истаскались въ пивныхъ лавкахъ, въ студентской одичалости; они ослабли отъ маленькаго, грязнаго разврата; родившіеся, вырощенные въ больничномъ воздухѣ, они мало принесли силъ и завяли потомъ, прежде нежели разцвѣли; они истощились не страстями, а страстными мечтами. И тутъ, какъ всегда, литераторы, идеалисты, теоретики, они мыслятъ постигли развратъ, они прочитали страсть. Право, иной разъ становится досадно, что человѣкъ не можетъ перечислиться въ другой родъ звѣрей—разумѣется, быть осломъ, лягушкой, собакой, пріятнѣе, честнѣе и благороднѣе, нежели человѣкомъ XIX вѣка.

Винить не кого, это не ихъ, не наша вина, это несчастіе рожденія тогда, когда цѣлый міръ умираетъ?

Одно утѣшеніе и остается, весьма вѣроятно, что будущія поколѣнія вырождаются еще больше, еще больше обмелѣютъ, обнищаютъ умомъ и сердцемъ, имъ уже и наши дѣла будутъ недоступны и наши мысли будутъ непонятны. Народы, какъ царскіе дома, передъ паденіемъ тупѣютъ, ихъ пониманіе помрачается, они выживаютъ изъ ума—какъ Меровинги, зачинавшіеся въ развратѣ и кровосмѣшеніяхъ и умиравшіе въ какомъ-то чаду, ни разу не пришедши въ себя; какъ аристократія, выродившаяся до болѣзненныхъ кретиновъ, измельчавшая Европа изживаетъ свою бѣдную жизнь въ сумеркахъ туноумія, въ вялыхъ чувствахъ безъ убѣжденій,

безъ изящныхъ искусствъ, безъ мощной поэзіи. Слабыя, хилыя, глушыя поколѣнія протянутся какъ-нибудь до взрыва, до той или другой лавы, которая ихъ покроетъ каменнымъ покрываломъ и предастъ забвенію — лѣтописей.

А тамъ ?

А тамъ настанетъ весна, молодая жизнь закипитъ на ихъ гробовой доскѣ, варварство младенчества, полное неустроенныхъ, но здоровыхъ силъ, замѣнитъ старческое варварство; дикая, свѣжая мощь распахнется въ молодой груди юныхъ народовъ и начнется новый кругъ событій и третій томъ всеобщей исторіи.

Основной тонъ его мы можемъ понять теперь. Онъ будетъ принадлежать социальнымъ идеямъ. Соціализмъ разовьется во всѣхъ фазахъ своихъ до крайнихъ послѣдствій, до нелѣпостей. Тогда снова вырвется изъ титанической груди революціоннаго меньшинства крикъ отрицанія, и снова начнется смертная борьба, въ которой соціализмъ займетъ мѣсто нынѣшняго консерватизма и будетъ побѣжденъ грядущею, неизвѣстною намъ революціей.....

Вѣчная игра жизни, безжалостная какъ смерть, неотразимая какъ рожденіе, *corsi e ricorsi* исторіи, *perpetuum mobile* маятника !

Къ концу XVIII вѣка европейскій Сизифъ докатилъ тяжелый камень свой, составленный изъ развалинъ и осколковъ трехъ разнородныхъ міровъ, до вершины, камень качнулся въ сторону, въ другую, казалось хотѣлъ установиться — не тутъ-то было, онъ перекатился, и сталъ тихо, незамѣтно склоняться — быть можетъ, онъ запнулся бы за что-нибудь, остановился бы съ помощію такихъ тормазовъ и пороговъ, какъ представительное правленіе, конституціонная монархія, потомъ вывѣтри-

вался бы вѣка цѣлѣе, принимая всякую переменѣу за совершенствованіе и всякую перестановку за развитіе— такъ какъ этотъ европейскій Китай, называемый Англійей, такъ какъ это допотопное государство, стоящее между допотопныхъ горъ, называемое Швейцаріей. Но для этого надобно было, чтобъ вѣтеръ не вѣялъ, чтобъ не было ни толчка, ни потрясенія; но вѣтеръ повѣялъ и толчекъ пришелъ. Февральская буря потрясла всю наслѣдственно почву. Буря іюньскихъ дней окончательно сдвинула весь римско-феодальный наплывъ и онъ понесся подъ гору съ усиливающейся быстротою, ломая по дорогѣ все встрѣчное и ломаясь самъ въ осколки... А бѣдный Спицифъ смотритъ и не вѣритъ своимъ глазамъ, лице его осунулось, потъ усталы смѣшался съ потомъ ужаса, слезы отчаянія, стыда, безсилія, досады, остановились на глазахъ; онъ такъ вѣрилъ въ совершенствованіе, въ человѣчество, онъ такъ философскп, такъ умно и учено уповалъ на современнаго человѣка. И все таки обманулся.

Французская революція и германская наука,—геркуле-совскіе столбы міра европейскаго. За ними по другую сторону открывается океанъ, видѣется новый свѣтъ, что-то другое, а не исправленное изданіе старой Европы. Они сулили міру освобожденіе отъ церковнаго наслія, отъ гражданскаго рабства, отъ нравственнаго авторитета. Но, провозглашая искренно свободу мысли и свободу жизни, люди переворота не сообразили всю несовмѣстность ея съ католическимъ устройствомъ Европы. Отречься отъ него они еще не могли. Чтобъ идти впередъ, имъ пришлось свернуть свое знамя, измѣнить ему, имъ пришлось дѣлать уступки.

Руссо и Гегель—христиане.

Робеспьеръ и С. Жюсть — монархисты.

Германская наука—спекулятивная религія; республика Конвента—пентархическій абсолютизмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ церковь. Вмѣсто символа вѣры явились гражданскіе догматы. Собраніе и правительство священнодѣйствовало мистерію народнаго освобожденія. Законодатель сдѣлался жрецомъ, прорицателемъ и возвѣщаль, добродушно и безъ прони, неизмѣнныя, непогрѣшительныя приговоры во имя самодержавія народнаго.

Народъ, какъ разумѣется, оставался по прежнему „міряниномъ“, *управляемымъ*; для него ничего не измѣнилось и онъ присутствовалъ при политическихъ литургіяхъ, также ничего не понимая, какъ при религіозныхъ.

Но страшное имя *Свободы* замѣшалось въ мірѣ привычки, обряда и авторитета. Оно занало въ сердца; оно раздалось въ ушахъ и не могло оставаться страдательнымъ; оно бродило, разъѣдало основы общественнаго зданія, лиха бѣда была привиться въ одной точкѣ, разложить одну каплю старой крови. Съ этимъ ядомъ въ жилахъ, нельзя спасти вѣтхое тѣло. Сознаніе близкой опасности сильно выразилось послѣ безумной эпохи императорства; всѣ глубокіе умы того времени ждали катаклизмъ, боялись его. Легитимистъ Шатобрианъ и Ламене, тогда еще аббатъ, указывали его. Кровавый террористъ католицизма Местръ, боясь его, подавалъ одну руку папѣ, другую палачу. Гегель подвязывалъ паруса своей философіи, такъ гордо и свободно плывшей по морю логикѣ, боясь далеко уплыть отъ береговъ и быть захваченному шкваломъ. Нибуръ, томимый тѣмъ же пророчествомъ, умеръ, увидя 1830 г. и іюльскую революцію. Цѣлая школа образовалась въ Германіи, мечтавшая остановить будущее прошедшимъ; трупомъ отца припереть дверь новорожденному. — *Vanitas vanitatum!*

Два исполина пришли наконецъ торжественно заключить историческую фазу.

Старческая фигура Гёте, не дѣлящая интересовъ кипящихъ вокругъ, отчужденная отъ среды, стоитъ спокойно, замыкая два прошедшихъ у входа въ нашу эпоху. Онъ тяготеетъ надъ современниками и примиряетъ съ былымъ. Старецъ былъ еще живъ, когда явился и исчезъ единственный поэтъ XIX столѣтія. Поэтъ сомнѣнія и негодованія, духовникъ, палачъ и жертва вмѣстѣ; онъ на-скоро прочелъ скептическую отходную дряхлому міру и умеръ 37 лѣтъ въ возрождавшейся Греціи, куда бѣжалъ, чтобъ только не видѣть „береговъ своей родины.“

За нимъ замолкло все. И никто не обратилъ вниманія на бесплодность вѣка, на совершенное отсутствіе творчества. Сначала онъ еще былъ освѣщенъ заревомъ XVIII столѣтія, онъ блисталъ его славой, гордился его людьми. По мѣрѣ какъ эти звѣзды другого неба заходили, сумерки и мгла падали на все; повсюду безсиліе, посредственность, мелкость — и едва замѣтная полоска на востокѣ, намекающая на дальнее утро, передъ наступленіемъ котораго разразится не одна туча.

Явились пророки наконецъ, возвѣщавшіе близкое несчастіе и дальнее искупленіе. На нихъ смотрѣли какъ на юродивыхъ, ихъ новый языкъ возмущалъ, ихъ слова принимались за бредъ. Толпа не хочетъ, чтобъ ее будили, она проситъ, чтобъ ее оставили въ покоѣ съ ея жалкимъ бытомъ, съ ея пошлыми привычками; она хочетъ, какъ Фридерикъ II, умереть, не мѣняя грязнаго бѣлья. Ничто въ мірѣ не могло такъ удовлетворить этому скромному желанію, какъ мѣщанская монархія.

Но разложеніе шло своимъ чередомъ, „подземный кротъ“ работалъ неутомимо. Всѣ власти, всѣ учрежде-

нія были развѣдаемы скрытымъ ракомъ; 24 Февраля 1848 г. болѣзнь сдѣлалась острой изъ хронической. Французская республика была возвѣщена міру трубою послѣдняго суда. Нemoщъ, хилость стараго общественнаго устройства становились очевидны, все стало распускаться, развязываться все перемѣшалось и именно держится на это путаницѣ. Революціонеры сдѣлались консерваторами, консерваторы анархистами; республика убила послѣднія свободныя учрежденія, уцѣлѣвшія при короляхъ; родина Вольтера бросилась въ ханжество. Всѣ побѣждены, все побѣждено, а побѣдителя нѣтъ...

Когда многіе надѣялись, мы говорили имъ, это не выздоровленіе, это румянецъ чахотки. Смѣлые мыслію, дерзкіе на языкъ, мы не побоялись ни изслѣдовать зло ни высказать, его, а теперь выс упадетъ холодный потъ на лбу. Я первый блѣднѣю, трушу передъ темной ночью, которая наступааетъ; дрожь пробѣгаетъ по кожѣ при мысли, что наши предсказанія сбываются — такъ скоро, что ихъ совершеніе — такъ неотразимо...

Прощай отходящій міръ, прощай Европа!

— А мы что сдѣлаемъ изъ себя?

...Послѣднія звѣнья, связующія два міра, не принадлежащія ни къ тому, ни къ другому, люди, отвязавшіеся отъ рода, разлученные съ средою, покинутые на себя; люди не нужные, потому что не можемъ дѣлить ни дряхлости однихъ, ни младенчества другихъ, намъ нѣтъ мѣста ни за однимъ столомъ. Люди отрицанія для прошедшаго, люди отвлеченныхъ построеній въ будущемъ, мы не имѣемъ достоянія ни въ томъ, ни въ другомъ и въ этомъ равно свидѣтельство нашей силы и ея ненужности.

Идти бы прочь..... Своею жизнію начать освобожденіе, протестъ, новый бытъ... Какъ будто мы въ самомъ дѣлѣ такъ свободны отъ стараго? Развѣ наши добродѣтели и наши пороки, наши страсти и главное наши привычки не принадлежатъ этому міру, съ которымъ мы развелись только въ убѣжденіяхъ.

Что-же мы слѣлаемъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ? мы, которые не можемъ провести утра, не прочитавъ пяти журналовъ, мы, у которыхъ только и осталось поэзій въ боѣ съ старымъ міромъ, что..... Сознаемся откровенно, мы плохіе Робинзоны.

Развѣ ушедшіе въ Америку не снесли съ собою туда старую Англію?

И развѣ вдали мы не будемъ слышать стоны, развѣ можно отвернуться, закрыть глаза, заткнуть уши — преднамѣренно не знать, упорно молчать, т. е. признаться побѣжденнымъ, сдаться? Это невозможно! Наши враги должны знать, что есть независимые люди, которые ни за что не поступятся свободной рѣчью; пока топоръ не прошелъ между ихъ головой и туловищемъ, пока веревка имъ не стянула шею.

И такъ пусть раздается наше слово!

...А кому говорить?..... о чемъ? — я право не знаю только это сильнѣе меня...

Парижъ, 21 декабря 1849 г.

VII.

OMNIA MEA MECUM PORTO

Ce n'est pas Catilina, qui est à vos portes,—c'est la mort !

PROUDHON. (*Voix du Peuple*).

Komm her, wir setzen uns zu Tisch !
Wen sollte solche Narrheit rühren ?
Die Welt geht auseinander wie ein fauler Fisch
Wir wollen sie nicht balsamiren.

ГЕТТЕ.

Видимая, старая, официальная Европа не спитъ — она умираетъ !

Послѣдніе слабыя и болѣзненные остатки прежней жизни едва достаточны, чтобъ удержать на нѣсколько времени распадающіяся части тѣла, которыя стремятся къ новымъ сочетаніямъ, къ развитію иныхъ формъ.

По-видимому еще многое стоитъ прочно, дѣла идутъ своимъ чередомъ, судьи судятъ, церкви открыты, биржи кипятъ дѣятельностію, войска маневрируютъ, дворцы блестятъ огнями—но духъ жизни отлетѣлъ, на сердцѣ у всѣхъ неспокойно, смерть за плечами и въ сущности ничего не идетъ. Въ сущности нѣтъ ни церкви, ни войска, ни правительства, ни суда — все превратилось въ полицію. Полиція хранитъ, спасаетъ Европу, подъ ея благословеніемъ и кровомъ стоятъ троны и алтари, это гальваническая струя, которою насильственно поддерживаютъ жизнь, чтобъ выиграть настоящую минуту. Но разбѣдающій огонь болѣзни не потушенъ, его вогнали толь-

ко внутрь, онъ скрыть. Всѣ эти почернѣлыя стѣны и твердыни, которыя кажется своей старостію приобрѣли всегдашность скалъ — ненадежны; онѣ похожи на пни, долго остающіеся послѣ порубки лѣса, онѣ хранятъ видъ упорной несокрушимости до тѣхъ поръ, пока ихъ не толкнетъ кто-нибудь ногой.

Многіе не видятъ смерти только потому, что они подъ смертію воображаютъ какое-то уничтоженіе. Смерть не уничтожаетъ составныхъ частей, а развязываетъ ихъ отъ *прежняго* единства, даетъ имъ волю существовать при иныхъ условіяхъ. Разумѣется, цѣлая часть свѣта не можетъ согнуться съ лица земли; она останется, такъ какъ Римъ остался въ среднихъ вѣкахъ; она разоидется, распухнетъ въ грядущей Европѣ и потеряетъ свой теперешній характеръ, подчиняясь новому и съ тѣмъ вмѣстѣ вліяя на него. Наслѣдство, оставленное отцомъ сыну, въ фізіологическомъ и гражданскомъ смыслѣ продолжаетъ жизнь отца за гробомъ; тѣмъ не менѣе между ними *смерть* — такъ какъ между Римомъ Юлія Цезаря и Римомъ Григорія VII*).

Смерть современныхъ формъ гражданственности скорѣе должна радовать, нежели тяготить душу. Но страшно то, что отходящій міръ оставляетъ не наслѣдника, а беременную вдову. Между смертію одного и рожденіемъ другаго утечетъ много воды, пройдетъ длинная ночь хаоса и запустѣнія.

Мы не доживемъ до того, до чего дожилъ Симеонъ Богопріимецъ. Какъ ни тяжела эта истина, надобно съ

*) Съ другой стороны, между Европой Григорія VII, Мартина Лютера, Конвента, Наполеона, не смерть, а развитіе, видоизмѣненіе, ростъ; вотъ отчего всѣ попытки античныхъ реакцій (Бранкалоне, Ріензи) были невозможны, а монархическія реставраціи въ новой Европѣ такъ легки.

ней примириться, сладить, потому что измѣнить ее невозможно.

Мы довольно долго изучали хилый организмъ Европы, во всѣхъ слояхъ и вездѣ находили вблизи персть смерти и только изрѣдка вдали слышалось пророчество. Мы сначала тоже надѣялись, вѣрили, старались вѣрить. Предсмертная борьба такъ быстро искажала одну черту за другой, что нельзя было обманываться. Жизнь потухала какъ послѣднія свѣчи въ окнахъ, прежде разсвѣта. Мы были поражены, испуганы. Сложивъ руки, мы смотрѣли на страшные успѣхи смерти. Что мы видѣли съ февральской революціи?... Довольно сказать, мы были молоды два года тому назадъ и стары теперь.

Чѣмъ ближе мы подходили къ партіямъ и людямъ, тѣмъ пустыня около насъ дѣлалась больше, тѣмъ больше становились мы одни. Какъ было дѣлать безуміе однихъ, бездушіе другихъ? Тутъ лѣнь, апатія, тамъ ложь и ограниченность — силы, мощи нигдѣ; развѣ у нѣсколькихъ мучениковъ, умершихъ за людей, не принесъ имъ никакой пользы; у нѣсколькихъ страдальцевъ, распинающихся за толпу, готовыхъ отдать кровь, голову и принужденныхъ беречь то и другое — видя хоръ, которому не нужны эти жертвы.

Потерянные безъ дѣла въ этомъ мірѣ, который рушился со всѣхъ сторонъ, оглушенные бессмысленными спорами, ежедневными оскорбленіями, — мы предавались горю и отчаянію, намъ хотѣлось одного — сложить гдѣ-нибудь усталую голову, не справляясь о, томъ есть ли сновидѣніе или нѣтъ.

Но жизнь взяла свое, и вмѣсто отчаянія, вмѣсто желанія гибели, я теперь хочу жить; я не хочу больше признавать себя въ такой зависимости отъ міра, не

хочу оставаться на всю жизнь у изголовья умирающаго вѣчнымъ плакальщикомъ.

Неужели въ насъ самихъ совершенно ничего нѣтъ и мы только и были чѣмъ-нибудь — этимъ міромъ, въ немъ — такъ что теперь, когда онъ, попорченный совсѣмъ иными законами, гибнетъ, намъ нѣтъ другого занятія, какъ печально сидѣть на его развалинахъ; другого значенія, какъ служить ему надгробнымъ памятникомъ?

Довольно грустить. Мы отдали міру, что ему принадлежало, мы не скупилась, отдавъ ему лучшіе годы наши, полное, сердечное участіе; мы страдали больше него его страданіями. Теперь оботремъ слезы и будемъ мужественно смотрѣть на окружающее. Чтобы намъ наконецъ ни представило оно, перенести можно, *должно*. Худшее пережили, а пережитое несчастіе—несчастіе оконченное. Мы успѣли ознакомиться съ нашимъ положеніемъ, мы ни на что не надѣемся, ничего не ждемъ, или пожалуй ждемъ всего; это сводится на одно. Насъ можетъ многое оскорбить, сломать, убить, удивить *ничего...* или всѣ наши думы и слова были только на губахъ.

Корабль идетъ ко дну. Страшна была минута сомнѣнія, когда рядомъ съ опасностію были надежды; теперь положеніе ясно, корабль не можетъ быть спасенъ, останется гибнуть или спасать себя. Долой съ корабля, на лодки, бревна — пусть каждый пытается свое счастье, пробуется свои силы. Point d'honneur моряковъ намъ не пдетъ.

Вонъ изъ душевной комнаты, гдѣ оканчивается длинная, бурная жизнь! Выйдемъ на чистый воздухъ изъ тяжелой, заразительной атмосферы; на поле изъ больницы палаты. Много найдется мастеровъ бальзамировать покойника; еще больше червей, которые поживутъ

на счетъ гниль. Оставимъ имъ трупъ, не потому что они хуже или лучше насъ, а потому что они этого хотятъ, а мы не хотимъ; потому что они въ этомъ живутъ, а мы страдаемъ. Отойдемъ свободно и безкорыстно, зная, что намъ нѣтъ наслѣдства, и не нуждаясь въ немъ.

Въ старыя годы этотъ гордый разрывъ съ современностію называли бы *бѣствомъ*, неизлечимые романтики и теперь послѣ всего ряда событій, совершившихся передъ ихъ глазами, назовутъ его такъ.

Но свободный человѣкъ не можетъ бѣжать, потому что онъ зависитъ только отъ своихъ убѣжденій и больше ни отъ чего; онъ имѣетъ право оставаться или идти, вопросъ можетъ быть не о бѣгствѣ, а о томъ, свободенъ-ли человѣкъ или нѣтъ?

Сверхъ того, слово бѣгство становится невыразимо смѣшно, обращенное къ тѣмъ, которые имѣли несчастіе заглянуть дальше, уйти впередъ больше, нежели надобно другимъ, и не хотятъ воротиться. Они могли бы сказать людямъ *à la Coriolan*, не мы бѣжимъ, а вы отстаете, но то и другое нелѣпо. Мы дѣлаемъ свое, люди, окружающіе насъ, свое. Развитіе лица и массы дѣлается такъ, что они не могутъ взять всей отвѣтственности на себя за послѣдствія. Но извѣстная степень развитія, какъ бы она ни случилась и чѣмъ бы ни была приведена — обязываетъ. Отрѣкаться отъ своего развитія, значитъ отрѣкаться отъ самихъ себя.

Человѣкъ свободнѣе нежели обыкновенно думаютъ.

Онъ много зависитъ отъ среды, но не настолько, какъ кабалить себя ей. Большая доля нашей судьбы лежитъ въ нашихъ рукахъ, стоитъ понять ее и не выпускать изъ рукъ. Понявши, люди допускаютъ окружающій міръ насиловать ихъ, увлекать противъ воли; они отрѣка-

ются отъ своей самобытности, опираясь во всѣхъ случаяхъ не на себя, а на него, затыгивая крѣпче п крѣпче узы, связующіе съ нимъ. Они ожидаютъ отъ міра всего добра и зла въ жизни, они надѣются на себя, на послѣднихъ. При такой ребяческой покорности, роковая сила внѣшняго становится непреодолимою, вступить съ нею въ борьбу кажется человѣку безуміемъ. А между тѣмъ грозная мощь эта блѣднѣетъ съ того мгновенія, какъ въ душѣ человѣла, вмѣсто самоотверженія и отчаянія, вмѣсто страха и покорности, возникаетъ простой вопросъ: „въ самомъ-ли дѣлѣ онъ такъ скованъ на жизнь и смерть со средою, что онъ и тогда не имѣетъ возможности отъ нея освободиться, когда дѣйствительно съ нею распался, когда ему ничего не нужно отъ нея, когда онъ равнодушенъ къ ея драмъ ?

Я не говорю, чтобъ этотъ протестъ во имя независимости и самобытности лица былъ легокъ. Онъ не даромъ вырывается изъ груди человѣка, ему предшествуютъ или долгія личныя испытанія и несчастія, или тѣ тяжелыя эпохи, когда человѣкъ тѣмъ больше расходится съ міромъ, чѣмъ глубже его понимаетъ, когда всѣ узы, связующіе его съ внѣшнимъ превращаются въ цѣпи, когда онъ чувствуетъ себя правымъ въ противоположность событіямъ и массамъ, когда онъ сознаетъ себя соперникомъ, чужимъ, а не членомъ большой семьи, къ которой принадлежитъ.

Внѣ насъ все измѣняется, все зыблется, мы стоимъ на краю пропасти и видимъ, какъ онъ осыпается: сумерки наступаютъ и ни одной путеводной звѣзды не является на небѣ. Мы не сыщемъ гавани иначе, какъ въ насъ самихъ, въ сознаніи нашей безпредѣльной свободы, нашей самодержавной независимости. Спасая себя

такимъ образомъ, мы становимся на ту мужественную и широкую почву, на которой только и возможно развитіе свободной жизни въ обществѣ,—если оно вообще возможно для людей.

Когда бы люди захотѣли вмѣсто того, чтобъ спасать міръ, спасать себя, вмѣсто того, чтобъ освободить человѣчество, себя освободить — какъ много бы они сдѣлали для спасенія міра и для освобожденія человека.

Зависимость человека отъ среды, отъ эпохи, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Она тѣмъ сильнѣе, что половина узъ укрѣпляется за спиною сознанія; тутъ есть связь физиологическая, противъ которой рѣдко могутъ бороться воля и умъ; тутъ есть элементъ наслѣдственный, который мы приносимъ съ рожденіемъ, такъ какъ черты лица, и который составляетъ круговую поруку послѣдняго поколѣнія съ рядомъ предшествующихъ; тутъ есть элементъ моральнофизиологическій, воспитаніе прививающее человеку исторію и современность, наконецъ элементъ сознательный. Среда, въ которой человекъ родился, эпоха, въ которой онъ живетъ; его тянетъ участвовать въ томъ, что дѣлается вокругъ него, продолжать начатое его отцами; ему естественно привязываться къ тому, что его окружаетъ, онъ не можетъ не отражать въ себѣ, собою своего времени, своей среды.

Но тутъ въ самомъ образѣ отраженія является его самобытность. Противудѣйствіе, возбуждаемое въ человекѣ окружающимъ, отвѣтъ его личности на вліяніе среды. Отвѣтъ этотъ можетъ быть полонъ сочувствія, такъ какъ полонъ противурѣчія. Правственная независимость человека такая-же непреложная истина и дѣйствительность, какъ его зависимость отъ среды, съ тою

разницей, что она съ ней въ обратномъ отношеніи: чѣмъ больше сознанія, тѣмъ больше самобытности; чѣмъ меньше сознанія, тѣмъ связь съ средою тѣснѣе, тѣмъ больше среда поглощаетъ лице. Такъ инстинктъ, безъ сознанія, не достигаетъ истинной независимости, а самобытность является или какъ дикая свобода звѣря, или въ тѣхъ рѣдкихъ судорожныхъ и непослѣдовательныхъ отрцаніяхъ той или другой стороны общественныхъ условій, которыя называютъ преступленіями.

Сознаніе независимости не значитъ еще распаденіе съ средою, самобытность не есть еще вражда съ обществомъ. Среда не всегда относится одинакимъ образомъ къ міру и слѣдственно не всегда вызываетъ со стороны лица отпоръ.

Есть эпохи, когда человѣкъ свободенъ въ *общемъ дѣлѣ*. Дѣятельность, къ которой стремится всякая энергическая натура, совпадаетъ тогда съ стремленіемъ общества, въ которомъ она живетъ. Въ такія времена — тоже довольно рѣдкія — все бросается въ круговоротъ событій, живетъ въ немъ, страдаетъ, наслаждается, гибнетъ. Однѣ натуры своеобразно гениальныя, какъ Гёте, стоятъ поодаль, и натуры пошло безцвѣтныя остаются равнодушными. Даже тѣ личности, которыя враждуютъ противъ общаго потока, также увлечены и удовлетворены въ настоящей борьбѣ. Эмигранты были столько же поглощены революціей, какъ Якобинцы. Въ такое время нѣтъ нужды толковать о самопожертвованіи и преданности, — все это дѣлается само собою и чрезвычайно легко. Никто не отступаетъ, потому что всѣ вѣрятъ. Жертвъ собственно нѣтъ, жертвами кажутся зрителямъ такія дѣйствія, которыя составляютъ простое исполненіе воли, естественный образъ поведенія.

Есть другія времена — и они всего обыкновеннѣе — времена мирныя, сонныя даже, въ которыя отношенія личности къ средѣ *продолжаются*, какъ они были поставлены послѣднимъ "переворотомъ". Они не настолько натянута, чтобъ лопнуть, не настолько тяжелы, чтобъ нельзя было вынести, и наконецъ не настолько исключительны и настойчивы, чтобъ жизнь не могла восполнить главные недостатки и сгладить главные шереховатости. Въ такія эпохи вопросъ о связи общества съ человѣкомъ не такъ занимаетъ. Являются частныя столкновенія; трагическія катастрофы, вовлекающія въ гибель нѣсколько лицъ; раздаются титаническіе стоны скованнаго человѣка; но все это теряется безслѣдно въ учрежденномъ порядкѣ, признанныя отношенія остаются неизбланными, покоятся на привычкѣ, на человѣческомъ безпечьи, на лѣни, на недостаткѣ демоническаго начала критики и ироніи. Люди живутъ въ частныхъ интересахъ, въ семейной жизни, въ ученой, индустріальной дѣятельности, судятъ и рядятъ, воображая, что дѣлаютъ дѣло, усердно работаютъ, чтобъ устроить судьбу дѣтей; дѣти съ своей стороны устриваютъ судьбу своихъ дѣтей, такъ что существующія личности и настоящее какъ будто стираются и признаютъ себя чѣмъ-то переходнымъ. Подобное время продолжается до сихъ поръ въ Англии.

Но есть еще и третьяго рода эпохи, очень рѣдкія и самыя скорбныя.

Эпохи, въ которыя общественныя формы, переживши себя, медленно и тяжело гибнуть; исключительная цивилизація достигаетъ не только высшаго предѣла, но даже выходитъ изъ круга возможностей, данныхъ историческимъ бытомъ, такъ, что повидимому она принадлежитъ будущему, а въ сущности равно отрѣшена отъ

прошедшаго, которое она презираетъ и отъ будущаго, развивающагося по инымъ законамъ. Вотъ тутъ-то и сталкивается лицо съ обществомъ. Прошедшее является какъ безумный отпоръ. Насиліе, ложь, свирѣпость, корыстное раболѣпство, ограниченность, потеря всякаго чувства человѣческаго достоинства, становятся общимъ правиломъ большинства. Все доблестное было уже исчезло, дряхлый міръ самъ не вѣрнѣ въ себя и отчаянно защищается, потому что боится, изъ самосохраненія забываетъ своихъ боговъ, ношируетъ ногами права, на которыхъ держался, отрекается отъ образованія и чести, становится звѣремъ, преслѣдуетъ, казнитъ, и между тѣмъ сила остается въ его рукахъ; ему повинуются не изъ одной трусости, но изъ того, что съ другой стороны все шатко, ничего не рѣшено, не готово — и главное, что люди не готовы. Съ другой стороны, не знаемое будущее восходитъ на горизонтѣ, покрытомъ тучами, будущее смущающее всякую человѣческую логику. Вопросъ римскаго міра разрѣшается Христіанствомъ, религіей, съ которой свободный человѣкъ гибнущаго Рима также мало имѣлъ связи, какъ съ политизмомъ. Человѣчество, для того, чтобъ двинуться впередъ изъ узкихъ формъ римскаго права, отступаетъ въ германское варварство.

Тѣ изъ римлянъ, которые отъ тяжести жизни, гонимые тоской, страхомъ, бросились въ Христіанство, спаслись; но развѣ тѣ, которые не меньше страдали, но были тверже характеромъ и умомъ и не хотѣли спасаться отъ одной нелѣпности, принимая другую, достойны порицанія? Могли-ли они съ Юліаномъ Отступникомъ стать за старыхъ боговъ или съ Константинъ за новыхъ? Могли-ли они участвовать въ современномъ дѣлѣ, видя куда идетъ духъ времени? Въ такія

эпохи свободному человѣку легче одичать въ отчужденіи отъ людей, нежели идти съ ними по одной дорогѣ, ему легче лишиться себя жизни нежели пожертвовать ее.

Неужели человѣкъ менѣе правъ оттого, что съ нимъ никто не согласенъ? да развѣ умъ нуждается другой повѣрки какъ умомъ? И съ чего-же всеобщее безуміе можетъ опровергнуть личное убѣжденіе?

Мудрѣйшіе изъ римлянъ сошли совсѣмъ со сцены и превосходно сдѣлали. Они разсѣялись по берегамъ Средиземнаго моря, пропали для другихъ въ безмолвномъ величій скорби, но не пропали для себя — и черезъ пятнадцать столѣтій мы должны сознаться, что собственно они были побѣдители, они единственные, свободные и мощные представители независимой личности человѣка, его достоинства. Они были *люди*, ихъ нельзя было считать по головно, они не принадлежали къ стаду и не хотѣли лгать, а не имѣя съ нимъ ничего общаго—отошли.

А что у насъ общаго съ міромъ насъ окружающимъ? Нѣсколько лицъ связанныхъ съ нами одними убѣжденіями, три добродѣтельные человѣка Содома и Гоморы, они въ томъ-же положеніи какъ мы, они составляютъ протестующее меньшинство, сильное мыслию, слабое дѣйствіемъ. Кромѣ ихъ у насъ съ современнымъ міромъ не больше дѣятельной связи какъ съ Китаемъ (я на сію минуту опускаю фізіологическую связь и привычку). Это до того справедливо, что даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда люди произносятъ одни и тѣ же слова съ нами, они ихъ понимаютъ розно. Хотите ли вы *свободы* монтаньяровъ, *порядка* законодательнаго собранія, египетскаго устройства работъ коммунистовъ?

Теперь всѣ играютъ съ раскрытыми картами и самая игра чрезвычайно упростилась, ошибаться нельзя, на

каждомъ клочкѣ Европы та же борьба, тѣ же два стана. Вы ясно, вполнѣ чувствуете противъ котораго вы; но чувствуете - ли вы также ясно связь вашу съ другимъ станомъ — какъ отвращеніе и ненависть къ первому?...

Время откровенности пришло, свободные люди не обманываютъ ни себя, ни другихъ, всякая пощада ведетъ къ чему-то ложному, косому.

Прошедшій годъ, чтобъ достойно окончиться и исполнить мѣру всѣхъ нравственныхъ оскорбленій и пытокъ, представилъ намъ страшное зрѣлище: борьбу *свободнаго чловѣка съ освободителями чловѣчества*. Смѣлая рѣчь, ѣдкій скептицизмъ, беспощадное отрицаніе, неумолимая иронія Прудона возмущила записныхъ революціонеровъ не меньше консерваторовъ, они напали на него съ ожесточеніемъ, они стали за свои преданія съ неподвижностію легитимистовъ, они испугались его атеизма и его анархій, они не могли понять, какъ можно быть свободнымъ безъ государства, безъ демократическаго правленія; они съ удивленіемъ слушали безнравственную рѣчь, что республика для людей, а не лица для республики. И когда у нихъ не достало ни логики, ни краснорѣчія, они объявили Прудона подозрительнымъ, они его предали революціонной анаѳемѣ, отлучая отъ православнаго единства своего. Талантъ Прудона и звѣрство полиціи спасли его отъ клеветы. Уже гнусное обвиненіе въ предательствѣ ходило изъ устъ въ уста демократической черни, когда онъ бросилъ свои знаменитыя статьи въ Президента, который не нашелъ лучшаго отвѣта, оглушенный ударомъ, какъ тѣснить колодника, запертаго за мысль и слово. Видя это, толпа примирилась.

И вотъ вамъ крестовые рыцари свободы, привилле-

гированные освободители человечества! Они боятся свободы; имъ надобенъ господинъ для того, чтобъ не избаловаться, имъ пужна власть, потому что они не до-вѣряютъ себѣ. Мудрено ли послѣ того, что горсть лю-дей, переселенная съ Кабэ въ Америку, едва устрои-лась во временныхъ шалашахъ, какъ всѣ неудобства европейской государственной жизни обличились въ ихъ средѣ.

При всемъ этомъ, *они* современнѣе насъ, полезнѣе насъ, потому что ближе къ дѣлу, они найдутъ больше сочувствія въ массахъ, они нужнѣе. Массы хотятъ оста-новить руку, нагло вырывающую у нихъ кусокъ хлѣба, заработанный ими — это ихъ главная потребность. Къ личной свободѣ, къ независимости слова, онѣ равно-душны; массы любятъ авторитетъ, ихъ еще ослѣпляетъ оскорбительный блескъ власти, ихъ еще оскорбляетъ человѣкъ, стоящій независимо; онѣ подъ равенствомъ понимаютъ равномѣрный гнетъ, боясь монополей и привилегій, онѣ косо смотрятъ на талантъ и не позволя-ютъ, чтобъ человѣкъ не дѣлалъ того же что они дѣ-лаютъ. Массы желаютъ соціальнаго правнтельства, ко-торое бы управляло имп для нихъ, а не противъ нихъ, какъ теперешнее. Управляться самимъ — имъ и въ го-лову не приходитъ. Вотъ отчего *освободители* гораздо ближе къ современнымъ переворотамъ, нежели всякій *свободный человекъ*. Свободный человѣкъ можетъ быть вовсе ненужный человѣкъ; но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ долженъ поступать противъ своихъ убѣжденій.

Но, скажете вы, надобно себя умѣрить. Сомнѣваюсь чтобъ изъ этого вышло что нибудь; когда человѣкъ и весь отдается дѣлу, онъ не много производитъ, что же онъ сдѣлаетъ, когда намѣренно отниметъ половину сво-ихъ силъ и органовъ. Посадите Прудона министромъ

финансовъ, президентомъ, онъ будетъ Бонапартомъ въ другую сторону. Этотъ находится въ безпрестанномъ колебаніи, нерѣшительности, оттого, что онъ помѣшанъ на императорствѣ. Прудонъ будетъ также въ постоянномъ недоумѣніи, потому что существующая республика ему столько же противна какъ Бонапарту, а республика социальная теперь гораздо менѣе возможна нежели имперія.

Впрочемъ тотъ, кто чувствуя внутреннее несогласіе хочетъ или можетъ откровенно участвовать въ бою партій; у кого нѣтъ потребности идти своей дорогой, видя что дорога другихъ идетъ не туда; кто не думаетъ, что лучше заблудиться, совсѣмъ пропасть, нежели уступить свою истину, — тотъ пусть дѣйствуетъ съ другими. Онъ даже сдѣлаетъ очень хорошо, потому что нѣтъ чего другого, а освободители рода человѣческаго стацутъ вмѣстѣ съ собою въ пропасть старыя формы монархической Европы; я признаю право столько же желающему дѣйствовать, сколько и желающему отстраниться; на то будетъ его воля, и объ этомъ у насъ не идетъ рѣчи.

Я очень радъ, что коснулся этого смутнаго вопроса, этой самой прочной цѣпи изъ всѣхъ, которыми человѣкъ скованъ; самой прочной потому, что онъ или не чувствуетъ ея насилія, или, еще хуже, признаетъ ее безусловно справедливой. Посмотримъ, не перержавѣла ли и она?

Подчиненіе личности обществу, народу, человѣчеству, идеѣ—продолженіе человѣческихъ жертво-приношеній, закланіе агнца для примиренія Бога, распятіе невиннаго за виновныхъ. Всѣ религіи основывали правственность на покорности т. е. на добровольномъ рабствѣ, потому онѣ и были всегда вреднѣе политическаго

устройства. Тамъ было насиліе, здѣсь развратъ воли. Покорность значить съ тѣмъ вмѣстѣ перенесеніе всей самобытности лица на всеобщія, безличныя сферы, независимыя отъ него, Христіанство, религія противорѣчій, признавало съ одной стороны безконечное достоинство лица, какъ будто для того, чтобъ еще торжественнѣе погубить его передъ искупленіемъ, церковью, отцомъ небеснымъ. Его возрѣніе проникло въ нравы, оно выработалось въ цѣлую систему нравственной неволи, въ цѣлую искаженную діалектику, чрезвычайно послѣдовательную себѣ? Міръ, становясь болѣе свѣтскимъ или, лучше сказать, примѣтивъ наконецъ, что онъ въ сущности такой-же свѣтскій какъ и былъ, примѣшалъ свои элементы въ христіанское правоученіе, но основы остались тѣ-же. Лицо, истинная, дѣйствительная монада общества, было всегда пожертвовано какому-нибудь общему понятію, собирательному имени, какому-нибудь знамени. Для кого работали, кому жертвовали, кто пользовался, кого освобождали, уступая свободу лица, объ этомъ никто не спрашивалъ. Всѣ жертвовали (по-крайней-мѣрѣ на словахъ) сампхъ себя и другъ друга.

Не мѣсто здѣсь разбирать на сколько неразвитость народовъ оправдывала такія мѣры воспитанія. Вѣроятно онѣ были естественны и необходимы, мы ихъ встрѣчаемъ вездѣ, но мы можемъ смѣло сказать, что если онѣ и привели къ великимъ результатамъ, то навѣрное на столько-же замедлили ходъ развитія, искажая умъ ложнымъ представленіемъ. Я вообще мало вѣрю въ пользу лжи, особенно когда въ нее не вѣрятъ больше: весь этотъ макиавелизмъ, вся риторика мнѣ кажется больше аристократическою потѣхою для проповѣдниковъ и нравоучителей.

Общая основа воззрѣнія, на которомъ такъ прочно держится нравственная неволя человѣка и „приниженіе“ его личности, почти вся въ дуализмѣ, которымъ проникнуты всѣ наши сужденія.

Дуализмъ, это христіанство, возведенное въ логику, христіанство, освобожденное отъ преданія, отъ мистицизма. Главный приемъ его состоитъ въ томъ, чтобъ раздѣлять на мнимыя противоположности то, что дѣйствительно нераздѣльно, на пр. тѣло и духъ; враждебно противопоставлять эти отвлеченія и неестественно мирить то, что соединено неразрывнымъ единствомъ. Это евангельскій мнѣ Бога и человѣка прмиряемыхъ Христомъ, переведенный на философскій языкъ.

Такъ какъ Христось, искупая родъ человѣческой, попираетъ плоть, такъ въ дуализмѣ, идеализмъ беретъ сторону одной тѣни противъ другой, отдавая монополь духу надъ веществомъ, роду надъ недѣлимимъ, жертвуя такимъ образомъ человѣка государству, государство человѣчеству.

Вообразите теперь весь хаосъ вносимый въ совѣсть и умъ людей, которые съ дѣтскихъ лѣтъ ничего другого не слыхали. Дуализмъ до того исказилъ всѣ простѣйшія понятія, что имъ надобно дѣлать большія усилія, чтобъ усвоить истины ясныя какъ день. Нашъ языкъ — языкъ дуализма, наше воображеніе не имѣетъ другихъ образовъ, другихъ метафоръ. Полторы-тысячи лѣтъ все учившее, проповѣдывавшее, писавшее, дѣйствовавшее было пропитано дуализмомъ и едва нѣсколько человѣкъ въ концѣ XVIII вѣка стали въ немъ сомнѣваться, но и сомнѣваясь продолжали изъ приличія, а долею и отъ страха говорить его языкомъ.

Само собою разумѣется, что вся наша нравственность вышла изъ того же начала. Нравственность эта требо-

вала постоянной жертвы, непрерывнаго подвига, непрерывнаго самоотверженія. Оттого по большей части правила ея и не исполнялись никогда. Жизнь несравненно упорѣ теорій, она идетъ независимо отъ нихъ и молча побѣждаетъ ихъ. Полнѣ возраженія на принятую мораль не можетъ быть, какъ такое практическое отрицаніе; но люди спокойно живутъ въ этомъ противурѣчій, они привыкли къ нему вѣками. Христіанство, раздвояя человѣка на какой-то идеаль и на какого-то скота, сбило его понятія; не находя выхода изъ борьбы совѣсти съ желаніями, онъ такъ привыкъ къ лицемѣрью, часто откровенному, что противоположность слова съ дѣломъ его не возмущаетъ. Онъ ссылался на свою слабую, злодѣйскую натуру, и церковь торопилась индальгенціями и отпущеніемъ грѣховъ давать легкое средство сводить счеты съ испуганной совѣстью, боясь, чтобъ отчаяніе не привело къ другому порядку мыслей, которыхъ не такъ легко уложить исповѣдью и прощеніемъ. Эти палости такъ укоренились, что пережили самую власть церкви. Натянутыя цивическія добродѣтели замѣнили натянутое ханжество; отсюда — театральное одушевленіе на римскій ладъ и на манеръ христіанскихъ мучениковъ и феодальныхъ рыцарей.

Практическая жизнь и тутъ идетъ своимъ чередомъ, нисколько не занимаясь героической моралью.

Но напасть на нее никто не смѣетъ, и она держится съ одной стороны на какомъ-то тайномъ соглашеніи пощады и уваженія, какъ республика Сан-Марино; съ другой стороны на нашей трусости, безхарактерности, на ложномъ стыдѣ и на нравственной неволѣ нашей. Мы боимся обвиненія въ безнравственности и это насъ держитъ въ уздѣ. Мы повторяемъ моральныя бредни:

слышанныя нами, не придавая имъ никакого смысла, но и не возражая противъ нихъ;—такъ какъ натуралисты *изъ приличія* говорятъ въ предисловіи о творцѣ и удивляются его премудрости. Уваженіе, втѣсняемое намъ страхомъ дикихъ криковъ толпы, превращается до того въ привычку, что мы съ удивленіемъ, съ негодованіемъ смотримъ на дерзость откровеннаго и свободнаго чело-вѣка, который смѣетъ сомнѣваться въ истинѣ этой риторики; это сомнѣніе насъ оскорбляетъ, такъ какъ бывало неночтительный отзывъ о королѣ оскорблялъ подданнаго — это гордость ливреи, надменность рабовъ.

Такимъ образомъ составила условная нравственность, условный языкъ; имъ мы передаемъ вѣру въ ложныхъ боговъ нашимъ дѣтямъ, обманываемъ ихъ, такъ какъ насъ обманывали родители, и такъ какъ наши дѣти будутъ обманывать своихъ до тѣхъ поръ, пока переворотъ не покончитъ со всѣмъ этимъ міромъ лжи и притворства.

Я наконецъ не могу выносить равнодушно эту вѣчную риторнку патріотическихъ и филантропическихъ разглагольствованій, не имѣющихъ никакого вліянія на жизнь. Много-ли найдется людей, готовыхъ пожертвовать жизнью за чтобъ-то ни было? Конечно не много, но все-же больше нежели тѣхъ, которые имѣютъ мужество сказать, что «Mourir pour la patrie», не есть въ самомъ дѣлѣ верхъ человѣческаго счастья и что гораздо лучше если и отечество и самъ человѣкъ останутся цѣлы.

Какіе мы дѣти, какіе мы еще рабы, и какъ весь центръ тяжести, точка опоры нашей воли, нашей нравственности—виѣ насъ!

Ложь эта не только вредна, но унизительна, она оскорбляетъ чувство собственнаго достоинства, развра-

щаетъ поведеніе; надобно имѣть силу характера говорить и дѣлать одно и то-же; и вотъ почему люди должны признаваться на словахъ въ томъ, въ чемъ признаются ежедневно жизнию. Можетъ эта чувствительная болтовня и была сколько-нибудь полезна во времена больше днкія, такъ какъ внѣшняя учтивость, но теперъ она обезсиливаетъ, усыпляетъ, сбиваетъ столку. Довольно времени позволяли мы безнаказанно декламировать всѣ эти риторическія упражненія, составленныя изъ подогрѣтаго христіанства, разбавленнаго мутной водой рационализма и паточнымъ растворомъ филантропіи. Пора наконецъ разобрать эти Сивилинскія Книги, пора потребовать отчета у нашихъ учителей.

Какой смыслъ всѣхъ разглагольствованій противъ эгоизма, индивидуализма? — Что такое эгоизмъ? — Что такое *братство* — Что такое индивидуализмъ? — И что любовь къ человѣчеству?

Разумѣется, люди эгоисты, потому что они лица; какъ-же быть самимъ собою, не имѣя рѣзкаго сознанія своей личности. Лишить человѣка этого сознанія значитъ распутить его, сдѣлать существомъ прѣснымъ, стертымъ, безхарактернымъ. Мы эгоисты и потому добиваемся независимости, благосостоянія, признанія нашихъ правъ, потому жаждемъ любви, ищемъ дѣятельности... и не можемъ отказывать безъ явнаго противурѣчія въ тѣхъ-же правахъ другимъ.

Проповѣдь индивидуализма разбудила, вѣкъ тому назадъ, людей отъ тяжелаго сна, въ который они были погружены подъ вліяніемъ католическаго мака. Она вела къ свободѣ, такъ какъ смиреніе ведетъ къ покорности. Писанія эгоиста Вольтера больше сдѣлали для освобожденія, нежели писанія любящаго Руссо для братства.

Моралисты говорятъ объ эгоизмѣ, какъ о дурной

привычкѣ, не спрашивая, можетъ-ли человѣкъ быть человекомъ, утративъ живое чувство личности, и не говоря, что за замѣна ему будетъ въ „братствѣ“ и въ „любви къ человечеству,“ не объясняя даже, почему слѣдуетъ брататься со всѣми и что за долгъ любить всѣхъ на свѣтѣ? Мы равно не видимъ причинны ни любить, ни ненавидѣть что-нибудь только потому, что оно существуетъ. Оставьте человека свободнымъ въ своихъ сочувствіяхъ, онъ найдетъ кого любить и съ кѣмъ быть братомъ, на это ему не нужно ни заповѣди, ни приказа; если-же онъ не найдетъ, это его дѣло и его несчастіе.

Христіанство по крайней мѣрѣ не останавливалось на такихъ бездѣлцахъ, а смѣло приказывало любить не только всѣхъ но преимущественно своихъ враговъ. Восемнадцатъ столѣтій люди умилялись передъ этимъ; пора наконецъ сознаться, что правило это пустое..... За что-же любить враговъ? или если они такъ любезны, за что-же быть съ ними во враждѣ?

Дѣло просто въ томъ, что эгоизмъ и общественность не добродѣтели и не пороки; это основныя стихіи жизни человѣческой, безъ которыхъ не было бы ни исторіи, ни развитія, а была бы или рассыпчатая жизнь дикихъ звѣрей или стада ручныхъ троглодитовъ. Уничтожьте въ человѣкѣ общественность и вы получите свирѣпаго Орангъ-Утанга; уничтожьте въ немъ эгоизмъ, и изъ него выйдетъ смиренное Яко. Всего меньше эгоизма у рабовъ. Самое слово „эгоизмъ“ не имѣетъ въ себѣ полного содержанія. Есть эгоизмъ узкій, животный, грязный, такъ какъ есть любовь грязная, животная, узкая. Дѣйствительный интересъ совсѣмъ не въ томъ, чтобъ убивать на словахъ эгоизмъ и подхваливать братство, оно его не пересилитъ а въ томъ, чтобъ сочетать гар-

монически, свободно эти два неотъемлемыя начала жизни человѣческой.

Какъ существо общежительное, человѣкъ стремится любить, и на это ему вовсе не нужно приказа. Ненавидѣть себя совсѣмъ не нужно. Моралисты считаютъ всякое нравственное дѣйствіе до того противнымъ натурѣ человѣческой, что ставятъ въ великое достоинство всякій добрый поступокъ, и потому-то они братство вмѣняютъ въ обязанность, какъ соблюденіе постовъ, какъ умерщвленіе плоти. Послѣдняя форма религіи рабства основана на раздвоеніи общества и человѣка, на мнимои враждѣ ихъ. До тѣхъ поръ, пока съ одной стороны будетъ Архангель-Братство, а съ другой Люциферъ-Эгоизмъ—будетъ правительство, чтобъ ихъ мирить и держать въ уздѣ; будутъ судьи, чтобъ карать, палачи, чтобъ казнить, церковь, чтобъ молить Бога о прощеніи, Богъ, чтобъ наводить страхъ и комисаръ полиціи, чтобъ сажать въ тюрьму.

Гармонія между лицомъ и обществомъ не дѣлается разъ на всегда, она *становится* каждымъ періодомъ почти каждой страной и измѣняется съ обстоятельствами, какъ все живое. Общей нормы, общаго рѣшенія тутъ не можетъ быть. Мы видѣли, какъ въ инныя эпохи человѣку легко отдаваться средѣ и какъ въ другія только и можно *сохранить* связь разлукой, отходя, *унося все свое съ собою*. Не въ нашей волѣ измѣнять историческое отношеніе лица къ обществу, да по-несчастью и не въ волѣ самаго общества; но отъ насъ зависитъ быть современными, сообразными нашему развитію, словомъ, *творить* наше поведеніе въ отвѣтъ обстоятельствамъ.

Дѣйствительно, свободный человѣкъ *создаетъ* свою нравственность. Это-то Стойки и хотѣли сказать, говоря,

„что для мудраго нѣтъ закона.“ Превосходное поведеніе вчера можетъ быть прескверно сегодня. Незыблемой, вѣчной нравственности такъ-же нѣтъ, какъ вѣчныхъ наградъ и наказаній. То, что дѣйствительно незыблемо въ нравственности, сводится на такія всеобщности, что въ нихъ теряется почти все частное, какъ напр., что всякое дѣйствіе, противное нашимъ убѣжденіямъ, преступно или, какъ сказалъ Кантъ, что то дѣйствіе безнравственно, которое человѣкъ не можетъ обобщить, возвести въ правило.

Мы въ началѣ статьи совѣтовали не входить въ противурѣчіе съ собою, какъ бы дорого это ни стоило и перервать сношенія неистинныя, поддерживаемыя (какъ въ „Альфредѣ“ Бенжаменъ Констана) ложнымъ стыдомъ, ненужнымъ самоотверженіемъ.

Таковы-ли современные обстоятельства, какъ я ихъ представилъ или нѣтъ, это подлежитъ спору, и если вы мнѣ докажете противное, я съ благодарностію пожму вашу руку, вы будете мой благодѣтель. Быть можетъ, я увлекся и, мучительно изучая ужасы, дѣлающіеся вокругъ, потерялъ способность видѣть свѣтлое. Я готовъ слушать, и хочу согласиться. Но если обстоятельства таковы, то нѣтъ мѣста спору.

„И такъ, скажете вы, отдаться негодующему бездѣйствію, сдѣлаться чуждымъ всему, бесплодно роптать и сердиться, какъ сердятся старики, удалиться со сцены, гдѣ кипитъ и несетя жизнь, и доживать свой вѣкъ бесполезнымъ для другихъ и въ тягость себѣ.“

— Я не совѣтую браниться съ міромъ, а начать независимую, самобытную жизнь, которая могла бы найти въ себѣ самой спасеніе, даже тогда, когда весь міръ насъ окружающій, погибъ бы. Я совѣтую взглядѣться, идетъ-ли въ самомъ дѣлѣ масса туда, куда мы думаемъ,

что она идетъ, и идти съ нею, или отъ нея, но зная ея путь; я совѣтую бросить книжныя мнѣнія, которыя намъ привили съ ребячества, представляя людей совѣмъ иными, нежели они есть. Я хочу прекратить „безплодный ропотъ и капризное неудовольствіе,“ хочу примирить съ людьми, убѣдивши, что они не могутъ быть лучше, что вовсе не ихъ вина, что они такіе.

Будетъ-ли притомъ такая или другая вѣшняя дѣятельность или никакой не будетъ, я не знаю. Да въ сущности это и неважно. Если вы сильны, если въ васъ есть не только что нибудь годное, но что нибудь глубоко шевелящее другихъ, оно не пропадетъ, — такова экономія природы. Сила ваша какъ капля дрозжей непременно взволнуетъ, заставитъ бродить все, подвергнувшееся ея вліянію; ваши слова, дѣла, мысли займутъ свое мѣсто, безъ особенныхъ хлопотъ. Если-же у васъ нѣтъ такой силы или есть силы, не дѣйствующія на современнаго человѣка, и въ этомъ нѣтъ большой бѣды ни для васъ, ни для другихъ. Что мы за вѣчные комедіанты, за публичные мужчины! мы живемъ не для того, чтобъ занимать другихъ, мы живемъ для себя. Большинство людей, всегда практическое, вовсе не печется о недостаткѣ *исторической* дѣятельности.

Вмѣсто того, чтобъ увѣрять народы, что они страстно хотягъ того, что мы хотимъ, лучше было бы подумать, хотягъ-ли они на сію минуту чего-нибудь, и если хотятъ совѣмъ другое, сосредоточиться, сойти съ рынка, отойти съ миромъ, не насилуя другихъ и не тратя себя.

Можетъ это отрицательное дѣйствіе будетъ началомъ новой жизни. Во всякомъ случаѣ это будетъ добросовѣстный поступокъ.

Парижъ, Hôtel Mirabeau, 3 Апрѣля 1850 г.

VIII.

ДОНОЗО КОРТЕСЪ, МАРКИЗЪ ВАЛЬДЕГАМАСЪ

и

ЮЛІАНЪ ИМПЕРАТОРЪ РИМСКІЙ

У консерваторовъ есть глаза, только они не видятъ. Больше скептики нежели Апостоль Ѳома, они трогаютъ пальцемъ рану и не вѣрятъ ей.

„Вотъ, говорятъ они сами, страшные успѣхи общественной гангрены, вотъ духъ отрицанія вѣющій разложеніемъ, вотъ демонъ революціи потрясающій послѣднія основы вѣковаго зданія государственнаго... вы видите міръ нашъ разрушается, гибнетъ, увлекаетъ съ собою образованіе, учрежденія все выработанное имъ..... смотрите одна нога его уже въ могилѣ.“

И заключаютъ потомъ: „удвоимте же силу правительства войскомъ, возвратимте людей къ вѣрованіямъ, которыхъ у нихъ нѣтъ, дѣло идетъ о опасеніи цѣлаго міра.“

Спасать міръ—воспоминаніями, насиліемъ! Міръ спасается „благою вѣстью,“ а не подогрѣтой религіей; онъ спасается *словомъ* носящимъ въ себѣ зародышъ новаго міра, а не воскресеніемъ изъ мертвыхъ стараго.

Упрямство что ли это съ ихъ стороны, недостатокъ пониманія, или страхъ передъ мрачнымъ будущимъ смущаетъ ихъ до того, что они видятъ только то, что гибнетъ, привязаны только къ прошедшему, опираются только на развалины, или на стѣны готовыя рухнуть?

Какой хаосъ, какой недостатокъ послѣдовательности въ понятіяхъ современнаго человѣка!

По крайней мѣрѣ въ прошедшемъ было какое нибудь единство, безуміе было эпидемическое и его мало замѣчали, весь свѣтъ былъ въ заблужденіи, были общія данныя большей частию нелѣпыя, по принятія всѣми. Въ наше время совсѣмъ не такъ; предразсудки римскаго міра рядомъ съ предразсудками среднихъ вѣковъ, Евангеліе и политическая экономія, Лойола и Вольтеръ, идеализмъ на словахъ, матеріализмъ на дѣлѣ; отвлеченная, риторическая нравственность и поведеніе прямо противоположное ей. Эта разнородная масса понятій обживается въ нашемъ умѣ безъ порядка. Достигнувъ совершеннлѣтія мы слишкомъ заняты, слишкомъ лѣнны, а можетъ и слишкомъ трусы, чтобъ подвергнуть строгому суду наши нравственные заповѣди, такъ дѣло и остается въ сумеркахъ.

Это смѣшеніе понятій нигдѣ не идетъ дальше какъ во Франціи. Французы вообще лишены философскаго воспитанія; они съ большою проникательностію овладѣваютъ выводами, но овладѣваютъ ими односторонно, ихъ выводы остаются разобщенными, безъ единства ихъ связывающаго, даже безъ приведенія ихъ къ одному уровню. Отсюда противурѣчія на каждомъ шагѣ. Отсюда необходимость, говоря съ ними, возвращаться къ давнымъ давно извѣстнымъ началамъ и повторять за новостъ истины, сказанныя Спинозой или Бэкономъ.

Такъ какъ выводы берутся ими безъ корня, то и нѣтъ ничего положительно пріобрѣтеннаго у нихъ, оконченаго... ни въ наукѣ, ни въ жизни... оконченаго въ томъ смыслѣ, въ которомъ окончены четыре правила ариметки, нѣкоторыя наукообразныя начала въ Германіи, нѣкоторыя основанія права въ Англии. Тутъ от-

части причина той легости перемѣнъ и перехода изъ одной крайности въ другую, которая такъ удивляетъ насъ. Поколѣніе революціонеровъ—дѣлается абсолютистами; послѣ ряда революцій снова спрашивается, слѣдуетъ ли признавать права человѣка, можно-ли судить внѣ законныхъ формъ, должно-ли терпѣть свободу книгопечатанія?... Изъ этихъ вопросовъ, возвращающихся послѣ cadaго потрясенія, очевидно, что ничего не обсужено, не принято въ самомъ дѣлѣ.

Этой путаницѣ въ наукѣ Кузенъ далъ систематическую организацію, подъ именемъ эклектизма (т. е. хорошаго по немножку). Въ жизни она равно дома у радикаловъ и у легитимистовъ, особенно у *умѣренныхъ*, т. е. у людей, не знающихъ ни чего *они хотятъ*, ни чего *не хотятъ*.

Всѣ роялистскія и католическія газеты въ одинъ голосъ не перестаютъ восторгаться рѣчью Доноза Кортеза, произнесенной въ Мадридѣ, въ засѣданіи кортесовъ. Рѣчь эта дѣйствительно замѣчательна въ многихъ отношеніяхъ. Донозо Кортезъ необычайно вѣрно оцѣнилъ страшное положеніе настоящихъ европейскихъ государствъ, онъ понялъ, что они находятся на краю пропасти, на кануѣ неминуемаго, роковаго катаклизма. Картина, начерченная имъ, страшна своей правдой. Онъ представляетъ Европу, сбившуюся съ толку, безсильную, быстро увлекаемую въ гибель, умирающую отъ неустройства, и съ другой стороны славянскій міръ, готовый хлынуть на міръ германо-романскій. Онъ говоритъ: „Не думайте, что катастрофа тѣмъ и кончится, славянскія племена въ отношеніи къ западу не то, что были германцы въ отношеніи римлянъ... Славяне давно уже въ соприкосновеніи съ революціей... Россія, среди покоренной и валяющейся въ прахѣ Европы, всосетъ

всѣми порами ядъ, которымъ она уже упивалась и который ее убьетъ; она разложится тѣмъ-же гніеніемъ. Я не знаю какія врачеванія приготовлены у Бога противъ этого всеобщаго разложенія“.

Въ ожиданіи этого божественнаго спадобья, знаете ли, что предлагаетъ нашъ мрачный пророкъ, такъ страшно и мѣтко начертавшій образъ грядущей смерти? Намъ совѣстно повторять. Онъ думаетъ, что еслибъ Англія возвратилась къ католицизму, то вся Европа могла бы быть спасена паной, монархической властью и войскомъ. Онъ хочетъ отвести грозное будущее, отступая въ невозможное прошедшее.

Намъ-что-то подозрительна патологія маркиза Вальдегамасъ. Или опасность не такъ велика, или средство слабо. Монархическое начало вездѣ возстановлено, войска вездѣ имѣютъ верхъ; церковь, по собственнымъ словамъ Донозо Кортеза и его друга Монталамбера — торжествуетъ, Тьеръ сдѣлался католикомъ, словомъ трудно желать больше притѣсненій, гоненій, реакцій; а спасеніе не приходитъ. Неужели оттого, что Англія находится въ грѣховномъ отщепеніи?

Всякій день обвиняютъ социалистовъ, что они сильны только въ критикѣ, въ обличеніи зла, въ отрицаніи. Что скажете теперь объ анти-соціальныхъ врагахъ нашихъ?

...Въ довершеніе нелѣпости, редакція одного журнала, чрезвычайно *благо*, помѣстила въ томъ же номерѣ съ преувеличенными похвалами рѣчи Донозо Кортеза и отрывки изъ небольшой исторической компиляціи, довольно посредственно сдѣланной, въ которой говорится о первыхъ вѣкахъ Христіанства, объ Юліанѣ отступникѣ, и которая торжественно разрушаетъ разсужденіе нашего маркиза.

Донозо Кортесъ становится совершенно на ту-же почву, на которой стояли тогда римскіе консерваторы. Онъ видѣлъ, какъ тѣ видѣли, разложеніе того общественнаго порядка, который его окружаетъ; его обнимаетъ ужасъ, и это очень естественно—есть чего испугаться; онъ хочетъ, какъ они хотѣли, во что бы ни стало спасти его, и не находитъ другаго средства, какъ останавливая грядущее, отводя его — какъ будто оно не естественное послѣдствіе уже существующаго.

Онъ отправляется, какъ римляне, отъ общей данной совершенно ошибочной, отъ неоправданнаго предположенія, отъ произвольнаго мнѣнія. Онъ увѣренъ, что настоящія формы общественной жизни, такъ какъ они выработались подъ вліяніемъ римскаго, германскаго, христіанскаго начала, единственно возможныя. Какъ будто древній міръ и современный востокъ не представляютъ уже съ своей стороны жизнь общественную, основанную совсѣмъ на другихъ началахъ — можетъ низшихъ, но необычайно прочныхъ.

Донозо Кортесъ предполагаетъ далѣе, что *образованіе* не можетъ развиваться иначе, какъ въ современныхъ европейскіхъ формахъ. Легко сказать съ Донозо Кортесомъ, что древній міръ имѣлъ *культуру*, а не *цивилизацию*. (Le monde ancien a été cultivé et non civilisé.) подобныя тонкости имѣютъ только успѣхъ въ богословскихъ преніяхъ. Римъ и Греція были очень *образованы*, ихъ образованіе было, также какъ европейское, образованіе меньшинства, ариѳметическое различіе тутъ ничего незначить, а между тѣмъ въ ихъ жизни недоставало главнѣйшаго элемента — католицизма!

Донозо Кортесъ, вѣчно обращенный спиною къ будущему, видитъ одно разложеніе, гніеніе, и потомъ наступленіе русскихъ, и потомъ варварство. Пораженный

этой страшной судьбой, онъ ищетъ средствъ спасенія, точку опоры, что-нибудь твердое, здоровое въ этомъ мірѣ агоніи, и ничего не находитъ. Онъ обращается за помощію къ нравственной смерти и къ физической—къ попу и къ солдату.

Что-же это за общественное устройство, которое надобно спасать такими средствами—и какое бы оно ни было, стоитъ-ли оно выкупа этой цѣной?

Мы согласны съ Донозо Кортесомъ, что Европа въ той формѣ, въ которой она находится теперь, разрушается. Соціалисты съ самаго перваго появленія своего постоянно говорили это; въ этомъ согласны все они. Главнo различіе между ними и политическими революціонерами состоитъ въ томъ, что послѣдніе хотятъ переправлять и улучшать существующее, оставаясь на прежней почвѣ; въ то время какъ соціализмъ отрицаетъ полнѣйшимъ образомъ весь старый порядокъ вещей съ его правомъ и представительствомъ, съ его церковью и судомъ, съ его гражданскимъ и уголовнымъ кодексомъ — вполне отрицаетъ, такъ какъ христіане первыхъ вѣковъ отрицали міръ римскій.

Такое отрицаніе не капризъ больного воображенія, не личный вопль человѣка, оскорбленнаго обществомъ — а смертный приговоръ ему, предчувствіе конца, сознаніе болѣзни, влекущей дряхлый міръ къ гибели и къ возрожденію въ иныхъ формахъ. Современное государственное устройство падетъ подъ протестомъ соціализма; силы его истощены; что оно могло дать, оно дало; теперь оно поддерживается на счетъ собственной крови и плоти, оно не въ состояніи ни дальше развиваться, ни остановить развитіе; ему нечего ни сказать, ни дѣлать, и оно свело всю дѣятельность на консерватизмъ, на отстаиваніе своего мѣста.

Остановить исполненіе судебъ до нѣкоторой степени возможно; исторія не имѣетъ того строгаго, неизмѣннаго предназначенія, о которомъ учатъ католики и проповѣдуютъ философы, въ формулу ея развитія входитъ много измѣняемыхъ началъ — во-первыхъ, личная *воля* и *мощь*.

Можно сбить съ пути цѣлое поколѣніе, ослѣпить его, свести съ ума, направить къ ложной цѣли,—Наполеонъ доказалъ это.

Реакція даже и этихъ средствъ не имѣетъ; Донозо Кортесъ ничего не нашелъ кромѣ католической церкви и монархической казармы. Такъ какъ *открыть или не открыть* не зависятъ отъ произвола...остается наспіе, страхъ, гоненіе, казни.

...Многое прощается развитію, прогрессу; но тѣмъ не менѣе, когда терроръ дѣлается во имя успѣха и свободы — онъ по справедливости возмутитъ всѣ сердца. И этимъ-то средствомъ хочетъ воспользоваться реакція для того, чтобъ поддержать тотъ существующій порядокъ, котораго дряхлость и разложеніе засвидѣтельствованы съ такой энергіей нашимъ ораторомъ. Накликаютъ терроръ не для того, чтобъ идти впередъ, а для того, чтобъ идти назадъ, хотять убить ребенка, чтобъ прокормить отходящаго старика, чтобъ возвратить ему на минуту утраченныя силы.

Сколько надобно пролить крови, чтобъ возвратиться къ счастливымъ временамъ нантскаго эдикта и испанской инквизиціи. Мы не думаемъ, чтобъ задержать ходъ чловѣчества на минуту было невозможно, но оно невозможно безъ варюломеевскихъ ночей. Надобно уничтожить, избить, сослать, бросить въ тюрьму все энергическое нашего поколѣнія, все мыслящее, дѣятельное, надобно народъ еще глубже отодвинуть въ невѣжество;

взять все сильное въ немъ въ рекруты, надобно пройти нравственнымъ дѣтубійствомъ цѣлаго поколѣнія — и все это для того, чтобъ спасти истощенную общественную форму, которая не удовлетворяетъ *ни васъ, ни насъ*.

Но въ чемъ-же состоитъ въ такомъ случаѣ разница между русскимъ варварствомъ и католической цивилизаціей?

Пожертвовать тысячи людей, развитіе цѣлой эпохи — какому-то Молоху — государственнаго устройства, какъ будто оно и вся цѣль нашей жизни... Думали-ли вы объ этомъ, человѣколюбивые христіане? Жертвовать другими, имѣть за нихъ самоотверженіе слишкомъ легко, чтобъ быть добродѣтелью. Случается, что среди бурь народныхъ разнуздываются долго сгнетенныя страсти, кровавыя и безпощадныя, мстящія и неукротимыя — мы понимаемъ ихъ, склоняя голову и ужасаясь... но не возводимъ ихъ въ общее правило, не указываемъ на нихъ какъ на средство!

А развѣ не это значить панегирикъ Донозо Кортеса покорному и неразсуждающему солдату, на ружье котораго онъ опираетъ половину своихъ надеждъ?

Онъ говоритъ, „что священникъ и солдатъ гораздо ближе другъ къ другу, нежели думаютъ.“ Онъ сравниваетъ съ монахомъ, съ живымъ мертвецомъ — этого невиннаго убійцу, обреченнаго на злодѣяніе обществомъ. Страшное признаніе! Двѣ крайности погибающаго міра подають другъ другу руку, встрѣтившись какъ два врага въ „Тьмѣ“ Байрона. На развалинахъ гнбнущаго свѣта для его спасенія послѣдній представитель умственной неволи соединяется съ послѣднимъ представителемъ неволи физической.

Церковь примирилась съ солдатомъ, какъ только она

сдѣлалась церковью государственной; но она никогда не осмѣлилась признаваться въ этой измѣнѣ, она понимала, сколько ложнаго было въ этомъ союзѣ, сколько лицемѣрнаго; это была одна изъ тысячи уступокъ, которыя она дѣлала презираемому ею *временному* міру. Мы не будемъ ее обвинять за это, она была въ необходимости многое принимать вопреки своему ученію. Христіанская нравственность была всегда одной благородной мечтой, никогда не осуществлявшейся.

Но маркизь Вальдегамасъ отважно поставилъ солдата возлѣ попа, кордегардію рядомъ съ алтаремъ, евангеліе, отпущающее грѣхи, рядомъ съ военнымъ артибуломъ, разстрѣливающимъ за проступки.

Пришло наше время пѣть „вѣчную память,“ или если хотите, „молебень.“ Конецъ церкви и конецъ войску!

Наконецъ маски упали. Наряженные узнали другъ друга. Разумѣется, что священникъ и солдатъ братья, они оба несчастныя дѣти нравственной тьмы, безумнаго дуализма, въ которомъ бьется и выбивается изъ силъ человѣчество — и тотъ, который говоритъ: „Люби твоего ближняго и повинуйся власти,“ въ сущности говоритъ тоже, что „повинуйся властямъ и стрѣлай въ твоего ближняго.“

Христіанское плотоумерщвление столько-же противно природѣ, какъ умерщвление другихъ по приказу; надобно было глубоко развратить, сбить съ толку всѣ протѣйшія понятія, все то, что называется совѣстью, чтобъ увѣрить людей, что убійство можетъ быть священной обязанностію — безъ вражды, безъ сознанія причины, противъ своего убѣжденія. Все это держится на одной и той-же основѣ, на той-же краугольной ошибкѣ, которая стоила людямъ столько слезъ и столь-

ко крови — все это идетъ отъ презрѣнія земли и временнаго, отъ поклоненія небу и вѣчному, отъ неуваженія лицъ и поклоненія государству, отъ всѣхъ этихъ сентенцій въ родѣ *Salus populi suprema lex, pereat mundus et fiat justitia*, отъ которыхъ страшно пахнетъ жженымъ тѣломъ, кровью, инквизиціей, пыткой и вообще торжествомъ порядка.

Но за чѣмъ-же Донозо Кортесъ забылъ третьяго брата, третьяго ангела хранителя падающихъ государствъ — *Палача*? Не оттого-ли что палачъ все больше и больше смѣшивается съ солдатомъ, благодаря роли, которую его заставляютъ играть?

Всѣ добродѣтели уважаемыя Донозо Кортесомъ, скромно соединены въ палачѣ и притомъ въ высшей степени: покорность власти, слѣпое исполненіе и самоотверженіе безъ предѣловъ. Ему не нужно ни вѣры священника, ни одушевленія воина. Онъ убиваетъ хладнокровно, рассчитанно, безопасно, какъ законъ—во имя общества, во имя порядка. Онъ вступаетъ въ соревнованіе съ каждымъ злодѣемъ и постоянно выходитъ побѣдителемъ, потому что рука его опирается на все государство. Онъ не имѣетъ гордости священника, честолюбія солдата, онъ не ждетъ награды ни отъ Бога, ни отъ людей; ему нѣтъ ни славы, ни почета на землѣ, рай ему не обѣщанъ въ небѣ; онъ жертвуетъ всѣмъ, именемъ, честью, своимъ достоинствомъ, онъ прячется отъ глазъ людскихъ, и все это для торжественнаго наказанія враговъ общества.

Отдадимъ справедливость человѣку общественной мести, и скажемъ, подражая нашему оратору, „палачъ гораздо ближе къ священнику нежели, думаютъ.“

Палачъ играетъ великую роль всякій разъ, когда надобно распинать „новаго человѣка“ или обезглавить

старый коронованный призракъ... Мэстръ не забылъ объ немъ, говоря о Папѣ.

...И вотъ съ Голговой вспомнился мнѣ отрывокъ о гоненіяхъ первыхъ христіанъ. Прочтите его или, еще лучше, возьмите писанія первыхъ отцовъ, Тертуліана, и кого-нибудь изъ римскихъ консерваторовъ. Какое сходство съ современной борьбой — тѣ-же страсти, та-же сила съ одной стороны и тотъ-же отпоръ съ другой, даже выраженія тѣ-же.

Читая обвиненія христіанъ Цельса или Юліана въ безнравственности, въ безумныхъ утопіяхъ, въ томъ, что они убиваютъ дѣтей и развращаютъ большихъ, что они разрушаютъ государство, религію и семью, такъ и кажется, что это *premier-Paris Constitutionnel* или *Assemblée nationale*, только умнѣ написанный.

Если друзья порядка въ Римѣ не проповѣдывали избіеніе и рѣзню „Назареевъ,“ то это только оттого, что языческій міръ былъ болѣе человѣчественъ, не такъ духовенъ, менѣ нетерпимъ, нежели католическое мѣщанство. Древній Римъ не зналъ сильныхъ средствъ, изобрѣтенныхъ западной церковью, такъ успѣшно употребленныхъ въ избіеніи Альбигойцевъ, въ вареоломевскую ночь, во славу которой до сихъ поръ оставлены фрески въ Ватиканѣ, представляющіе богобоязненное очпщеніе парижскихъ улицъ отъ Гугенотовъ; тѣхъ самыхъ улицъ, которыя мѣщане годъ тому назадъ такъ усердно очищали отъ соціалстовъ. Какъ бы то ни было, духъ одинъ и разница часто зависить отъ обстоятельствъ и личностей. Впрочемъ, эта разница въ нашу пользу; сравнивая донесенія Бошара съ донесеніемъ Плинія младшаго, великодушіе цезаря Траяна, имѣвшаго отвращеніе отъ доносовъ на христіанъ, и неумытность цезаря Каваньяка, который не раздѣлялъ это-

го предразсудка относительно социалистовъ, мы видимъ, что умирающій порядокъ дѣлъ до того уже плохъ, что онъ не можетъ найти себѣ такихъ защитниковъ, какъ Траянъ, ни такихъ секретарей слѣдственной комиссіи, какъ Плиній.

Общія полицейскія мѣры были тоже сходны. Христіанскіе клубы закрывались солдатами, какъ только доходили до свѣдѣнія властей; христіанъ осуждали, не слушая ихъ оправданій, придирались къ нимъ за мелочи, за наружные знаки, отказывая въ правѣ изложить свое ученіе. Это возмущало Тертуліана, какъ теперь всѣхъ насъ, и вотъ причина его апологетическихъ писемъ къ римскому Сенату. Христіанъ отдають на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, замѣнявшимъ въ Римѣ полицейскихъ солдатъ. Пропаганда усиливается; унижительныя наказанія не унижаютъ, напротивъ, осужденные становятся героями — какъ Буржскіе „каторжные“.*)

Видя безуспѣшность всѣхъ мѣръ — величайшій защитникъ порядка, религіи и государства, Діоклеціанъ рѣшился нанести страшный ударъ мятежному ученію онъ мечемъ и огнемъ пошелъ на христіанъ.

Чѣмъ-же все это кончилось? Что сдѣлали консерваторы съ своей цивилизаціей (или культурой?), съ своими легионами, съ своимъ законодательствомъ, ликторами, палачами, дикими звѣрями, убійствами и прочими ужасами?

Они только дали доказательство, до какой степени можетъ дойти свирѣпость и звѣрство консерватизма, что за страшное орудіе солдатъ, слѣпо повинующійся судѣ, который изъ него дѣлаетъ палача и съ тѣмъ вмѣстѣ доказали еще яснѣе всю несостоятельность этихъ средствъ противъ слова, когда пришло его время.

*) Блапки, Распаль, Барбесъ и пр. Процессъ 15 Мая 1848.

Замѣтимъ даже, что иной разъ древній міръ былъ правъ противъ христіанства, которое подрывало его во имя ученія утопическаго и невозможнаго. Можетъ и наши консерваторы иногда правы въ своихъ нападкахъ на отдѣльныя соціальныя ученія... но къ чему имъ послужила ихъ правота? Время Рима проходило, время Евангелія наступало!

И всѣ эти ужасы, кровопролитія, мясничества, гоненія привели къ извѣстному крику отчаянія — умнѣйшаго изъ реакціонеровъ, Юліана отступника, къ крику: *Ты побѣдилъ Галлеянина!*

(Voix du Peuple 15 Mars 1850.)*

*) Рѣчь Доноза Корреса, испанскаго посланника сначала въ Берлинѣ, потомъ въ Парижѣ, — была напечатана въ безчисленномъ количествѣ экземпляровъ, на счетъ знаменитаго своей ничтожностію и истраченными на вздоръ суммами общества улицы Пуатье. Я тогда былъ на время въ Парижѣ и въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ журналомъ Прудона. Редакторы предложили мнѣ написать отвѣтъ; Прудонъ былъ доволенъ имъ; за то *Patrie* разгнѣвалась и вечеромъ, повторивъ сказанное „о третьемъ защитникѣ общества,“ спрашивала Прокурора *Республики*, будетъ-ли онъ преслѣдовать статью, въ которой ставятъ солдатъ на одну доску съ палачемъ; а палача называютъ *палачемъ* (*bourreau*), а не исполнителемъ верховныхъ судебъ (*exécuteur des hautes œuvres*) и пр. Доносъ полицейскаго журнала имѣлъ свое дѣйствіе: черезъ день не оставалось въ редакціи ни одного нумера отъ *сорока тысячъ* — обыкновеннаго тиража *Voix du Peuple*.

РУССКОИ НАРОДЪ

и

СОЦІАЛИЗМЪ

ПИСЬМО КЪ И. МИШЛЕ

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Письмо это напечатанное въ первый разъ въ Ниццѣ въ 1851 г. было только извѣстно въ Піемонтѣ и въ Швейцаріи. Въ Марселѣ французская полиція захватила почти все изданіе и по странной разсѣянности забыла отослать его назадъ — не смотря на требованія.

З. Свентославскій издалъ его вторымъ тисненіемъ въ Жерсеѣ въ 1854.

Желая послѣдовательно издать все сочиненія Г. Герцена, писанные на другихъ языкахъ, въ русскомъ переводѣ, я издаю это письмо въ слѣдъ за Письмами къ В. Линтону (*Старый мѣхъ и Россія*).

Переводъ, по моей просьбѣ, былъ пересмотрѣнъ авторомъ.

Н. ТРЮБНЕРЪ.

20 Марта 1858.

Милостивый государь.

Вы стоите слишком высоко въ мнѣніи всѣхъ мыслящихъ людей, каждое слово, вытекающее изъ вашего благороднаго пера, принимается европейскою демократіею съ слишкомъ полнымъ и заслуженнымъ довѣріемъ, чтобы въ дѣлѣ, касающемся самыхъ глубокихъ моихъ убѣжденій, мнѣ было возможно молчать, и оставить безъ отвѣта характеристику русскаго народа, помещенную Вами въ вашей легендѣ о Костюшкѣ.*)

Этотъ отвѣтъ необходимъ и по другой причинѣ. Пора показать Европѣ, что говоря о Россіи, говорятъ не объ отсутствующемъ, не о безотвѣтномъ, не о глухонѣмомъ.

Мы, оставившіе Россію только для того, чтобы свободное русское слово раздалось наконецъ въ Европѣ,—мы тутъ на лицо, и считаемъ долгомъ подать свой голосъ, когда человѣкъ вооруженный огромнымъ и заслуженнымъ авторитетомъ утверждаетъ, „что Россія не существуетъ, что русскіе не люди, что они лишены нравственнаго смысла.“

Если вы разумѣете Россію официальную, царство фасадъ, византійско-нѣмецкое правительство, то вамъ

*) Въ фельетонѣ журнала *l'Événement*, отъ 18 Августа до 17 Сентября 1851.—Послѣ этаго легенда о Костюшкѣ взошла въ особо изданный томъ сочиненій Мишле подъ заглавіемъ „Демократическихъ легендъ.“

и книги въ руки. Мы соглашаемся впередъ совѣмъ, что вы намъ скажете. Не намъ тутъ играть роль заступника. У русскаго правительства такъ много агентовъ въ прессѣ, что въ краснорѣчивыхъ апологіяхъ его дѣйствій никогда не будетъ недостатка.

Но не объ одномъ официальномъ обществѣ идетъ рѣчь въ вашемъ трудѣ; вы затрогиваете вопросъ болѣе глубокий; вы говорите о самомъ народѣ.

Бѣдный русскій народъ! Некому возвысить голосъ въ его защиту! Посудите сами, могу ли я, по совѣсти, молчать.

Русскій народъ, милостивый государь, живъ, здоровъ и даже не старъ, напротивъ того очень молодъ. Умираютъ люди и въ молодости, это бываетъ, но это не нормально.

Прошлое русскаго народа темно; его настоящее ужасно, но у него есть права на будущее. Онъ не *впритъ* въ свое настоящее положеніе, онъ имѣетъ дерзость тѣмъ болѣе ожидать отъ времени, чѣмъ менѣе оно дало ему до сихъ поръ.

Самый трудный для русскаго народа періодъ приближается къ концу. Его ожидаетъ страшная борьба; къ ней готовятся его враги.

Великій вопросъ, *to be, or not to be*, скоро будетъ рѣшенъ для Россіи. Но грѣшно передъ борьбою отчаяваться въ успѣхѣ.

Русскій вопросъ принимаетъ огромные, страшные размѣры; онъ сильно озабочиваетъ всѣ партіи; но мнѣ кажется, что слишкомъ, много занимаютъ Россіею императорскою, Россіею официальной, и слишкомъ мало Россіею народною, Россіею безгласною.

Даже смотря на Россію только съ правительственной точки зрѣнія, не думайте-ли вы, что не мѣшало бы по-

знакомиться по-ближе съ этимъ неудобнымъ сосѣдомъ, который даетъ чувствовать себя во всей Европѣ, тутъ штыками. тамъ шпионами? Русское правительство простирается до Средиземнаго моря своимъ покровительствомъ Оттоманской Портѣ, до Рейна своимъ покровительствомъ нѣмецкимъ своякамъ и дядямъ; до Атлантическаго океана своимъ покровительствомъ *порядку* во Франціи.

Не мѣшало бы, говорю я, оцѣнить по достоинству этого всемірнаго покровителя, изслѣдовать, не имѣеть ли это странное государство другаго призванія кромѣ отвратительной роли, принятой Петербургскимъ правительствомъ, роли преграды, безпрестанно вырастающей на пути человѣчества.

Европа приближается къ страшному катаклизму. Средневѣковый міръ рушится. Міръ феодальный кончается. Политическія и религіозныя революціи изнемогають подъ бременемъ своего безсилія; онѣ совершили великія дѣла, но не исполнили своей задачи. Онѣ разрушили вѣру въ престоль и алтарь, но не осуществили свободу; онѣ зажгли въ сердцахъ желанія, которыхъ онѣ не въ силахъ исполнить. Парламентаризмъ, протестантизмъ, все это были лишь отсрочки, временное спасеніе, безсильные оплоты противъ смерти и возрожденія. Ихъ время мнуло. Съ 1849 г. стали понимать, что ни окостенѣлое римское право, ни хитрая казуистика, ни тощая депстическая философія, ни бесплодный религіозный рационализмъ не въ силахъ отодвинуть совершеніе судебъ общества.

Гроза приближается, этого отвергать невозможно. Въ этомъ соглашаются люди революціи и люди реакціи. У всѣхъ закружилась голова; тяжелый, жгипенный вопросъ лежитъ у всѣхъ на сердцѣ и сдавлиываетъ дыха-

ніе. Съ возрастающимъ безпокойствіемъ всѣ задають себѣ вопросъ, достанетъ-ли силы на возрожденіе старой Европѣ, этому дряхлому Протею, этому разрушающемуся организму. Со страхомъ ждуть отвѣта, и это ожиданіе ужасно.

Дѣйствительно, вопросъ страшный!

Сможетъ-ли старая Европа обновить свою остывающую кровь и бросится стремглавъ въ это необозримое будущее, куда увлекаетъ ее необоримая сила, къ которому она несется безъ оглядки, къ которому путь идетъ, можетъ быть, черезъ развалины отцовскаго дома, черезъ обломки минувшихъ цивилизацій, черезъ попорченные богатства новѣйшаго образованія.

Съ обѣихъ сторонъ вѣрно поняли всю важность настоящей минуты. Европа погружена въ глухой, душный мракъ на канунѣ рѣшительной битвы. Это не жизнь, а тяжелое, тревожное томленіе. Ни законности, ни правды, ни даже личности свободы; вездѣ неограниченное господство свѣтской инквизиціи; вмѣсто законнаго порядка — осадное положеніе. Одинъ нравственный двигатель управляетъ всѣмъ; страхъ, и его достаточно. Всѣ вопросы отступаютъ на второй планъ передъ всепоглащающимъ интересомъ реакціи. Правительства повидимому самыя враждебныя сливаются въ одну, вселенскую полицію. Русскій Императоръ, не скрывая своей ненависти къ французамъ, награждаетъ парижскаго префекта полиціи; король Неаполитанскій жалуетъ орденъ президенту Республики. Берлинскій король, надѣвъ русскій мундиръ, спѣшитъ въ Варшаву обнять своего врага, императора Австрійскаго, въ благодатномъ присутствіи Николая, въ то время какъ онъ, отщепенецъ отъ единой спасающей церкви, предлагаетъ свою помощь Римскому владыкѣ. Среди этихъ сатурналій, среди

этого шабаша реакціи, ничто не охраняетъ болѣе личности отъ произвола. Даже тѣ гарантіи, которыя существуютъ въ неразвитыхъ обществахъ, въ Китаѣ, въ Персіи, не уважаются болѣе въ столицахъ такъ называемаго образованнаго міра.

Едва вѣришь глазамъ. Неужели это та самая Европа, которую мы когда-то знали и любили?

Право, если-бы не было свободной и гордой Англіи, „этого алмаза, оправленнаго въ серебро морей,“ какъ называетъ его Шэкспиръ, если-бы Швейцарія, какъ Петръ, убоившись Кесаря, отреклась отъ своего начала, если-бы Піэмонть, эта уцѣлѣвшая вѣтка Италіи, это послѣднее убѣжище свободы, загнанной за Альпы и не перешедшей Аппенины, если-бы и они увлеклись примѣромъ сосѣдей, если-бы и эти три страны заразились мертвящимъ духомъ, вѣющимъ изъ Париза и Вѣны, можно было бы подумать, что консерваторамъ уже удалось довести старый міръ до конечнаго разложенія, что во Франціи и Германіи уже наступили времена варварства.

Среди этого хаоса, среди этого предсмертнаго томленія и мучительнаго возрожденія, среди этого міра, распадающагося въ прахъ вокругъ колыбели, взоры невольно обращаются къ востоку.

Тамъ, какъ темная гора, вырѣзывающаяся изъ за тумана, видѣется враждебное, грозное царство; порою кажется, оно идетъ какъ лавина на Европу, что оно, какъ нетерпѣливый наслѣдникъ, готово ускорить ея медленную смерть.

Это царство, совершенно неизвѣстное двѣсти лѣтъ тому назадъ, явилось вдругъ, безъ всякихъ правъ, безъ всякаго приглашенія, грубо и громко заговорило въ

совѣтъ европейскихъ державъ, и потребовало себѣ доли въ добычѣ, собранной безъ его содѣйствія.

Никто не посмѣлъ возстать противъ его притязаній на вмѣшательство во всѣ дѣла Европы.

Карлъ XII попытался, по его до тѣхъ поръ непобѣдимый мечъ сломился; Фридрихъ II захотѣлъ воспротивиться посягательствамъ петербургскаго двора; Кёнигсбергъ и Берлинъ сдѣлались добычею сѣвернаго врага. Наполеонъ проникъ съ полумилліономъ войска въ самое сердце исполна и уѣхалъ одинъ украдкою, въ первыхъ попавшихся пошевняхъ. Европа съ удивленіемъ смотрѣла на бѣгство Наполеона, на несущіяся за нимъ въ погоню тучи казаковъ, на русскія войска, идущія въ Парижъ и подающіе по дорогѣ нѣмцамъ милостыню — ихъ національной независимости. Съ тѣхъ поръ Россія налегла какъ Вампиръ на судьбы Европы и стережетъ ошибки царей и народовъ. Вчера она чуть не раздавила Австрію, помогая ей противъ Венгріи, завтра она провозгласитъ Бранденбургъ русскою губерніею, чтобы успокоить берлинскаго короля.

Вѣроятно ли, что на канунѣ борьбы, объ этомъ бойцѣ ничего не знаютъ? А между тѣмъ онъ уже стоитъ, грозный, въ полномъ вооруженіи, готовый переступить границу по первому зову реакціи. И при всемъ томъ, едва знаютъ его оружіе, цвѣтъ его знамени, и довольствуются его оффиціальными рѣчами и неопредѣленными разногласными разсказами о немъ.

Иные говорятъ только о всемогуществѣ царя, о правительственномъ произволѣ, о рабскомъ духѣ подданныхъ; другіе утверждаютъ напротивъ, что петербургскій имперіализмъ не народенъ, что народъ, раздавленный двойнымъ деспотизмомъ правительства и помѣщиковъ, несетъ ярмо, но не мирится съ нимъ, что онъ не

уничтожень, а только несчастень и въ то же время говорятъ, что этотъ самый народъ придаетъ единство и силу колоссальному царству, которое давитъ его. Иные прибавляютъ, что русскій народъ *презрѣнный сбродъ* пьяницъ и плутовъ; другіе-же увѣряютъ, что Россія населена способною и богато одаренною порождою людей.

Мнѣ кажется, есть что-то трагическое въ старческой разсѣянности, съ которою старый міръ спутываетъ всѣ свѣдѣнія объ своемъ противникѣ.

Въ этомъ сбродѣ противурѣчащихъ мнѣній проглядываетъ столько бессмысленныхъ повтореній, такая печальная поверхностность, такая закоснѣлость въ предразсудкахъ, что мы поневолѣ обращаемся за сравненіемъ къ временамъ паденія Рима.

Тогда, также наканунѣ переворота, наканунѣ побѣды варваровъ, провозглашали вѣчность Рима, безсильное безуміе Назареевъ и ничтожность движенія, начинавшагося въ варварскомъ мірѣ.

Вамъ принадлежитъ великая заслуга: вы первый во Франціи заговорили о русскомъ народѣ, вы невзначай коснулись самага сердца, самага источника жизни. Истина сейчасъ бы обнаружилась вашему взору, еслибъ въ минуту гнѣва вы не отдернули протянутой руки, еслибъ вы не отвернулись отъ источника, потому что онъ показался мутнымъ.

Я съ глубокимъ прискорбіемъ прочелъ ваши озлобленныя слова. Печальный, съ тоскою въ сердцѣ, я признаюсь напрасно искалъ въ нихъ историка, философа, и прежде всего любящаго человѣка, котораго мы всѣ знаемъ и любимъ. Слѣшу оговориться; я воплилъ помялъ причину вашего негодованія; въ васъ заговорила симпатія къ несчастной Польшѣ. Мы также глубоко испытываемъ это чувство къ нашимъ братьямъ поля-

камъ, и у насъ это чувство не только жалость, а также стыдъ и угрызеніе совѣсти. Любовь къ Польшѣ! Мы всѣ ее любимъ, но развѣ съ этимъ чувствомъ необходимо сопрягать ненависть къ другому народу, столь же несчастному, народу, который принужденъ былъ своими связанными руками помогать злодѣйствамъ свирѣпаго правительства? Будемъ великодушны, не забудемъ, что на нашихъ глазахъ народъ, вооруженный всѣми трофеями недавней революціи, согласился на восстановление варшавскаго порядка въ Римѣ; а сегодня...взгляните сами, что происходитъ вокругъ васъ....а вѣдь мы не говоримъ еще, чтобы французы *перестали быть людьми*.

Пора забыть эту несчастную борьбу между братьями. Между нами нѣтъ побѣдителя. Польша и Россія подавлены общимъ врагомъ. Жертвы, мученики и тѣ отворачиваются отъ прошлаго, равно печальнаго для нихъ и для насъ. Ссылаюсь, какъ вы, на вашего друга, на великаго поэта Мицкевича.

Не говорите о мнѣніяхъ польскаго пѣвца, что „это милосердіе, святое заблужденіе.“ Нѣтъ, это плоды долгой и добросовѣстной думы, глубокаго пониманія судебъ славянскаго міра. Прощеніе враговъ—прекрасный подвигъ; но есть подвигъ еще болѣе прекрасный, еще больше человѣческій; это пониманіе враговъ, потому что пониманіе разомъ прощеніе, оправданіе, примиреніе!

Славянскій міръ стремится къ единству; это стремленіе обнаружилось тотчасъ послѣ Наполеоновскаго періода. Мысль о славянской федераціи уже зарождалась въ революціонныхъ планахъ Пестеля и Муравьева. Многіе поляки участвовали въ тогдашнемъ русскомъ заговорѣ.

Когда вспыхнула въ Варшавѣ революція 1830 года, русскій народъ не обнаружилъ ни малѣйшей вражды

противъ ослушниковъ воли царской. Молодежь всѣмъ сердцемъ сочувствовала полякамъ. Я помню, съ какимъ нетерпѣніемъ ждали мы извѣстія изъ Варшавы; мы плакали какъ дѣти при вѣсти о поминкахъ, справленныхъ въ столицѣ Польши по нашимъ петербургскимъ мученикамъ. Сочувствіе къ полякамъ подвергало насъ жестокимъ наказаніямъ; поневолѣ надобно было скрывать его въ сердцѣ и молчать.

Очень можетъ быть, что во время войны 1830 года, въ Польшѣ преобладало чувство исключительной національности и весьма понятной вражды. Но съ тѣхъ поръ, дѣятельность Мицкевича, историческіе и филологическіе труды многихъ славянъ, болѣе глубокое знаніе европейскихъ народовъ, купленное тяжелою цѣною изгнанія, дали мыслямъ совсѣмъ другое направленіе. Поляки почувствовали, что борьба идетъ не между русскимъ народомъ и ими, они поняли, что имъ впредь можно сражаться не иначе, какъ *за ихъ и нашу свободу*, какъ было написано на ихъ революціонномъ знамени.

Конарскій, измученный и застрѣленный Николаемъ въ Вильнѣ, призывалъ къ возстанію русскихъ и поляковъ, безъ различія племени. Россія отблагодарила его одною изъ тѣхъ едва извѣстныхъ трагедій, которыми оканчивается у насъ всякое героическое проявленіе воли подъ давленіемъ нѣмецкихъ ботфуртовъ.

Армейскій офицеръ Короваевъ рѣшился спасти Конарскаго. День его дежурства приближался; все было приготовлено для бѣгства, когда предательство одного изъ товарищей польскаго мученика разрушило его планы. Молодаго человѣка арестовали, отправили въ Сибирь, и съ тѣхъ поръ объ немъ не было никогда слуховъ.

Я провелъ пять лѣтъ въ ссылкѣ, въ отдаленныхъ

губерніяхъ Имперіи; много встрѣчалъ я тамъ ссыльныхъ поляковъ. Почти въ каждомъ уѣздномъ городѣ живетъ либо цѣлое семейство, либо одинъ изъ несчастныхъ вонновъ независимости. Я охотно сослался бы на ихъ свидѣтельство; конечно они не могутъ пожаловаться на недостатокъ симпатіи со стороны мѣстныхъ жителей. Разумѣется, тутъ рѣчь идетъ не о полиціи и не о высшей военной іерархіи. Онѣ нигдѣ не отличаются любовью къ свободѣ, тѣмъ паче въ Россіи. Я могъ бы сослаться также на польскихъ студентовъ, посылаемыхъ ежегодно въ русскіе университеты, для удаленія отъ родныхъ вліяній; пусть они расскажутъ, какъ принимали ихъ русскіе товарищи. Они разставались съ нами со слезами на глазахъ.

Вы помните, что въ 1847 году, въ Парижѣ, когда польскіе эмигранты праздновали годовщину своей революціи, на трибунѣ явился русскій, чтобы просить о дружбѣ и о забвеніи прошлаго. Это былъ нашъ несчастный другъ Бакунинъ..... Впрочемъ, чтобъ не ссылаться на соотечественниковъ, выбираю между тѣми, которыхъ считаютъ нашими врагами, человѣка, котораго вы сами называли въ вашей легендѣ о Костюшкѣ. Обратитесь за свѣдѣніями объ этомъ предметѣ къ одному изъ старѣйшинъ польской демократіи, къ Бернацкому, одному изъ министровъ революціонной Польши, я смѣло ссылаюсь на него, долгое горе конечно могло бы ожесточить его противъ всего русскаго. Я убѣжденъ, что онъ подтвердитъ все сказанное мною.

Солидарность, связывающая Россію и Польшу между собою и со всѣмъ славянскимъ міромъ, не можетъ быть отвергнута; она очевидна. Еще болѣе: виѣ Россіи. нѣтъ будущности для Славянскаго міра; безъ Россіи, онъ не разовьется, онъ расплывается и будетъ поглощенъ гер-

манскимъ элементомъ; онъ сдѣляется австрійскимъ и потеряетъ свою самостоятельность. Но не такова, по нашему мнѣнію, его судьба, его назначеніе.

Слѣдуя за постепеннымъ развитіемъ вашей мысли, я долженъ вамъ признаться, что мнѣ невозможно согласиться съ вашимъ взглядомъ, по которому вся Европа представляетъ одну личность, въ которой каждая народность играетъ роль необходимаго органа.

Мнѣ кажется, что всѣ германо-романскія народности необходимы въ европейскомъ мірѣ, потому что онѣ существуютъ въ немъ вслѣдствіе какой-нибудь необходимости. Уже Аристотель отличалъ предсуществующую необходимость отъ необходимости вносимой въ послѣдствіи фактовъ. Природа покоряется необходимости совершившихся событій, но колебаніе между разнообразными возможностями очень велико. На томъ же основаніи славянскій міръ можетъ предъявлять свои права на единство, тѣмъ болѣе, что онъ состоитъ изъ одинаго племени.

Централизациі противна славянскому духу; федерализациі гораздо свойственнѣе его характеру. Только сгруппировавшись въ союзъ свободныхъ и самобытныхъ народовъ, славянскій міръ вступитъ наконецъ въ истинно-историческое существованіе. На его прошлое можно смотрѣть только какъ на ростъ, на приготовленіе, на очищеніе. Историческія государственныя формы, въ которыхъ жили Славяне, не соответствовали внутренней національной потребности ихъ, потребности неопредѣленной, инстинктивной, если хотите, но тѣмъ самымъ заявляющей необыкновенную жизненность и много обѣщающей въ будущемъ. Славяне до сихъ поръ во всѣхъ фазахъ своей исторіи обнаруживали странное полу вниманіе — даже удивительную симпатію. Такъ Россія

перешла изъ язычества въ христіанство безъ потрясеній, безъ возмущеній, единственно изъ покорности великому князю Владиміру, изъ подражанія Кіеву. Старыхъ идоловъ безъ сожалѣнія бросили въ Волховъ и покорились новому богу, какъ новому идолу.

Восемь сотъ лѣтъ спустя, часть Россіи точно также покорилась выписной изъ за границы цивилизаціи.

Славянскій міръ похожъ на женщину, никогда не любившую и по этому самому по видимому не принимающую никакого участія во всемъ происходящемъ вокругъ нея. Она вездѣ ненужна, всеѣмъ чужая. Но за будущее отвѣчать нельзя; она еще молода, и уже страшное томленіе овладѣло ея сердцемъ и заставляетъ его биться скорѣе.

Что касается до богатства народнаго духа, то намъ достаточно указать на поляковъ, единственный славянскій народъ, который бывалъ разомъ и силенъ и свободенъ.

Славянскій міръ въ сущности не такъ разнороденъ, какъ кажется. Подъ виѣшнимъ слоемъ рыцарской, либеральной и католической Польши, императорской, порабощенной, византійской Россіи, подъ демократическимъ правленіемъ сербскаго воеводы, подъ бюрократическимъ ярмомъ, которымъ Австрія подавляетъ Иллирію, Далмацію и Банатъ, подъ патриархальною властію Османлисовъ и подъ благословеніемъ черногорскаго Владыки, живетъ народъ фізіологически и этнографически тождественный.

Большая часть этихъ славянскихъ племенъ почти никогда не подвергалась порабощенію вслѣдствіе завоеванія. Зависимость, въ которой такъ часто находились они, большею частію выражалась только въ признаніи чужаго владычества и во взносъ дани. Таковъ напри-

миръ былъ характеръ монгольскаго владычества въ Россіи. Такимъ образомъ Славяне сквозь длинный рядъ столѣтій сохранили свою національность, свои нравы, свой языкъ.

По всему вышесказанному, не имѣемъ-ли мы право считать Россію зерномъ кристаллизаціи, тѣмъ центромъ, къ которому тяготѣетъ стремящійся къ единству Славянскій міръ, и это тѣмъ болѣе, что Россія покуда единственная часть великаго племени, сложившаяся въ сильное и независимое государство?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы совершенно ясенъ, если бы петербургское правительство сколько нибудь догадывалось бы о своемъ національномъ призваніи, еслибы этотъ тупой и мертвящій деспотизмъ могъ ужиться съ какою нибудь человѣческою мыслию. Но при настоящемъ положеніи дѣлъ, какой добросовѣстный человѣкъ рѣшится предложить западнымъ Славянамъ соединеніе съ имперією, находящеюся постоянно въ осадномъ положеніи, имперією, гдѣ скипетръ превратился въ заколачивающую на смерть палку?

Императорскій панславизмъ, восхваляемый отъ времени до времени людьми купленными или заблуждающимися, разумѣется, не имѣетъ ничего общаго съ союзомъ, основанномъ на началахъ свободы.

Здѣсь логика необходимо приводитъ насъ къ вопросу первостепенной важности.

Предположивъ, что славянскій міръ можетъ надѣяться въ будущемъ на болѣе полное развитіе, нельзя не спросить, который изъ элементовъ, выразившихся въ его зародышномъ состояніи, даетъ ему право на такую надежду? Если Славяне считаютъ, что ихъ время пришло, то этотъ элементъ долженъ соотвѣтствовать революціонной идеѣ въ Европѣ.

Вы указали на этот элементъ, вы коснулись его, но онъ ускользнулъ отъ васъ, потому что благородное состраданіе къ Польшѣ отвлекло ваше вниманіе.

Вы говорите, что „основаніе жизни русскаго народа есть коммунизмъ,“ вы утверждаете, что „его сила лежитъ въ аграрномъ законѣ, въ постоянномъ дѣленіи земли.“

Какое страшное *Мане-Оекель* вылетѣло изъ Вашихъ устъ!... Коммунизмъ въ основаніи! Сила, основанная на раздѣлѣ земель! И вы не испугались вашихъ собственныхъ словъ?

Не слѣдовало-ли тутъ остановиться, подумать, углубиться въ вопросъ, оставить его не прежде, чѣмъ убѣдившись, мечта это или истина?

Развѣ въ XIX столѣтіи есть какой нибудь серьезный интересъ, лежащій внѣ вопроса о коммунизмѣ, внѣ вопроса о раздѣлѣ земель?

Увлеченный вашимъ негодованіемъ, вы продолжаете: „У нихъ (у русскихъ) недостаетъ существеннаго признака человѣчности, нравственнаго чутья, чувства добра и зла. Истина и правда не имѣютъ для нихъ смысла; заговорите о нихъ, — они молчатъ, улыбаются и не знаютъ, что значать эти слова.“ Кто-же тѣ русскіе, съ которыми вы говорили? Какія понятія о правдѣ и истинѣ оказались для нихъ недоступными? Этотъ вопросъ не лишній. Въ наше глубоко-революціонное время слова *правда* и *истина* утратили свое абсолютное, тождественное для всѣхъ значеніе.

Истина и *правда* старой Европы, въ глазахъ Европы рождающейся — *неправда* и *ложь*.

Народы, произведенія природы; исторія — прогрессивное продолженіе животнаго развитія. Прилагая нашъ нравственный масштабъ къ природѣ, мы далеко не уй-

демъ. Ей дѣла нѣтъ ни до нашей хулы, ни до нашего одобренія. Для нея не существуютъ приговоры и Монтионовскія преміи. Она не подпадаетъ подъ этическія категоріи, созданныя нашимъ личнымъ произволомъ. Миѣ кажется, что народъ нельзя назвать ни дурнымъ, ни хорошимъ. Въ народѣ всегда выражается истина. Жизнь народа не можетъ быть ложью. Природа производитъ лишь то, что осуществимо при данныхъ условіяхъ: она увлекаетъ впередъ все существующее своимъ творческимъ броженіемъ, своею неутомимой жаждой осуществленія, этою жаждой, общей всему живущему.

Есть народы, жившіе жизнью до-исторической; другіе, живущіе жизнью внѣ-историческою; но разъ вступивши въ шпрокій потокъ единой и нераздѣльной исторіи, они принадлежатъ *человѣчеству*, и съ другой стороны имъ принадлежитъ все прошлое *человѣчества*. Въ исторіи т. е. въ дѣятельной и прогрессивной части *человѣчества*, мало по малу сглаживается аристократія лицаваго угла, цвѣта кожи и другихъ различій. То, что не очеловѣчилось, не можетъ вступить въ исторію; поэтому нѣтъ народа, взошедшаго въ исторію, котораго можно было бы считать стадомъ животныхъ, какъ нѣтъ народа, заслуживающаго именоваться сонмомъ избранныхъ.

Нѣтъ *человѣка* довольно смѣлаго или довольно неблагодарнаго, что бы отвергать огромное значеніе Франціи въ судьбахъ европейскаго міра; но позвольте миѣ откровенно признаться, что я не могу согласиться съ вашимъ миѣніемъ, по которому участіе Франціи — условіе *sine qua* поп дальнѣйшаго хода исторіи.

Природа никогда не кладетъ весь свой капиталъ на одну карту. Римъ вѣчный городъ, имѣвшій не меньше правъ на всемірную гегемонію, пошатнулся, разрушился,

исчезъ, и безжалостное человѣчество шагнуло впередъ черезъ его могилу.

Съ другой стороны, трудно было бы, не считая природу за осуществленное безуміе, видѣть лишь отверженное племя, лишь громадную ложь, лишь случайный сборъ существъ человѣческихъ только по порокамъ — въ народѣ, разроставшемся въ теченіи десяти столѣтій, упорно хранившемъ свою національность, сплотившемся въ огромное государство, вмѣшивающемся въ исторію, гораздо болѣе, можетъ быть, чѣмъ бы слѣдовало.

И все это тѣмъ труднѣе принять, что занимающій насъ народъ, даже по словамъ его враговъ, нисколько не находится въ застоѣ. Это вовсе не племя, дошедшее до общественныхъ формъ, приблизительно соответствующихъ его желаніямъ и уснувшее въ нихъ, какъ китайцы—еще менѣе народъ пережившій себя и угасающій въ старческой немощи, какъ индусы. Напротивъ того, Россія государство совершенно новое — неоконченное зданіе, гдѣ все еще пахнетъ свѣжей известью, гдѣ все работаетъ и вырабатывается, гдѣ ничто еще не достигло цѣли, гдѣ все измѣняется, часто къ худшему, но все таки измѣняется. Однимъ словомъ, это народъ, по вашему мнѣнію, имѣющій основнымъ началомъ коммунизмъ, сильный раздѣломъ земель....

Въ чемъ, наконецъ, упрскаете вы русскій народъ? Въ чемъ состоитъ сущность вашего обвиненія?

„Русскій, говорите вы, жлетъ и крадетъ; постоянно крадетъ, постоянно жлетъ, и это совершенно невинно; это въ его природѣ.“

Я не останавливаюсь на чрезмѣрномъ обобщеніи вашего приговора, но обращаюсь къ вамъ съ простымъ вопросомъ: Кого обманываетъ, кого обкрадываетъ русскій человѣкъ? Кого, какъ не помѣщика, не чиновника,

не управляющаго, не полицейскаго, однимъ словомъ, заклятыхъ враговъ крестьянина, которыхъ онъ считаетъ за басурмаповъ, за отступниковъ, за полу-нѣмцевъ? Лишенный всякой возможности защиты, онъ хитритъ съ своими мучителями, онъ ихъ обманываетъ, и въ этомъ совершенно правъ. Хитрость, М. Г., по словамъ великаго мыслителя,*) пронія грубой власти.

Русскій крестьянинъ, при своемъ отвращеніи отъ личной поземельной собственности, такъ вѣрно подмѣченномъ вами, при своей беззаботной и лѣнливой природѣ, мало по малу и незамѣтно запутался въ сѣти нѣмецкой бюрократіи и помѣщичьей власти. Онъ подвергся этому унижающему злу, съ страдательною покорностію, но онъ не повѣрилъ ни правамъ помѣщика, ни правдѣ судовъ, ни законности исполнительной власти. Вотъ уже почти двѣсти лѣтъ, какъ все его существованіе стало глухою, отрицательною оппозиціею противъ существующаго порядка вещей. Онъ покоряется притѣсненію, онъ терпитъ, но не причастенъ ничему, что происходитъ внѣ сельской общины.

Имя царя еще возбуждаетъ въ народѣ суевѣрное сочувствіе; не передъ царемъ Николаемъ благоговѣтъ народъ, но передъ отвлеченной идеею, передъ мифомъ; въ народномъ воображеніи царь представляется грознымъ мстителемъ, осуществленіемъ правды, земнымъ провидѣніемъ.

Послѣ царя, одно духовенство могло бы имѣть вліяніе на православную Россію. Оно одно представляетъ въ правительственныхъ сферахъ старую Русь; духовенство не брѣетъ бороды, и тѣмъ самымъ осталось на сторонѣ народа. Народъ съ довѣріемъ слушаетъ монаховъ. Но монахи и высшее духовенство, исключительно занятые

*) Гегель, въ посмертныхъ сочиненіяхъ.

жизнiю загробной, ни мало не заботятся объ народѣ. Попы же утратили всякое влiянiе вслѣдствiе жадности, нiянства и близкихъ сношенiй съ полицiей. И здѣсь народъ уважаетъ идею, но не личности.

Что до раскольниковъ, то они ненавидятъ и лице и идею, и попа и царя.

Кромѣ царя и духовенства, всѣ элементы правительства и общества совершенно чужды, существенно враждебны народу. Крестьянинъ находится, въ буквальномъ смыслѣ слова, внѣ закона. Судъ ему не заступникъ, и все его участiе въ существующемъ порядкѣ дѣлъ ограничивается двойнымъ налогомъ, тяготѣющимъ на немъ, и который онъ вноситъ трудомъ и кровью. Отверженный всѣми, онъ понялъ инстинктивно, что все управленiе устроено не въ его пользу, а ему въ ущербъ, и что задача правительства и помѣщиковъ состоитъ въ томъ, какъ бы вымучить изъ него побольше труда, побольше рекрутъ, побольше денегъ. Понявши это, и одаренный смѣтливимъ и гибкимъ умомъ, онъ обманываетъ ихъ вездѣ и во всемъ. Иначе и быть не можетъ; еслибъ онъ говорилъ правду, онъ тѣмъ самымъ признавалъ бы надъ собою ихъ власть; еслибъ онъ ихъ не обкрадывалъ (замѣтите, что со стороны крестьянина считаютъ покражею утайку части произведенiй собственнаго труда) онъ тѣмъ самымъ признавалъ бы законность ихъ требованiй, права помѣщиковъ и справедливость судей.

Надобно видѣть русскаго крестьянина передъ судомъ, что бы исполнѣ понять его положенiе; надобно видѣть его убитое лице, его пугливый, испытующiй взоръ, что бы понять, что это военно-плѣнный передъ военнымъ совѣтомъ, путникъ передъ шайкою разбойниковъ. Съ перваго взгляда замѣтно, что жертва не имѣетъ ни малѣйшаго довѣрiя къ этимъ враждебнымъ, безжало-

стнымъ, ненасытнымъ грабителямъ, которые допрашиваютъ, терзаютъ и обираютъ его. Онъ знаетъ, что если у него есть деньги, то онъ будетъ правъ, если нѣтъ—виноватъ.

Русскій народъ говоритъ своимъ старымъ языкомъ; судьи и подьячїе пишутъ новымъ бюрократическимъ языкомъ, уродливымъ и едва понятнымъ, — они наполняютъ цѣлые in-folio грамматическими несообразностями и скороговоркой отчитываютъ крестьянину эту чепуху. Понимай, какъ знаешь, и выпутывайся, какъ умѣешь. Крестьянинъ видитъ, къ чему это клонится и держитъ себя осторожно. Онъ не скажетъ лишняго слова, онъ скрываетъ свою тревогу и стоитъ молча, прикидываясь дуракомъ.

Крестьянинъ, оправданный судомъ, плетется домой такой-же печальный какъ послѣ приговора. Въ обоихъ случаяхъ, рѣшеніе кажется ему дѣломъ произвола или случайности.

Такимъ образомъ, когда его призываютъ въ свидѣтели, онъ упорно отзывается невѣденіемъ, даже противъ самой неопровержимой очевидности. Приговоръ суда не мараетъ человѣка въ глазахъ русскаго народа. Ссылные, каторжные слывуть у него *несчастными*.

Жизнь русскаго народа до сихъ поръ ограничивалась общиною; только въ отношеніи къ общинѣ и ея членамъ признаетъ онъ за собою права и обязанности. Въ общины все ему кажется основанномъ на насилии. Роковая сторона его характера состоитъ въ томъ, точ онъ покоряется этому насилию, а не въ томъ, что онъ отрицаетъ его по своему и старается оградить себя хитростію. Ложь передъ судьей, поставленнымъ незаконною властію, гораздо откровеннѣе чѣмъ лицемѣрное уваженіе къ присяжнымъ, подтасованнымъ купленнымъ

префектомъ. Народъ уважаетъ только тѣ установленія, въ которыхъ отразились присущія ему понятія о законѣ и правѣ.

Есть фактъ, несомнѣнный для всякаго, кто близко познакомится съ русскимъ народомъ. Крестьяне рѣдко обманываютъ другъ друга; между ними господствуетъ почти неограниченное довѣріе, они не знаютъ контрактовъ и письменныхъ условій.

Вопросы о размежеваніи полосъ по необходимости бываютъ очень сложны при безпрестанныхъ раздѣлахъ земель по числу тяголь; между тѣмъ дѣло обходится безъ жалобъ и процессовъ. Помѣщики и правительство жадно ищутъ случая для вмѣшательства; но этотъ случай не представляется. Мелкія несогласія повергаются на судъ старикамъ или міру, и ихъ рѣшеніе безпрекословно принимается всѣми. Точно также въ артеляхъ. Артели состоятъ часто изъ нѣсколькихъ сотенъ работниковъ, соединяющихся на опредѣленное время, напримѣръ на годъ. По прошествіи года, работники дѣлятъ между собою заработки по трудамъ cadaго и по общему соглашенію. Полиція никогда не имѣетъ удовольствія вмѣшиваться въ ихъ счеты. Почти всегда артель отвѣчаетъ за cadaго изъ артельщиковъ.

Еще тѣснѣе становится связь между крестьянами одной общины, когда они не православные, а раскольники. Отъ времени до времени правительство устраиваетъ дикій набѣгъ на какую нибудь раскольникую деревню. Крестьянъ сажаютъ въ тюрьму, ссылаютъ, все это безъ всякаго плана, безъ послѣдовательности, безъ всякаго повода и нужды, единственно для того, чтобы удовлетворить требованіямъ духовенства и дать занятіе полиціи. При этихъ-то охотахъ по раскольникамъ обнаруживается вновь характеръ русскихъ крестьянъ, со-

лидарность, связывающая ихъ между собою. Тогда-то надобно видѣть, какъ они успѣваютъ обманывать полицію. спасать своихъ братьевъ, скрывать священныя книги и сосуды, какъ они претерпѣваютъ, не проговариваясь, самыя ужасныя муки. Пусть укажутъ мнѣ хоть одинъ случай, въ которомъ бы раскольничья община была выдана крестьяниномъ, хотя-бы и православнымъ.

Это свойство русскаго характера дѣлаетъ полицейскія слѣдствія чрезвычайно затруднительными. Нельзя этому не порадоваться отъ души. У русскаго крестьянина нѣтъ нравственности кромѣ вытекающей инстинктивно, естественно изъ его коммунизма; эта нравственность глубоко-народная; немного, что извѣстно ему изъ Евангелія, поддерживаетъ ее; явная несправедливость помѣщиковъ привязываетъ его еще болѣе къ его правамъ и къ общинному устройству.*)

*) Крестьянская община, принадлежавшая Кп. Козловскому откупилась на волю. Землю раздѣлили между крестьянами сообразно суммамъ, внесеннымъ каждымъ изъ нихъ въ складчину для выкупа. Это распоряженіе по видимому было самое естественное и сираведливое. Однакожь крестьяне нашли его столь неудобнымъ и несогласнымъ съ ихъ обычаями, что они рѣшились распредѣлить между собою всю сумму выкупа, какъ-бы долгъ лежащій на общинѣ, и раздѣлить земли по принятому обыкновенію. Этотъ фактъ приводится *Г. Гакстаузенемъ*. Авторъ самъ посѣщалъ упомянутую деревню.

— *Г. Тениборскій* говоритъ въ книгѣ, недавно вышедшей въ Парижѣ и посвященной императору Николаю, что эта система раздѣла земель кажется ему неблагоприятною для земледѣлія (какъ будто ея цѣль успѣхи земледѣлія!) но, впрочемъ, прибавляетъ: „Трудно устранить эти неудобства потому, что эта система дѣлений связана съ устройствомъ нашихъ общинъ, до котораго коснуться было бы опасно: оно построено на ея основной мысли объ единствѣ общины и о правѣ каждаго члена на часть общиннаго владѣнія, соразмѣрную его силамъ, поэтому оно поддерживаетъ общинный духъ, этотъ надежный оплотъ общественнаго порядка. Оно въ то-же время самая лучшая защита противъ распростраенія пролетаріата и коммунистическихъ идей. (Понятно, что для народа, обладающаго на

Община спасла русскій народъ отъ монгольскаго варварства и отъ императорской цивилизаціи, отъ выкрашенныхъ по европейски помѣщиковъ и отъ нѣмецкой бюрократіи. Общинная организація, хоть и сильно потрясенная, устояла противъ вмѣшательства власти; она благополучно дожила до развитія социализма въ Европѣ.

Это обстоятельство безконечно важно для Россіи.

Русское самодержавіе вступаетъ въ новый фазисъ. Выросшее изъ анти-національной революціи, оно исполнило свое назначеніе; оно осуществило громадную имперію, грозное войско, правительственную централизацію. Лишенное дѣйствительныхъ корней, лишенное преданій, оно обречено на бездѣйствіе; правда, оно возложило было на себя новую задачу — внести въ Россію западную цивилизацію; и оно до нѣкоторой степени успѣвало въ этомъ, пока еще играло роль просвѣщеннаго правительства.

дѣлѣ владѣніемъ сообща, коммунистическія идеи не представляютъ никакой опасности.) „Въ высшей степени замѣчательнъ здравый смыслъ, съ которымъ крестьяне устраняютъ, гдѣ это нужно, неудобства своей системы; легкость, съ которою они соглашаются между собою въ вознагражденіи неровностей, лежащихъ въ достоинствахъ почвы, и довѣріе, съ которымъ каждый покоряется опредѣленіямъ старшинъ общины. — Можно было-бы подумать, что безпрестанные дѣлежи подають поводъ къ безпрестаннымъ спорамъ, а между тѣмъ вмѣшательство властей становится пужнымъ лишь въ въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Этотъ фактъ, весьма странный самъ по себѣ, объясняется только тѣмъ, что эта система при всѣхъ своихъ неудобствахъ такъ срослась съ нравами и понятіями народа, что эти неудобства переносятся безропотно.“

„На столько, говоритъ тотъ же авторъ, идея общины правдозна русскому народу и осуществляется во всѣхъ проявленіяхъ его жизни, настолько противенъ его нравамъ, корпораціонный муниципальный духъ, воплотившійся въ западномъ мѣщанствѣ. (Тешоборскій, о производительныхъ силахъ Россіи Т. I.)

Эта роль теперь оставлена имъ.

Правительство, расправшееся съ народомъ во имя цивилизаціи, не замедлило отрѣчься отъ образованія во имя самодержавія.

Оно отреклось отъ цивилизаціи, какъ скоро сквозь ея стремленія сталъ проглядывать трехцвѣтнѣй призракъ либерализма; оно попыталось вернуться къ національности, къ народу. Это было невозможно. Народъ и правительство не имѣли ничего общаго между собою; первый отвыкъ отъ послѣдняго, а правительству чудился въ глубинѣ массъ новѣйшій призракъ, еще болѣе страшнѣйшій призракъ — *краснаго пѣтуха*. Конечно, либерализмъ былъ менѣе опасенъ, чѣмъ новая Пугачевщина, но страхъ и отвращеніе отъ либеральныхъ идей стали такъ сильны, что правительство не могло болѣе примириться съ цивилизаціею.

Съ тѣхъ поръ единственной цѣлью царизма остался царизмъ. Онъ властвуетъ, чтобъ властвовать. Громадныя силы употребляются на взаимное уничтоженіе, на сохраненіе искусственнаго покоя.

Но самодержавіе для самодержавія на послѣдокъ становится невозможнымъ; это слишкомъ нелѣпо, слишкомъ бесплодно.

Оно почувствовало это, и стало искать занятія въ Европѣ. Дѣятельность русской дипломатіи неутомима; повсюду сыплется ноты, совѣты, угрозы, обѣщанія, снуютъ агенты и шпіоны.

Императоръ считаетъ себя естественнымъ покровителемъ нѣмецкихъ принцевъ; онъ вмѣшивается во всѣ мелкія интриги мелкихъ германскихъ дворовъ; онъ рѣшаетъ всѣ споры; то побранитъ одного, то наградитъ другого великой княжнѣй. Но этого не достаточно для его дѣятельности. Онъ принимаетъ на себя обязан-

ность перваго жандарма вселенной; онъ опора всѣхъ реакцій, всѣхъ гоненій. Онъ играетъ роль представителя монархическаго начала въ Европѣ, позволяетъ себѣ аристократическія замашки, словно онъ Бурбонъ или Плантагенетъ, словно его царедворцы Глостеры или Монморанси.

Къ сожалѣнію, нѣтъ ничего общаго между феодальнымъ монархизмомъ съ его опредѣленнымъ началомъ, съ его прошлымъ, съ его соціальной и религіозной идеею, и наполеоновскимъ деспотизмомъ петербургскаго царя, имѣющимъ за себя лишь печальную историческую необходимость, преходящую пользу, не опирающемся ни на какомъ нравственномъ началѣ.

И зимній дворецъ, какъ вершина горы подъ конецъ осени, покрывается все болѣе и болѣе снѣгомъ и льдомъ. Жизненные соки, искусственно поднятые до этихъ правительственныхъ вершинъ, мало по малу застываютъ; остается одна матеріальная сила и твердость скалы, еще выдерживающей напоръ революціонныхъ волнъ.

Николай, окруженный генералами, министрами, бюрократами, старается забыть свое одиночество, но становится часъ отъ часу мрачнѣе, печальнѣе, тревожнѣе. Онъ видитъ, что его не любятъ; онъ замѣчаетъ мертвое молчаніе, царствующее вокругъ него, по явственно доходящему гулу далекой бури, которая какъ будто къ нему приближается. Царь хочетъ забыться. Онъ громко провозгласилъ, что его цѣль — увеличеніе императорской власти.

Это признаніе не новость; вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ онъ безъ устали, безъ отдыха, трудится для этой единственной цѣли, для нея онъ не пожалѣлъ ни слезъ, ни крови своихъ подданныхъ.

Все ему удалось; онъ раздавилъ польскую народность. Въ Россіи онъ подавилъ либерализмъ.

Чего, въ самомъ дѣлѣ, еще хочется ему? отчего онъ такъ мраченъ?

Императоръ чувствуетъ, что Польша еще не умерла. На мѣсто либерализма, который онъ гналъ съ ожесточеніемъ, совершенно напраснымъ, потому что этотъ экзотическій цвѣтокъ не можетъ укорениться на русской почвѣ, встаетъ другой вопросъ, грозный какъ громовая туча.

Народъ начинаетъ роптать подъ игомъ помѣщиковъ; безпрестанно вспыхиваютъ мѣстные возстанія; вы сами приводите тому страшный примѣръ.

Партія движенія, прогресса требуетъ освобожденія крестьянъ; она готова принести въ жертву свои права. Царь колеблется и мѣшаетъ; онъ хочетъ освобожденія и препятствуетъ ему.

Онъ понялъ, что освобожденіе крестьянъ сопряжено съ освобожденіемъ земли; что освобожденіе земли въ свою очередь начало соціальной революціи, провозглашеніе сельскаго коммунизма. Обойти вопросъ объ освобожденіи невозможно, отодвинуть его рѣшеніе до слѣдующаго царствованія конечно легче, но это мало-душно, и въ сущности это только нѣсколько часовъ, потерянныхъ на скверной почтовой станціи безъ лошадей....

Изъ всего этого вы видите, какое счастье для Россіи, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общинной; какое это счастье для русскаго народа, что онъ остался внѣ всѣхъ политическихъ движеній, внѣ европейской цивилизаціи, которая, безъ сомнѣнія, подкопала-бы общину

и которая нынѣ сама дошла въ социализмѣ до самоотрицанія.

Европа, я это сказала въ другомъ мѣстѣ, не разрѣшила антиноміи между личностью и государствомъ, но она поставила себѣ задачею это разрѣшеніе. Россія также не нашла этого рѣшенія. Передъ этимъ вопросомъ начинается наше равенство.

Европа, на первомъ шагу къ социальной революціи, встрѣчается съ этимъ народомъ, который представляетъ ему осуществленіе, полудикое, неустроенное, — но все таки осуществленіе постоянного дѣлежа земель между земледѣльцами. И замѣтите, что этотъ великій примѣръ даетъ намъ не образованная Россія, но самъ народъ, его жизненный процессъ. Мы, русскіе, прошедшіе черезъ западную цивилизацію, мы не больше, какъ средство, какъ закваска, какъ посредники между русскимъ народомъ и революціонной Европою. Человѣкъ будущаго въ Россіи — *мужикъ*, точно также какъ во Франціи работникъ.

Но если такъ, не имѣетъ-ли русскій народъ нѣкоторое право на снисхожденіе съ вашей стороны, М. Г?

Бѣдный крестьянинъ! На него обрушиваются всевозможныя несправедливости. Императоръ преслѣдуетъ его рекрутскими наборами, помѣщикъ крадетъ у него трудъ, чиновникъ послѣдній рубль. Крестьянинъ молчитъ, терпитъ, но не отчаявается, у него остается община. Вырвутъ-ли изъ нея членъ, община сдвигается еще тѣснѣе; кажется эта участь достойна сожалѣнія; а между тѣмъ она никого не трогаетъ. Въмѣсто того, чтобы заступаться за крестьянина, его обвиняютъ.

Вы не оставляете ему даже послѣдняго убѣжища, гдѣ онъ еще чувствуетъ себя человѣкомъ, гдѣ онъ любить и не боится; вы говорите: „его община не общи-

на, его семейство не семейство, его жена не жена; прежде чѣмъ ему, она принадлежитъ помѣщику; его дѣти не его дѣти; кто знаетъ, кто ихъ отецъ?”

Такъ вы подвергаете этотъ несчастный народъ не научному разбору, но презрѣнію другихъ народовъ, которые съ довѣріемъ внимаютъ вашимъ легендамъ.

Я считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ по этому поводу.

Семейный бытъ у всѣхъ Славянъ чрезвычайно сильно развитъ: это можетъ быть единственный консервативный элементъ ихъ характера, предѣль ихъ отрицанья.

Сельская семья неохотно дробится; нерѣдко три, четыре поколѣнія проживаютъ подъ однимъ кровомъ, вокругъ патриархально властвующаго дѣда. Женщина, обыкновенно угнетенная, какъ это бываетъ вездѣ въ земледѣльческомъ сословіи, пользуется уваженіемъ и почетомъ, когда она вдова старшаго въ родѣ.

Нерѣдко вся семья управляется сѣдою бабушкой... Можно-ли же сказать, что семья въ Россіи не существуетъ?

Перейдемъ къ отношеніямъ помѣщика къ крѣпостному семейству.

Но для большей ясности, отличимъ порму отъ злоупотребленій, права отъ преступленій.

Jus primæ noctis никогда не существовало въ Россіи.

Помѣщикъ не можетъ законно требовать нарушенія супружеской вѣрности. Еслибъ законъ исполнялся въ Россіи, изнасилованіе крѣпостной женщины наказывалось бы точно также, какъ если-бы она была вольная, т. е. каторжною работою или ссылкой въ Сибирь, съ лишеніемъ всѣхъ правъ. Таковъ законъ, обратимся къ фактамъ.

Я не думаю отвергать, что при власти данной правительствомъ помѣщикамъ, имъ очень легко насиловать дочерей и женъ своихъ крѣпостныхъ. Притѣсненіями и наказаніями помѣщикъ всегда добьется того, что найдутся отцы и мужья, которые будутъ предоставлять ему дочерей и женъ, точно также какъ тотъ достойный французскій дворянинъ въ „Запискахъ Пѣшо,“ который въ XVIII столѣтіи, просилъ, какъ обч особенной милости о помѣщеніи своей дочери въ Parc-aux cerfs.

Не удивительно также, что честные отцы и мужья не находятъ суда на помѣщика, благодаря прекрасному судебному устройству въ Россіи; они большею частію находятся въ положеніи того господина Тьерселень, у которого Берье укралъ, по порученію Людовика XV, одинацатилѣтнюю дочь. Всѣ эти грязныя гадости возможны; стоитъ только вспомнить грубые и развращенные нравы части русскаго дворянства, чтобы въ этомъ убѣдиться. Но что касается до крестьянъ, то они далеко неравнодушно переносятъ развратъ своихъ господъ.

Позвольте мнѣ привести этому доказательство :

Половина изъ помѣщиковъ, убиваемыхъ своими крѣпостными (по статистическимъ даннымъ ихъ число простирается отъ шестидесяти до семидесяти въ годъ), погибаетъ вслѣдствіе своихъ эротическихъ подвиговъ. Процессы по такимъ поводамъ рѣдки; крестьянинъ знаетъ, что суды не уважатъ его жалобъ; но у него есть топоръ; онъ имъ владѣетъ мастерски и знаетъ это тоже.

Ограничиваюсь этими намеками о крестьянахъ и прошу Васъ выслушать еще нѣсколько словъ о Россіи образованной.

Вы смотрите, также не снисходительно на умствен-

ное движеніе Россіи, какъ и на народный характеръ: однимъ почеркомъ пера вы вычеркиваете всѣ труды совершенныя до сихъ поръ нашими скованными руками!

Одно изъ лицъ Шекспира, не зная чѣмъ унизить презрѣннаго противника, говоритъ ему: „я сомнѣваюсь даже въ твоёмъ существованіи!“ Вы пошли далѣе, для васъ несомнѣнно, что русская литература не существуетъ.

Привожу ваши собственныя слова:

„Мы не станемъ придавать важности опытамъ тѣхъ не многихъ умныхъ людей, которые вздумали упражняться въ русскомъ языкѣ и обманывать Европу блѣднымъ призракомъ будто-бы русской литературы. Еслибъ не мое глубокое уваженіе къ Мпцкевичу, и къ его заблужденіямъ святаго, я бы право обвинилъ его за снисхожденіе (можно даже сказать) за милость, съ которою онъ говоритъ объ этой шуткѣ.“

Я напрасно донскиваюсь, М. Г., причинъ этого презрѣнія, съ которымъ вы встрѣчаете первый болѣзненный крикъ парода, проснувагося въ тюрьмѣ, этотъ стонъ, сдавленный рукою тюремщика.

Отчего не захотѣли вы прислушаться къ потрясающимъ звукамъ нашей грустной поэзіи, къ нашимъ напѣвамъ, въ которыхъ слышатся рыданія? Что скрыло отъ вашего взора нашъ судорожный смѣхъ, эту безрестанную пронию, подъ которой скрывается глубоко измученное сердце, которая въ сущности лишь роковое признаніе нашего безсилія?

О какъ я хотѣлъ-бы достойнымъ образомъ перевести вамъ нѣсколько стихотвореній Пушкина и Лермонтова, нѣсколько пѣсень Кольцова! Вы бы тогда намъ тотчасъ протянули дружескую руку, вы-бы первый попросили насъ забыть сказанное вами!

Послѣ крестьянскаго коммунизма ничего такъ глубоко не характеризуетъ Россію, ничто не предвѣщаетъ ей столь великой будущности, какъ ея литературное движеніе.

Между крестьяниномъ и литературою подымается чудовище официальной Россіи. „Россія — ложь, Россія — холера,“ какъ вы ее назвали.

Эта Россія начинается съ императора и идетъ отъ жандарма до жандарма, отъ чиновника до чиновника, до послѣдняго полицейскаго въ самомъ отдаленномъ закоулкѣ имперіи. Каждая ступень этой лѣстницы пріобрѣтаетъ, какъ въ Дантовскихъ *Volgi* новую силу зла, новую степень разврата и жестокости. Это живая пирамида изъ преступленій, злоупотребленій, подкуповъ, полицейскихъ, негодяевъ, нѣмецкихъ бездушныхъ администраторовъ вѣчно голодныхъ, невѣжъ-судей вѣчно-пьяныхъ, аристократовъ вѣчно-подлыхъ: все это связано сообществомъ грабительства и добычи, и опирается на шесть сотъ тысячъ органическихъ машинъ съ штыками.

Крестьянинъ никогда не марается объ этотъ міръ правительственнаго цинизма; онъ терпитъ его существованіе—въ этомъ его единственная вина.

Станъ враждебный Россіи официальной состоитъ изъ горсти людей на все готовыхъ, протестующихъ противъ нея, борющихся съ нею, обличающихъ, подкапывающихъ ее. Этихъ одинокихъ бойцовъ, отъ времени до времени, запираютъ въ казематы, терзаютъ, ссылаютъ въ Сибирь, но ихъ мѣсто не долго остается пустымъ; новые борцы выступаютъ впередъ; это наше преданіе, нашъ маіоратъ.

Страшныя послѣдствія человѣческой рѣчи въ Россіи по необходимости придаютъ ей особенную силу. Съ лю-

бовью и благоговѣніемъ прислушиваются къ вольному слову, потому что у насъ его произносятъ только тѣ, у которыхъ есть что сказать. Не вдругъ рѣшаешься передавать свои мысли нечати, когда въ концѣ каждой страницы мерещится жандармъ, тройка, кибитка, и въ перспективѣ Тобольскъ или Иркутскъ,

Въ послѣдней моей брошюркѣ*) я достаточно говорю объ русской литературѣ; ограничусь здѣсь нѣкоторыми общими замѣчаніями.

Грусть, скептицизмъ, пронія, вотъ три главныя струны русской лиры.

Когда Пушкинъ начинаетъ одно изъ своихъ лучшихъ твореній этими страшными словами:

Всѣ говорятъ — нѣтъ правды на землѣ...

Но правды нѣтъ — и выше!

Миѣ это ясно, какъ простая гамма.....

не сжимается-ли у васъ сердце, не угадываете-ли вы, сквозь это видимое спокойствіе, разбитое существованіе челоѣка, уже привыкшаго къ страданію.

Лермонтовъ, въ своемъ глубокомъ отвращеніи къ окружавшему его обществу, обращается на тридцатомъ году къ своимъ современникамъ, съ своимъ страшнымъ

Печально я гляжу на наше поколѣніе,

Его грядущее иль пусто, иль темно.

Я знаю только одного современнаго поэта, съ такою же мощью затрогивающаго мрачныя струны души челоѣческой. Это также поэтъ, родившійся въ рабствѣ и умершій прежде возрожденія отечества. Это пѣвецъ смерти, Леопарди, которому міръ казался громаднымъ союзомъ преступниковъ, безжалостно преслѣдующихъ горсть праведныхъ безумцевъ.

*) Du développement des Idées révolutionnaires en Russie.

Россия имѣетъ только одного живописца, приобрѣтшаго общую извѣстность, Брюлова. Что-же изображаетъ его лучшее произведеніе, доставившее ему славу въ Италіи?

Взгляните на это странное произведеніе.

На огромномъ полотнѣ тѣснятся въ беспорядкѣ испуганныя группы; онѣ напрасно ищутъ спасенія. Онѣ погибнуть отъ землетрясенія, вулканическаго изверженія, среди цѣлой бури катаклизмовъ. Ихъ уничтожаетъ дикая, бессмысленная, безпощадная сила, противъ которой всякое сопротивленіе невозможно. Это вдохновенія, навѣянныя Петербургскою атмосферою.

Русскій романъ обращается исключительно въ области патологической анатоміи; въ немъ постоянное указаніе на грызущее насъ зло, постоянное, безжалостное, самобытное. Здѣсь не услышите голоса съ неба, возвѣщающаго Фаусту прощеніе юной грѣшницѣ — здѣсь возвышаются только сомнѣніе и проклятіе. А между тѣмъ, если для Россіи есть спасеніе, она будетъ спасена именно этимъ глубокимъ сознаніемъ нашего положенія, правдивостью, съ которою она обнаруживаетъ это положеніе передъ всѣми.

Тотъ, кто смѣло признается въ своихъ недостаткахъ, чувствуетъ, что въ немъ есть нѣчто сохранившееся среди отступленій и паденій; онъ знаетъ, что можетъ искупить свое прошлое, и не только поднять голову, но сдѣлаться изъ „Сарданапала-гуляки — Сарданаломъ героемъ.“

Русскій народъ не читаетъ. Вы знаете, что также Вольтера и Данте читали не поселяне, а дворяне и часть средняго сословія. Въ Россіи образованная часть средняго сословія примыкаетъ къ дворянству, которое состоитъ изъ всего того, что перестало быть народомъ.

Существуетъ даже дворянскій пролетаріатъ, сливающійся съ народомъ и пролетаріатъ вольноотпущенный, поднимающійся къ дворянству. Эта флуктуація, это безпрестанное обновленіе придаетъ русскому дворянству характеръ, котораго вы не найдете въ привилегированныхъ классахъ отсталой Европы. Однимъ словомъ, вся исторія Россіи, со временъ Петра I, есть только исторія дворянства, и вліяній просвѣщенія на него. Прибавлю, что русское дворянство числомъ равняется избирателямъ во Франціи, по закону 31 Мая.

Виродженіе XVIII вѣка ново-русская литература выработывала тотъ звучный, богатый языкъ, которымъ мы обладаемъ теперь; языкъ гибкій и могучій, способный выражать и самыя отвлеченныя идеи германской метафизики и легкую, сверкающую игру французскаго остроумія. Эта литература, возникшая по гениальному мановенію Петра I, имѣла, это правда, характеръ правительственный — но тогда знамя правительства было прогрессъ, почти революція.

До 1789 года, императорскій тронъ самодовольно драпировался въ величественныя складки просвѣщенія и философіи. Екатерина II заслуживала, чтобы ее обманывали картонными деревьями и дворцами изъ раскрашенныхъ досокъ... Никто, какъ она, не умѣлъ ослѣплять зрителей величественной обстановкой. Въ Эрмитажѣ только и слышно было, что о Вольтерѣ, о Монтескьѣ, о Беккариѣ. Вамъ извѣстенъ, М. Г., оборотъ медалей.

Однакожь среди триумфальнаго хора придворныхъ вѣселошій, уже звучала одна странная, неожиданная нота. Это былъ звукъ той скептической, грозно насмѣшливой струны, передъ которою должны были скоро умолкнуть всѣ прочіе, искусственные напѣвы.

Настоящій характеръ русской мысли, поэтической и спекулятивной, развивается въ полной силѣ по восшествіи на престолъ Николая. Отличительная черта этого направленія—трагическое освобожденіе совѣсти, безжалостное отрицаніе, горькая пронія, мучительное углубленіе въ самого себя. Иногда все это раздражается безумнымъ смѣхомъ, но въ этомъ смѣхѣ нѣтъ ничего веселаго.

Брошенный въ гнетущую среду, вооруженный яснымъ взглядомъ и неподкупной логикой, русскій быстро освобождается отъ вѣры и отъ нравовъ своихъ отцовъ.

Мыслящій русскій самый независимый человѣкъ въ свѣтѣ. Что можетъ его остановить? Уваженіе къ прошлому?..... Но что служить исходной точкой новой исторіи Россіи, если не отрицаніе народности и преданія?

Или можетъ быть преданіе Петербургскаго періода? это преданіе не обязываетъ насъ ни къ чему, этотъ „пятый актъ кровавой драмы, происходящій въ публичномъ домѣ,“*) напротивъ развязываетъ насъ окончательно.

Съ другой стороны, прошлое западныхъ народовъ служитъ намъ наученіемъ, и только; мы нисколько не считаемъ себя душеприкащиками ихъ историческихъ завѣщаній.

Мы раздѣляемъ ваши сомнѣнія, но ваша вѣра не согрѣваетъ насъ. Мы раздѣляемъ вашу ненависть, но не понимаемъ вашей привязанности къ завѣщанному предками; мы слишкомъ угнетены, слишкомъ несчастны, чтобы довольствоваться полу - свободой. Васъ связыва-

*) По прекрасному выраженію одного изъ сотрудниковъ журнала II Progresso въ номерѣ отъ 1 августа 1851 года, въ статьѣ о Россіи.

ють скрупулы, васъ удерживаютъ заднія мысли. У насъ нѣтъ ни заднихъ мыслей, ни скрупуловъ; у насъ только недостаетъ силы...

Вотъ откуда въ насъ эта пронія, эта тоска, которая насъ точитъ, доводитъ насъ до бѣшенства, толкаетъ насъ впередъ, пока добьемся мы Сибири, истязанія, ссылки, преждевременной смерти. Мы жертвуемъ собою безъ всякой надежды; отъ желчи, отъ скуки... Въ нашей жизни въ самомъ дѣлѣ есть что-то безумное, но нѣтъ ничего пошлаго, ничего коснаго, ничего мѣщанскаго.

Не обвиняйте насъ въ безнравственности, потому что мы не уважаемъ того, что вы уважаете. Можно ли упрекать найденыша за то, что онъ не уважаетъ своихъ родителей? Мы независимы, потому что начинаемъ жизнь съизнова. У насъ нѣтъ ничего законнаго, кромѣ нашего организма, нашей народности; это наша сущность, наша плоть и кровь, но отнюдь не связывающій авторитетъ. Мы независимы, потому что ничего не имѣемъ. Намъ почти нечего любить. Всѣ наши воспоминанія исполнены горечи и злобы. Образование, науку подали намъ на концѣ кнута.

Какое-же намъ дѣло до вашихъ завѣтныхъ обязанностей, намъ, младшимъ братьямъ, лишеннымъ наслѣдства? И можемъ-ли мы по совѣсти довольствоваться вашею изношенной нравственностію, нехристіанскою и нечеловѣческою, существующею только въ риторическихъ упражненіяхъ и въ прокурорскихъ докладахъ? Какое уваженіе можетъ внушать намъ ваша римско-варварская законность, это глухое, неуклюжее зданіе безъ свѣта и воздуха, подновленное въ среднія вѣка, подбѣленное вольноотпущеннымъ мѣщанствомъ? Согласенъ, что дневной разбой въ русскихъ судахъ еще ху-

же, но изъ этого не слѣдуетъ, что у васъ есть справедливость въ законахъ и судахъ.

Различіе между вашими законами и нашими указами заключается только въ заглавной формулѣ. Указы начинаются подавляющей истиною: царь соизволилъ повелѣть; ваши законы начинаются возмутительною ложью —проническимъ злоупотребленіемъ имени французскаго народа и словами—свобода, братство и равенство. Николаевскій сводъ расчитанъ противъ подданныхъ и въ пользу самодержавія. Наполеоновскій сводъ имѣетъ рѣшительно тотъ-же характеръ. На насъ лежитъ слишкомъ много цѣпей, чтобы мы добровольно надѣли на себя еще новыя. Въ этомъ отношеніи мы стоимъ совершенно на ряду съ нашими крестьянами. Мы покоряемся грубой силѣ. Мы рабы потому что не имѣемъ возможности освободиться; но мы не принимаемъ ничего отъ нашихъ враговъ.

Россія никогда не будетъ протестантскою.

Россія никогда не будетъ *juste-milieu*.

Россія никогда не сдѣлаетъ революціи съ цѣлію отдѣлаться отъ царя Николая и замѣнить его царями-представителями, царями - судьями, царями полицейскимн.

Мы, можемъ быть, требуемъ слишкомъ много, и ничего не достигнемъ. Можетъ быть такъ, но мы все таки не отчаяваемся; прежде 1848 года Россія не должно, не возможно было вступать въ революціонное поприще, ей слѣдовало доучиться и теперь она доучилась. Самъ царь это замѣчаетъ и свирѣпствуетъ противъ университетовъ, противъ идей, противъ науки; онъ старается отрѣзать Россію отъ Европы, убить просвѣщеніе. Онъ дѣлаетъ свое дѣло.

Успѣтъ-ли онъ въ немъ?

Я уже сказалъ это прежде: Не слѣдуетъ слѣпо вѣрить въ будущее; каждый зародышъ имѣетъ право на развитіе, но не каждый развивается. Будущее Россіи зависить не отъ нея одной. Оно связано съ будущимъ Европы. Кто можетъ предсказать судьбу славянскаго міра въ случаѣ, если реакція и абсолютизмъ окончательно побѣдятъ революцію въ Европѣ?

Быть можетъ онъ погибнетъ?

Но въ такомъ случаѣ погибнетъ и Европа...

И исторія перенесется въ Америку...

Написавши предъидущее, я получилъ послѣдніе два фельетона вашей легенды. Прочтавши ихъ, первымъ моимъ движеніемъ было бросить въ огонь написанное мною. Ваше теплое, благородное сердце не дождалось, чтобы кто нибудь другой поднялъ голосъ въ пользу непризнаннаго русскаго народа. Ваша любящая душа взяла верхъ надъ принятою вами ролей *неумолимаго* судьи, мстителя за измученный польскій народъ. Вы впали въ противорѣчіе, но такіа противорѣчія благородны.

Перечитывая мое письмо, я однако подумалъ, что вы можете найти въ немъ новыя взгляды на Россію и на славянскій міръ, и я рѣшился послать его вамъ. Я исполнилъ надѣюсь, что вы простите тѣ мѣста, гдѣ я увлекся своею скинскою горячіюстію. Кровь варваровъ не даромъ течетъ въ моихъ жилахъ. Мнѣ такъ хотѣлось измѣнить ваше мнѣніе о русскомъ народѣ; мнѣ было такъ грустно, такъ тяжело видѣть, что вы противъ насъ, что не могъ скрыть своей горести, своего волненія, и далъ волю перу. Но теперь я вижу, что

вы въ насъ не отчаяваетесь, что подъ грубымъ армякомъ русскаго крестьянина вы узнали человѣка, я это вижу и въ свою очередь признаюсь вамъ, что вполне понимаю то впечатлѣніе, которое должно производить одно имя Россіи на всякаго свободнаго человѣка. Мы часто сами проклинаемъ наше несчастное отечество. Вы это знаете, вы сами говорите : что все что вы сказали о нравственномъ ничтожествѣ Россіи, слабо въ сравненіи съ тѣмъ, что говорятъ сами русскіе.

Но и для насъ проходитъ время надгробныхъ рѣчей по Россіи и мы говоримъ съ вами „въ этой мысли таится искра жизни.“ Вы угадали ее, эту искру, силу вашей любви; но мы, мы ее видимъ, мы ее чувствуемъ. Эту искру не потушаютъ ни потоки крови, ни сибирскіе льды, ни духота рудниковъ и тюремъ. Пусть разгарается она подъ золою! Холодное, мертвящее дуновение, которымъ вѣетъ отъ Европы, можетъ ее погасить.

Для насъ часъ дѣйствія еще не насталъ; Франція еще по справедливости гордится своимъ передовымъ положеніемъ. Ей до 1852 года принадлежитъ трудное право. Европа безъ сомнѣнія прежде насъ достигнетъ гроба или новой жизни. День дѣйствія, можетъ быть, еще далеко для насъ; день сознанія мысли, слова уже пришелъ. Довольно жили мы въ снѣ и молчаніи; пора намъ рассказывать, что намъ снилось, до чего мы додумались.

И въ самомъ дѣлѣ кто виноватъ въ томъ, что надобно было дожить до 1847 года, чтобы „нѣмецъ (Гакстаузенъ) открылъ, какъ вы выражаетесь, народную Россію, столь же неизвѣстную до него, какъ Америка до Колумба?“

Виноваты конечно мы, мы бѣдные, нѣмые, съ нашимъ

малодушіемъ, съ нашею боязливою рѣчью, съ нашимъ запуганнымъ воображеніемъ. Мы, даже за границею боимся признаваться въ ненависти, съ которою мы смотримъ на наши оковы. Каторжники отъ рожденія, обреченные влечь до смерти ядро, прикованное къ нашимъ ногамъ, мы обпжаемся, когда объ насъ говорятъ, какъ о добровольныхъ рабахъ, какъ о мерзлыхъ неграхъ, а между тѣмъ мы не протестуемъ открыто.

Слѣдуетъ-ли смиренно покориться этимъ пареканіямъ, или рѣшиться остановить ихъ, возвысивъ голосъ для свободной русской рѣчи. Лучше погибнуть подозрѣваемымъ въ человѣческомъ достоинствѣ, чѣмъ жить съ позорнымъ знакомъ рабства на лбу, чѣмъ слушать, какъ насъ обвиняютъ въ добровольномъ порабощеніи.

Къ несчастію, въ Россіи свободная рѣчь удивляетъ, пугаетъ. Я попытался приподнять только край тяжелой завѣсы, скрывающей насъ отъ Европы, я указалъ только на теоретическія стремленія, на отдаленныя надежды, на органическіе элементы будущаго развитія; а между тѣмъ моя книга, о которой выразились такъ жестоко, произвела въ Россіи неблагоприятное впечатлѣніе. Дружескіе голоса, уважаемые мною, порпцаютъ ее. Въ ней видятъ обвиненіе на Россію. Обвиненіе!..... въ чемъ-же? Въ нашихъ страданіяхъ, въ нашихъ бѣдствіяхъ, въ нашемъ желаніи вырваться изъ этого ненавистнаго состоянія... Бѣдные, дорогіе друзья простите мнѣ это преступленіе; я снова впадаю въ него.

Тяжко, ужасно ярмо долгаго рабства, безъ борьбы, безъ близкой надежды! Оно напослѣдокъ подавляетъ самое благородное, самое сильное сердце. Гдѣ герой, котораго наконецъ не сломила-бы усталъ, который не предпочелъ-бы на старости лѣтъ покой, вѣчной тревогѣ безплодныхъ усилій?

Нѣтъ, я не умолкну! Мое слово отомститъ за эти несчастныя существованія, разбитыя русскимъ самовластьемъ, доводящимъ людей до нравственнаго уничтоженія, до духовной смерти.

Мы обязаны говорить; безъ этого никто не узнаеть, сколько прекраснаго и высокаго эти страдальцы навсегда замыкаютъ въ груди своей, и оно гибнетъ съ ними въ снѣгахъ Сибири, гдѣ даже на ихъ могилѣ не начертится ихъ *преступное* имя, которое ихъ друзья будутъ хранить въ сердцахъ своемъ, не смѣя произносить его.

Едва мы открыли ротъ, едва пролепетали два-три слова о нашихъ желаніяхъ, о нашихъ надеждахъ, и уже хотятъ его зажать, хотятъ заглушить въ колыбели наше свободное слово! Это невозможно.

Для мысли настаетъ время зрѣлости, въ которое ее не могутъ болѣе сковать ни цензурныя мѣры, ни осторожность. Тутъ пропаганда дѣлается страстью; можноли довольствоваться шептаніемъ на ухо, когда сонъ такъ глубокъ, что его едва ли разсѣешь набатомъ?

Отъ возстанія стрѣльцовъ до заговора 14 декабря, въ Россіи не было серьезнаго политическаго движенія. Причина тому понятна; въ народѣ не было ясно опредѣлившихся стремленій къ независимости. Во многомъ онъ соглашался съ правительствомъ, во многомъ правительство опережало народъ. Одни крестьяне, непричастные къ выгодамъ императорскимъ, болѣе чѣмъ когда нибудь угнетенные, попытались возстать. Россія, отъ Урала до Пензы и Казани на три мѣсяца подпала власти Пугачева. Императорское войско было отражено, разбито казаками, и генераль Бибииковъ, посланный изъ Петербурга, чтобы принять команду войска, писалъ, если я не ошибаюсь, изъ Нижняго: „дѣла идутъ очень

плохо; болѣе всего надобно бояться не вооруженныхъ полчищъ бунтовщиковъ, а духа народнаго, который опасенъ, очень опасенъ.“

Послѣ неслыханныхъ успій, возстаніе наконецъ было подавлено. Народъ впалъ въ оцѣпенѣніе, умолкъ и покорился.....

Между тѣмъ, дворянство развивалось, образованіе начинало оплодотворять умы, и какъ живое доказательство этой политической зрѣлости нравственнаго развитія, необходимо выражающейсѣ въ дѣятельности, явились эти дивныя личности, эти герои, какъ вы справедливо называете ихъ, которые „одни, въ самой пасти дракона, отважились на смѣлый ударъ 14 декабря.“

Ихъ пораженіе, терроръ нынѣшняго царствованія, подавили всякую мысль объ успѣхѣ, всякую преждевременную попытку. Возникли другіе вопросы; никто не хотѣлъ болѣе рисковать жизнію въ надеждѣ на конституцію; было слишкомъ ясно, что партія завоеванная въ Петербургѣ разбилась бы о вѣроломство царя; участь польской конституціи была передъ глазами.

Впродолженіи десяти лѣтъ, умственная дѣятельность не могла обнаружиться ни однимъ словомъ, и томительная тоска дошла до того, что „отдавали жизнь за счастье быть свободнымъ одно мгновеніе“ и высказать вслухъ хоть часть своей мысли.

Иные отказались отъ своихъ богатствъ съ тою вѣтренною беззаботностію, которая встрѣчается лишь у насъ, да у поляковъ, и отправились на чужбину искать себѣ разсѣянія; другіе, неспособные переносить духоту петербургскаго воздуха, закопали себя въ деревняхъ. Молодежь вдалась, кто въ панславизмъ, кто въ нѣмецкую философію, кто въ исторію или въ политическую экономію; однимъ словомъ, никто изъ тѣхъ русскихъ

которые были призваны къ умственной дѣятельности, не могъ, не захотѣлъ покориться застою.

Исторія Петрашевскаго, приговореннаго къ вѣчной каторгѣ, и его друзей, сосланныхъ въ 1849 году за то, что они въ двухъ шагахъ отъ зимняго дворца образовали нѣсколько политическихъ обществъ, не доказываетъ ли достаточно, по безумной неосторожности, по очевидной невозможности успѣха, что время размышленій прошло, что волненія въ душѣ не сдержишь, что вѣрная гибель стала казаться легче, чѣмъ нѣмая страдательная покорность Петербургскому порядку?

Очень распространенная въ Россіи сказка гласитъ, что царь, подозрѣвая жену въ невѣрности, заперъ ее съ сыномъ въ бочку, потомъ велѣлъ засмолить бочку и бросить въ море.

Много лѣтъ плавала бочка по морю.

Между тѣмъ царевичъ росъ не по днямъ а по часамъ и уже сталъ упираться ногами и головой въ донья бочки. Съ каждымъ днемъ становилось ему тѣснѣе да тѣснѣе. Однажды сказалъ онъ матери:

— Государыня-матушка, позволь протянуться въ волюшку.

— Свѣтикъ мой царевичъ, отвѣчала мать, не протягивайся. Бочка лопнетъ, и ты утонешь въ соленой водѣ.

Царевичъ смолкъ и подумавши сказалъ:

— Протянусь матушка; лучше разъ протянуться въ волюшку, да умереть.

Въ этой сказкѣ, М. Г. вся наша исторія.

Горе Россіи, если въ ней переведутся смѣлые люди, рискующіе всѣмъ, чтобы хоть разъ протянуться въ волюшку.

Но этого бояться нечего....

Невольно приходитъ мнѣ при этихъ словахъ на мысль

М. Бакунинъ. Бакунинъ далъ Европѣ образецъ вольнаго русскаго человѣка.

Я былъ глубоко тронутъ прекрасными словами, съ которыми вы обращаетесь къ нему. Къ несчастію эти слова до него не дойдутъ.

Международное преступленіе совершилось, Саксонія выдала свою жертву Австріи, Австрія Николаю. Онъ въ Шлиссельбургѣ, въ этой крѣпости злобѣщей памяти гдѣ нѣкогда держался въ заперти, какъ дикій звѣрь, Иванъ Антоновичъ, внукъ царя Алексѣя, убитый Екатериною II, этою женщиною, которая, еще покрытая кровью мужа, приказала сперва заколоть узника, а потомъ казнить несчастнаго офицера, исполнившаго это приказаніе.

Въ сыромъ казематѣ, у ледяныхъ водъ ладожскаго озера, нѣтъ мѣста ни для мечтаній, ни для надежды!

Пусть-же онъ спокойно заснетъ послѣднимъ сномъ, мученикъ, преданный двумя правительствами, у которыхъ на пальцахъ осталась его кровь.....

Слава имени его, и мщеніе!.... Но гдѣ-же мститель?..... И мы также погибнемъ на полѣ пути какъ онъ; но тогда, вашимъ строгимъ и величавымъ голосомъ, скажите еще разъ нашимъ дѣтямъ, что за ними остается долгъ.....

Останавливаюсь на воспоминаніи объ Бакунинѣ и жму вамъ крѣпко руку, и за него и за себя.

Ницца, 22 Сентября 1851 г.

КРЕЩЕНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

„Я не воронъ а вороненокъ; настоящій воронъ еще летаетъ въ небесахъ“.

Пророчество Пугачева.

Въ концѣ прошедшаго года началъ я странный трудъ. Не знаю, слажу ли съ нимъ, думаю что да. Впрочемъ трудъ этотъ можетъ на всемъ остановиться, какъ наша жизнь, вездѣ будетъ довольно и вездѣ можно его продолжать. Надгробный памятникъ и исповѣдь, *былое и думы*, біографія и умозрѣніе, событія и мысли, слышанное и видѣнное, наболѣвшее и выстраданное, воспоминанія и... еще воспоминанія!

Изъ первой части этихъ *rapping spirits*, этого повторенія жизни, блѣдно воскрешаемой словомъ и памятью, хочу я передать нѣсколько отрывковъ.

Первый передъ вами.

Тонбриджъ (Кентъ) 22 Юля 1853 года.

Предисловіе ко второму изданію.

Три года тому назадъ, дѣлая первые опыты русскихъ изданій въ Лондонѣ, я напечаталъ небольшой отрывокъ о крѣпостномъ состояніи подъ заглавіемъ „Крещеная Собственность.“ Я не придаю никакой важности этой брошюрѣ, напротивъ, нахожу ее весьма недостаточной, но изданіе разошлось. Г. С. Тхоржевскій изъявилъ мнѣ свое желаніе сдѣлать новое — я не счелъ нужнымъ не предоставить ему этого права.

Много событій совершилось въ Россіи въ эти три года, но *крѣпостное состояніе* осталось, какъ было — язвой, пятномъ, тѣмъ безобразіемъ русскаго быта, которое смраждаетъ насъ и заставляегь краснѣя и съ по-

никнувшей головой признаться, что мы ниже всѣхъ народовъ въ Европѣ.

Съ какимъ теплымъ упованіемъ, съ какимъ сердечнымъ трепетомъ ждали мы послѣ смерти Николая тѣхъ возможныхъ, общечеловѣческихъ переменъ, которыя можно было совершить безъ потрясających переворотовъ, однимъ уразумѣніемъ своего смысла и своего призванія—со стороны правительства. Изъ дали нашего изгнанія мы смотрѣли съ надеждой и безъ малѣйшей желчи. Сначала мѣшала война..... Прошла война — ничего! Все отложено до коронаціи... прошла и коронація—все ничего! И новое царствованіе вступило въ свой ежедневный обиходъ. Всѣ реформы до сихъ поръ ограничиваются фразами, и далѣе риторики не идутъ.

А вѣдь какъ было легко сдѣлать чудеса — вотъ что непростительно, вотъ чего мы не можемъ вынести. У насъ сердце обливается кровью и досада кипитъ въ груди, когда мы думаемъ—чѣмъ могла бы быть Россія при выходѣ изъ мрачнаго царствованія Николая, разбуженная войной, призванная къ сознанію, безъ ошейника рабства на шеѣ; какъ быстро, какъ самобытно и мощно могла она двинуться впередъ.

Нѣтъ даже начала освобожденія крестьянъ — этой первой азбуки гражданскаго развитія. Зачѣмъ подымались ополченцы, зачѣмъ мужикъ несъ свой трудъ—свою копѣйку, свою кровь въ защиту бездушному престолу, который, съ лепетомъ о своей благодарности, возвратилъ его розгамъ господина и каторжной работѣ на барщинѣ.

Говорятъ, что теперешній царь — добръ. Можетъ быть, того свирѣлаго гоненія, которое составляетъ характеръ прошлаго царствованія нѣтъ, и мы первые душевно рады повторять это.

Но вѣдь этого мало, вѣдь это еще отрицательное достоинство. Недостаточно еще не дѣлать зла, имѣя такія средства дѣлать добро, которыхъ уже нѣтъ ни у

одной монархической власти въ Европѣ. Да онъ не знаетъ какъ праняться, что дѣлать.

А сказать некому. Вотъ оно результатъ насильственнаго молчанія, вотъ что значитъ вырвать языкъ у народа и повѣсить замокъ на его губы. Зимній дворецъ окруженъ царствомъ иѣмоты, а въ немъ говорятъ одни николаевскіе генераль-адъютанты. Конечно не они расскажутъ о вѣяніи современнаго духа, и не черезъ нихъ услышитъ Александръ II стонъ русскаго народа.

Чтобы слышать его, чтобы знать зло и средства его искоренить, теперь не нужно ходить какъ Гарунъ-аль-Рашидъ подь окнами своихъ подданныхъ. Для этого стоитъ снять позорную цѣпь цензуры, пятнающую слово, *прежде*, нежели оно сказано. И тотъ же Смирдинъ или Глазуновъ, который доставляетъ прочимъ смертнымъ книги, доведетъ до царя голосъ его народа.

Но этого-то и не хотятъ — закоренѣлше въ рабствѣ слуги Николая

Они погубятъ Александра—и какъ жаль его! Жаль за его доброе сердце, за вѣру, которую мы въ него имѣли, за слезы, которыя онъ нѣсколько разъ проливалъ...

Люди эти его втянутъ въ старую рутину, усыпятъ ложью, испугаютъ невозможностью, вовлекутъ снова во вѣшнія дѣла, чтобъ отвести отъ внутреннихъ. Все это дѣлается уже теперь.

Съ какой стати соваться въ неаполитанскій вопросъ? Есть дѣла, въ которыя честные люди не мѣшаются; есть союзы, которые пятнаютъ, которые шли Николаю и отвратительны для Александра. Пора разстаться съ несчастной мыслью, что призваніе Россіи служить опорой всякому насилію, всякому тиранству.

Только было другіе народы начали меньше враждебно смотрѣть на Россію, — какъ на смѣхъ имъ старая дипломатія привязала русскаго императора къ одному позорному столбу съ коронованнымъ Лаццарони. Какая

неосторожность, какое отсутствіе такта, какое отсутствіе любви къ Россіи и къ нему!

А дома еще разъ обманутый крестьянинъ тащится на господское поле, посылаетъ сына во дворъ, — это ужасно! Правительство знаетъ, что обойти задачу освобожденія крестьянъ съ землею невозможно. Совѣсть, нравственное сознаніе Россіи требуютъ рѣшить ее. Что же выигрываетъ оно, оттягивая вопросъ, откладывая его на завтра...?

Когда мы говорили, что эта трусость передъ необходимостью, что эта безхарактерная медлительность доидетъ до того, что вопросъ разрѣшится топоромъ крестьянина и умолили правительство спасти его отъ будущихъ преступленій, добрые люди подняли крикъ ужаса и обвинили насъ же въ любви къ кровавымъ мѣрамъ.

Это ложь, что намѣренное непоминанье. Когда врачъ предостерегаетъ больнаго въ страшныхъ послѣдствіяхъ болѣзни, развѣ это значить, что онъ ихъ любитъ, что онъ ихъ вызываетъ? — Что за дѣтское воззрѣніе.

Нѣтъ, мы слишкомъ много видѣли и слишкомъ близко, какъ ужасны кровавые перевороты — и какъ плоды ихъ бываютъ искажены, чтобъ съ свирѣпой радостію наклонивать ихъ.

Мы просто указывали, куда эти господа идутъ и куда вѣдутъ. Пусть они знаютъ, что если ни правительство, ни помѣщики ничего не сдѣлаютъ — сдѣлаетъ топоръ. Пусть и государь знаетъ, что отъ него зависитъ, чтобъ русскій крестьянинъ не вынималъ его изъ за своего кушака!

Но вѣдь для этого надобно что нибудь дѣлать, а не отдалять вопроса и не отворачиваться отъ его послѣдствій.

25 Октября 1856, Путней.

Съ дѣтскихъ лѣтъ я безконечно любилъ наши села и деревни, я готовъ былъ цѣлые часы, лежа гдѣ нибудь подъ березой или липой смотрѣть на почернѣлый рядъ скромныхъ, бревенчатыхъ избъ, тѣсно прислоненныхъ другъ къ другу, лучше готовыхъ вмѣстѣ сгорѣть, нежели распасться; слушать заунывныя пѣсни, раздающіяся во всякое время дня, вблизи, вдали... съ полей несетъ сытнымъ дымомъ овновъ, свѣжимъ сѣномъ, пзъ лѣсу вѣетъ смолистой хвоей и скрипитъ запрещенный колодезь, опускающая бадью, и гремитъ по мосту порожняя телѣга, подгоняемая молодецкимъ окрикомъ.....

Въ нашей бѣдной, сѣверной, долинной природѣ есть трогательная прелесть особенно близкая нашему сердцу. Сельскіе виды наши не задвинулись въ моей памяти ни видомъ Соренто, ни Римской кампаніей, ни насушившимися Альпами, ни богато воздѣланными фермами Англіи. Наши безконечные дуга, покрытые ровной зеленью успокоительно хороши, въ нашей стелящейся природѣ что то мирное, довѣрчивое, раскрытое, беззащитное и кротко грустное. Что то такое что поется въ русской пѣсни, что кровно отзывается въ русскомъ сердцѣ.

И какой славной народъ живетъ въ этихъ селахъ. Мнѣ не случалось еще встрѣчать такихъ крестьянъ какъ наши великоруссы и украинцы.

Оно и не мудрено. Жизнь европейская пренебрегала деревней, она бойко шла въ замкѣ, потомъ въ городѣ, деревня служила пастбищемъ, кормомъ. Западный крестьянинъ, выродившійся Кельтъ, побѣжденный Галль, Германецъ побитый другимъ Германцемъ. По городамъ

побѣдители мѣшались съ побѣжденными; съ земледѣльцами никто не мѣшался, пока они оставались земледѣльцами. Тамъ гдѣ побѣда пронеслась надъ головой прежняго населенія, не осѣла на немъ или не могла до него добраться, тамъ крестьяне и не таковы, напр. въ Романѣхъ, въ Калабрѣ, въ Испаніи, въ горахъ Шотландіи Швейцаріи, Норвегіи.

Крестьянинъ на западѣ вообще однодворецъ, если онъ богатѣетъ, то онъ дѣлается полевымъ мѣщаниномъ; такъ какъ на оборотъ въ прежнее время русскіе купцы, приобретающіе милліоны оставались по нравамъ и обычаямъ тѣми же крестьянами.

Деревенскіе мѣщане собственники составляютъ на западѣ слой народонаселенія, который тяжело налегъ на сельскій пролетаріатъ и душитъ его, по мелочи и на чистомъ воздухѣ, такъ какъ фабриканты душатъ работниковъ гуртомъ въ чаду и смрадѣ своихъ рабочихъ домовъ.

Сословіе сельскихъ собственниковъ почти вездѣ отличается изувѣрствомъ, несообщительностью и скупостью; оно сидитъ на заперти въ своихъ каменныхъ избахъ далеко разбрасанныхъ и окруженныхъ полями, отгороженными отъ сосѣдей. Поля эти имѣютъ видъ заплаты, положенныхъ на землѣ. На нихъ работаетъ батракъ, бобыль, словомъ сельскій пролетарій, составляющій огромное большинство всего полевого населенія.

Мы, совсѣмъ напротивъ, государство сельское, наши города большія деревни, тотъ же народъ живетъ въ селахъ и городахъ; разница между мѣщанами и крестьянами выдумана петербургскими нѣмцами. У насъ нѣтъ потомства побѣдителей, завоевавшихъ насъ, ни раздробленія полей въ частную собственность, ни сельскаго пролетаріата; крестьянинъ нашъ не дичаетъ въ одно-

чествѣ, онъ вѣчно на міру и съ міромъ, коммунизмъ его общиннаго устройства, его деревенское самоуправленіе дѣлають его сообщительнымъ и развязнымъ.

При всемъ томъ, половина нашего сельскаго населенія гораздо несчастіѣе западнаго, мы встрѣчаемъ въ деревняхъ людей сумрачныхъ, печальныхъ, людей, которые тяжело и невесело пьютъ зеленое вино, у которыхъ подавленъ разгульный славянскій нравъ, на ихъ сердцѣ лежитъ очевидно тяжкое горе.

Это горе, это несчастіе — крѣпостное состояніе.

Сельской пролетаріи и крѣпостной мужикъ два страшные обличителя двухъ страшныхъ неправдъ нашего времени

Видѣли ли вы литографію, изданную А. Мицкевичемъ и представляющую „Славянскаго невольника?“

Ненависть, смѣшанная съ злобой и стыдомъ, наполняетъ мое сердце, когда я гляжу на этотъ жесткій упрекъ, на это „къ топорамъ братцы,“ представленное съ поразительной вѣрностью.

Бѣлорусскій мужикъ, безъ шапки, обезумѣвшій отъ страха, нужды и тяжелой работы, руки на поясѣ, стоитъ середь поля и какъ-то косо и безнадежно смотритъ внизъ. Десять поколѣній замученныхъ на барщинѣ образовали такого парію, его черепъ сѣзился, его ростъ измелъчалъ, его лице съ дѣтства покрылось морщинами, его ротъ судорожно скривленъ, онъ отвыкъ отъ слова. Звѣриный взглядъ и запуганное выраженіе показываютъ на сколько шаговъ онъ пошелъ вспять отъ человѣка къ животнымъ.

За это преступленіе, за этого Бѣлоруса его паны не свободны, за него ихъ геройство, ихъ мученичество, ихъ страданія не были приняты.

По другую сторону Европы стоит своего рода бѣлорускій пахарь, его надобно самому видѣть, слово челоуѣческое не беретъ такого ужаса и не можетъ выразить. Какъ рассказать пепельный, тусклый, матовый цвѣтъ лица, тряпья волосъ, ирландскаго пролетарія, выгнаннаго или *вызженнаго* помѣщикомъ изъ своей деревни за недомку и не успѣвшаго еще умереть съ голоду. Надобно видѣть своими глазами лихорадочный, полусумашедшій и притомъ болзливо кроткій взглядъ, лице, двадцати двухъ, трехъ лѣтней завялой старухи, которая проситъ глазами милостыню, показывая умирающаго ребенка съ посинѣлыми губами, которые уже не сосутъ изсохшую, черствую грудь ее. И все это также подернуто землею, стерто, пепельно, безцвѣтно, сѣро, и женщина, и окоченѣвшій ребенокъ, и полуобнаженная грудь и босая нога.

Между этими двумя крайними типами, которые вполне представляютъ геркулесовы столбы нашей цивилизаціи, стоятъ сельскіе пролетаріи другихъ странъ Европы и крѣпостные мужики другихъ краевъ Россіи.

Пролетаріи другихъ земель, ирландцы, имѣющіе немало насущнаго хлѣба, ирландки, которыя еще могутъ кормить грудью дѣтей, наши бѣлорусы отпущенные на волю безъ земли и не боящіеся розогъ — не болѣе.

Помѣщичьи крестьяне другихъ частей Россіи опять тѣ же бѣлорусы, но не успѣвшіе одичать, не отданные на копье жиду-арендатору, не ненавидимые своимъ католическимъ помѣщикомъ, а единоплеменные и единовѣрные съ нимъ.

И именно поэтому наше крѣпостное состояніе еще отвратительнѣе.

Я ничего не знаю нелѣпѣе, безобразнѣе дикаго отношенія рабства между ровными: по крайней мѣрѣ

негръ черенъ и курчавъ, а его помѣщикъ рыжъ и налить лимфой.

Зачѣмъ нашъ народъ попалъ въ крѣпость, какъ онъ сдѣлался рабомъ? Это не легко растолковать.

Все было до того нелѣпо, безумно — что за границей, особенно въ Англіи, никто не понимаетъ.

Какъ въ самомъ дѣлѣ увѣрить людей, что половина огромнаго народонаселенія, сильнаго мышцами и умомъ, была отдана правительствомъ въ рабство безъ войны, безъ переворота, рядомъ полицейскихъ мѣръ, рядомъ тайныхъ соглашеній, никогда не высказанныхъ прямо и не оглашенныхъ какъ законъ.

А вѣдь дѣло было такъ и не богъ знаетъ когда, а два вѣка ому назадъ.

Крестьянинъ былъ обманутъ, взятъ въ расплохъ, загнанъ правительственнымъ кнутомъ въ капканы, приготовленные помѣщиками, загнанъ мало по малу, по частямъ, въ сѣти, раставленные приказными; прежде нежели онъ хорошенько понялъ и пришелъ въ себя — онъ былъ крѣпостнымъ.

Мы сами понимаемъ такіе чудеса только по привычкѣ къ непослѣдовательности и беспорядку, къ неустоявшемуся колебанію русской жизни. У насъ вездѣ, во всемъ неопредѣленность и противорѣчіе, обычаи, не взошедшіе въ законъ, но исполняемые, законы, взошедшіе въ сводъ, но оставляемые безъ дѣйствія, деспотизмъ и избирательные судьи, централизація и выборная земская полиція. Жизнь въ Россіи возможна, благодаря этому хаосу, въ основѣ котораго коммунизмъ деревень, а въ главѣ всепоглощающее самовластье, между которыми бродитъ безсвязно и на просторѣ европейское образованіе, дворянское право, греческая церковь, военный артикуль и нѣмецкое управленіе.

Крестьяне съ незапамятныхъ временъ селились на частныхъ земляхъ. Отношеніе ихъ къ помѣщикамъ было патріархальное, основанное на обычаяхъ, на взаимномъ довѣріи. Писанныхъ условій не было, между прочимъ и потому, что ни крестьяне, ни владѣльцы не знали грамоты. Народъ русской и теперь не любитъ бумажныхъ сдѣлокъ, между равными; по рукамъ и чарка водки, тѣмъ дѣло и кончено. Ямщики возятъ дорогія клади съ Кяхты до Нижняго и Москвы, едва дѣлая накладную, и то безъ всякой скрѣпы.

Московское правительство долго не могло добраться до крестьянъ, дурно устроенное, занятое уничтоженіемъ удѣловъ сначала, оно собственно сложилось въ мощную государственную силу при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. Крестьяне жили покойно въ своихъ общинахъ и вовсе не занимались тѣмъ, что дѣлалось въ Москвѣ.

Ихъ спасала отъ власти хартія, данная самой природой, непроходимыя дороги, страшная даль, болота и грязь. Пока они жили беззаботно и спустя рукава, въ Москвѣ ковали имъ цѣпи.

Исторія мѣръ взятыхъ Годуновымъ извѣстна. Царь Борисъ былъ большой просвѣтитель и прикрѣпленіе мужиковъ онъ не выдумалъ, а взялъ у балтійскихъ нѣмцевъ.

Подъ предлогомъ голода, перехода въ плодородныя страны государства, перехода отъ мелкопомѣстныхъ господъ къ богатымъ, онъ ограничилъ право покидать землю, не отдавая впрочемъ крестьянина въ неволю. Подъ тѣмъ же предлогомъ голода и побѣговъ къ казакамъ онъ прикрѣпилъ дворовыхъ людей къ ихъ господамъ. Мало по малу исчезли послѣднія права перехода, не произнося слово рабство, на самомъ дѣлѣ

правительство лишило всѣхъ правъ крестьянъ, жившихъ въ частныхъ владѣніяхъ. Цѣпь коварно положенная около сельской общины затягивалась болѣе и болѣе, до тѣхъ поръ, пока великій мастеръ Петръ I заперъ ее замкомъ нѣмецкой работы.

Едва обрѣтые чиновники, въ шутовскихъ костюмахъ, съ разными мудреными названіями Ландратовъ, Ландрихтеровъ. Ландфискаловъ и не знаю какіе еще шведскіе и нѣмецкіе чины были тогда въ ходу, объѣзжали деревни и читали какой-то указъ, писанный темнымъ, ломанымъ и безобразнымъ языкомъ петровскаго времени.

Они дѣлали перепись и объявляли, что кого гдѣ ревизія захватитъ, тотъ тамъ будетъ крѣпокъ помѣщику.

Крестьяне были рады, видя, что чиновники уѣзжали, не сдѣлавъ больше вреда и въ сущности ничего не понимали.

Удивляться этому не надобно, потому что и правительство не понимало и до сихъ поръ не понимаетъ, что оно сдѣлало. Ни Петръ I, ни всѣ его Гольштейнскіе, Брауншвейгскіе и Ангальтъ-Цербскіе наслѣдники рѣшительно сами не знали, что такое быть „крѣпкимъ.“ Никакой законъ этого не опредѣлилъ, не истолковалъ.

Петръ I въ одномъ указѣ данному Сенату, говоритъ, что къ великому стыду въ Россіи продаютъ людей „какъ скотъ“ и приказываетъ приготовить законъ, воспрещающій „буде возможно“ продажу людей вообще или по крайней мѣрѣ продажу безъ земли. Сенатъ раболѣпный во всемъ послушался и никакого закона не представилъ.

Изъ этого вы видите, что Петръ I подъ словомъ быть крѣпкимъ не разумѣлъ быть товаромъ, вещью.

„Я увѣренъ, писалъ собственноручно императоръ

Александръ, что продажа крѣпостныхъ, безъ земли, давно запрещена закономъ“ и спрашивалъ у Государственнаго Совѣта въ силу какихъ постановленій допускается такая продажа. Государственный Совѣтъ, не зная ни одного такого закона, отнесся къ Сенату. Сколько не рылся въ сенатскомъ архивѣ, ничего не нашли. Какъ ни просты наши сенаторы, но въ этомъ случаѣ они не потеряли головы и представили тарифъ пошлинъ, вышедшій въ царствованіе Анны Іоановны. Въ этомъ тарифѣ значилось, сколько слѣдовало взимать пошлины за совершеніе купчей на продажу крѣпостныхъ людей; слѣдственно, заключалъ сенатъ, продажа людей была закономъ допущена. Но гдѣ этотъ законъ? Объ этомъ сенатъ молчалъ. Приказная уловка правительствующаго сената была до того груба, что Государственный совѣтъ понялъ, что продажа людей дѣлается безъ всякаго права и приготовивъ проектъ закона, воспрещающаго торгъ крещеной живностью, отослалъ его къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Ни совѣтъ, ни министръ, ни государь не возвращались болѣе на этотъ предметъ.

Этотъ замѣчательный анекдотъ разсказанъ Н. Тургеневымъ въ его книгѣ объ Россіи. Авторъ былъ тогда статсъ-секретаремъ и самъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи новаго проекта. Онъ оканчиваетъ свой разсказъ чертой глубоко печальной и удручающей. Предсѣдатель совѣта, графъ Кочубей, человѣкъ умный, но давно потерявшій вѣру, подошелъ къ Тургеневу послѣ засѣданія и сказалъ ему съ горькой и насмѣшливой улыбкой: „А вѣдь государь-то двадцать лѣтъ былъ увѣренъ, что людей не продаютъ по одиночкѣ.“

Этотъ анекдотъ сжимаетъ сердце и заставляетъ содрогаться отъ негодованія.

Николай хотѣлъ ограничить продажу людей, но, желая сдѣлать добро, сдѣлалъ вредъ; такова обычная судьба полумѣръ и самовластныхъ распоряженій. Запрещая дворянамъ, не имѣющимъ земли, покупать крестьянъ, запрещая до извѣстной степени раздробленіе семействъ, онъ призналъ право продажи въ другихъ случаяхъ и далъ законную основу терпимому безпорядку.

Императоръ Николай замѣчательно несчастенъ, ему не удастся ничего хорошаго и это между прочимъ оттого, что онъ вовсе не поминаетъ ничего русскаго и ничего гражданскаго. Ему бросается въ глаза безпорядокъ, чтобъ остановить его, онъ бьетъ камнемъ по лбу, и искажаетъ, портитъ послѣдніе уцѣлѣвшіе остатки русскаго права.

Такимъ образомъ онъ исказилъ основу Петровскаго дворянства, легко возобновляемаго изъ народа, сопрягая дворянскія права съ маіорскимъ чиномъ въ военной службѣ и съ чиномъ статскаго совѣтника въ гражданской.

Такимъ образомъ онъ исказилъ Екатерининское устройство дворянскихъ выборовъ, вводя избирательный ценсъ, котораго не было и лишая голоса всѣхъ дворянъ, имѣющихъ менѣе ста душъ.

Въ первомъ случаѣ онъ былъ руководимъ желаніемъ устранить мелкихъ чиновниковъ отъ быстрого пріобрѣтенія помѣщичьихъ правъ.

Въ другомъ онъ хотѣлъ предупредить вліяніе богатыхъ владѣльцевъ на выборы.

Въ обоихъ онъ временному вреду, безпорядку, пожертвовалъ нормой.

Не затруднять слѣдуетъ помѣщичьи права, ихъ слѣдуетъ уничтожить, ликвидировать. Всѣ маленькія мѣры

будуть недостаточны, изворотливость исполнителей и хитрость помѣщиковъ найдуть средства обойти законъ.

У меня нѣтъ ни земли, ни крестьянъ, я покупаю дворовыхъ людей на имя моего сосѣда, а съ него беру заемное письмо. И потомъ имѣя двѣ души и двѣ десятины, я могу покупать безъ всякаго ограниченія цѣлыя семьи живописцевъ, музыкантовъ, портныхъ, официантовъ..... и обкладывать ихъ произвольнымъ оброкомъ, черезъ годъ продавать въ рекруты. Торгъ людьми идетъ не хуже какъ въ Кубѣ или въ малой Азін. Правда стыдливое и цѣломудренное правительство запретило объявлять о продажѣ людей. Въ газетахъ скромно и бессмысленно печатають „отпускается въ услуженіе кучеръ 35 лѣтъ, здороваго сложенія, съ обкладистой бородой и честнаго поведенія или дѣвва 18 лѣтъ, прекраснаго поведенія и годная на всякую службу.“

Это лицемѣріе, этотъ полустыдъ, эта неловкая ложь пойманнаго на дѣлѣ злодѣя въ устахъ самодержавія, имѣеть въ себѣ нѣчто безгранично подлое.

Самое существованіе всего несчастнаго сословія дворовыхъ людей виѣ законное. ничѣмъ неопредѣленное и зависящее вполнѣ отъ помѣщика. Сколько крестьянъ можетъ взять помѣщикъ во дворъ изъ деревни, сколько рукъ отнять у семьи? Онъ можетъ взять жену у мужа и сдѣлать ее прачкой у себя въ домѣ, онъ можетъ взять послѣдняго сына у старика отца и сдѣлать изъ него лакея; пока помѣщикъ не уморилъ съ голоду или не убилъ физически своего крѣпостнаго человѣка, онъ правъ передъ закономъ и ограниченъ только однимъ топоромъ мужика. Имъ вѣроятно и разрубится запутанный узелъ помѣщичьей власти.

Русское правительство соединено съ Англіей договоромъ противъ торга невольниками. Отчего же надобно

непремѣнно быть чернымъ, чтобъ быть человѣкомъ въ глазахъ *блага* царя. Или отчего онъ не произведетъ всѣхъ крѣпостныхъ въ негры? придворные истопники, за выслугу и отличіе состоятъ же иногда на *правахъ* Араповъ.

Меня поражаетъ удивленіемъ безнадежная неспособность нашего правительства во всѣхъ внутреннихъ вопросахъ. Александръ обдумывалъ двадцать пять лѣтъ планъ освобожденія, Николай приготавлился семнадцать лѣтъ — и что же выдумали они въ полстолѣтья? нелѣпный указъ 2 Апрѣля 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ.

Но скажутъ гдѣ же средства? Средства найдутся. И съ какихъ это поръ русское правительство сдѣлалось такъ разборчиво въ отношеніи къ средствамъ?

Развѣ недостало средствъ у Екатерины II, чтобъ отдать въ крѣпость Малороссію въ XVIII столѣтіи? Развѣ недостало средствъ въ XIX для водворенія военныхъ поселеній, для обращенія Уніатъ въ греко-россійское исповѣданіе и Польши въ русскія губерніи? Петербургское правительство никогда не задумывалось о средствахъ, не останавливалось ни передъ чѣмъ; въ 1845 году былъ голодъ въ псковской губерніи, чѣмъ помочь? Очень просто: Николай велѣлъ переселить поль-псковской губерніи въ *тобольскую*; зимой погнали съ одного конца Руси на другой, плачущія семьи, дѣтей, стариковъ, обнищавшихъ, голодныхъ, половина перемерла по дорогѣ, другая пришла на свое поселеніе.

По счастью для освобожденія крестьянъ вовсе не нужно всѣхъ этихъ злодѣйствъ и преступленій.

Они боятся дотронуться до этого вопроса оттого, что они трусы. Въ сущности боятся не него; вѣдь это хорошо рассказывать иностраннымъ газетамъ объ ди-

кихъ *boyards moscovites*, всегда готовыхъ на царевубійство и грозныхъ своимъ вліяніемъ. Ихъ совсѣмъ нѣтъ.

Весь народъ очевидно былъ бы за правительство, и не одинъ народъ, а вся образованная часть дворянства.

Если законныя помѣщики и московскіе бояры будутъ противиться, имъ придется ограничиться ропотомъ. Отъ чего имъ и не позволить болтать о своемъ неудовольствіи? Они, впрочемъ, столько проповѣдывали намъ безусловную покорность передъ высочайшей властью, что справедливо было бы отъ нихъ потребовать примѣръ. Да и гдѣ ихъ права? Они владѣли мужиками и разоряли ихъ по царской милости; по царской немилости они перестали бы ихъ разорять. Люди эти не имѣютъ партіи, ихъ сила мнимая. Зимній Дворецъ полонъ выслужившимися нѣмцами, солдатами и писарями, которыхъ богатство, судьба и сила связана не съ помѣщичьимъ правомъ, а съ петербургскимъ императорствомъ.

Убіиство Петра III и Павла сдѣлало удивительную репутацію русскимъ вельможамъ. Обстоятельства теперь нисколько не похожи на тогдашнія; гдѣ эти отчаянные Орловы и обиженные Зубовы, гдѣ участіе жены, сына? Всего этого нѣтъ; кто сколько нибудь знаетъ Россію, тотъ безъ смѣху не можетъ подумать объ оппозиціи „московскихъ бояръ.“

Въ рукахъ правительства рядъ соціальныхъ и финансовыхъ мѣръ, которыми оно можетъ безъ сильнаго и внезапнаго потрясенія освободить крестьянъ съ землею. Оно ихъ знаетъ изъ сотни проектовъ, поданныхъ съ 1842 г. Киселеву и Перовскому.

Вмѣсто того, чтобъ воспитательные дома превращать въ рынки, на которыхъ продаютъ ревизскія души съ

молотка, правительство может переводить долгъ на деревни и брать съ нихъ въ замѣну оброка свои 5%. Оно можетъ сдѣлать внутренній заемъ для выкупа другихъ и пр.

Пусть оно только позволитъ дворянамъ прямо и открыто заняться этимъ вопросомъ, пусть разрѣшитъ всѣмъ, кто хочетъ составленія обществъ, товариществъ для выкупа крестьянъ, для помощи освобождающимся, предварительно удостовѣривъ, что ни въ какомъ случаѣ капиталъ общества не будетъ схваченъ и не будетъ употребленъ ни на постройку кадетскаго корпуса, ни на поѣздку въ Палермо, ни даже на усмиреніе *мятежниковъ* на Кавказѣ или въ Венгріи.

„Все это прекрасно — правительство должно бы дворянство могло бы, конечно — но что же при всемъ этомъ самъ народъ, народъ гоняемый на барщину, наказываемый розгами, разоряемый, продаваемый? Если онъ можетъ выносить такое положеніе, онъ заслуживаетъ его.“

Разумѣется, такъ какъ ирландецъ заслуживаетъ голодъ, итальянецъ австрійское иго. Я такъ привыкъ къ этому свирѣпому *vae victis*, что всегда жду его. Что же, съ богомъ, въ походъ противъ всякаго страданія, всякаго несчастія, всякой трагической судьбы. Мало пролетарію что онъ бѣденъ, что ему ѣсть нечего, что онъ не можетъ развиться, что ему недосугъ думать, прибавимъ къ его горькой участи горькое слово. Мало крестьянину что его обманомъ и плутовствомъ отдали въ крѣпость, въ которой его держутъ шесть сотъ тысячъ штыковъ, судьи, земская полиція, помѣщики, розги, и самая церковь; скажемъ ему, что онъ это заслужилъ, что онъ недостоенъ лучшей судьбы, потомъ отвернемся отъ нихъ обоихъ и отъ ихъ глухаго стона.

Впрочемъ прежде нежели мы ихъ оставимъ, я совѣтую имъ сказать спасибо, за то, что голодъ одного, потъ другаго, невѣжество обоихъ дали намъ средства такъ умно развиться.

Мнѣ всякій разъ становится не по себѣ, когда говорятъ о народѣ. Въ нашъ демократическій вѣкъ нѣтъ ни одного слова, которое бы такъ мало понимали и такъ употребляли во зло. Понятіе сопрягаемое съ нимъ неопредѣленно, преувеличено, поверхностно, полно риторики въ похвалахъ и порицаніяхъ, одни поднимаютъ народъ до небесъ и дѣлаютъ изъ него какого-то прощателя законовъ, неписанной разумъ, судію, другіе топчуть его въ грязь, называя грубой толпой. Всѣ эти разглагольствованія, умиленія, негодованія и декламации не прибавляютъ ни на волосъ къ пониманію этой гранитной основы государствъ и человѣчества, связанной цементомъ вѣковыхъ воспоминаній и кровнаго родства, на которой построенъ плохой балаганъ современнаго политическаго устройства полусгнившій и покачнувшійся.

Правительство и плавающій вверху слой цивилизаціи закрываютъ народъ и не допускаютъ знать его. За этими официальными и литературными декораціями, онъ живетъ по своему, рѣдко соображаясь съ ними, остается покойнымъ, когда за него горячатся и бросаютъ перчатку и возстаетъ, когда всего менѣе этого ждуть.

Одни легкія революціи дѣлаются легко. Вѣтеръ свободно двигаетъ во всѣ стороны верхній слой общественной зыби, но глубь тѣха до урагана.

За то и слѣды такихъ революцій не велики, онѣ мѣняютъ одежду и названіе, а дѣло остается по старому.

Народъ туго и не скоро возстаетъ, онъ не играетъ, не шутитъ перемѣнами, онъ такъ бѣденъ, что долго не

рискуеть послѣднимъ; его возстаніе всегда глубоко выстрадавшее. Если оно неудачно, преждевременно, цѣлыя племена, государства гибнуть, гложуть. Германія потеряла всякій политической смыслъ и превратилась въ школу, усмиривъ крестьянъ.

Но возвратимся къ народу русскому. Онъ уступилъ не безъ боя. Вспомните, что было послѣ Бориса, во время самозванцевъ и междуцарствія, казалось, все государство было понято огнемъ и распадалось, все бродило въ болѣзненномъ волненіи, бралось за оружіе; откуда эта возбужденность, эта готовность къ бою, откуда эти полчища тушинскаго вора и другихъ кондотьеровъ? Едва Романовы усѣлись, Сѣверовостокъ Руси покрылся разбойниками, съ ними воюють какъ съ неприятелями, противъ нихъ посылають войска и пушки, ихъ вѣшаютъ *сотнями* при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. У Стеньки Разина было цѣлое войско. Столѣтье спустя цѣлое войско собралось вокругъ Пугачева.

Именемъ Петра III, котораго народъ не зналъ, мудро было бы поднять цѣлыя губерніи. Имя его придавало призрачную законность и фирму возстанію. Въ сущности народъ бунтовалъ противъ крѣпостнаго состоянія и ненаціональнаго правительства. Перечень казней въ приложеніяхъ къ пушкинской исторіи пугачевского бунта ясно показываетъ, противъ кого и чего дрался народъ.

Съ тѣхъ поръ ни мужики, ни дворовые не возстають массами. Сила сломила ихъ, средства усмирения удесятерились, тронъ Екатерины, качавшійся сначала, вросъ въ землю въ концѣ ея царствованія. Когда крестьянамъ становится не въ терпезъ, они бѣгутъ, дѣлають поджоги или рѣжутъ господъ. Рѣдко сговариваются они съ другими деревнями, хотя и были примѣры лѣтъ де-

сятъ тому назадъ, въ Тамбовѣ и въ Симбирскѣ, что нѣсколько деревень дѣйствовали за одно. Бунты ихъ дѣлаются изъ мести и съ отчаянія безъ всякой надежды поправить свое положеніе.

Народу разсѣянному по необозримымъ должнамъ и живущему въ деревняхъ открытыхъ со всѣхъ сторонъ, ничѣмъ не защищенныхъ кромѣ лѣсовъ, трудно дѣлать возстанія.

Сверхъ того вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія не былъ до нашего времени понимаемъ одинакимъ, образомъ крестьянами и аболиціонистами. Съ точки зрѣнія либерализма и религіи собственности вопросъ разрѣшался прямо противъ народнаго смысла.

Послѣ наполеоновской войны Александръ освободилъ Эстовъ, принадлежавшихъ остзейскому дворянству, онъ имъ далъ личную свободу *безъ земли*. Весьма вѣроятно, еслибъ русскіе крестьяне, такъ мужественно дравшіеся противъ непріятели, съ нѣкоторой настойчивостью потребовали освобожденія, императоръ при тогдашнемъ его настроеніи уступилъ бы имъ. Часть дворянъ лучше не проситъ какъ освободить мужиковъ, оставя за собой землю. Что же было бы изъ такого освобожденія?

Представьте себѣ европейское сельское устройство съ петербургскимъ самовластіемъ, съ нашими чиновниками, съ нашею земскою полиціей. Представьте себѣ двадцать милліоновъ пролетаріевъ, ищущихъ работы на господскихъ земляхъ, въ странѣ, гдѣ нѣтъ никакой законности, гдѣ все управленіе подкупное и дворянское, гдѣ личность ничего, а вліяніе все.

Помѣщики заключили бы между собой оборонительный союзъ, установили бы свои цѣны противъ крестьянъ, такъ какъ это было въ остзейскихъ провинціяхъ. Полиція была бы съ ихъ стороны. Общинное начало

было бы поражено на смерть у вновь освобожденныхъ, деревня потеряла бы свое коммунистическое единство и въ полстолѣтія мы перегнали бы Ирландію.

Есть люди, до сихъ поръ поддерживающіе пользу освобожденія безъ земли, освобожденія въ голодъ и безпріютность, воображая, что въ этомъ новомъ пролетаріатѣ непременно разовьется революціонное начало.

Быть голоднымъ и пролетаріемъ вовсе не достаточно для того, чтобъ сдѣлаться революціонеромъ. Взвода полисменовъ достаточно, чтобъ держать ирландцевъ въ повиновеніи законамъ, лишаящимъ ихъ куска хлѣба.

Вообще пролетарій полей очень миренъ, кругъ его понятій тѣсенъ, онъ слишкомъ подавленъ и сгнетенъ къ землѣ, чтобъ быть болѣе нежели недовольнымъ. Его не надобно смѣшивать съ работникомъ большихъ торговыхъ и политическихъ центровъ. Въ этихъ колоссальныхъ ульяхъ, гдѣ миллионы людей трутся ежедневно другъ о друга, гдѣ на всякомъ шагѣ попадаются макабрскія встрѣчи пляшущихъ съ умирающими, пересыщенныхъ съ голодными, Ротшильда съ ирландцемъ, откушника съ поденщикомъ, тамъ разумѣется въ душѣ работника бродятъ мысли о ниспроверженіи этого міра монополи, цѣха, капитала, дохода, но въ маленькихъ городахъ и еще болѣе въ поляхъ пролетарій не таковъ. Онъ принимаетъ свое положеніе за судьбу, онъ страдаетъ, не знаетъ выхода, покоряется.

Русскіе, говорящіе такъ легко о разрушеніи сельской общины, никогда не думали, что же останется, что будетъ, когда этотъ послѣдній узелъ народной жизни, насильственно развязанный, распустится.

Народъ русской все вынесъ, но спасъ общину, община спасла народъ русской; уничтожая ее, вы отдаете его, связаннаго по рукамъ и погамъ, помѣщику и по-

лицъ. И коснуться до нее въ то время, когда Европа оплакиваетъ свое раздробленіе полей и всѣми силами стремится къ какому нибудь общинному устройству.

Говорятъ, что община поглощаетъ личность и что она несовмѣстна съ ее развитіемъ. Въ этомъ мнѣніи есть доля правды. Всякой неразвитой коммунизмъ подавляетъ отдѣльное лицо. Но не надобно забывать, что русская жизнь находила сама въ себѣ средства отчасти восполнить этотъ недостатокъ. Сельская жизнь образовала рядомъ съ неподвижной, мирной, хлѣбопашенной деревней, подвижную общину работниковъ, артель и военную общину казаковъ.

Артель лучшее доказательство того естественнаго, безотчетнаго сочувствія Славянъ съ социализмомъ, о которомъ мы столько разъ говорили. Артель вовсе не похожа на германскій цѣхъ, она не ищетъ ни монополии, ни исключительныхъ правъ, она не для того собирается, чтобъ мѣшать другимъ, она устроена для себя, а не *противъ* кого либо. Артель соединеніе вольныхъ людей одного мастерства на общій прибытокъ общими силами.

Казачество была отворенная дверь людямъ, не любящимъ покоя, ищущимъ движенія, опасности, независимости. Оно соотвѣтствовало тому буйному началу молодечества и удали, которое рядомъ съ мирнымъ и добродушнымъ нравомъ Славянъ составляетъ ихъ характеристику.

Общинный дружинникъ, казакъ, становился безсмѣнной стражей на крайнихъ предѣлахъ отечества, и берегъ его; онъ не хотѣлъ знать никакаго правительства, кромѣ своего выборнаго; лучше становился разбойникомъ нежели подданнымъ, но родинѣ служилъ вѣрой и правдой и не жалѣя лить за нее свою кровь.

Запорожцы были славянскіе витязи, витязи мужики, странствующие рыцари чернаго народа.

Привычныя къ войнѣ и дорогѣ, казаки имѣли тѣ неопредѣленныя влеченія, то политическое чутье, тѣ пророческія догадки, которыми отличались норманны. Горсть казаковъ завоевала Сибирь. Ермакъ не остановился на Тобольскѣ. онъ добрался до Иркутска и тамъ сложилъ свою буйную голову. Другой казакъ послѣ него, съ своей небольшой дружиной пробился сквозь льды и степи до морскаго берега, какъ будто что-то непреодолимое тянуло ихъ къ Тихому океану, къ этому Средиземному морю будущаго; какъ будто они провидѣли всю важность поставить Русь лицомъ къ лицу съ Сѣверо-Американскими Штатами.

Надобно было имѣть все жалкое непониманіе нѣмецкаго правительства, чтобъ не оцѣнить такого учрежденія какъ казачество. Не даромъ казаки возражали Богдану Хмѣльницкому, что вольнымъ людямъ нельзя вступать въ подданство Москвѣ. Петръ первый обрадовался измѣнѣ Мазены и принялся притѣснять Малороссію вопреки всѣхъ договоровъ. Елизавета сдѣлала своего любовника гетманомъ. У Екатерины II ихъ было слишкомъ много, чтобъ никого не обидѣть, она раздѣлила между ними Малороссію и отдала имъ въ крѣпость вѣчно свободныхъ людей. Она казаками платила за свои египетскія ночи.

Не смотря на то, казаки явились въ 1812 году тѣмъ же отважнымъ, лихимъ войскомъ, какимъ были прежде. Они вносили въ регулярную армію поэтическій и народный элементъ. Безъ строя и выправки съ, пикой и бородой, на маленькихъ лошадакахъ съ длинной гривой, они разсыпались, исчезали, нападали съ страшной дерзостью и ускользали съ восточной уклончи-

востью. Они всего больше остались въ памяти непрія-
теля.

Николай, вѣрный своей мертвящей мысли однообра-
зія, безличія, сближаетъ ихъ болѣе и болѣе съ воен-
ными поселеніями. Онъ разрушилъ ихъ демократиче-
ское устройство, „облагороживая“ ихъ есауловъ, прежде
возвращавшихся снова въ ряды простыхъ казаковъ.
Онъ даже отнялъ у нихъ ихъ пѣсни, подвергнувъ ихъ
какой-то цензурѣ.

Само собою разумѣется, что ни въ коммунизмѣ дере-
вень, ни въ казацкихъ республикахъ мы не могли бы
найти удовлетворенія нашимъ стремленіямъ. Все это
было слишкомъ дико, молодо, неразвито, но изъ этого
не слѣдуетъ, что намъ должно ломать эти незрѣлыя
начинанія, напротивъ ихъ надобно продолжать, разви-
вать, образовывать. Тутъ нѣтъ большаго достоинства,
что мы неподвижно сохранили нашу общину въ то вре-
мя, какъ германскіе народы ее утратили, но это боль-
шое счастье и его не надобно выпускать изъ рукъ. Мы
долго ждали, долго временили, воспользуемся опытно-
стью нашихъ сосѣдей, она пмѣ страшно дорого стоитъ.

Міръ западный утратилъ свое общинное устройство;
хлѣбопашцы и несобственники были принесены на жер-
тву развитію меньшинства; за то развитіе дворянства
и горожанъ было велико и богато. Оно имѣло рыцар-
ство съ его высокимъ понятіемъ независимой личности
и среднее состояніе съ его непреклонной идеей права,
оно имѣло искусство и литературу, науку и промышлен-
ность, наконецъ Реформацію и Революцію, которыя
грозно и торжественно низвергнули половину церкви и
половину трона.

Одна Россія, эта падчерица, эта Сандрильона между
народами европейскими не имѣла никакой доли въ прио-

брѣтеніяхъ и побѣдахъ своихъ сосѣдей. Народъ русской такъ же мало былъ способенъ къ торжественному западному развитію трехъ послѣднихъ вѣковъ, какъ къ крестовымъ походамъ, какъ къ схоластикѣ и теологическимъ спорамъ, какъ къ римскому праву и германскому феодализму. Народъ русской ничего не приобрѣлъ со временъ Владиміра и кіевскаго періода; подъ монгольскимъ гнетомъ хановъ, подъ византійскимъ царей, подъ нѣмецкимъ императоровъ, подъ суринамскимъ помѣщиковъ, онъ сохранилъ только свою незамѣтную, скромную общину т. е. владѣніе сообща землю, равенство всѣхъ безъ исключенія членовъ общины, братской раздѣлъ полей по числу работниковъ и собственное мірское управленіе своими дѣлами. Вотъ и все приданное Сандрильоны, зачѣмъ же отнимать послѣднѣе... „Зачѣмъ, что при всемъ этомъ на Руси жить тяжело, ни уму, ни сердцу нѣтъ простора.“ Тяжко, дурно жить въ Россіи, это правда, и тѣмъ тяжеле было для насъ, что мы думали что въ другихъ странахъ легко и хорошо жить.

Теперь мы знаемъ, что и тамъ тяжело. Отъ того, что и тамъ не разрѣшенъ вопросъ, около котораго сосредоточилась теперь вся человѣческая дѣятельность, вопросъ объ отношеніи лица къ обществу и общества къ лицу. Крайнія, одностороннія развитія привели къ двумъ нелѣпостямъ—къ гордому своимъ правами независимому англичанину, котораго свобода основана на вѣжливой антропофагіи и къ бѣдному русскому мужику безлично потерянному въ общинѣ, безправно отданному въ крѣпость и въ силу того служащему съѣстнымъ припасомъ барину.

Гдѣ ихъ примиреніе, какъ снять ихъ противурѣчіе, какъ сохранить независимость британца безъ людоѣд-

ства, какъ развить личность крестьянина безъ утраты общиннаго начала? Въ этомъ-то вся мучительная задача нашего вѣка, въ этомъ то и состоитъ весь социализмъ.

Безумно было бы начать переворотъ съ уничтоженія свободныхъ учреждений, потому что они на дѣлѣ доступны только меньшинству; еще безумнѣе уничтожить общинное начало, къ которому стремится современный человѣкъ, за то, что оно не развило еще свободной личности въ Россіи.

Наша деревня довольно наказана рабствомъ за ея односторонность, за ея слишкомъ патріархальные нравы; неужели и самое освобожденіе должно ей служить наказаніемъ.

Помѣщичья власть, какъ нѣчто совершенно внѣшнее, поддерживаемое однимъ насиліемъ, легко снимется съ сельской жизни.

Гакстаузенъ старается доказать въ своей книгѣ, что помѣщики представляютъ патріархальную главу общины, нѣчто въ родѣ старинныхъ шотландскихъ клановъ или арабскихъ эмировъ. Мнѣніе это, нѣкогда поддерживаемое плантаторами изъ московскихъ панславистовъ, совершенно ложно.

Патріархальный глава общины—староста, выбранный міромъ, взятый изъ самой общины, равный всѣмъ. Онъ замѣняетъ отца и есть дѣйствительный опекунъ, ходатай, представитель деревни. Гдѣ же начинается необходимость другой главы, вотчина, посторонняго, опирающагося на внѣшнюю власть, не принимающаго никакого участія въ дѣлахъ общины, не несущаго ея тяги и обкладывающаго ее оброкомъ и барщиной?

Еслибъ помѣщикъ былъ только собственникъ земли, его права ограничивались бы кортомными деньгами за

нее, соотвѣтственной работой или половничествомъ. Но оно вовсе не такъ. Онъ владѣеть гораздо больше челоуѣкомъ нежели землею, онъ беретъ окупъ не съ десятины, а съ мышць, съ дыханія, онъ заставляетъ платить за право работы, движенія, существованія. Оброкъ дворовыхъ, ходящихъ по паспорту, основанъ по превосходному выраженію, невзначай сорвавшемуся у Гакстаузена, на *обратномъ* Сенъ-симонизмѣ, чѣмъ больше способности, тѣмъ больше требуетъ баринъ. Очевидная нелѣпость.

За общиной логически ничего нѣтъ другого какъ соединеніе общинъ въ большія группы и соединеніе группъ въ общемъ, народномъ, земскомъ дѣлѣ (*res publica*) Казенныя деревни дѣйствительно соединяются въ волости, они избираютъ сверхъ старость, тысяцкихъ, сотскихъ, десятскихъ, голову, и при немъ двухъ стариковъ въ судьи. Все это совершенно послѣдовательно идетъ изъ народнаго понятія о правѣ, неписаннаго, но живаго во всякой славянской груди. Но тутъ разомъ обрывается всякой смыслъ, мы встрѣчаемся съ становымъ приставомъ, съ канцелярскимъ правительствомъ и съ помѣщичьей властью.

Прерывъ всякой связи между народомъ и дворянствомъ, между народомъ и чиновничествомъ очевиденъ, и никогда не былъ онъ рѣзче обозначенъ какъ теперь. Лѣтъ сто тому назадъ богатые помѣщики изъ аристократизма щадили своихъ крестьянъ; бѣдные жили между ними и мало отличались отъ нихъ нравами и образованіемъ. Все это измѣнилось. Образование разъединило совершенно помѣщиковъ съ крестьянами и они не могли болѣе ни брать участія, ни любить крестьянъ, ни жалѣть ихъ, все чуждое для насъ безразлично; но они могли и хотѣли пользоваться ими и пользовались.

Крестьянинъ перешель въ разрабатываемую собственность. Развитие промышленности фабрикъ, и самое распространение политической экономіи, *переложенной на російскіе нравы*, дали тысячу новыхъ средствъ употреблять крестьянъ на пользу. Помѣщикъ, „патріархальная глава общины,“ сдѣлался мало по малу изъ вельможи фабрикантомъ, плантаторомъ, торговцемъ бѣлыхъ негровъ.

Этого разрыва, бросающагося въ глаза, не хочетъ видѣть Гакстгаузенъ, увлеченный своей монархической демагогіей, своей страстной любовью рабства. Принявъ власть помѣщика за патріархальную, онъ естественно принимаетъ за такую же народную отеческую власть петербургское императорство. Оно въ его глазахъ продолженіе кievскаго великокняжества; императоръ Николай тотъ же равноапостольной Владиміръ, котораго народъ называлъ своимъ краснымъ солнцемъ. Тамъ, гдѣ онъ не находитъ другой возможности объяснить дикій петербургскій деспотизмъ, тамъ онъ благоговѣть передъ „высотой повиновенія“ народа русскаго; эту безпредѣльную покорность боролевско-прусскій якобинецъ называетъ нашей высокою добродѣтелью.

Здѣсь не мѣсто вступать въ разборъ историческаго значенія петровскаго переворота, петровской Руси; мы считаемъ переворотъ этотъ необходимымъ, онъ разбудилъ Россію, онъ ее повелъ впередъ, когда она сама еще не могла идти, онъ былъ полонъ вѣрою въ ея великія судьбы, въ ея великія силы, но онъ былъ свпрѣпъ и жестокъ какъ большая часть революцій, какъ царство ужаса въ 93 году и именно потому разорвалъ единство жизни русской.

Двѣ Россіи сначала XVIII столѣтія стали враждебно другъ противъ друга. Съ одной стороны была Россія

правительственная, императорская, петербургская, дворянская, богатая деньгами, вооруженная не только штыками, но всѣми приказными и полицейскими уловками, взятыми изъ Германіи.

Съ другой, Русь чернаго народа, бѣдная, хлѣбопашенная, общинная, демократическая, безоружная, взятая въ расплохъ, побѣжденная собственно безъ боя. Что же тутъ удивительнаго, что императоры отдали на раздробленіе *своей* Россіи, придворной, военной, одѣтой по нѣмецки, образованной снаружи — Русь мужицкую, бородатую, неспособную оцѣнить привозное образованіе и заморскіе нравы, къ которымъ она питала глубокое отвращеніе.

Чего имъ было ее жалѣть?

— Что чы ходишь, повѣся носъ, спросилъ однажды графъ Завадовскій или Зоричъ, словомъ одинъ изъ наложниковъ императрицы Екатерины II почтеннаго дворянина, состоявшаго при немъ въ качествѣ шута.

Собесѣдникъ, къ которому относился вопросъ, былъ человекъ необыкновенно толстый и прожорливый, всегда обѣдавшій у графа. Когда графъ бывалъ особенно веселъ, онъ давалъ знакъ рукою, лакей надѣвалъ на голднаго шута хомутъ и, затанувъ шею, пускалъ его на ѣду.

Дворянинъ бился въ хомутѣ какъ звѣрь, бросался нарочно на блюда, давился, былъ очень гадокъ, словомъ усердно тѣшилъ своего покровителя, хохотавшаго до слезъ.

— По неволѣ повѣсишь носъ, отвѣчалъ упрямный дворянинъ, ваше сіятельство изволите всѣхъ щедротами своими награждать, одинъ я, несчастный, забыть вами.

— Какъ такъ? спросилъ графъ.

— Ваше сіятельство всѣмъ пожаловали отчины въ Малороссіи, а мнѣ хоть бы какуюнибудь сотню дрянныхъ казаковъ.

— Каковъ малый, отвѣчалъ сквозь хохотъ графъ, губа-то не дура. Такъ и тебѣ казаковъ захотѣлось — ха, ха, ха. Чѣмъ же ты заслужилъ казаковъ?

— Да помилуйте ваше сіятельство, отвѣчалъ шутъ. Вѣдь я и не богъ знаетъ чего прошу, чего вамъ графъ стоятъ казаки, а мнѣ милость была бы дорога и я до гроба молился бы объ вашемъ здравіи.

— Еще лучше, замѣтилъ веселый графъ, да онъ совсѣмъ не такъ глупъ, какъ кажется, въ самомъ дѣлѣ чего жалѣть казаковъ. Ну такъ и быть, дамъ тебѣ казаковъ.

— Ваше сіятельство, ваше сіятельство! говорилъ тронутый шутъ и ползъ на колѣняхъ приложиться къ графской ручкѣ, неужели и въ правду.

— Ну полно, полно, отвѣчалъ графъ, милостиво протягивая руку, говорю тебѣ, будутъ у тебя казаки.

Это было въ самое то время, когда Екатерина II вводила крѣпостное состояніе въ Малороссію. Одержимая ненасытимой нимфоманіей, запятнанная всѣми преступленіями, эта „мать отечества“ дала однимъ своимъ любовникамъ болѣе трехъ сотъ тысячъ душъ мужескаго пола.*)

Графъ сдержалъ слово и отложенный шутъ поѣхалъ управлять своими казаками.

— Въ прошедшемъ году, переѣзжая С. Готаръ, я взялъ въ одной гостинницѣ трактирную книгу, въ ней большими буквами стояла русская фамилія. Подъ нею

*) У Кастеры приложенъ счетъ.

другой путешественникъ написалъ мелкимъ шрифтомъ по французски: „тотъ самый, котораго дворовые люди высѣкли.“

Эта неприятность случилась съ однимъ камергеромъ, извѣстнымъ богачемъ и негодяемъ. Въ 1850 году онъ жилъ въ своемъ малороссійскомъ имѣніи. Крестьяне и дворовые, выведенные изъ терпѣнія рѣшились, проучить его. Они его высѣкли и взяли письменную росписку, что онъ будетъ молчать. Прошло нѣсколько времени, испуганный камергеръ казался присмирѣль, но вдругъ поставилъ въ рекруты молодаго малаго, оказавшагося особенно усерднымъ во время наказанія. Когда рекруту забрили лобъ, онъ сказалъ предсѣдателю, что баринъ его отдалъ въ солдаты за то, что онъ его больно сѣкъ. Въ удостовѣреніе чего рекрутъ вытащилъ изъ за пазухи камергерскую росписку.

Документъ этотъ до того поразилъ присутствующихъ, что они не догадались ни уничтожить его, ни уничтожить рекрута, ни даже продать росписку камергеру. Они сгоряча представили „казусъ сей“ на усмотрѣніе министру внутреннихъ дѣлъ. Но и тотъ призадумался, случай о сѣченыхъ камергерахъ рѣшительно не былъ предвидимъ сводомъ законовъ. Министръ доложилъ Государю. Государь терпѣвшій камергера, пока онъ сѣкъ, выгналъ его изъ службы за то, что его сѣкли. Москвичи, ѣздившіе толпами къ нему на балы, зная его гнусное поведеніе, оставили его, узнавъ объ исправительной мѣрѣ, употребленной дворовыми. Камергеръ обидѣлся, сталъ жаловаться, чуть не сдѣлался недовольнымъ. Государь велѣлъ ему ѣхать за границу и не возвращаться безъ особаго прпказа.

Несчастно гонимый и интересный камергеръ этотъ никто иное какъ благополучный наслѣдникъ упряжнаго

шута, а люди его наказывавшіе—дѣти какаковъ пожалованныхъ Екатериной.

Это рѣзко характеризуетъ грязное начало и безсмысленныя послѣдствія русскаго помѣщичьяго права.

Что тутъ прибавлять къ графу *въ случаѣ*, согласному что казаковъ жалѣть нечего, къ шуту въ хомутѣ, который вдругъ изъ грязныхъ нахлѣбниковъ дѣлается законнымъ господиномъ свободныхъ казаковъ, къ камергеру благоразумно предпочитающему розги смерти, къ премудрому царю, который туда же дѣлаетъ пропаганду, посылая избитаго камергера съ своей зебровой спиной таскаться по всѣмъ столицамъ Европы, по морямъ, сушамъ и альпійскимъ вершинамъ.....

СТАРЫЙ МІРЪ И РОССІЯ

Письма къ редактору „The English Republic,“ В. Линтону.

(1854 г.)

Н. Трюбнеръ прислалъ мнѣ прилагаемый переводъ, спрашивая моего согласія на изданіе его. Политическія статьи быстро вынуты и я, перечитавъ эти письма къ В. Линтону — писанныя передъ крымской войной, во время царствованія въ бозѣ ночивающаго и „незабвеннаго“ Николая — задумался было о томъ, печатать ихъ или нѣтъ. Но сказанное слово тоже фактъ и отпираться отъ него стыдно; я не напрашивался на переводъ — но не хочу и мѣшать ему, тѣмъ больше, что онъ уже сдѣланъ.

Письма эти навлекли на меня сильныя гоненія отъ англійскихъ и особенно отъ нѣмецкихъ журналистовъ. Трудно себѣ представить въ какомъ безвыходномъ, запертомъ на-глухо кругѣ понятій бьется современный европейскій человѣкъ и какъ ему трудно достается, какъ его сбиваетъ съ толку, какъ ему становится ребромъ, всякая мысль, неподходящая подъ заученныя имъ правила, подъ заготовленные имъ рубрики. Рядо-

вые литераторы и журнальные поденщики стоятъ на первомъ планѣ. У нихъ для ежедневнаго обихода есть запасъ мыслей, знаній, сужденій, негодованій, восторговъ и главное прилагательныхъ словъ, которые у нихъ идутъ на все; ихъ по мѣрѣ надобности сокращаютъ, растягиваютъ, подкрашиваютъ въ ту или другую краску. Эта трафаретная работа необычайно облегчаетъ трудъ; ее можно продолжать во всякомъ расположеніи, съ головою болью, думая о своихъ дѣлахъ, такъ какъ старухи вяжутъ чулокъ. Но все это идетъ, пока дѣло вертится около знакомыхъ предметовъ. Новое событіе, неизвѣстный фактъ принимается, напротивъ, съ скрытой злобой — какъ незваный гость, его стараются сначала не замѣчать, потомъ выпроводить за дверь, а если нельзя иначе, оклеветать.

Письма эти имѣли въ себѣ многое, чтобъ возбудить гнѣвъ и въ обыкновенное время — а они явились во время повальной ненависти къ Россіи и ничѣмъ неупержимаго воинскаго героизма союзниковъ вообще, и въ особенности нѣмцевъ.

Чтобъ дать понятіе что такое были нападки, я упомяну о трехъ самыхъ забавныхъ: одинъ господинъ говоритъ, что въ этихъ письмахъ я ставлю въ образецъ и идеаль — *крѣпостное состояніе*; другой — что я совѣтую не только завоеваніе Константинополя, но и Вѣны. Третій — что все сказанное мною объ сельской общинѣ ложно и выдуманно: „онъ дошелъ до того, что даже въ устройствѣ Украинскихъ казаковъ старается показать начала демократическія, почти республиканскія!“

Почти еще забавнѣе были два изустныя замѣчанія. Редакторъ одного *недѣльнаго* листа замѣтилъ мнѣ, что анти-религіозный характеръ моихъ писемъ оскорбля-

теленъ для англичанъ, для народа по преимуществу христіанскаго. „Вотъ, говоритъ онъ, вамъ примѣръ, человѣкъ необычайной энергіи и силы мысли, отецъ социализма, старій Робертъ Оуенъ, отчего не имѣлъ успѣха, отчего не основалъ школы—оттого что онъ прямо отвергаетъ христіанство.“

Нѣсколько дней послѣ встрѣтилъ я другаго редактора другаго тоже *недѣльнаго* листа. Онъ мнѣ сказалъ, что хотѣлъ напечатать отрывки изъ моихъ писемъ но нашель, что въ нихъ все такъ пропитано социализмомъ, который антипатиченъ англо-саксонской расѣ — что онъ не рѣшился этого сдѣлать.

— Робертъ Оуенъ оттого не имѣлъ успѣха, сказалъ я, оттого не основалъ школы — что онъ социалистъ.

— Безъ малѣйшаго сомнѣнія! отвѣчала утвердительно редакторъ.

Что же бы осталось отъ Оуена, еслибъ изъ его сочиненій взять все социальное и все анти-христіанское?

Ошибокъ въ этихъ письмахъ много. Кто могъ предвидѣть что первою жертвою Крымской войны надеть Николай — я всегда думалъ, что онъ проживетъ какъ царь Иванъ Васильевичъ до Аредовыхъ лѣтъ.

Но въ чемъ я не ошибся и что составляетъ сущность этихъ писемъ, это въ моемъ предсказаніи, что Россія должна вступить въ новую эру развитія, что узкій депотизмъ Николая становился тѣсень для ея роста.

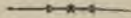
Да не ошибся я и въ томъ, что Англія сдѣлается больше и больше отчужденнымъ островомъ, хранящимъ въ своихъ свободныхъ учрежденіяхъ прежній идеаль общественнаго устройства, къ которому стремился весь европейскій міръ — да середь дороги ослабѣлъ, одряхлѣлъ и подпалъ двумъ величайшимъ врагамъ развитія

и свободы — подогрѣтому католицизму и вновь воскресшему абсолютизму.

Нашихъ соотечественниковъ прошу я не забывать, что эти письма писаны не для русскихъ, и не тѣмъ языкомъ, которымъ мы говоримъ.

1 Января 1858 года.

Путней (близъ Лондона.)

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Любезный Линтонъ!

„Какая, по мнѣнію вашему, будущность Россіи?“ спрашиваете вы.

Всякій разъ, когда мнѣ приходится отвѣчать на подобный вопросъ, я отвѣчаю, тоже спрашивая: способна Европа къ общественному возрожденію или нѣтъ? Вопросъ этотъ очень важенъ. Ежели народу русскому предстоить только одна будущность, то судьбамъ имперіи російской предстоятъ двѣ будущности. Отъ Европы будетъ зависѣть—которая изъ двухъ совершится.

Мнѣ кажется, что роль *теперешней* Европы совершенно окончена; съ 1848 года, разложеніе ея растетъ съ каждымъ шагомъ.

Слова эти ужасаютъ, и всѣ безотчетно оспариваютъ ихъ. Разумѣется, не народы погибнуть,—погибнуть государства, погибнуть учрежденія: римскія, христіанскія, феодальныя, парламентскія, монархическія или республиканскія,—все равно.

Европа должна преобразоваться, разложиться, чтобъ войти въ новыя сочетанія. Подобнымъ образомъ имперія римская преобразовалась въ Европу христіанскую. Она потеряла свою самобытность и вступила въ новый міръ, взошла въ него одною изъ дѣятельнѣйшихъ стпхій.

До сихъ поръ въ Европѣ были только внѣшнія пре-

образованія; основанія же новаго порядка государствъ оставались неосуществленными; старое зданіе только поправляли. Такова была Реформа Лютера, такова была Революція 1789 года.

Мы дошли наконецъ до крайнихъ границъ передѣлокъ и зачекатуриваній; вѣтхія формы слишкомъ тѣсны; въ нихъ нельзя повернуться, опасаясь, что онѣ распадутся. Революціонная мысль сверхъ того несовмѣстна съ существующимъ порядкомъ вещей.

Государство съ римскими понятіями, основанными на поглощеніи личности—обществомъ, на религіи случайной собственности, на привилегіяхъ и монополяхъ, на нравственномъ дуализмѣ (даже въ революціонной формулѣ: „Богъ и Народъ“) —такое государство не можетъ ничего оставить потомству, кромѣ своего трупа, т. е. свои химическіе элементы—освобожденные смертью.

Соціализмъ отрицаетъ все то, что политическая республика сохранила отъ стараго общества. Соціализмъ —религія человѣка, религія земная, безнебесная, — общество безъ правленія, воплощеніе христіанства, одѣйствованіе Революціи.

Христіанство преобразовало раба въ сына человѣческаго; Революція преобразовала отпущенника въ гражданина; Соціализмъ хочетъ изъ него сдѣлать *человѣка* (ибо городъ долженъ зависѣть отъ человѣка, а не человѣкъ отъ города). Христіанство указываетъ людямъ на сына Божія, какъ на идеаль — Соціализмомъ сынъ объявляется *совершенно-тѣмъ*, человѣкъ хочетъ быть болѣе чѣмъ сыномъ Божіимъ,—онъ хочетъ быть *самимъ собою*.

Всѣ отношенія общества къ частнымъ лицамъ и частныхъ лицъ между собой должны быть совершенно измѣнены. И тутъ является вопросъ: будутъ ли имѣть

народы германо-романскіе достаточно силь, чтобъ подвергнуться этому переселенію душъ, и въ состояніи ли они подвергнуться ему теперь?

Мысль социальной революціи — мысль европейская; но изъ этого не слѣдуетъ, что западные народы одни призваны осуществить ее.

Христіанство было только *распято* въ Іерусалимѣ.

Мысль социальная равно можетъ быть духовнымъ завѣщаніемъ, предсмертной волей, предѣломъ западнаго міра, какъ и торжественнымъ входомъ въ новое существованіе, приобрѣтеніемъ совершеннолѣтней тоги.

Европа слишкомъ богата, чтобъ рисковать всеѣмъ имуществомъ на одной картѣ; она желаетъ сохранить многое; ея нисшіе классы слишкомъ отдалены отъ цивилизаціи, чтобы она зря могла броситься всеѣмъ тѣломъ въ такой коренной переворотъ.

Республиканцы и монархисты, деисты и иезуиты, горожане и крестьяне — все это консерваторы. Развѣ — придется исключить однихъ только работниковъ.

Работникъ можетъ отвратить отъ стараго свѣта большой позоръ и большія несчастія. Но спасенный имъ онъ не переживетъ одного дня; потому что съ нимъ водворится социализмъ — и вопросъ будетъ положительно рѣшенъ.

Но и работникъ можетъ быть побѣжденъ — какъ это было въ іюньскіе дни. Противудѣйствія будутъ еще свирѣпѣе, еще страшнѣе. Тогда разложеніе стараго міра придетъ инымъ путемъ, и социализмъ осуществится въ другихъ странахъ.

Взгляните напримѣръ на эти двѣ огромныя равнины, сходящіяся затылками, обогнувъ Европу. Зачѣмъ онѣ такъ пространны, къ чему онѣ готовятся, что означаетъ пожирающая ихъ страсть къ дѣятельности и рас-

ширенію? Эти два міра, противоположные одинъ другому, и между которыми есть своего рода сходство — Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и Россія.

Никто не сомнѣвается, что Америка продолженіе европейскаго развитія — и *ничего болѣе* какъ его продолженіе. Лишенная всякой инициативы, всякаго изобрѣтенія, Америка готова принять бѣгущую отъ реакціи Европу, осуществить своего рода социализмъ, но она не пойдетъ низвергать древнее зданіе за Атлантическій океанъ и не покинетъ для этого своихъ богатыхъ полей.

Можно ли сказать тоже о славянскомъ мірѣ? Чего домогается этотъ *тмой міръ*, прожившій въ постоянномъ *a parte* не разкрывая рта, цѣлый рядъ столѣтій, со времени переселенія народовъ до нашихъ временъ?

Міръ странный, не имѣющій почти ничего общаго ни съ Европой, ни съ Азіей.

Европа занята крестовыми походами — славяне сидятъ спокойно дома.

Европа развиваетъ феодальную систему, строятъ большіе города, составляетъ законодательства основанныя на римскомъ правѣ и на германскихъ обычаяхъ; Европа становится послѣдовательно протестантскою, либеральною, парламентскою, революціонною. Славяне не имѣютъ ни большихъ городовъ, ни аристократическаго дворянства; они не понимаютъ римскаго права, не знаютъ различія между крестьяниномъ и горожаниномъ; они предпочитаютъ жизнь сельскую и сохраняютъ свои патріархальныя и демократическія установленія — свою сельскую общину и вѣче.

Часть этихъ народовъ еще не пробилъ, они всѣ въ ожиданіи чего-то, ихъ теперешнее *statu quo* какое-то предварительное состояніе — такъ покрайней мѣрѣ кажется.

Нѣсколько разъ славянскіе народы пытались сложиться въ сильныя государства. Попыты ихъ повидимому удавались (какъ напримѣръ Сербіи при Душанѣ) и потомъ эти государства гложуть, останавливаются безъ всякой причины.

Распространенные отъ береговъ Волги до береговъ Эльбы, до Адриатическаго Моря и Архипелага, славяне никогда не соединялись въ одно, для общей защиты. Часть ихъ изнемогаетъ подъ нѣмецкимъ игомъ, другая терпитъ владычество турокъ, третья — была поработана варварскими ордами, напавшими на Паннонію. Большая часть Россіи, долгое время, страдала подъ игомъ монгольскимъ.

Одна лишь Польша оставалась независима и спльна... но это потому, что она была меньше славянскою чѣмъ прочія племена; она была *католическою*. А католицизмъ совершенно противенъ славянскому генію. Славяне первые, вступили въ вражду съ Папизмомъ, ихъ борьба съ тѣмъ вмѣстѣ имѣла въ себѣ характеръ глубоко-соціальный. (Табориты.)

Завоеванная и покоренная католицизмомъ Богемія сломилась.

И такъ Польша сорхранила свою независимость нарушеніемъ соплеменнаго единства и сближеніемъ своимъ съ западными государствами.

Остальные славяне, хотя и оставались независимы, но не занимались своимъ государственнымъ устройствомъ; общественная жизнь ихъ была нѣчто въ родѣ колеблющагося, неопредѣленнаго, неустояващагося *анархизма* (какъ бы выразились здѣшніе *друзья порядка*). Въ мірѣ можетъ быть нѣтъ положенія болѣе сообразнаго съ славянскимъ характеромъ, какъ положеніе Украины или Малороссіи, со временъ Кіевского періода до Петра I.

Это была казачья и земледѣльческая республика, управляемая военною дисциплиной, но на основаніяхъ демократическаго коммунизма. Безъ средоточія, безъ правленія, повинная лишь древнимъ обычаямъ, не подчиняясь ни царю московскому, ни королю польскому. Аристократіи не было, всякій совершеннолѣтній чело-вѣкъ былъ дѣятельнымъ гражданиномъ; всѣ должности, начиная отъ десятника до гетмана, были избирательныя. Республика эта существовала отъ XIII вѣка до XVIII, не смотря на безпрестанныя вражды ея съ Великорос-сіей, съ поляками, литовцами, турками и крымскими татарами. Въ Украинѣ, въ Черногоріи и даже у сер-бовъ, пллцрійцовъ и далматовъ — повсюду геній сла-вянскій заявилъ себя, свои стремленія, но не развилъ крѣпкой политической формы.

Однако надо было наконецъ пройти *дрессировкой* силь-наго государства, надо было соединиться, сосредото-читься, покинуть вольную, казачью и коммунальную жизнь, жизнь спуска рукава; однимъ словомъ про-снуться отъ продолжительнаго общественнаго сна.

Около XIV столѣтія въ Россіи образуется средото-чіе, около котораго тяготѣютъ и кристаллизуются всѣ разнородныя части государства — это средоточіе Мо-сква. Со времени ея появленія какъ центра, она ста-новится столицей всего славянскаго Православья.

Въ Москвѣ образовалось византійское и восточное самовластье царей. Москва уничтожила все независимое старой Руси, всѣ вольности народныя. Все было при-несено на жертву идеи *государства*; все приводится къ его одному знаменателю и — все склоняется. Народъ, низвергнувъ иго монгольское, продолжая кровавую вражду съ ливонцами, и видя вооруженіе Польши, — какъ будто чувствовалъ, что для спасенія своей народ-

ности и своей сущности слѣдовало отречься отъ всѣхъ правъ человѣческихъ.

Новгородъ — великая и вольная весь — былъ живымъ упрекомъ едва родившейся столицѣ царей. Москва, съ кровавой жестокостью и безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, задушила своего противника.

Когда вся Россія была у ея ногъ, Москва столкнулась лицомъ къ лицу съ Варшавой.

Борьба двухъ новыхъ соперницъ была продолжительна, она окончилась въ другую эпоху. Нѣкоторое время Польша имѣла верхъ, Москва склонялась передъ ней, Владиславъ, сынъ Сигизмунда, царя польскаго, былъ провозглашенъ царемъ всея Россіи. Домъ Рюрика и Владиміра Мономаха угасъ, — не было никакого управленія, польскіе военачальники и гетманы казаковъ царили въ Москвѣ.

Тогда народъ, повинуюсь воззванію Мнина — возсталъ и принудилъ Польшу покинуть Москву и русскую землю.

Москва, окончивши свое дѣло — *спаиванія* частей государства — приостанавливается, не знаетъ куда употребить ея собранныя и оставшіяся въ бездѣйствіи силы. Выходъ нашелся имъ скоро. Тамъ гдѣ много силъ — тамъ выходъ всегда есть.

Явился Петръ I и сдѣлалъ изъ *Государства Русскаго* — *Государство Европейское*.

Скорость, съ которою часть народонаселенія покорила европейскимъ обычаямъ, отрекшись отъ своихъ старыхъ привычекъ, ясное доказательство того, что московское государство никогда не было полнымъ выраженіемъ жизни народной, и что существованіе его было только временное. Одни крестьяне противудѣйствовали, когда перемѣны касались основъ ихъ быта и,

страдательно уклоняясь, не приняли преобразований Петра I. Они остались вѣрнымъ хранителемъ народности, основанной (по выраженію Мишле) на *коммунизмъ*, т. е. на постоянномъ раздѣлѣ полей по числу работающих и на отсутствіи личнаго обладанія землею.

Какъ сѣверная Америка представляетъ собою послѣдній выводъ республиканскихъ и философскихъ идей Европы XVIII вѣка; такъ С.-Петербургская Имперія развила до чудовищной крайности начала Монархизма и европейской бюрократіи. Послѣднее слово консервативной Европы произнесено Петербургомъ; и вотъ почему всѣ реакціонеры обращаютъ взоры свои къ этому Риму самодержавія.

Какими огромными силами располагало петербургское правительство — показываетъ гигантское пространство этого государства. Средства его были такъ велики, что, не смотря даже на время смуть и сквернаго управленія отъ Петра I до Екатерины II, Россія матеріально расширилась съ немовѣрной быстротой.

Овладевъ и поглотивъ все что встрѣчалось на пути, Остзейскія провинціи и Крымъ, Бессарабію и Финляндію, Арменію и Грузію; раздѣливъ Польшу, овладевъ одной турецкой провинціей за другой — Имперія російская наконецъ нашла себѣ мощнаго соперника въ французской Революціи — поставленной къ верхъ погамн, преобразованной изъ борьбы за свободу въ военный деспотизмъ — очень похожий на петербургское самовластье. Россія вступила въ бой съ Наполеономъ, и побѣдила его.

Съ той минуты какъ Европа, въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Аахенѣ и въ Веронѣ признала, *volens nolens*, игемонію императора російскаго — съ той минуты трудъ Петра былъ завершенъ, и императорская власть снова

появилась въ такомъ же положеніи, въ которомъ были цари московскіе до Петра I. Александръ I понималъ это.

Императорская власть можетъ еще продержаться, страшая и заставляя себя уважать всѣми страстями, которыя находятся въ рукахъ самовластья; но она не можетъ ничего создать, ввести чего либо новаго, опасаясь встрѣтить на каждомъ шагу тотъ духъ, котораго она боится вызвать.

Такой власти ничего не остается дѣлать, какъ вести *войну витиную*.

Николай однакожъ постоянно воздерживался отъ войны.

Какъ же это случилось, что, спустя двадцать пять лѣтъ стертаго царствованія, имъ вдругъ овладѣваетъ безразсудная отвага, и онъ бросаетъ свою рукавицу въ лицо Франціи и Китая, Англіи и Японіи, Швеціи и пожалуй Австріи.... не говоря уже о Турціи....

Говорятъ, что онъ сошелъ съ ума?

— Я думаю, что онъ напротивъ взошелъ въ разумъ.

Чтобъ начать войну, онъ долженъ былъ быть совершенно увѣренъ въ жалкомъ состояніи европейскихъ государствъ, онъ долженъ былъ питать къ нимъ безпредѣльное презрѣніе.... Николай, до 1848 года, дулся только на западныя державы — но онъ не презиралъ ихъ. Онъ трепеталъ, узнавши о революціи 1848 года, и успокоился лишь только по полученіи извѣстія о кровавой диктатурѣ Каваньяка. Но послѣ помощи, оказанной имъ Австріи вмѣшательствомъ въ венгерскія дѣла, вмѣшательствомъ также спокойно терпимымъ Англіею, какъ и вступленіе французовъ въ Римъ, — онъ лучше понялъ положеніе своихъ *друзей-противниковъ*. Медленно и постепенно онъ вымѣривалъ глубину ихъ

малодушія, ихъ *невъжества* — и тогда уже началъ *войну*. Хотите биться объ закладъ, что онъ выйдетъ побѣдителемъ, ежели не вмѣшается въ нее неожиданное третье лицо? — общій врагъ ихъ всѣхъ, т. е. Революція.

„Въ такомъ случаѣ намъ не до войны! лучше объявить себя напередъ побѣжденными, пожертвовать Турціей, уступить Константинополь, чѣмъ вступить въ борьбу съ царемъ.“

Такъ разсуждаютъ дипломаты, банкиры и всѣ, думающіе что консерватизмъ состоитъ въ томъ, чтобъ не потерять пятифранковой монеты, находящейся въ ихъ рукахъ и закрывающіе глаза, чтобъ не видать предстоящія имъ завтра опасности.....

Хорошо, уступайте; не дѣлайте войны, — но знайте также что мѣсто того, чтобъ имѣть или Революцію или Николая..... вы накликаете и Николая и Революцію!

Объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующемъ письмѣ.
Лондонъ, 2 Января 1854 года.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Любезный Лиятонъ.

Формула евронеической жизни сложѣе формулы жизни древняго міра.

Когда образованность Греціи вышла изъ тѣсныхъ границъ муниципальныхъ республикъ, ея политическія формы быстро истощились — Греція обратилась въ Римскую провинцію.

Когда Римъ истратилъ основы своего устройства и перешелъ свои политическія учрежденія, то, не находя болѣе средствъ для перерожденія, онъ распался и вошелъ въ различныя сочетанія съ варварскими народами.

Древнія государства были не зимующія, а однолѣтнія.

Въ XV столѣтіи Европа пережила такой кризисъ, который для древнихъ республикъ былъ бы предвѣстникомъ неминуемой смерти. Совѣсть и разумъ возстали противъ основъ общественнаго зданія. Католицизмъ и феодальная система покачнулись. Борьба продолжалась два столѣтія. мало по малу подкапывая церковь и престоль.

Европа была такъ близка къ смерти, что уже у границъ ея стали показываться варвары — эти вороны чующіе смерть народовъ.

Византію они уже заклевали, и готовились напасть на Вѣну; восходящая луна Магомета, за которой они неслись, остановилась на берегахъ Адриатическаго моря.

На Сѣверѣ, шевелился другой варварскій народъ, народъ, одѣтый въ бараньи шкуры и съ „глазами ящерицы.“ Степи Волги и Урала, во всѣ времена, служили кочевьемъ бродящимъ народамъ; это было нѣчто въ родѣ мѣстъ сборища и ожиданія, officina gentium, гдѣ, молча, судьба собирала толпы дикарей, чтобъ въ свое время понять ими вѣтшающія страны, и покончить колеблющіяся цивилизаціи.

Тѣмъ не менѣе луна Ислама не шла далѣе развалинъ Акрополиса. А волжскіе варвары вмѣсто набѣговъ въ лицѣ одного изъ царей своихъ обращаются къ Европѣ, прося у нихъ науку и государственнаго строя.

И такъ первая громовая туча пронеслась надъ головами.

Что же случилось?

Вѣчное переселеніе народовъ къ Западу, остановленное на время у Атлантическаго океана, продолжилось; человечество нашло себѣ кормчаго—Христофоръ Колумбъ показалъ дорогу.

Америка спасла Европу.

Европа вступила въ новый фазисъ существованія, фазисъ недостававшій древнимъ народамъ; фазисъ разложенія по сю сторону и развитія по ту сторону Океана.

Реформація и революція, измѣняя многое, оставались въ стѣнахъ церквей и монархическихъ палатъ. Онѣ не могли совершенно разрушить древнее зданіе, онѣ его поправляли; куполь готическаго собора правда осѣлъ, тронъ пошатнулся, но полуразрушенныя они все таки существуютъ. И ни реформація, ни революція, не имѣютъ болѣе надъ ними никакой власти.

Будетъ ли человѣкъ называться реформаторомъ, лютераниномъ, протестантомъ, квакеромъ — церковь все таки существуетъ, т. е. свобода совѣсти все таки существуетъ — или будетъ являться личнымъ протестомъ, дѣломъ *индивидуальнаго* возмущенія. Будетъ ли правленіе парламентское, конституціонное, съ двумя палатами или съ одной, съ ограниченнымъ числомъ избирательныхъ голосовъ или съ всеобщимъ, — ослабленный тронъ все таки существуетъ; и хотя цари безпрестанно низвергаются, — но все таки за падшими являются другіе. За немѣніемъ царя въ Республикѣ,—его замѣняютъ *соломеннымъ* королемъ, котораго предполагаютъ на тронѣ и для котораго сохраняются и дворцы, и увеселительныя замки — Тюльри и Сен-Клу.

Раціональный христіанизмъ, съ своей стороны, борется съ церковью, не обращая вниманія на то, что

онъ первый будетъ задавленъ ея сводами. Монархическій республиканизмъ борется съ престоломъ, ломаетъ тронъ, а самъ хочетъ сѣсть на него по царски.

Духъ будущаго не тутъ, — потокъ перемѣнилъ направленіе; оставивъ на второмъ планѣ всѣхъ старыхъ Монтекки и Капулетти продолжать ихъ наслѣдственную вражду. Борьба поднимается уже не противъ священника, не противъ короля, не противъ дворянина, а противъ ихъ наслѣдника — противъ *хозяина*, противъ патентованнаго владѣльца, захватившаго въ свои руки орудія работы. Оттого революціонеромъ является уже не гугенотъ, не протестантъ, не либераль — а *работникъ*.

И вотъ помолодѣвшая Европа еще разъ останавливается у третьяго порога, не смѣя перешагнуть оный. Она трепещетъ передъ словомъ социализмъ, написаннымъ на дверяхъ входа. Она думаетъ, что дверь эта должна быть отворена Катилиною, и это правда. Дверь сама собою отвориться не можетъ, она будетъ отворена Катилиною..... и Катилиною, у котораго столько друзей что невозможно ихъ всѣхъ передупить въ темницѣ. Цицеронъ, этотъ совѣстливый и *учтивый* убійца съ своимъ *virgeni*, былъ счастливѣе своего подражателя Каваньяка!

Эту черту перейти гораздо труднѣе чѣмъ прочія. Всѣ реформы пощадили половину стараго, покрыли его развалины новыми ризами; сердце не совѣмъ разрывалось, пріобрѣтенное не терялось съ разу; часть того, что мы любили, что было намъ дорого и свято съ самаго дѣтства, что мы привыкли уважать, и что перешло намъ преданіемъ — оставалось на утѣшеніе слабыхъ. Но тутъ отдать пришлось и остальное! Прощайте пѣсни кормилицы, прощайте воспоминанія отцовскаго

крова, прощай привычка, власть которой сильнѣе власти генія, сказалъ Баконъ!

..... Во время разгрома ничто не перейдетъ тамо- жни; а будетъ ли достаточно терпѣнія у людей, чтобъ дожидаться, когда тучи разсѣются?

Мало по малу все интересы, предубѣжденія, запутанности, занимавшіе въ продолженіи цѣлаго вѣка умы европейскіе начинаютъ блѣднѣть, становятся равнодушными, переходятъ въ вопросы партій. Гдѣ великія слова, потрясавшія сердца и наполнявшія слезами глаза? Гдѣ святыя знамена, которымъ Іоаннъ Гуссъ за- ставилъ поклониться въ одномъ станѣ, а 89 годъ — въ другомъ? Съ тѣхъ поръ какъ туманъ, покрывавшій февральскую революцію, разсѣлся, рѣзкая простота замѣнила путаницу, осталось только два интересныхъ вопроса:

Вопросъ соціальный,

Вопросъ русскій.

Въ сущности, эти два вопроса составляютъ одинъ и тотъ же.

Вопросъ русскій,—случайная сторона, отрицательный оттискъ, новое безпокойство варваровъ, чующихъ пред- смертіе стараго свѣта, его „memento mori“ и—они его пожалуй убьютъ, ежели онъ не имѣетъ силы самъ пре- образиться.

Дѣйствительно, ежели социализмъ не въ состояніи будетъ пересоздать распадающееся общество и довер- шить его судьбы—Россія довершитъ ихъ.

Я не говорю, что это *необходимо*—но это *возможно*.

Ничего нѣтъ необходимо - нужного. Будущность не бываетъ неизмѣняемо рѣшена впередъ; неминуемаго предназначенія нѣтъ. Будущность въ нашемъ смыслѣ можетъ вовсе не существовать. Геологическій кризисъ

можетъ совершенно уничтожить не только восточный, но и всѣ прочіе вопросы, за недостаткомъ спрашивающихъ. Будущность творится развитіемъ того, что у ней подъ рукой, и смотря по окружающимъ условіямъ; общія влеченія мѣняются по обстоятельствамъ. Они рѣшаютъ, какъ что будетъ, и колеблющаяся возможность становится дѣломъ рѣшеннымъ.

Россія точно также можетъ овладѣть Европою до Атлантическаго Океана, какъ и быть съ своей стороны побѣжденной до Урала.

Въ первомъ случаѣ, Европа должна быть разрозненной.

Во второмъ, Европа должна быть плотно соединена въ одно цѣлое.

Въ которомъ изъ этихъ положеній она находится?

Царизмъ идетъ впередъ движимый чувствомъ само-сохраненія и тѣмъ инстинктомъ, который служитъ путе-водителемъ перелетнымъ птицамъ въ ихъ полетѣ къ Черному или Средиземному морю.

На пути своемъ ему не возможно не придти въ столкновение съ Европой.

Безумно было бы воображать, что императоръ Николай можетъ сопротивляться цѣлой Европѣ; это только въ томъ случаѣ возможно, ежели бы Европа сама стала въ рядахъ его авангарда и подняла бы оружіе противъ самой себя: но оно такъ и есть.

Въ борьбѣ Европы съ Россіей старый и боязливый консерватизмъ ослабитъ, заморитъ народное одушевление.

Европа раздѣлена на двѣ совершенно противоположныя партіи, ихъ взаимная ненависть гораздо сильнѣе ненависти русскихъ и турокъ между собой, и этотъ *макиавелизмъ* общественный существуетъ во всякомъ го-

сударствѣ, во всякомъ городѣ, во всякомъ селѣ. Какого же можно ожидать единства въ дѣйствіяхъ — до окончательной побѣды одного изъ спорящихъ? Войска геройски сражаются за границей, когда они увѣрены, что дома есть недремлящій „Комитетъ общественнаго спасенія.“ Онъ вселилъ войскамъ революціи ту удивительную энергію, которая существовала еще двадцать лѣтъ послѣ его смерти.

Ничего въ мірѣ не можетъ болѣе ослабить духъ армій, какъ пагубная идея, что за ними остается измѣна. А кто же имѣетъ довѣріе къ правительствамъ нынѣ существующимъ? Въ своемъ собственномъ стану люди *порядка* подозрѣваютъ другъ друга. Мы найдемъ вездѣ, внизу и вверху, измѣнниковъ, продающихъ свою родину Николаю. Николаю служатъ не только банкиры и журналисты, но генералы и первые министры, братья и вся родня царей. У него запасъ великихъ князей, онъ ихъ даритъ нѣмецкимъ князькамъ съ тѣмъ, чтобы онѣ изъ мужей своихъ дѣлали ему слугъ; а когда эти великія княжны хвораютъ, Николай посылаетъ ихъ пользоваться „лондонскими туманами,“ которыхъ цѣлебныя средства открыты имъ однимъ! *)

La fusion совершенно русская „L'Assemblée Nationale,“ кажется, печатается въ Казани или въ Пензѣ. Но ежели императоръ Николай предоставилъ бы всѣхъ этихъ Шамборъ-Немуровъ сладостямъ семейныхъ примиреній, удовольствіямъ охоты во Фрошдорфѣ и собственнымъ сплямъ, давно бы бонапартизмъ сдѣлался не только русскимъ, но — татарскимъ.

*) Передъ войной *ci-devant* великая княгиня Марія Николаевна нынѣ Mme Strogonoff пріѣзжала въ Лондонъ подъ предлогомъ какого-то нездоровья!

Король Белговъ имѣеть въ Брюсселѣ русское агентство; король Даніи—маленькую контору въ Копенгагенѣ; Адмиралтейство — гордое Адмиралтейство Великобританіи смиренно служить полиціею царя въ Портсмутѣ, и какой нибудь самоѣдскій офицеръ презрительно топчетъ ногами актъ habeas corpus на палубѣ англійскаго судна. Король неаполитанскій—самъ корчитъ Николая, а императоръ австрійскій его Антиной,—его страстный обожатель.

Много толкуютъ о русскихъ агентахъ какъ о какихъ нибудь презрительныхъ шпионахъ, которымъ дорого плотять за *сплетни*, но настоящіе Шеню и Далагодды русскаго царя, — помазанники Божіи ихъ агnats и cognats, вся родня ихъ въ восходящихъ и нисходящихъ линіяхъ. Самый вѣрный регистръ русскихъ шпионовъ—это Готскій Календарь.

Вы видите, что дѣйствительной вражды съ Россіей быть не можетъ, покамѣстъ чисто на чисто не выметутъ у васъ дома.

Несчастная необходимость соединяетъ Европу реакціонную съ царизмомъ; и ежели она погибнетъ черезъ него, то это будетъ верхъ проціи.

Николай, объявивъ войну Турціи, сдѣлалъ самую умную шалость XIX столѣтія.

Теперь всѣ блюстители порядка, всѣ друзья, всѣ кліенты Николая, во всеуслышаніе кричатъ противъ него. Они принимали царя за полицейскаго солдата, и рады были стращать своихъ революціонеровъ 400,000 русскихъ штыковъ; они думали, что онъ удовлетворится одною пассивною ролей страпилица; они позабыли, что даже и какой нибудь Людвигъ Бонапартъ не хотѣлъ довольствоваться должностію „пожарнаго сапера.....“

А вѣдь какъ все было хорошо, ясные дни снова наставляли; снова всѣ были покойны и довольны; массы, раздавленные войсками, съ христіанскою кротостью, умирали съ голода. Не было уже ни свободы слова, ни трибунъ, ни..... Франці! Папа, сопровождаемый армією, вышедшей изъ французской префектуры, снова раздавалъ на право и на лѣво свое апостольское благословеніе. Дѣла, по окончаніи февральской драмы, шли своимъ порядкомъ. Настала всеобщая эра „любви и бракосочетаній.“ Бельгія соединялась съ Австріей въ лицѣ австрійской Эрцгерцогини; молодой императоръ вѣнскій вздыхалъ у ногъ своей невѣсты; Наполеонъ III, 45 лѣтній „Вертеръ,“ соединялся по любовному капризу съ своею „Шарлотой“ Теба.

Вдругъ, среди всеобщаго спокойствія, всемірнаго благосостоянія, императоръ Николай бьетъ тревогу, начинаетъ религіозную войну, которая легко можетъ перенестись съ береговъ Чернаго моря на берега Рейна, и которая во всякомъ случаѣ повлечетъ за собой все то, чего такъ боялись отъ революцій, — гибель собственности, контрибуціи, насплія, и сверхъ того занятіе странъ непріателемъ, военныя судилища, разстрѣливанье и военныя контрибуціи.

Донозо Кортесъ, въ замѣчательной рѣчи своей, произнесенной въ Мадритѣ 1849 года, предсказывалъ вторженіе русскихъ въ Европу, и не находилъ для цивилизаціи другаго якоря спасенія, какъ только въ *единствѣ* власти, т. е. въ неограниченномъ монархизмѣ, подчиненномъ Католицизму. Первымъ условіемъ къ достиженію этой цѣли было — по словамъ его — введеніе Католицизма въ Англію.

Можетъ быть *подобное единство* чрезвычайно усилило бы Европу; да по несчастію оно пезвозможно; невоз-

можно какъ и всѣ прочія, исключая только *единства революціоннаго*.

Ежели бы не боялись Революціи болѣе нежели русскихъ, чего проще какъ идти на Севастополь, овладѣть Одессой; магометанское народонаселеніе Крыма не было бы враждебно туркамъ. Занявши эту позицію —сдѣлать воззваніе Польшѣ; дать свободу малороссійскимъ крестьянамъ — ненавидящимъ рабство. Чтобы тогда сдѣлалъ Николай съ своимъ православнымъ богомъ?

Но вѣдь и Галиція Польша—скажетъ Австрія.

Но вѣдь и Познань Польша—скажетъ Пруссія.

А если Польша освободится, чѣмъ удержать Венгрію и Ломбардію? — скажутъ они вмѣстѣ.

Ну такъ не ходить на Севастополь—или развѣ объявить войну только для виду, войну, которая окончится въ пользу Николая или Людвигъ Бонапарта, т. е. въ обоихъ случаяхъ въ пользу деспотизма и даже противъ *консерватизма*. Деспотизмъ вовсе не консервативенъ, даже и въ Россіи. Напротивъ, онъ все развѣдаетъ и не создаетъ ничего прочнаго. Случается иногда, что народы въ дѣтствѣ, для скорѣйшаго роста и устройства, покоряются деспотизму и терпятъ его до совершеннолѣтія; но чаще ему подпадаютъ народы дряхлые.

Ежели военный деспотизмъ алжирскій или кавказскій, бонапартовскій или казачій, окончательно овладѣетъ Европой, то онъ невольно будетъ вовлеченъ въ жестокую борьбу съ старымъ обществомъ, потому что съ владычествомъ его не совмѣстны ни полу-свободныя учрежденія, ни образованность, приобщиная къ полувольной рѣчи, ни наука, основанная на разумѣ, ни даже промышленность, становящаяся могуществомъ.

Деспотизмъ такъ какъ варварство — гробъ дряхлой

цивилизациі, который иногда служитъ яслями новорожденнаго спасителя.

Мірѣ европейскій въ той формѣ, въ которой онъ теперь существуетъ, окончилъ свою карьеру; но намъ кажется, что ему слѣдовало бы окончить ее торжественнѣе; ежели не безъ страданій и боли, то по крайней мѣрѣ безъ стыда и униженія. Консерваторы, какъ вообще старыя скупцы, боятся только наследника, и отдаляются отъ него. Ихъ въ ночное время задушатъ и ограбятъ воры и разбойники.

Послѣ бомбардированія Парижа, послѣ заточенія, ссылки и казней безъ суда возставшихъ работниковъ, полагали, что опасность миновала.

Но смерть — Протей. Ее вытолкали какъ ангела будущей жизни, она возвратилась скелетомъ прошедшаго; ее оттолкнули какъ Республику демократическую и социальную, она возвращается Николаемъ, царемъ русскимъ, или Наполеономъ, царемъ французскимъ.

Тотъ или другой, или оба вмѣстѣ, окончатъ борьбу. Но для того, чтобы бороться, надобно имѣть противника, съ которымъ стоитъ вступать въ бой. Гдѣ же та приготовленная арена, то послѣднее укрѣпленіе, за которымъ бы цивилизація могла вступить въ бой, и защищаться противъ притязаній деспотизма?

Въ Парижѣ? — Нѣтъ.

Какъ Карль V, Парижъ, еще при жизни, отрекся отъ своей міродержавной короны; немного военной славы и очень много полиціи достаточно для сохраненія порядка въ Парижѣ.

Мѣсто для турнира, *champ clos*—въ Лондонѣ.

Пока свободная и гордая своими правами Англія существуетъ какъ теперь, до тѣхъ поръ ничего окончательнаго не сдѣлано въ пользу варварства и самовластья...

Россія и Австрія перестали ненавидѣть Парижъ съ 10 декабря 1848 года. Парижъ потерялъ свой prestige для королей; они его уже не боятся. Вся ихъ ненависть обратилась на Англію. Они ее трусятъ, они ее ненавидятъ и желали бы разграбить ее.

Въ Европѣ существуютъ государства реакціонныя, но не консервативныя. Англія одна — консервативна, потому что ей есть что хранить—*личную свободу*.

Это одно слово соединяетъ въ себѣ все то, что преслѣдуютъ и ненавидятъ Бонапарты и Николаи. И вы думаете, что они, будучи побѣдителями и въ главѣ армій, оставляютъ въ покоѣ, въ столь близкомъ разстояніи отъ *Парижа порабощеннаго* — *Лондонъ свободный*? Лондонъ, гнѣздо пропаганды, гавань открытая всѣмъ спасающимся; Лондонъ, въ который побѣгутъ толпами люди изъ опустошенныхъ и превращенныхъ въ пепель городовъ материка — унося съ собою науки и художества, промышленность и образованность.

Этого достаточно для войны.

Тогда-то осуществится желаніе Наполеона I—перваго варвара новѣйшихъ временъ! Какое большее несчастіе революціонная Европа можетъ обрушить на Англію—какъ эта война деспотизма. У свободныхъ народовъ слишкомъ много дѣла дома, чтобъ думать о внѣшней войнѣ.

Англичане слѣпы; и слѣпота ихъ происходитъ не отъ эгоизма, не отъ жадности къ деньгамъ, а просто отъ невѣжества, отъ привычки ходить по торной дорогѣ; рутина дѣлаетъ ихъ неспособными понимать, что человѣку надобно иногда пролагать новый путь, а не все слѣдовать по истоптанному старому шоссе.

Тѣ, которые, имѣя глаза, не хотятъ смотрѣть — тѣ посвящены богамъ ада. Какъ ихъ спасти?

Глубокая и черная ночь покроетъ своею пеленою трудъ разложенія....

А послѣ?... Послѣ ночи обыкновенно наступаетъ день!

Прольемъ слезу надъ старцемъ, но оставимъ мертвымъ хоронить своихъ мертвыхъ—и съ чувствомъ сожалѣнія и уваженія, накрывъ гробовымъ саваномъ отходящее къ смерти, съ твердостью пронесемъ старое восклицаніе:

Король умеръ!—Да здравствуетъ Король!....

Лондонъ, 17 февраля 1854 г.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Любезный Линтонъ,

Славянскій міръ гораздо моложе европейскаго.

Онъ моложе политически, точно такъ, какъ Австрія моложе его — геологически. Онъ сложился гораздо позже; онъ еще не развился, онъ еще міръ недавній, и една только вступающій въ историческій потокъ.

Долгое, вѣковое существованіе ничего не значитъ. Дѣтство народовъ можетъ продолжаться нѣсколько тысячелѣтій, равно какъ и ихъ старость. Славянскіе народы служатъ примѣромъ первому, азійскіе — второму.

Но на чемъ можно основывать идею, что теперешнее состояніе славянъ есть ихъ дѣтство, а не дряхлость.

что это ихъ начало, а не неспособность къ развитію вообще? Не имѣемъ ли мы передъ глазами примѣръ тому, что народы исчезаютъ, не оставляя по себѣ исторіи, да еще и такіе, которые въ свое время доказали, что они не совсѣмъ лишены способностей (Финны).

Не много надобно вниманія къ судьбамъ Россіи, чтобъ понять въ такомъ ли она положеніи. Страшное тяготѣніе ее на Европу — не признакъ маразма или неспособности, напротивъ — признакъ ея полуднкой силы, ея дурно направленной, но бодрой юности.

Съ такимъ характеромъ является она при первомъ появленіи своемъ на порогѣ міра образованнаго.

Въ Парижѣ господствовало рсгенство, въ Германіи— нѣчто еще худшее; повсюду растлѣніе, изиѣженность, ослабляющій и унижающій развратъ — грубый въ Германіи, утонченный въ Парижѣ.

Въ этой вредной атмосферѣ, заразительныя испаренія, которыя едва были заглушаемы косметическими благоуханіями, въ этомъ мірѣ наложницъ, не-законно-рожденныхъ дочерей, любовниковъ, управляющихъ государствами, среди разслабленныхъ нервъ, глупорожденныхъ принцовъ и министровъ плутовъ — каеъ-то становится свѣжѣе при видѣ Петра I, этого рослаго варвара въ простомъ мундирѣ изъ толстаго сукна, этого сѣвернаго человѣка, дюжаго, мускулистаго, полнаго простоты, энергіи и силы. Таковъ былъ первый русскій занявшій свое мѣсто между европейскими властелинами. Онъ явился за наукой, и узналъ многое, чего не ожидалъ. Онъ понялъ дряхлость западныхъ государствъ и испорченность ихъ правителей.

Тогда еще не предвидѣлась революція, долженствовавшая спасти міръ; а гибель была передъ глазами. Такъ Петръ I понялъ будущее значеніе Россіи въ

отношеніи Европы и роль ея въ Азіи. Справедливо ли, или несправедливо его завѣщаніе, но оно конечно содержитъ въ себѣ его *мысли*, которыя онъ не рѣдко повторялъ въ своихъ замѣчаніяхъ и запискахъ. Русское правительство, до Николая, оставалось вѣрнымъ традиціи Петра I, даже и самъ Николай слѣдовалъ ей въ внѣшней политикѣ.

Россію можно ненавидѣть, можно проклинать, — но можно ли утверждать, что она стара, остановилась, одряхлѣла?

Говорятъ что русскій народъ неподвижно сидитъ въ своемъ углу въ то время, какъ почти иностранное для него правительство дѣлаетъ въ Петербургѣ, что хочетъ. Нѣмецкіе писатели выводятъ изъ этого, что народъ русскій косный, азіатскій, не имѣетъ ничего общаго съ правительственной дѣятельностью; что это полудикое племя *дипломатически* завоевано нѣмцами, которые ведутъ его, куда хотятъ. Надобно отдать справедливость нѣмецкимъ побѣдамъ; это самыя величайшія и самыя безкровныя въ мірѣ. Нѣмцы не довольствуются своимъ материнскимъ правомъ на Англію и Сѣверную Америку (*Stamverwand!*), они сверхъ того завоевали всю Россію, *рыцарями* Остзейскихъ губерній, Гольштейнъ-Готорпской фамиліей, тучами генераловъ, дипломатовъ, шпионовъ и другихъ сановниковъ нѣмецкаго происхожденія.

Дѣйствительно, правленіе петербургское не національно. Но и цѣль реформы Петра I была *денационализація* московской Руси. Пассивная оппозиція и своего рода неподвижность народа тоже факты неоспоримые. Но съ другой стороны, русскій народъ невольно составляетъ живую и сильную основу правительству. Онъ образуетъ огромный хоръ, который въ свою очередь от-

печатлѣваетъ свой духъ на нѣмецкомъ (если такъ хотятъ) деспотизмѣ петербургскаго правительства. Не любя его, народъ все таки смотритъ на него какъ на представителя своего національнаго единства, своей силы.

Ничто въ Россіи не имѣетъ того характера застоя или смерти, который постоянно и утомительно встрѣчается въ неизмѣняемыхъ повтореніяхъ одного и того же, изъ рода въ родъ, у старыхъ народовъ Запада.

По неспособности народа къ какой либо переходной формѣ, справедливо ли заключать о всеобщей неспособности его къ развитію?

Славянскіе народы собственно не любятъ ни государства, ни централизаціи. Они любятъ жить въ разбросанныхъ общинахъ, удаляясь какъ можно больше отъ всякаго вмѣшательства со стороны правительства. Они ненавидятъ военный строй, они ненавидятъ полицію. Федерация была бы самая народная форма для славянскихъ народовъ. Петербургскій періодъ тяжкій искусъ, трудное воспитаніе въ государственную жизнь. Онъ насильно сдѣлалъ большую пользу Россіи, соединивъ части ея и спаявъ ихъ въ одно цѣлое — но онъ долженъ миновать.

Народъ русскій — народъ земледѣльческій. Улучшеніе быта собственниковъ въ Европѣ принесло почти исключительно пользу однимъ горожанамъ; для крестьянъ революція только окончательно уничтожила крѣпостное состояніе и раздробила поземельную собственность. Раздѣлъ земли въ Россіи былъ бы смертельнымъ ударомъ ея общинному устройству.

Въ Россіи нѣтъ ничего оконченаго, окаменѣлаго; все въ ней находится еще въ состояніи раствора, приготовления. Гакстгаузенъ справедливо выразился, что

въ Россіи всюду видно „недоконченность, ростъ, начало.“ Да, всюду чувствуешь извѣсть, слышишь пилу и топоръ и при всемъ этомъ мы остаемся покорными и терпимъ дикое самодержавіе?

. Но должна ли Россія пройти всѣми фазами европейскаго развитія, или ея жизнь пойдетъ по инымъ законамъ? Я совершенно отрицаю необходимость этихъ повтореній. Мы пожалуй должны пройти трудными и скорбными испытаніями историческаго развитія нашихъ предшественниковъ; но такъ, какъ зародышъ проходитъ до рожденія всѣ нисшія ступени зоологическаго существованія. Оконченный трудъ и добытый результатъ входятъ въ общее достояніе всѣхъ понимающихъ — это круговая порука прогресса, маіоратъ человѣчества. Я знаю, что результатъ самъ по себѣ не передается, по крайней мѣрѣ бесполезенъ,—результатъ дѣйствителенъ, какъ послѣдствіе цѣлаго логическаго развитія.

Всякій школьникъ долженъ самъ найти рѣшеніе Евклидовыхъ предложеній — но какая огромная разниця между трудомъ Евклида, открывшаго ихъ, и трудомъ ученика нашего времени!

Россія продѣлала свою революціонную эмбриогенію въ „европейскомъ классѣ.“ Дворянство съ правительствомъ представляютъ у насъ европейское государство въ славянскомъ. Мы прошли всѣ фазисы политическаго воспитанія, начиная отъ нѣмецкаго конституціонализма отъ англійскаго канцелярскаго монархизма, до поклоненія 93 году. Подражаніе наше было похоже на aberrацію звѣздъ, которая въ маломъ влдѣ передаетъ намъ путь, проходимый земнымъ шаромъ по своей орбитѣ.

Народу русскому не нужно начинать снова этотъ

тяжкій трудъ. Зачѣмъ ему проливать кровь свою для достиженія тѣхъ полу-рѣшеній, до которыхъ мы дошли и которыхъ вся важность состоитъ только въ томъ, что мы черезъ нихъ дошли до иныхъ вопросовъ, до новыхъ стремленій.

Мы за народъ отбыли эту тягостную работу, мы заплатились за нее висѣльцами, каторжною работою, казематами, ссылкой, раззорѣніемъ и нестерпимою жизнью, въ которой живемъ!

Въ Европѣ не подозреваютъ о страшныхъ мученіяхъ, въ которыхъ сломились, изныли два послѣднія поколѣнія. Гнетъ становится день ото дня спльнѣе, тягостнѣе, обиднѣе; надо прятать свою мысль, удерживать біеніе сердца и среди этой мертвой тишины, вмѣсто утѣшенія, опоры, мы увидѣли бѣдность революціонной идеи и равнодушіе къ ней народа.

Вотъ источникъ той мрачной тоски, того разлагающаго скептицизма, той тягостной ироніи, которые составляютъ характеръ русской поэзіи. Кто молодежь, кто имѣетъ теплое сердце, тотъ ищетъ какъ нибудь забыться, усыпить себя чѣмъ нибудь — люди талантливые умираютъ на поль-дорогѣ, сосланные или сами добровольно удаляющіеся отъ всякаго участія въ страшныхъ дѣлахъ. Объ нихъ и объ ихъ ужасной кончинѣ говорятъ, потому что многіе слышали, какъ билась ихъ голова объ мѣдный сводъ, душившій ихъ, потому что имъ удалось по крайней мѣрѣ заявить свою силу..... но сотни другихъ, которые съ отчаяніемъ сложили руки, морально убили себя, отправились на Кавказъ, заперлись въ своихъ пмѣніяхъ, не выходятъ изъ игорныхъ или публичныхъ домовъ—всѣ эти *мнѣнія*, о которыхъ никто не пожалѣлъ, никто не свѣдалъ, — страдали не меньше ихъ!

Для дворянства наступаетъ конецъ этого искуса. Образованная Россія должна возвратиться къ народу. Русскій народъ собственно стали узнавать только послѣ революціи 1830 года. Съ удивленіемъ увидѣли, что русскій человекъ, равнодушный, неспособный ко всѣмъ политическимъ вопросамъ — бытомъ своимъ ближе всѣхъ европейскихъ народовъ подходитъ къ новому соціальному устройству. Можетъ вы скажете на это, что въ этомъ русскій походитъ на нѣкоторые азіатскіе народы, и укажете на сельскія общины у индусовъ, довольно схожія съ нашими. Я и не отвергаю, чтобы у азіатскихъ народовъ не было соціальныхъ элементовъ, и даже можетъ больше нежели у западныхъ народовъ. Не общинное устройство держитъ азіатскіе народы въ неподвижности, а ихъ исключительная народность, ихъ невозможность выйти изъ патріархализма, освободиться отъ рода; — мы не въ томъ положеніи.

Славянскіе народы, напротивъ, имѣютъ большую удобовпечатляемость; они легко усваиваютъ себѣ языки, обычаи, искусства и технику другихъ народовъ. Они равно обживаются у Ледянаго океана и на берегахъ Чернаго моря.

Въ образованной Россіи. (какъ она ни оторвана отъ народа, но все таки въ ней есть черты его характера) вы не найдете той капризной упорности (старой женщины того упрямаго непониманія, которыя на каждомъ шагу встрѣчаются въ старомъ свѣтѣ.

Съ изумленіемъ останавливаемся мы передъ китайскими стѣнами, которыя межуютъ Европу. Англія и Франція едва имѣютъ понятіе объ умственномъ движеніи Германіи. Еще больше, эти два европейскіе Китаи, отдаленные только на нѣсколько часовъ ѣзды, связанные между собой непрерывною торговлею, плохо зна-

ють другъ друга — Парижъ и Лондонъ дальше другъ отъ друга нежели Лондонъ и Нью-Йоркъ. Англичанинъ, простолюдинъ, смотритъ на француза съ дикою ненавистью и съ видомъ тупаго превосходства; французъ отвѣчаетъ ему жалкимъ презрѣніемъ.

Англійскій буржуа надоѣдаетъ вопросамъ, открывающими такое глубокое незнаніе сосѣдняго края, что стыдно отвѣчать. Французъ, проживши пять лѣтъ въ Лейстеръ Скверъ или въ Соо, ничего не понимаетъ что дѣлается вокругъ него. И въ то же время германская наука, которая не въ состояніи перейти за Рейнъ, очень хорошо доходитъ до береговъ Волги и за нихъ; поэзія Шекспира и Байрона, не выносящая перѣзда черезъ Ла-Маншъ, доплываетъ живо и невредимо до береговъ Балтійскихъ. И все это дѣлается, не забудьте еще, подъ гнетомъ отталкивающаго и ревниваго правительства, употребляющаго всѣ средства чтобъ отдалить насъ отъ Европы.

Наше домашнее и общественное воспитаніе имѣетъ въ себѣ тотъ же универсальный характеръ; нѣтъ воспитанія *меньше* религіознаго, чѣмъ наше и *больше* политическаго. Реформа Петра I. въ высшей степени реалистическая, свѣтская и вообще европейская, дала ему этотъ характеръ. Каѳедры теологіи учреждены были въ нашихъ университетахъ, только со временъ Александра I, и то въ послѣдніе годы его царствованія. Съ Николая начинается открытое гоненіе противъ всякаго обращенія въ другую вѣру, — но я не думаю, чтобы его полицейское православіе пустило глубокіе корни; что же касается до изученія новыхъ языковъ, то это такъ вошло въ нравы, что невозможно искоренить. Даже правительство многоязычно: официальные газеты печатаются по русски, по французски и по нѣмецки.

Наше воспитаніе не имѣетъ ничего общаго съ тою средою, для которой человѣкъ назначенъ — и это превосходно. Образование у насъ отдаляетъ молодаго человѣка отъ безнравственной почвы, оно его гуманизируетъ, и необходимо ставитъ его въ оппозицію съ оффиціальной Россіей. Онъ отъ этого много страдаетъ— и этими страданіями заглаживаетъ ошибки и преступленія отцовъ своихъ — и въ нихъ же находятся зародыши переворота. Но самыя тяжкія времена распаденыя проходятъ: развитое меньшинство встрѣчается съ народомъ тогда, когда оно вовсе того не ожидало.

Съ удивленіемъ слушали у васъ наши рассказы о русской общинѣ, раздѣлѣ полей, мировыхъ сходкахъ, объ работничихъ артеляхъ, объ избранныхъ старостахъ. Многіе думали, что все это мечты, социалистическій бредъ.

Но является человѣкъ вовсе не революціонерный, и издаетъ три тома о сельской общинѣ въ Россіи. Гакстаузенъ, католикъ, прусскій баронъ, агрономъ, и до такой степени *радикальный* монархистъ, что по словамъ его, прусскій король слишкомъ либераленъ, императоръ Николай слишкомъ человѣколюбивъ.

Факты, нами указанные, описаны имъ *in extenso*. Я не намѣренъ повторять здѣсь того, что я уже говорилъ о начальной организаціи этого *self-governement* общины, гдѣ все избирательно, гдѣ всѣ владѣльцы, а земля не принадлежитъ никому, гдѣ пролетаріатъ — исключеніе.

Теперь вы легко увидите, что русскій народъ, подавленный рабствомъ и правительствомъ не можетъ идти по колеѣ европейскихъ народовъ, повторяя ихъ прошлыя революціи, исключительно городскія, и которые тотчасъ пошатнули бы основанія его общинной органи-

заціи. Напротивъ того, грядущая революція находится на болѣе родной почвѣ — и мы увидимъ, какой будетъ результатъ отъ этой встрѣчи.

Сохранить общину и дать свободу лицу, распространить сельское и волостное self-government по городамъ и всему государству, сохраняя народное единство, — вотъ въ чемъ состоитъ вопросъ о будущемъ Россіи, т. е. вопросъ той же соціальной антиноміи, которой рѣшеніе занимаетъ и волнуетъ умы Запада.

Государство и отдѣльная личность — власть и свобода — коммунизмъ и эгоизмъ (въ обширномъ смыслѣ слова), вотъ геркулесовы столбы великой борьбы, великой революціонной эпопеи.

Европа даетъ рѣшеніе изуродованное и отвлеченное.

Россія — изуродованное и дикое.

Революція соединить ихъ.

Будущее никогда не формируется вполнѣ прежде своего осуществленія.

Народы англо-саксонскіе освободили лице на счетъ общественной круговой поруки, обособляя человѣка. Русскій народъ сохранилъ общинное устройство, отрицая личность, поглощая человѣка.

Развитіе личнаго права—закваска, долженствующая привести въ броженіе массу силъ, дремлющихъ въ бездѣйствіи общинно-патріархальнаго порядка. Личное начало входитъ въ русскую жизнь инымъ путемъ, оно осуществилось въ лицѣ революціоннаго царя, отрицающаго традиціи и національность, разрушающаго единство народное внутреннимъ расщепленіемъ.

Русская имперія твореніе XVIII вѣка; все, что было начато въ это время, носитъ въ себѣ зародышъ революціонный.

Холостой дворець Фридриха II и смирительный домъ, служившій дворцемъ отцу его, вовсе не были такъ монархически, какъ Ескуріаль и Тюльери. Въ новыхъ государствахъ воздухъ вѣялъ рѣзкій, утренній; въ нихъ вообще все сухо, просто, положительно, рационально; а это именно убиваетъ религіозный и монархическій духъ. Тоже самое и въ Россіи.

Петръ I круто отбросилъ традиціи византино-московскія. Онъ предпочиталъ власть престолу; онъ дѣйствовалъ болѣе страхомъ нежели величіемъ и ненавидѣлъ *mise en scène*, необходимую для монархіи.

Организація русской имперіи чрезвычайно проста. Это — правленіе доктора Франсіа въ Парагваѣ, предложенное къ странѣ съ шестидесятью милліонами жителей. Это — осуществленіе бонапартовскаго идеала: нѣмой народъ, безъ правъ, задавленный войскомъ и надъ нимъ дворянство, покровительствуемое правительствомъ.

Россія управляется адъютантами, ординарцами, писарями и эстафетами. Сенатъ, Государственный совѣтъ и министерства просто канцелярія, въ которыхъ дѣла не разбираются, а только переписываются.

Вся администрація представляетъ собою телеграфическіе знаки, которыми одно лице заявляетъ изъ Зимняго дворца свою волю.

Такую исполнительную и автоматическую организацію легче потрясти однимъ ударомъ на вершинѣ, нежели измѣнить въ основаніи.

Въ монархіи если государь убитъ, монархія остается.

У насъ — остается деспотическая машина, бюрократическій порядокъ; лишь бы телеграфъ дѣйствовалъ кто бы имъ ни управлялъ, повиноваться будеть.

Можно завтра же посадить на мѣсто Николая — Орлова или кого нибудь другого, это не пропзведетъ никакого волненія; дѣла будутъ исполняться съ тою же точностью, машина будетъ продолжать свою игру, переписывать, отписывать, сообщать, отвѣчать, машинисты будутъ красть, и показывать свое вѣрноподданическое рвеніе.

Императрицу Екатерину II пугали нѣмота и всемогущество, безпредѣльная покорность исполнителей и рабовъ, до того бессмысленно повинующихся, что ихъ покорность переживаетъ приказывающаго. Она старалась внушить дворянству болѣе независимыя понятія, желая окружить ихъ людьми, добровольно преданными ей, на которыхъ она могла бы надѣяться. Молчаніе писарей и исполнителей страшило супругу Петра III. Она помнила, какъ усердный Алексѣй Орловъ молча задушилъ своего господина, какъ писаря писали „Е. В. изволило скончаться,“ и никто не смѣлъ боясь казни, не признать ее императрицей и спросить, какъ умеръ Петръ III.

Попытки ея новыхъ учрежденій дѣйствительно были замѣчательны. Никто серьезно не вглядывался въ ихъ эксцентрическій характеръ, въ нихъ было странное соединеніе демократизма и аристократизма, деспотизма и представительства, Иоанна Грознаго и Монтескье.

Всѣ эти учрежденія носятъ двойную печать — петровскаго періода и несложившихся національныхъ стремленій, усовершенствованныхъ развивающейся идеей западной гражданственности.

Судьи *выбираются*, и выбираются на нѣсколько лѣтъ; они принадлежатъ дворянству, мѣщанству и крестьянамъ; *судебнаго сословія* вовсе нѣтъ. Имѣющій право участвовать въ выборахъ, можетъ быть выбранъ въ

судьи. Отсутствие судебного сословія — фактъ замѣчательный. Однимъ врагомъ у насъ меньше — да еще какимъ врагомъ! Другаго чернаго челоуѣка, свѣтскаго священника, тайнаго жреца *Закона челоуѣческаго*, имѣющаго монополь судить, приговаривать, понимать *ratio scripta* — у насъ нѣтъ. Конечно смѣшно видѣть отставнаго кавалерійскаго офицера выбраннымъ въ судьи, не понимающаго ни законовъ, ни процедуры; но съ другой стороны печально предполагать всѣхъ людей неспособными разобрать дѣло, исключая касты *знатоковъ* по обязанности воспитанныхъ *ad hoc*. Ежели выбранные судьи не хороши, тѣмъ хуже для избирателей — они должны знать, что дѣлаютъ. Но, скажутъ намъ, юристомъ не сдѣлаешься безъ ученія; законы такъ сложны, что надобно много, большихъ занятій, чтобъ не заблудиться въ этомъ лабиринтѣ.... Это справедливо, — но изъ этого не слѣдуетъ, что съ самаго дѣтства нужно приготавливать спеціальнѣйшій классъ для пониманія законовъ; а напротивъ, то, что слѣдуетъ бросить всѣ эти запутанные законы въ огонь. Отношенія людей просты, формальность, судейскіе обычаи, вся эта поэзія адвокатовъ, всѣ *figituri* юриспруденціи только запутываютъ вопросы.

Въ Россіи. судъ первыхъ инстанцій составленъ изъ члена избраннаго дворянствомъ, другаго избраннаго мѣщанами и третьяго вольными крестьянами. Два кандидата выбираются дворянствомъ для должности предсѣдателя уголовной палаты. Правительство назначаетъ одного изъ нихъ, и съ своей стороны, посылаетъ прокурора, имѣющаго право останавливать всякое рѣшеніе и пересылать его въ Сенатъ.

Ежели вы вспомните, что прокуроръ принадлежитъ также дворянству, то вы ясно увидите, что дѣйствія

мѣщанскаго члена и члена изъ крестьянъ подавлены во всѣхъ случаяхъ разногласія. Они имѣютъ полное право протестовать и внести дѣло на разсмотрѣніе въ Сенатъ. Но это случается очень рѣдко, по очевидной причинѣ: Сенатъ, не имѣющій никакого элемента, ни народнаго, ни избирательнаго, всегда за одно съ дворянами или съ правительствомъ, это такъ, но мы говоримъ о нормѣ, а не о злоупотребленіяхъ, и я обращаю ваше вниманіе на возможное развитіе ее въ будущемъ, а не на современное положеніе.

Десять лѣтъ тому назадъ въ московскія головы былъ избранъ человѣкъ безкорыстный и строгій. Обязанность городского главы состоитъ въ надзорѣ за городскими суммами; онъ распоряжается городскими приходами и расходами. Обыкновенно на эти мѣста выбираютъ какого нибудь милліонера, любящаго выказываться въ официальныхъ празднествахъ, давать чудовищные обѣды и балы, подписывающаго все что угодно правительству и чего хочетъ начальство. Московскій городской глава Шестовъ иначе понялъ обязанность, на него возложенную: онъ подрѣзалъ крылья официальныхъ воровъ, оберъ-полицмейстеръ объявилъ ему отчаянную войну. Глава принялъ вызовъ и битва кончилась паденіемъ оберъ-полицмейстера.

Но не одни судьи избирательные — земская полиція тоже избирательная. Исправникъ и засѣдатель или становые выбираются дворянствомъ.

Уѣздная полиція оканчивается внизъ сельской общиной — съ своимъ *a parte*, съ избраннымъ старостой, съ своей избранной полиціей, съ своимъ поглощеніемъ личности во имя традиціоннаго и національнаго коммунизма. За губернскими выборными мѣстами вверхъ начинается правительственная централизація; въ ней

теряется всякой слѣдъ самобытнаго права, все поглощено и уничтожено петербургской диктатурой, во имя самодержавнаго и вовсе не славянскаго деспотизма.

И такъ идея личнаго права и идеи независимости могутъ проявиться у насъ только въ дворянствѣ или въ среднемъ сословіи.

Вліяніе мѣщанства не имѣетъ того значенія въ Россіи, какъ въ Европѣ, не только оттого, что развитіе промышленности до сей поры не значительное, но и потому, что высшее мѣщанство или купечество легко получало личное дворянство.

Мало знаемъ мы нравственныя силы мѣщанства. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можно было ихъ видѣть, оно показывало себя отсталымъ, точно консервативнымъ, православымъ, раболѣпнымъ и тяжело патріотическимъ. Угнетенное, всего боящееся, оно скрывало свои богатства, пряталось само, молчало, жило на занерти, строило церкви, раздавало милостыню бѣднымъ и заточеннымъ, давало взятки чиновникамъ и копило милліоны.

Новое поколѣніе, получившее образованіе, можетъ быть, пойдетъ по другой дорогѣ и приметъ иные идеи.

У насъ дворянство больше администрація чѣмъ аристократія. Родъ, графскій и княжескій титулъ, древность имени и величина владѣній не даютъ никакихъ особенныхъ привилегій, связанныхъ исключительно съ чинами. Есть повѣрье, что ежели два поколѣнія дворянъ не служили, то правительство можетъ лишить ихъ дворянства.

Эта всеобщность службы даетъ ей самой иное значеніе. Служить въ Россіи не значитъ, какъ во Франціи—быть агентомъ, *à me damnée* власти. Всѣ заговорщики 14 декабря служили. Общественное мнѣніе не смѣшиваетъ дѣйствительно преданныхъ чиновниковъ,

полныхъ рвенія, служащихъ *по вкусу*, съ чиновниками, не имѣющими этихъ качествъ. Первыхъ иногда боятся, но никогда не уважаютъ. Другіе же составляютъ все независимое общество въ столицахъ и губерніяхъ. Класъ этотъ довольно обширенъ, ежели причислить къ нему — военныхъ, вообще меньше раболѣпныхъ нежели гражданскіе чиновники, людей вышедшихъ въ отставку 25 или 26 лѣтъ и живущихъ въ своихъ имѣніяхъ и служащихъ только по выборамъ.

Вотъ въ этой-то средѣ, наше общее и полиглотное воспитаніе образовало можетъ быть самыхъ независимыхъ людей въ Европѣ. Подавляющій деспотизмъ, отсутствіе свободы слова, необходимость быть ежеминутно на сторожѣ, приучили ее къ внутренней, смѣлой и безжалостной работѣ. Новая литература иногда высказывала долю затаенныхъ страстей, наполняющихъ грудь русскаго человѣка. Безъ страха и жалости дошли передовые люди до социальныхъ идей въ политикѣ, до реализма въ наукѣ, до отрицанія и скептицизма въ философіи.

Соціализмомъ — революціонная идея можетъ у насъ сдѣлаться народною. Въ то время какъ въ Европѣ социализмъ принимается за знамя безпорядка и ужасовъ, у насъ, напротивъ, онъ является радугой пророчащей будущее народное развитіе.

Теперь, ознакомившись съ элементами русской жизни, вы поймете, что Россіи невозможно сдѣлать шага впередъ, не вступая въ какой нибудь внутренній переворотъ или въ европейскую войну.

Освобожденіе крестьянъ, дѣло столь простое въ прочихъ государствахъ, невозможно у насъ *безъ уступки крестьянамъ земли; а освобожденіе съ землей* — лишеніе значительной собственности дворянства. Условія дво-

рянскаго быта должны переимѣниться съ освобожденіемъ, а съ ними и его отношенія къ правительству; не забудьте, что судъ и полиція внѣ городовъ принадлежатъ дворянству, и дворянство всякой губерніи организовано въ совѣщательныя собранія и привыкло правильно собираться въ назначенные сроки.

Ежели бы на русскомъ престолѣ былъ дѣйствительно энергическій человекъ, то онъ былъ бы главнымъ двигателемъ освобожденія крестьянъ; онъ покрылъ бы величайшею славою конецъ петербургскаго періода, онъ самъ бы далъ направленіе неминуемому событію. Но для этого нуженъ Петръ I, а не Николай.

Позвольте мнѣ объяснить эту мысль. Не одинъ абсолютизмъ препятствуетъ прогрессу въ Россіи. Петербургскій деспотизмъ сохранилъ, какъ я вамъ уже сказалъ, свою диктаторскую форму, форму революционную, лишенную традицій и началъ; это орудіе, могущее служить всякимъ цѣлямъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ русское правительство съ 26 декабря 1825 года приняло свой настоящій характеръ, оно сдѣлалось неспособно къ чему либо полезному. Николай пошелъ вспять и сдѣлалъ это съ чрезвычайной неловкостью. Онъ хотѣлъ больше быть царемъ, чѣмъ императоромъ; но, не понявъ славянскій духъ, онъ не достигъ цѣли и ограничился преслѣдованіемъ всякаго стремленія къ свободѣ, угнетеніемъ всякой идеи прогресса и остановкою всякаго необходимаго развитія. Онъ хотѣлъ изъ своей имперіи создать военную Византію, отсюда его народность и православіе, холодныя и ледяныя какъ петербургскій климатъ. Николай постигъ только китайскую сторону вопроса. Въ его системѣ не было ничего движущаго, даже ничего національнаго, — не сдѣлавшись русскимъ, онъ пересталъ быть европейскимъ.

Въ свое долгое царствованіе онъ послѣдовательно коснулся почти всѣхъ учрежденій, вводя всюду элементъ паралича, смерти.

Дворянство не могло оставаться замкнутой кастой, по легкости, съ которой получались дворянскія грамоты. Николай поставилъ препятствія, соединяя достоинство потомственного дворянина съ чиномъ маіора въ военной службѣ и статскаго совѣтника — въ гражданской.

До Николая всякій дворянинъ былъ избирателемъ; онъ учредилъ избирательный ценсъ.

Онъ сталъ назначать станovýchъ отъ правительства, подъ начальствомъ исправника, выбраннаго дворянствомъ.

Онъ ввелъ смертную казнь за преступленія политическія и отцеубійство.

Уголовные законы не признавали *нелѣпнаго наказанія* тюрьмой — Николай ввелъ его.

Терпимость вѣроисповѣданій составляла одно изъ основаній имперіи, созданной Петромъ I; Николай издалъ свирѣпыя законы *противъ лицъ, перемѣнившихъ религію*.

Дворянская грамота предоставляла право дворянамъ жить, гдѣ они хотѣли и вступать въ службу иностранныхъ государствъ. Николай ограничилъ право перемѣны мѣста и время путешествій. Онъ учредилъ конфискацію, не употреблявшуюся его предшественниками.

Петръ III уничтожилъ тайную канцелярію, родъ свѣтской инквизиціи; Николай возстановилъ ее, учреждая цѣлый корпусъ вооруженныхъ и невооруженныхъ шпионовъ, которыхъ далъ на выучку Бенкендорфу а впоследствии поручилъ другу своему Орлову.

Всѣми этими средствами Николай затормозилъ дви-

женіе, подкладывая каменья подо всѣ колеса, и теперь негодуешь на то, что ничего не идетъ. Онъ во что бы ни стало хочетъ что нибудь сдѣлать, старается изо всѣхъ силъ.....можетъ колеса рассыпятся и кучеръ свернетъ себѣ шею.

Но *можетъ еще онъ будетъ имѣть верхъ* въ борьбѣ съ старымъ свѣтомъ, усталымъ, разбѣдненнымъ, задвленнымъ.

Я вамъ сказала, любезный Линтонъ, въ первомъ письмѣ моемъ, что, ежели народу русскому предстоитъ одна только будущность — то судьбамъ російской имперіи предстоятъ двѣ.

Я вполнѣ, убѣжденъ что русскій имперіализмъ ослабнулъ бы и разложился въ короткое время передъ Европой свободной и соединенной (на сколько то позволяютъ ей національныя различія). Петербургское самодержавіе не догматъ, не начало, — а только сила; для него необходимо всегда что нибудь дѣлать. Полиція и сгнетеніе всякой мысли не могутъ замѣнить всего, другихъ дѣятельностей у него нѣтъ или онѣ пугаютъ его.

Для него были бы только два исхода при свободной Европѣ: передѣлаться въ демократическое и социальное самовластье, что можетъ не совершенно невозможно, но что совершенно измѣнить его характеръ, — или замереть, заглухнуть и окаменѣть въ Петербургѣ, — терня ежедневно свое вліяніе, силу, prestige, и наконецъ—сдѣлаться жертвою возмущенія крестьянъ или бунта солдатъ.

Когда къ двѣнадцати милліонамъ рабовъ присоединятся казаки, глубоко обиженные потерей своихъ правъ и вольности; раскольники, которыхъ число и моральная сила очень значительны и ненависть къ правительству непримирима; — да сверхъ того часть дво-

рянства..... будетъ о чемъ подумать тогда жителямъ Зимняго дворца.

Не былъ ли Пугачевъ полнымъ властителемъ четырехъ губерній въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ? Правда и то, что теперь уже не такія приняты военныя мѣры, какъ въ 1770 году.

Однако я очень хорошо помню возстаніе военныхъ поселеній въ Старой Русѣ въ 1831 году, въ 150 верстахъ отъ Петербурга и въ 450 отъ Москвы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ всегда столько расположено войскъ. Инсургенты прервали всякое сообщеніе между столицами, имѣли время казнить всѣхъ офицеровъ, учредивъ какое то правленіе, составленное изъ полковыхъ писарей.

Русскій солдатъ не привыкъ убивать русскихъ. (*) Какъ-то, во время случившагося бунта крестьянъ, при введеніи новаго министерства государственныхъ имуществъ, былъ посланъ туда полкъ, чтобъ разогнать народъ. Народъ не расходился, и продолжалъ просить чего-то. Генераль, видя что увѣщанія его не дѣйствуютъ, приказалъ солдатамъ зарядить ружья и приложиться — народъ не двинулся съ мѣста; тогда генераль далъ знакъ открыть пальбу; полковникъ скомандовалъ „Пл!“..... не раздалось ни одного выстрѣла. Генераль, удивленный, ошеломленный, грозно повторилъ команду. Солдаты опустили ружья къ ногамъ, и стояли неподвижно. Генераль, блѣдный какъ смерть, просилъ полковника и офицеровъ хранить это втайнѣ. Подобное можетъ повториться..... къ тому же въ революціонномъ воздухѣ есть какое-то электричество, обезсиливающее старыя власти; такъ какъ атмо-

*) Подобный случай былъ въ Петербургѣ во время холернаго мятежа. Корфъ въ своей книгѣ говоритъ объ артиллеристѣ, который 14-го Декабря не хотѣлъ стрѣлять.

сфера европейской реакціи укрѣпляетъ и дѣлаетъ долговѣчной царскую власть.

Монархическая и не слишкомъ военная Европа не хочетъ и не должна имѣть серьезной войны съ царемъ. Царь, съ своей стороны, не можетъ воздержаться отъ войны съ Европой, развѣ она ему подаритъ Константинополь.

Константинополь? — Да! Константинополь. Онъ ему необходимъ для того, чтобы отвести глаза русскаго народа на Востокъ; онъ ему необходимъ чтобы усилить усердіе православной церкви; наконецъ онъ ему необходимъ *инстинктивно*, потому что, не смотря на все, Николай орудіе судьбы. Онъ безсознательно приводитъ въ исполненіе внутренніе виды исторіи, и скорымъ шагомъ, съ закрытыми глазами, не видя пропасти идетъ, на ихъ совершеніе.

Время славянскаго міра настало. *Таборитъ*, общинный человѣкъ, тревожно раскрываетъ глаза, социализмъ что ли его пробудилъ?... Гдѣ водрузитъ онъ свое знамя? Около какого центра соберется онъ?

Это средоточіе не Вѣна, городъ рококо-нѣмецкій, ни Петербургъ, городъ ново-нѣмецкій, ни Варшава, городъ католическій, ни Москва, городъ исключительно русскій. Настоящая столица Соединенныхъ Славянъ — Константинополь; Римъ Восточной Церкви, центръ тяжести всѣхъ Славяно-Грековъ — Византія, окруженная Славяно-Эллинскимъ населеніемъ.

Германо-Латинскія племена продолжаютъ Имперію Западную; не знаю, суждено ли Славянамъ продолжать Имперію Восточную — но во всякомъ случаѣ не Петербургъ завоеуетъ Константинополь, а скорѣе Константинополь замѣнитъ Петербургъ.

Петербургъ былъ бы такою же нелѣпостью въ Им-

періи, владѣющей Константинополемъ, какъ какой нибудь Гольштейнъ-Готорпъ, прикинувшійся Порфирогенетомъ или Палеологомъ.

Добрымъ нѣмецкимъ выходцамъ этимъ, много дѣла на старой родинѣ.

Развѣ вы не слышите, какъ за вашей дверью казакъ перешептывается съ двумя нѣмецкими пріятелями, которые вамъ измѣняютъ и готовы служить ему проводниками въ Европу?

Послѣ 1849 года, мы предсказывали, что *Домъ абсбургскій и оенцолернскій приведутъ еще русскихъ въ сердце западнаго міра.*

Для царя, война, это выступленіе изъ береговъ отъ избытка гложущихъ силъ, послужить средствомъ отдалить на время всѣ внутренніе вопросы, и утолить дикую жажду битвы и увеличенія.

Для Европы, всякая война — несчастіе. Европа уже не въ тѣхъ лѣтахъ, чтобъ вести войну поэтическую. Ей предстоитъ рѣшеніе другихъ вопросовъ, поддержаніе другой борьбы, но она сама накупается на нее.

Завоевательная война — не совмѣстна съ цивилизаціей и промышленнымъ развитіемъ Европы, солдатскій абсолютизмъ нелѣпъ въ ней; а однако весь материкъ предпочелъ цезаризмъ — свободѣ!

Самовластье, цезаризмъ по сущности своей правленіе военное, правленіе матеріальной силы, апотеоза штыка. Статскихъ бонапартовъ нѣтъ, даже сынъ Жерома — генераль-лейтенантъ.

Можетъ быть среди крови, битвы, пожара, опустошенія — народы проснутся, и увидятъ, протирая глаза, что всѣ эти сновидѣнія страшныя, уродливыя были ни что иное, какъ сновидѣнія, какъ бредъ горячки..... Бонапартъ, Николай; мантия съ плечами, мантия облитая

польской кровью; императоръ висѣлицъ, императорь-шулерства — все это не существуетъ, призракъ; и народы, увидя какъ солнце высоко, удивятся своему долгому сну. Можетъ быть.....

И во всякомъ случаѣ война эта — *Introduzione massosa e marziale* міра славянскаго въ всеобщую исторію и съ тѣмъ вмѣстѣ *una marcia funebre* стараго свѣта.

Прощайте. Дружески кланяюсь вамъ.

Лондонъ, 20 Февраля 1854 года.

ВОЛЬНОЕ РУССКОЕ КНИГОПЕЧАТАНИЕ *)

ВЪ ЛОНДОНѢ.

I.

БРАТЬЯМЪ НА РУСИ.

Отчего мы молчимъ?

Неужели намъ нечего сказать?

Или неужели мы молчимъ оттого, что мы не смѣемъ говорить?

Дома нѣтъ мѣста свободной русской рѣчи, она можетъ раздаваться индѣ, если только ея время пришло.

Я знаю какъ вамъ тягостно молчать, чего вамъ стоитъ скрывать всякое чувство, всякую мысль, всякой по рывъ.

Открытая, вольная рѣчь — великое дѣло; безъ вольной рѣчи — нѣтъ вольнаго человѣка. Не даромъ за нее люди даютъ жизнь, оставляютъ отечество, бросаютъ достояніе. Скрывается только слабое, боящееся, незрѣлое. „Молчаніе знакъ согласія,“ — оно явно выражаетъ отрѣченіе, безнадежность, склоненіе головы, сознанныю безвыходность.

Открытое слово — торжественное признаніе, переходъ въ дѣйствіе.

*) Эти статьи были напечатаны въ особомъ сборникѣ подъ заглавіемъ: „Десятилѣтіе вольной русской типографіи въ Лондонѣ.“

Изд.

Время печатать по русски въ Россіи, кажется намъ, пришло. Ошибаемся мы или нѣтъ, это покажете вы.

Я первый снимаю съ себя вериги чужаго языка и снова принимаюсь за родную рѣчь.

Охота говорить съ чужими проходить. Мы имъ рассказали, какъ могли, о Руси и мірѣ славянскомъ; что можно было сдѣлать — сдѣлано.

Но для кого печатать по русски за границею, какъ могутъ расходиться въ Россіи запрещенныя книги?

Если мы все будемъ сидѣть, сложа руки, и довольствоваться безплоднымъ ропотомъ и благороднымъ негодованіемъ, если мы будемъ благоразумно отступать отъ всякой опасности и, встрѣтивъ препятствіе, останавливаться, не дѣлая опыта ни перешагнуть, ни обойти — тогда долго не придутъ еще для Россіи свѣтлые дни.

Ничего не дѣлается само собою, безъ усилій и воли, безъ жертвъ и труда. Воля людская, воля одного твердаго человѣка — страшно велика.

Спросите, какъ дѣлають наши польскіе братья, сгнетенные больше васъ. Въ продолженіи двадцати лѣтъ развѣ они не рассылають по Польшѣ все, что хотятъ, минуя цѣпи жандармовъ и сѣти донощиковъ.

И теперь вѣрные своей великой хоругви, на которой было написано: *За нашу и вашу волю* — они протягивають вамъ руку; они вамъ облегчаютъ три четверти труда, остальное можете вы сдѣлать сами.

Польское демократическое товарищество въ Лондонѣ, въ знакъ его братскаго соединенія съ вольными людьми русскими, предлагаетъ вамъ свои средства для доставленія книгъ въ Россію и рукописей отъ васъ сюда.

Ваше дѣло найти и вступить въ сношеніе.

Присылайте, что хотите, все писанное въ духѣ сво-

боды будетъ напечатано, отъ научныхъ и фактическихъ статей по части статистики и исторіи до романовъ, повѣстей и стихотвореній.

Мы готовы даже печатать безденежно.

Если у васъ нѣтъ ничего готоваго, своего, пришлите ходящія по рукамъ запрещенныя стихотворенія Пушкина, Рылѣева, Лермонтова, Полежаева, Печерина и др.

Приглашеніе наше столько-же относится къ панславистамъ, какъ ко всѣмъ свободномыслящимъ русскимъ. Отъ нихъ мы имѣемъ еще больше права ждать, потому что они исключительно занимаются Русью и славянскими народами.

Дверь вамъ открыта. Хотите-ли вы ею воспользоваться или нѣтъ? это останется на вашей совѣсти.

Если мы не получимъ ничего изъ Россіи — это будетъ не наша вина. Если вамъ покой дороже свободной рѣчи—молчите.

Но я не вѣрю этому—до сихъ поръ никто ничего не печаталъ по русски за границую, потому что не было свободной типографіи. Съ перваго Мая 1853 типографія будетъ открыта. Пока въ ожиданіи, въ надеждѣ получить отъ васъ что нибудь, я буду печатать свои рукописи.

Еще въ 1849 году я думалъ начать въ Парижѣ печатаніе русскихъ книгъ; но гонимый изъ страны въ страну, преслѣдуемый рядомъ страшныхъ бѣдствій, я не могъ исполнить моего предпріятія. Къ тому-же я былъ увлеченъ; много времени, сердца, жизни и средствъ принесъ я на жертву западному дѣлу. Теперь я себя въ немъ чувствую лишнимъ.

Быть вашимъ органомъ, вашей свободной, безцензурной рѣчью—вся моя цѣль.

Не столько новаго, своего хочу я вамъ рассказывать,

сколько воспользоваться моимъ положеніемъ для того, чтобъ вашимъ невысказаннымъ мыслямъ, вашимъ за- таеннымъ стремленіямъ дать гласность, передать ихъ братьямъ и друзьямъ, потеряннымъ въ нѣмой дали русскаго царства.

Будемъ вмѣстѣ искать и средствъ и разрѣшеній, для того, чтобъ грозныя событія, собирающіяся на Западѣ, не застали насъ въ распахъ или спящими.

Вы любите нѣкогда мои писанія. То что я теперь скажу не такъ юно и не такъ согрѣто тѣмъ свѣтлымъ и радостнымъ огнемъ и той ясной вѣрою въ близкое будущее, которые прорывались сквозь цензурную рѣшетку. Цѣлая жизнь погребена между тѣмъ временемъ и настоящимъ; но за утрату многого, искусившаяся мысль стала зрѣлѣе, мало вѣрованной осталось, но оставшіяся прочны.

Встрѣтите-же меня, какъ друзья юности встрѣчаютъ воина, возвращающагося изъ службы, состарѣвшагося, израненаго, но который честно сохранилъ свое знамя и въ плѣну и на чужбинѣ—и съ прежней безпредѣльной любовью подаетъ вамъ руку на старый союзъ нашъ во имя *Русской и Польской свободы*.

Лондонъ, 21 Февраля 1853.

ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ! ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ!

II.

РУССКОМУ ДВОРЯНСТВУ.

Первое вольное русское слово изъ за границы пусть будетъ обращено къ вамъ.

Въ вашей средѣ развилась потребность независимости, стремленіе къ свободѣ и вся умственная дѣятельность послѣдняго вѣка.

Между вами находится то самоотверженное меньшинство, которымъ искупается Россія въ глазахъ другихъ народовъ и въ собственныхъ своихъ.

Изъ вашихъ рядовъ вышли Муравьевъ и Пестель, Рылѣевъ и Бестужевъ.

Изъ вашихъ рядовъ вышли Пушкинъ и Лермонтовъ.

Наконецъ и мы, оставившіе родину для того, чтобъ хоть въ чужѣ раздавалась свободная русская рѣчь, вышли изъ вашихъ рядовъ.

Къ вамъ первымъ мы и обращаемся.

Не съ словами упрека, не съ невозможнымъ на сію минуту зовомъ на бой, а съ дружескою рѣчью объ общемъ горѣ, объ общемъ стыдѣ и съ братскимъ совѣтомъ.

Горестно, стыдно быть рабами, но всего горестнѣе и больнѣе сознавать, что рабство наше необходимо, что оно въ порядкѣ вещей, что оно естественное слѣдствіе.

На нашей душѣ лежитъ великій грѣхъ, мы его унаслѣдовали, и въ этомъ невиноваты, но мы удерживаемъ неправо унаслѣдованное, оно стягиваетъ насъ какъ тяжелый камень на дно и съ нимъ на шеѣ мы не всплывемъ.

Мы рабы — потому что наши праотцы продали свое человѣческое достоинство за нечеловѣческія права, а мы пользуемся ими.

Мы рабы — потому что мы господа.

Мы слуги — потому что мы помѣщики, и помѣщики безъ вѣры въ наше право.

Мы крѣпостные — потому что держимъ въ неволѣ нашихъ братій равныхъ намъ по рожденію, по крови, по языку.

Нѣтъ свободы для насъ, пока проклятiе крѣпостнаго состоянiя тяготитъ надъ нами, пока у насъ будетъ существовать гнусное, позорное, ничѣмъ неоправданное рабство крестьянъ.

Съ Юрьева дня начнется новая жизнь Россiи, съ Юрьева дня начнется наше освобожденiе.

Нельзя быть свободнымъ человѣкомъ и имѣть дворовыхъ людей, купленныя какъ товаръ, проданныхъ какъ стадо.

Нельзя быть свободнымъ человѣкомъ и имѣть право сѣчь мужиковъ и посылать дворовыхъ на сѣзжую.

Нельзя даже говорить о правахъ человѣческихъ, будучи владѣльцемъ человѣческихъ душъ.

Развѣ царь не можетъ сказать: „Вы хотите быть свободными? съ какой стати? Берите оброкъ съ вашихъ крестьянъ, берите ихъ трудъ, берите ихъ дѣтей во дворъ, обмѣривайте ихъ землю, продавайте ихъ, покупайте, переселяйте, бейте, сѣките ихъ, а если устали, посылайте ихъ ко мнѣ въ полицію, я охотно буду сѣчь

за васъ. Мало вамъ этого, что ли? надобно честь знать! Предки наши уступили вамъ часть нашего самодержавія; кабала вамъ свободныхъ людей, они оторвали полу царской багряницы своей и бросили ее на бѣдность вашимъ отцамъ; вы не отказались отъ нее, вы покрываетесь ею, живете подъ нею—какая же можетъ быть между нами рѣчь о свободѣ? Оставайтесь крѣпки царю, пока православные крѣпки вамъ. Съ чего помѣщикамъ быть свободными людьми?“

И царь будетъ правъ.

Многіе изъ васъ желали освобожденія крестьянъ, Пестель и его друзья ставили освобожденіе ихъ своимъ первымъ дѣломъ. Спорили съ начала о томъ: съ землею или безъ земли дать волю? Потомъ всѣ увидѣли нелѣпность освобожденія въ голодъ, въ бродяжничество, и вопросъ шелъ только о количествѣ земли и о возможномъ возмездіи за нее.

Въ самыхъ помѣщичьихъ губерніяхъ, въ Пензѣ и Тамбовѣ, въ Ярославлѣ и Владимірѣ, въ Нижнемъ и наконецъ въ Москвѣ вопросъ объ освобожденіи находилъ сочувствіе и нигдѣ не встрѣчалъ того остервененія, съ которымъ американскіе помѣщики защищаютъ свои черныя права.

Гульское дворянство подало прозектъ; въ десяти другихъ губерніяхъ совѣщались, дѣлали предположенія.

И вдругъ дворяне и правительство перепугались, и изъ ихъ дрожащихъ рукъ выпали всѣ благія начинанія.

А бояться было вовсе нечего; разливъ 1848 года былъ слишкомъ мелокъ, чтобъ поднять наши степи.

Съ тѣхъ поръ все заснуло.

Куда дѣлось меньшинство, которое шумѣло въ петербургскихъ и московскихъ гостинныхъ объ освобожденіи крестьянъ?....

Чѣмъ кончились всѣ эти комитеты, совѣщанія, проекты, планы, предположенія?...

Наше сонное бездѣйствіе, вялая невыдержка, страдательная уступчивость наводятъ грусть и отчаяніе. Съ этой распущенностью мы дошли до того, что правительство насъ не гонитъ, а только пугаетъ и есlibъ не юношеская, полная отваги и безразсудства исторія Петрашевскаго и его друзей, можно бы было подумать, что вы поладили съ Николаемъ Павловичемъ и живете съ нимъ душа въ душу.

А между тѣмъ въ деревняхъ становится не ловко. Крестьяне посматриваютъ угрюмо. Дворовые меньше слушаются. Всякія вѣсти бродятъ. Тамъ-то помѣщика съ семьей сожгли, тамъ-то убили другаго цѣпами и вилами, тамъ то прикащика задушили бабы на полѣ, тамъ то *камергера* высѣбли розгами и взяли съ него подписку молчать.

Крѣпостное состояніе явнымъ образомъ надоѣло мужикамъ, они только не умѣютъ приняться сообща за дѣло. Вы съ своей стороны знаете, что шагъ впередъ нельзя сдѣлать безъ освобожденія крестьянъ. Но оно то по счастью всего больше зависить отъ васъ.

Зависить сегодня. Мы не знаемъ что будетъ завтра.

Чегожъ вы ждете въ самомъ дѣлѣ?

Разрѣшенія правительства? Оно дало вамъ какой-то лукавый и двусмысленный намекъ въ 1842 году. Вы имъ не воспользовались.

Да и какое тутъ позволеніе? Насильно заставить владѣть невозможно, это было бы тиранство совершенно новаго рода, обратная конфискація.

Вникните въ наши слова, поймите ихъ.

На сію минуту вы имѣете за себя больше нежели

право, *) фактъ владѣнія—власть. Такъ или иначе, но ключъ отъ цѣпи у васъ въ рукахъ. Намъ кажется умнѣе, *разсчитливѣе* уступить нежели ждать взрыва. Умнѣе бросить за бортъ долю груза, нежели дать утонуть всему кораблю.

Мы не предлагаемъ вамъ какъ Христосъ Никодиму раздать ваше достояніе изъ самоотверженія, у насъ нѣтъ вамъ рая въ замѣну за такую жертву. Мы ненавидимъ фразы и вовсе не вѣримъ въ повальное великодушіе, ни въ безкорыстіе цѣлыхъ сословій. Французское дворянство 4-го Августа 1792 г. поступило въ десять разъ больше умно нежели самоотверженно.

Взвѣсьте что вамъ выйднѣе, освобожденіе крестьянъ съ землею и съ вашимъ участіемъ или борьба противъ освобожденія съ участіемъ правительства? Взвѣсьте что выйднѣе, начать собой новую, свободную Русь и полюбовно рѣшить тяжелый вопросъ съ крестьянами или начать противъ нихъ крестовый походъ съ ружьемъ въ одной рукѣ, съ розгой въ другой? Если есть только будущность Руси и міру славянскому, *крестьяне будутъ свободны...*

Или вовсе не будетъ Россіи и слѣдъ ея, отмѣченный ненужной кровью и дикими побѣдами, исчезнетъ мало по малу какъ слѣдъ татаръ, какъ второй неудачный слой сѣвернаго населенія послѣ финновъ. Государство, не умѣющее отцѣлаться отъ такого чернаго грѣха, такъ глубоко взошедшаго во внутреннее строеніе его не имѣетъ права ни на образованіе, ни на развитіе, ни на участіе въ дѣлѣ исторіи.

*) Всякое дворянство на Западѣ можетъ сослаться на какія нибудь слабыя, призрачныя права владѣнія крестьянами; у насъ и тѣхъ нѣтъ. Не кровью приобрѣло русское дворянство рабовъ, а рядомъ полицейскихъ мѣръ, низкимъ потворствомъ царей, плутнями чиновниковъ и безстыдной алчностью своихъ праотцевъ.

Но ни вы не вѣрите такой страшной будущности, ни я.

И вы и я, мы чувствуемъ и знаемъ, что освобожденіе крестьянъ необходимо, неотразимо, неминуемо.

Если вы не сѹмѣете ничего сдѣлать, они все таки будутъ свободны, по царской милости или по милости пугачевщины.

Въ обоихъ случаяхъ вы погибли, а съ вами и то образованіе, до котораго вы доработались труднымъ путемъ, оскорбительными униженіями и большими неправдами.

Больно, если освобожденіе выйдетъ изъ Зимняго Дворца, власть царская оправдается имъ передъ народомъ и, раздавивши васъ, сильнѣе укрѣпитъ свое самовластіе нежели когда-либо.

Страшна и пугачевщина, но скажемъ откровенно, если освобожденіе крестьянъ не можетъ быть куплено иначе, то и тогда оно не дорого куплено. Страшныя преступленія влекутъ за собой страшныя послѣдствія.

Это будетъ одна изъ тѣхъ грозныхъ историческихъ бѣдъ, которыя предвидѣть и избѣгнуть заблаговременно можно, но отъ которыхъ спастись въ минуту разгрома трудно или совсѣмъ нельзя.

Вы читали исторію пугачевского бунта, вы слышали рассказы о старорусскомъ возстаніи.

Наше сердце обливается кровью при мысли о невинныхъ жертвахъ, мы впередъ ихъ оплакиваемъ, но склоняя голову скажемъ: пусть совершается сграшная судьба, которую предупредить не умѣли или не хотѣли.

Еслибъ мы думали, что эта чаша неотвратима, мы не обратились бы къ вамъ, наши слова были бы тогда праздны или походили бы на неумѣстную и злую насмѣшку.

Совсѣмъ напротивъ, мы увѣрены, что нѣтъ никакой роковой необходимости, чтобъ каждый шагъ впередъ для народа былъ отмѣченъ горами труповъ. Крещеніе кровью великое дѣло, но мы не раздѣляемъ свирѣпой вѣры, что всякое освобожденіе, всякой успѣхъ долженъ непременно пройти черезъ него.

Неужели грозные уроки былого всегда будутъ нѣмь?

И кого можетъ лучше поучать прошедшее и настоящее, какъ не васъ: вы зрители, вы смотрите, сложа руки, на грозную борьбу, совершающуюся въ Европѣ.

Чѣмъ дошла она, за исключеніемъ Англіи, до петербургскаго управленія, до того, что образованнѣйшіе города ея превратились въ сѣвзжіе дворы, Парижъ — въ человѣческую бойню, Франція — въ католическую Сибирь, Германія — въ остъзейскія провинціи? Упорнымъ нехотѣніемъ уступать тому мощному вѣянью, которое неотразимо двигаетъ родъ людской.

Западные мѣщане все потеряли — честь, покой, свободу, все такъ трудно нажитое ихъ собственною кровью, — и что же, побѣдили-ли они тотъ натискъ страстныхъ стремленій къ новому общественному чину, котораго они такъ боятся? Нѣтъ. Правда сломленные, оттолкнутые порывы отступили, но не исчезли, не уничтожились, они бродятъ и роются глубже въ тайникахъ сердца человѣческаго, дѣлаютъ горькую мысль, острую кровь и трепетнымъ огнемъ гнѣва пробѣгаютъ суставы всего тѣла.

Вмѣсто общественнаго пересозданія готовится общественное разрушеніе. Мало будетъ теперь тѣмъ, которые такъ добродушно обѣщали три мѣсяца голода, и дали пять лѣтъ мученичества, мало для нихъ теперь одного водворенія новаго, имъ надобна мечь. Они заслужили эту награду.

Учитесь, пока еще есть время.

Мы еще вѣримъ въ васъ, вы дали залогъ, наше сердце ихъ не забыло, вотъ почему мы не обращаемся прямо къ несчастнымъ братьямъ нашимъ для того, чтобъ сосчитать имъ ихъ силы, которыхъ они не знаютъ; указать имъ средства, о которыхъ они не догадываются, растолковать имъ вашу слабость, которую они не подозреваютъ; для того, чтобъ сказать имъ:

„Ну, братцы, къ топорамъ теперь. Не вѣкъ намъ быть въ крѣпости, не вѣкъ ходить на барщину, да служить во дворѣ; постоимте за святую волю, довольно патѣшплись надъ нами господа, довольно осквернили дочерей нашихъ, довольно обломали палокъ объ ребра стариковъ..... Нутка, дѣтушки, соломы, соломы къ господскому дому, пусть баричи погрѣются въ послѣдній разъ!“

Вмѣсто этой рѣчи мы вамъ говоримъ: предупредите большія бѣдствія, пока это въ вашей волѣ.

Спасите себя отъ крѣпостнаго права и крестьянъ отъ той крови, которую они должны будутъ пролить.

Пожалѣйте дѣтей своихъ, пожалѣйте совѣсть бѣднаго народа русскаго.

Но торопитесь, — время страдное, ни одного часа терять нельзя.

Горячее дыханіе больной, выбившейся изъ силъ Европы, вѣетъ на Русь переворотомъ. Царь отгородилъ васъ заборомъ, но въ казенномъ заборѣ его есть щели и сквозной вѣтеръ сильнѣе вольнаго.

Наступающій переворотъ не такъ чуждъ русскому сердцу какъ прежніе. Слово *соціализмъ* неизвѣстно нашему народу, но смыслъ его близокъ душѣ русскаго человѣка, изживающаго вѣкъ свой въ сельской общинѣ и въ рабоче-пчешеской артели.

Въ социализмѣ встрѣтится Русь съ революціей.

Такихъ океаническихъ потоковъ нельзя въ самомъ дѣлѣ остановить таможенными мѣрамп и розгамп..... Посторонитесь, если не хотите быть потопленными или плывите по теченію.

...Можетъ тѣ изъ васъ, которые не хотятъ освобожденія, думаютъ, что царь поможетъ имъ въ разгромѣ.

Они привыкли къ свирѣпымъ военнымъ усмиреніямъ, они привыкли къ роли палача, которую правительство такъ охотно беретъ на себя по требованію помѣщика. Они привыкли къ его преступной глухотѣ къ крестьянскимъ жалобамъ и къ его позорному потворству противузаконнымъ продажамъ, чрезмѣрнымъ податямъ, насильственному употребленію крестьянъ внѣ деревни.....

Быть можетъ въ самомъ дѣлѣ царь поможетъ тѣми средствами, которыми его *благословенный* предшественникъ помогъ введенію военныхъ поселеній, засѣкая до смерти десятаго, двадцатаго человѣка..... Можетъ...

Но если вы воспользуетесь съ ними вмѣстѣ царской защитой, тогда смотрите, ведите себя хорошо и смиренно; забудьте всякое человѣческое достоинство, и рѣчь сколько-нибудь свободную, и мечту о личной независимости, будьте тогда вѣрноподданными и только вѣрноподданными.

Не то, вспомните, если юродивый австрійскій императоръ, отрѣшенный отъ дѣлъ за неспособность, напелъ средство унять галицкихъ помѣщиковъ съ своимъ сообщникомъ Шелой — что съ вами сдѣлаютъ Николай Павловичъ и его дѣти?

III.

ПОЛЯКИ ПРОЩАЮТЪ НАСЪ!

Кровь и слезы, отчаянная борьба и страшная побѣда соединили Польшу съ Россіей.

По клоку отрывала Русь живое мясо Польши, отрывала провинцію за провинціей и, какъ неотразимое бѣдствіе, какъ мрачная туча подвигалась все ближе и ближе къ ея сердцу. Гдѣ она не могла взять силой, она брала хитростью, деньгами, уступала своимъ естественнымъ врагамъ и дѣлалась съ ними добычей.

Изъ за Польши припяла Россія первый черный грѣхъ на душу. Раздѣлъ ея останется на ея совѣсти. Менѣе преступно было бы взять съ разу всю Польшу за себя, чѣмъ дѣлиться ею съ нѣмцами.

Варшава и Царьградъ были двѣ мучительныя мечты, два манающіе призрака, не давашіе спать Зпмнему Дворцу.

Александръ, послѣ 1812 года, побѣдилъ всю Европу, а взялъ только Польшу. Его войска, вступая въ Парижъ, завоевали собственно одну Варшаву.

Европа, тогда же дряхлая и опустившаяся, безмысленно отдала Польшу, отдала ее въ Вѣнѣ, спасенной поляками. Европа думала, что послѣ взятія Парижа, нечего бояться. Она была обезпечена съ запада. Нико-

му въ голову не пришло, что за то дорога съ востока была протоптана казаками.

Александръ увѣрилъ Европу, что можно быть русскимъ императоромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ королемъ польскимъ. Онъ увѣрилъ, что петербургскій самодержецъ можетъ быть конституціоннымъ государемъ въ Варшавѣ.

Это была ложь.

Лицемерную ложь замѣнилъ Николай свирѣпой истиной.

Чувствуя грубую руку его, Польша возсталала.

Послѣ девяностыхъ годовъ ничего не было ни доблести, ни поэтичности этого возстанія. Это не трехдневный бой на улицахъ, это не невзначай одержанная побѣда надъ войскомъ взятымъ въ распахъ и не расположеннымъ драться — это была отчаянная война десяти мѣсяцевъ. Война, которую вело цѣлое войско, противъ войска въ три раза сильнѣйшаго; войско, ставшее за народъ, умиравшее за народъ, а не за власть, не за палачей.

Задавленные силой, преданные западными правительствами и своими измѣнниками, поляки, сражаясь на каждомъ шагу, отступали. Перейдя границу, они взяли съ собой свою родину и не склоняя головы гордо и угрюмо пропесли ее по свѣту.

Европа разступилась съ уваженіемъ передъ торжественнымъ шествіемъ отважныхъ бойцевъ.

Народы выходили къ нимъ на поклонъ. Цари сторонились, чтобъ дать имъ пройти.

Европа проснулась на минуту отъ ихъ шаговъ, нашла слезы и участіе, нашла деньги и силу ихъ дать.

Благородный образъ польскаго выходца, этого крестоваго рыцаря свободы, остался въ памяти народной.

Онъ искупалъ вѣкъ малодушный и холодный, онъ примиралъ человѣка съ людьми и оживлялъ надежды давно заснувшія.

Двадцать лѣтъ на чужбинѣ, въ нуждѣ и лишеніяхъ, въ потѣ лица зарабатывая скудный кусокъ хлѣба, часто притѣсненные и гонимые изъ страны въ страну, польскіе выходцы неусыпно трудились съ одной завѣтной мыслию возрожденія свободной Польши. И вѣра ихъ не поблѣднѣла отъ грозныхъ событій и любовь ихъ не простыла отъ всеможныхъ оскорбленій и дѣятельность ихъ не притуплась и мышцы не ослабли отъ усталости и безудѣшности. Совсѣмъ напротивъ, на всякой роковой переключкѣ, въ грозные дни борьбы и опасности, они первые отвѣчали „Здѣсь!“ какъ сказалъ одинъ изъ ихъ вожатаевъ. И дѣйствительно бѣлокурый сынъ Польши являлся въ первыхъ рядахъ всѣхъ народныхъ возстаній, принимая всякой бой за вольность — боемъ за Польшу.

Но не все ихъ отечество было на чужбинѣ.

Въ то время какъ одна Польша шла на Западъ, спасая удаленіемъ родину, другая Польша въ цѣпяхъ шла въ Сибирь, спасая ее мученичествомъ. Все живое, все не умолкнувшее, все надѣвшееся, юное и старое, женщины, монахи и дѣти—все шло въ снѣжныя степи.

Двадцать лѣтъ съ тою-же упорностью, съ тою-же настойчивостью, свирѣпствовали въ Польшѣ царь, попирая ногами все польское, все человѣческое.

Прибывъ къ землѣ послѣдніе ростки, онъ снялъ границу между Польшей и Россіей.....

Неужели во всемъ этомъ только и смысла, что кровавая борьба, изгнаніе, ссылка, позорная побѣда, неправое стяженіе ?

Нѣтъ. Сквозь мрачный рядъ событій, сквозь дымя-

щуюся кровь, черезъ висѣльцы, черезъ головы царя и палачей просвѣчиваетъ иной день. Изъ за насильственного единства виднѣется единство свободное, изъ за единства поглощающаго Польшу Россіей, единство основанное на признаніи равенства и самобытности обоихъ, изъ за царскаго соединенія соединеніе народное. Скованные по неволѣ колодники, всматриваясь болѣе и болѣе, узнали другъ въ другѣ братьевъ; таже кровь сказалась и семейная вражда изсякаетъ.

Вражда! Откуда она?... Откуда взялось это непреодолимое чувство непріязни, которое влекло сначала Польшу въ Русь, потомъ Русь въ Польшу.

Намъ всегда была подозрительна эта ненависть, намъ не вѣрилось этой враждѣ. Не крылось-ли подъ ними желаніе пополнить себя, не было-ли въ сосѣдской зависти неяснаго чувства обоюдной неполноты и односторонности?

Имъ не доставало другъ друга, а онѣ терзали, уничтожали одна другую.

Русь сильная единоплеменностью, народнымъ чувствомъ своей цѣлости, своего братства, срослась въ огромное государство. Но въ этомъ печальномъ государствѣ явнымъ образомъ чего-то не доставало. Жизнь его скрылась по деревнямъ или стремилась къ окраинамъ, выступая непрерывно за свои предѣлы, какъ будто томимая тоской, она искала убѣжища отъ внутренней тѣсноты, отъ царскаго гнета, и не находила, потому что всюду несла съ собою его мертвящую власть.

Русь сохранила общину, развила государство, образовала войско, но не развила вольнаго человѣка.

Противъ нее, *равной* передъ своимъ гнетомъ стояла Польша, *неравная* въ своей свободѣ.

Личность, признанная Польшей за вольную, была облечена во все самодержавіе человѣческаго достоинства, она была вѣнцомъ славы и побѣднымъ вѣнцомъ польскаго развитія. Царственное, „не позволяю,“ принадлежавшее всякому свободному человѣку, непонятное вѣрно-подданнымъ ариѳметическаго большинства голосовъ, выражаетъ чистѣйшимъ образомъ славянское начало еднородности и безпредѣльной воли лица.

Но *другія* личности въ Польшѣ не были свободны и съ этимъ противурѣчіемъ она сладить не могла.

Славяне не умѣютъ долго и умѣренно жить въ двойствѣ народной неволи и аристократической свободы. Тотъ или другой элементъ непременно выступитъ изъ всѣхъ границъ. Свободный дѣлается тираномъ; исключенный изъ правъ—рабомъ.

Можетъ всѣ славяне рабы оттого, что они не могутъ быть всѣ свободны.

Польша утратила на время нераздѣльную цѣлость, государственное значеніе, въ искупленіе своего отчужденія, своего западнаго аристократизма, своей преданности папѣ.

Ей надобно было, волей или неволей, снова сблизиться съ славянскимъ міромъ, вспомнить свое славянское начало. Польша не Венгрія, не безродная, не одна на свѣтѣ, съ правой и съ лѣвой стороны, на Югъ и на Сѣверъ, она окружена славянами.

Свою односторонность Польша много искупила отвагой въ бою, непреклонностью въ изгнаніи, мучениками непрерывно падающими подъ царскимъ гоненіемъ, подъ вражьими пулями, подъ топоромъ палачей.

Не доставало еще одной жертвы. Она приносится *теперь*.

Поляки болѣе и болѣе сближаются съ русскими.

Мы говоримъ о Польшѣ демократической, народной, современной.

Для нея, та Польша, которая ненавидѣла Россію, о которой мечтали ея олигархи и ея полководцы, становится также чужда, какъ петербургская Русь. Съ той разницей, что одна имѣетъ за себя силу, а другая противъ себя свое безсиліе.

Мы всегда искали этой близости,—съ нашей стороны тутъ нѣтъ и достоинства, мы виноваты, мы оскорбители, насъ угрызала совѣсть, насъ мучилъ стыдъ. Ихъ Варшава пала подъ нашими ядрами и мы ничѣмъ не умѣли показать ей наше сочувствіе, кромѣ скрытыхъ слезъ, осторожнаго шопота и робкаго молчанія.

Муравьевъ, Пестель и ихъ друзья, первые протянули руку полякамъ. Народъ польскій, въ то время какъ Сеймъ произносилъ низверженіе дома Романовыхъ, служилъ въ Варшавѣ торжественную панихиду Муравьеву, Пестелю и ихъ друзьямъ.

Но между тѣмъ временемъ и нашимъ прошелъ черныи 1831 годъ. Россія вполне заслужила новую ненависть Польши...

... Послѣ долгихъ годовъ озлобленія раздался наконецъ голосъ Мицкевича, говорившій о томъ великомъ славянскомъ единствѣ, которое должно покрыть частную вражду Польши и Россіи.

Въ 1845 году польскіе демократы въ Лондонѣ обратились съ теплой рѣчью къ русскимъ, и спрашивали себя и ихъ: „Откуда эта ненависть слишкомъ ожесточенная, чтобъ быть продолжительной, слишкомъ долгая, чтобъ быть естественной. Думаль-ли ктонибудь изъ васъ объ ней, отдали ли мы себѣ въ ней отчетъ?“

И они звали на примиреніе и на общую борьбу.

Голосъ ихъ не дошелъ до насъ; но тогда уже моло-

дежь всѣхъ русскихъ университетовъ тѣсно соединялась съ польскими юношами, присылаемыми къ намъ правительствомъ.

Наканунѣ февральской революціи, нашъ Вакунинъ явился передъ собраніемъ поляковъ, праздновавшихъ годовщину варшавскаго возстанія. Онъ просилъ забвенія прошедшему и предлагалъ во имя юной Россіи союзъ и братство.

Его рѣчь была принята кликами сочувствія. Но, не смотря на все на это, скажемъ откровенно, истиннаго мира и соглашенія не было.

Трудно было полякамъ переломить вѣковой предразсудокъ и забыть свѣжее оскорбленіе. Палачей своихъ никто не любитъ, какъ бы казни ни были чужды ихъ сердцу. Надобенъ былъ длинный трудъ мысли, рядъ испытаній для того, чтобъ подвигнуть поляковъ не только на забвеніе былаго, но на соединеніе съ нами.

Вотъ та новая жертва, которая требовалась отъ ихъ безграничной преданности.

Они ее приносятъ. Послѣ столькихъ потерь, столькихъ жертвъ, они жертвуютъ самой *ненавистью*.

Пока міръ тщетно ждетъ царской амнистіи полякамъ, Польша даетъ амнистію народу русскому.

Еще болѣе. Она въ лицѣ своихъ демократическихъ вожатаевъ протягиваетъ вамъ свою руку.

И это болѣе нежели соединеніе двухъ непріятелей противъ одного общаго врага.

Великій полякъ Конарскій, принесшій свою грудь палачамъ изъ за границы для того, чтобъ проповѣдывать свободу въ польско-русскихъ губерніяхъ и неизвѣстный русскій офицеръ Караваевъ, погибнувшій, желая спасти Конарскаго, осужденнаго на смерть—вотъ первообразъ того соединенія, о которомъ идетъ рѣчь.

Торопитесь взять протянутую вамъ руку, она васъ будить, она вамъ напоминаетъ, что вашъ часъ приближается, что пора наконецъ вамъ завоевать человѣческое достоинство или потерять на него права ваши.

Рука эта въ тоже время рука Муравьева и Пестеля.

Вы полны прекрасныхъ стремленій, но вы неопытны какъ дѣти, вы гибнете понапрасну или сидите сложа руки; увлекаетесь невозможными надеждами или отдаетесь неоправданному отчаянію. Все, что вы дѣлаете, не имѣетъ ни единства, ни опредѣленной цѣли. Отъ того всѣ ваши стремленія, усилія выдыхаются бесплодно, ваша мысль объемиста и глубока, ваше сердце свѣже, вы знаете народъ, вы не свихнули свой умъ, не испортили своего инстинкта, не истощили своихъ силъ середь ложныхъ страстей, середь безсильной болтовни, завистливыхъ притязаній и застарѣлаго растлѣнія.

Но при всемъ этомъ вы праздны.

Внутренній трудъ, созерцаніе, изученіе дали вамъ много, но они не дадутъ вамъ теперь ничего больше. Мысль и такъ опередила событія. Мысль безъ дѣлъ мертва, какъ вѣра. Чѣмъ болѣе она расходится съ жизнью, тѣмъ она становится суше, холоднѣе, безстрастнѣе, ненужнѣе. Германія служить вамъ примѣромъ и угрозой.

Одно теоретическое развитіе, отвлеченное и не переводимое въ жизнь, противно славянскому характеру. Для васъ это слишкомъ мало и слишкомъ легко.

Безплодное негодование, ученые споры, благородныя стремленія, тоска по свободѣ и весь этотъ революціонный эпикуреизмъ и лиризмъ не идетъ намъ болѣе, мы выросли изъ него; онъ слишкомъ сбивается на смиренныя упованія христіанъ, которыхъ невозможность имъ самимъ очевидна, но которыя они поддерживаютъ для нервнаго раздраженія.

„Наше время, говорятъ, не настало.“ Оно никогда не настанетъ, если мы не будемъ работать. Исторія дѣлается волей человѣческой, а не сама собою. Отъ того она намъ такъ дорога.

Грядущія событія теперь покрыты громовой тучей. Откуда ударитъ громъ, кого поразитъ стрѣла, гдѣ разразится гроза, никто не знаетъ. Но если вы не будете изготовляться и эта гроза пройдетъ мимо нашихъ головъ.

Мы писали вамъ, объявляя объ учрежденіи вольнаго русскаго книгопечатанія въ Лондонѣ, „что дверь вамъ открыта—ваше дѣло ею воспользоваться.“

„Три четверти труда сдѣланы нашими польскими братьями, остальное вы можете сдѣлать сами.“

Ваше дѣло найти вамъ протянутую руку; ваше дѣло вступить въ сношеніе съ нами и съ нашими друзьями.

— Гдѣ? Какъ?—Оглянитесь... Возлѣ васъ, за вашими плечами,

— Но сношенія съ нами опасны.

— Безъ всякаго сомнѣнія.

Бѣгущему опасности, тутъ нѣтъ мѣста.

До сихъ поръ насъ никто не обвинялъ въ трусости, мнѣ кажется, что доля опасенія происходитъ не отъ трусости, а оттого, что революціонная дѣятельность вамъ необыкновенна и дика.

Половина нашей молодежи обыкновенно вступаетъ въ военную службу. Я не слыхалъ, чтобъ военные шли въ отставку при началѣ кампаніи—а вѣдь на войнѣ еще опаснѣе. Отчего-же одни и тѣже люди отважно представляютъ грудь шашкѣ Чеченца, пулѣ Лезгина, идутъ на стѣны Измаила, падаютъ отъ чумы и непріятеля за Балканами, и боятся въ тиши и тайнѣ начать союзъ и общій трудъ, съ великой и святой цѣлью освобожденія?

Со стороны Польши забыта обида, прощено насилье, пожертвована ненависть. Она правая, многострадальная — протягиваетъ руку. Стыдъ намъ, если мы не съумѣемъ ее взять.

Я чувствую, что это невозможно, я *чувствую*, что мы достойны союза съ нею. Вамъ слѣдуетъ это *доказать*.

Соединитесь съ поляками въ общую борьбу „за нашу и ихъ вольность“ и грѣхъ Россіи искупится и не напрасно пропадетъ наше 14 Декабря и мы съ гордостью и умиленіемъ скажемъ когда нибудь міру:

Польша не зинула бы и безъ насъ—но и мы облегчили ей тяжкую борьбу!

Лондонъ, 20 Іюля 1853 года.

IV.

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ОБЩИНА

ВЪ ЛОНДОНѢ

РУССКОМУ ВОИНСТВУ ВЪ ПОЛЬШѢ.

Братья!

И такъ царь накликалъ наконецъ войну на Русь.

Какъ ни пятались назадъ, какъ ни мирволили ему его товарищи и сообщники, боясь своихъ народовъ, больше всякаго врага, — онъ напросился на войну, додразнилъ ихъ до того, что они пошли на него.

Ему не жаль крови русской.

А еще есть добрые люди между вами, которые его называютъ отцемъ, — вотчимъ онъ безжалостный, а не отецъ.

Мы, изгнанники русскіе и польскіе на чужбинѣ, плачемъ, читая о рекрутскихъ наборахъ, о тягѣ народной, о ненужной гибели тысячъ нашихъ воиновъ...

Гибнуть за дѣло слѣдуетъ, на то въ душѣ человеческой храбрость, отвага, преданность и любовь; но горько гибнуть безъ пользы для своихъ, пзъ за царскаго упрямства. Весь свѣтъ жалѣеть турковъ не потому, чтобъ они были кому-либо близки. Ихъ жалѣютъ отъ того, что они стоятъ за свою землю, на нихъ напали, надобно-же имъ защищаться.

А наши бѣдные братья льютъ кровь, дерутся хра-

бро, поля усѣиваютъ тѣлами, и никто кромѣ насъ не кручинится объ нихъ и никто не цѣнитъ ихъ мужества, потому что дѣло ихъ неправо.

Царь говоритъ, что защищаетъ православную церковь. Никто на нее не нападаетъ; а если въ самомъ дѣлѣ султанъ тѣснитъ церковь, какъ же царь съ 1828 года молчалъ на это?

„Православные христіане держутся турками въ черномъ тѣлѣ,“ прибавляетъ царь. Мы не слышали, чтобъ они были больше притѣснены, нежели крестьяне у насъ, особенно закабаленные царемъ въ крѣпость. Не лучше-ли было бы начать съ освобожденія своихъ невольниковъ, вѣдь они тоже православные и единовѣрцы, да къ тому же еще рускіе.

Царь ничего не защищаетъ и никакого добра никому не хочетъ; его ведетъ гордость и для нея онъ жертвуетъ вашей кровью; свою онъ держитъ. Впдали ли вы его передъ вашими рядами, не во время ученій и разводовъ, а во время сраженій?

Онъ началъ войну, пусть-же она надетъ на одну его голову. Пусть она окончитъ печальный застой нашъ...

За 1812 годомъ шло 14 Декабря...

Что то придетъ за 1854?...

Неужели мы пропустимъ случай, какого долго—долго не представится? Неужели не съумѣемъ воспользоваться бурей, вызванной самимъ царемъ на себя?

Мы надѣмся, мы уповаемъ.

Посмотрите на Польшу. Едва вѣсть о войнѣ дошла до нея, она приподняла голову и ждетъ случая снова возстать за права свои, за свою волю...

Что будете вы дѣлать, когда польскій народъ подниметъ оружіе?

Ваша участь всѣхъ хуже. Товарищи ваши въ Турціи

—солдаты, вы въ Польшѣ будете палачами. Ваши побѣды покроютъ васъ позоромъ, вамъ придется краснѣть вашей храбрости. Родная кровь трудно отмывается; не берите вторично грѣха на душу, не берите еще разъ на себя названіе Каина. Оно пожалуй останется на всегда при васъ.

Знаемъ мы, что вы не по доброй волѣ пойдете на поляковъ, но въ томъ то и дѣло, что пора вамъ имѣть *свою* волю. Не легко неволить десятки тысячъ людей, съ ногъ до головы вооруженныхъ, еслибъ между ними было какое нибудь единодушіе...

Разъ — не помню въ какой губерніи—когда вводили новое управленіе государственныхъ имуществъ, крестьяне взбунтовались, какъ почти во всѣхъ губерніяхъ было. Привели войска, народъ не расходился. Генераль пошумѣлъ, да и велѣлъ солдатамъ ружья зарядить; тѣ зарядили, думая что это для острастки; народъ все не шель. Тогда генераль далъ знакъ полковнику, чтобъ онъ велѣлъ стрѣлять, полковникъ скомандовалъ, солдаты приложились— и не выстрѣлили. Осторожный генераль подсказалъ къ фрунту и закричалъ — „жай — пли“... солдаты опустили ружья и неподвижно остались на своемъ мѣстѣ.

Что-же вы думаете было съ ними? — ровно ничего. Генераль и начальство такъ перетрусились, что дѣло замаяли.

Вотъ вамъ опытъ вашей силы.

Но этого мало, вамъ слѣдуетъ больше сдѣлать. Пора вамъ стать за бѣдный народъ русскій, такъ какъ все войско Царства Польскаго въ 1831 году стало за свой народъ.

Великое время наступаетъ.

Пусть-же не будетъ сказано, что въ такую торже-

ственную и страшную минуту вы были оставлены безъ братскаго совѣта.

Мы предупреждаемъ васъ отъ бѣдъ, спасаемъ отъ преступленія. Поймите нашу рѣчь.

Нашими устами говоритъ Русь нарождающаяся, Русь вольная, юная, живая, скрывающаяся дома, но гласная въ изгнаніи.

Нашими устами говоритъ Русь мучениковъ, Русь рудниковъ, Сибири и казематовъ, Русь Пестеля и Муравьева, Рылѣева и Бестужева—Русь, о которой мы свидѣтельствуемъ міру и для гласности которой мы оторвался отъ родины.

Нами говоритъ любовь и кровная связь съ вами, страданіе ко всему что терпитъ народъ русскій, измученный крѣпостнымъ состояніемъ, рекрутствомъ, грабежомъ чиновниковъ, побоями, розгами, палками...

Нами говоритъ ненависть за все выстраданное вами, мы вашъ крикъ боли, начало вашей мести, мы обличители того, что дѣлаетъ ваше правительство въ тихомолку, мы ему упрекъ, угрызение совѣсти, угроза въ будущемъ. Мы его клеймимъ и позоримъ, какъ оно клеймитъ и позоритъ живыхъ людей.

Рѣчь наша полна жгучаго и горькаго яда отъ долгихъ лѣтъ нѣмага страданія; все мучившее насъ съ дѣтскихъ лѣтъ, все оскорблявшее, унижавшее насъ, вошло въ наше слово... въ немъ остался и плачь женщинъ обезчещенныхъ своими помѣщиками и стонъ засѣченныхъ стариковъ и звукъ цѣпей, въ которыхъ шли въ Сибирь наши лучшіе пѣвцы, наши лучшіе друзья.

Мы на чужбинѣ начали открытую борьбу *словомъ* въ ожиданіи *дѣла*.

Слово по той мѣрѣ только и важно, по какой оно ведетъ къ дѣлу.

Слово наше *завѣ*—это дальній благовѣсть возвѣщающій вамъ, что заутрени народнаго воскресенія начнется и для Руси. Онъ будетъ безпрестанно раздаваться до тѣхъ поръ, пока звонъ его превратится въ набать или въ торжественное ликованіе побѣды.

Въ нашей дали мы близки къ вамъ, мы братья ваши, ваши единственные друзья. Мы имя народа нашего примирили съ народами Запада, смѣшивавшими насъ съ петербургскимъ правительствомъ.

Поляки намъ подали руку, *какъ русскимъ*. И таковъ былъ смыслъ рѣчей, которыя мы вели въ ихъ кругѣ и смыслъ нашего соединенія. Они оцѣнили нашу любовь къ народу русскому. Поймите-же и вы ее и вмѣстѣ съ тѣмъ любите поляковъ—за то, что они поляки.

Чего хочетъ Польша?

Польша хочетъ быть свободнымъ государствомъ, она готова быть соединенной съ Русью, но съ Русью тоже свободной. Для того, чтобъ соединиться съ Русью, ей необходима полная воля.

Поглощеніе Польши царскою Россіей—нелѣпость, насиліе; насиліе очевидное по количеству войска, которое стоитъ въ Польшѣ съ 1831 года. Естественное-ли это дѣло, что черезъ 23 года правительство не смѣетъ вывести одного полка изъ Польши, не замѣнивъ его сейчасъ другимъ?

Всѣ эти грубыя, насильственные соединенія ведутъ не къ единству, а увѣковѣчиваютъ ненависть. Что Ломбардія и Венгрія стали австрійскими? или Финляндія русской? Однимъ балтійскимъ нѣмцамъ пришлось по вкусу гольштейнъ-татарское управленіе, такъ что они первые послали дѣтей своихъ защищать православную церковь, съ лютеранскою бібліей въ карманѣ.

Если русскіе не поймутъ необходимости восстановле-

нія Польши—Польша, при развитіи войны, все-таки отдѣлится, или хуже—*ее отдѣлятъ*. И она сдѣляется не независимой, а чужой.

Не нужно чужеземной помощи въ семейномъ вопросѣ. Мы должны порѣшить его любовно между собой и безъ оружія.

Вы не русскій народъ защищаете въ Польшѣ. Русскій народъ не проситъ васъ объ этомъ, при первомъ пробужденіи своемъ онъ отрѣчется отъ васъ и проклянетъ ваши побѣды. Вы въ Польшѣ защищаете неправое царское притязаніе, вы защищаете царя, а не народъ—царя, оставляющаго поль-Руси въ крѣпостномъ состояніи, берушаго по девяти съ тысячи рекрутъ, гоняющаго сквозь строй до смерти, позволяющаго офицерамъ бить солдатъ, полицейскимъ—бить мѣщанъ и всѣмъ не-крестьянамъ—бить крестьянъ. Знайте-же, что защищая его, вы защищаете всѣ бѣдствія Россіи: сражаясь за него, вы сражаетесь за помѣщичьи права, за розги, за рабство, за открытую кражу чпновниковъ и дневной грабежъ господъ.

Довольно страдала Польша изъ-за русскихъ. Если были за ней вины—онѣ давно искуплены.

...Малолѣтныя дѣти были отняты, женщины брошены въ тюрьму, ея защитники погбли въ Сибири, ея друзья скитаются по всему свѣту, ея трофеи увезены въ Петербургъ, ея преданія искажены..... ей не оставили даже благо!

Нѣтъ — на польской землѣ не растутъ лавры для русскихъ воиновъ, она слишкомъ облита женскими слезами и мужескою кровью, пролитыми по винѣ вашихъ отцовъ—васъ самихъ можетъ быть; на берегахъ Вислы близъ прагскаго кладбища и на кладбищѣ Воли... нѣтъ

боевой славы для васъ. Но на нихъ васъ ждетъ пная слава—слава примиренія и союза!

Что и какъ дѣлать; вы узнаете, когда придетъ время. Мы васъ не оставимъ безъ совѣта. Исполнитесь въ ожиданіи событій истиною нашихъ словъ и присягните во имя всего святаго вамъ *не поднимать оружія противъ Польши.*

Эту присягу требуетъ не царь, а совѣсть народная, народное раскаяніе и если васъ ждетъ самая гибель за это — она свята, вы падете жертвой искупленія и вашей мученической кровью залечатлѣется неразрушимый, свободный союзъ Польши и Россіи какъ начало вольнаго соединенія всѣхъ Славянъ *въ единое и раздѣльное Земское Дѣло.*

(День Благовѣщенія) 26 Марта 1854 г.

V.

XXIII ГОДОВЩИНА ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ ВЪ ЛОНДОНѢ

Рѣчь произнесенная на сходѣ въ ГанOVERЪ Румѣ,

29 Ноября 1853 года.

Граждане,

Прошу васъ во-первыхъ извинить, что у меня въ рукѣ записка, я не привыкъ говорить публично, а тѣмъ больше, не на родномъ мнѣ языкѣ.

Вы знаете, что я провелъ мою жизньъ въ странѣ, гдѣ превосходно учатся — *краснорѣчиво молчать*—и гдѣ конечно нельзя было научиться свободно говорить.

Граждане,

Пять лѣтъ тому назадъ, нашъ другъ Михайло Бакунинъ, являлся въ ту-же годовщину, на трибунѣ польскаго собранія въ Парижѣ, и предлагалъ союзъ демократической Польши съ русскими революціонерами.

Эта мечта всѣхъ благородныхъ умовъ польской эмиграціи, наша мечта, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, начинается осуществляться.

Польша, какъ я сказалъ въ другомъ мѣстѣ, *прощаетъ насъ*, она разрываетъ круговую поруку, естественно существующую между народомъ и его правительствомъ,

она подаетъ намъ руку, потому что она знаетъ, какая глубокая ненависть къ петербургскому управленію наполняетъ насъ; во имя этой ненависти она начинаетъ любить насъ.

Я подошелъ къ польскимъ друзьямъ моимъ, не какъ отдѣльное, разобщенное съ своими лице, отказывающееся отъ своего отечества, просящее забыть свое начало, напротивъ, я громко говорилъ о моей любви къ Россіи, о моей незыблемой вѣрѣ въ ея будущность. Они меня припiali *случайнымъ* представителемъ будущей Россіи, ненавидящей черныя дѣла своего правительства, жаждущей смыть съ себя пятна мученической крови поляковъ, помогая имъ въ дѣлѣ освобожденія Польши.

Когда поляки подаютъ намъ свою руку, покрытую рубцами, на примиреніе, можно-ли сомнѣваться въ существованіи революціонныхъ началъ въ Россіи?

Полякамъ — этимъ естественнымъ, непримпримымъ врагамъ официальной Россіи, принадлежитъ честь болѣе справедливаго пониманья русскихъ, чѣмъ мы находимъ у другихъ.

Есть люди, которые не могутъ соединить въ головѣ своей слова Россія и революція; они все еще представляютъ себѣ при словѣ Россія—царя, кнутъ, Сибирь, полудикой народъ, стоящій на колѣняхъ передъ Долой Ламой въ ботфортахъ, и торопятся произнести свой приговоръ. Толкуютъ о братствѣ народовъ, объ ихъ союзѣ, и въ то же время осуждаютъ одну изъ самыхъ большихъ странъ въ мірѣ, по одной *надписи на дверяхъ, по вывѣскѣ.*

Съ тѣхъ поръ, какъ абсолютизмъ пересталъ быть только русскимъ, и распространился по всему европейскому континенту, намъ легче объяснить наше положеніе.

Правительственная форма почти никогда не представляет полную формулу жизни народной, особенно во времена общественнаго перелома какъ наше, въ которое человѣчество, такъ сказать, мѣняетъ шкуру. Когда цѣлый міръ рухнетъ, и новый міръ стучится въ двери, когда правительство ежедневно доказываетъ намъ свою неспособность, не только дать народамъ свободу, но даже держать ихъ въ рабствѣ.

И это не все. Историческое развитіе Россіи не имѣетъ почти ничего общаго съ западнымъ. Такимъ образомъ, выраженіе ея революціонныхъ стремленій и сама стремленія не совпадаютъ съ фазами европейской революціи, т. е. въ *прошедшемъ*, но можетъ быть они имѣютъ тѣмъ большее сочувствіе къ началамъ *рядущей революціи*.

Россія страна величайшихъ противурѣчій, самыхъ крайнихъ антиномій.

Коммунизмъ внизу, *деспотизмъ* наверху, между ними колеблющаяся среда дворянства, боящагося снизу *Жакиерій*, сверху ссылки въ каторжную работу—среда носящая въ груди своей рядомъ съ растлѣніемъ и возмутительнымъ подобострастіемъ жгучія и сосредоточенныя революціонныя страсти. Изъ нея вышли: Пестели, Муравьевы, Петрашевскіе, Бакунины.

У насъ не останавливаются на полѣ дорогѣ, у насъ или остаются неподвижными, или идутъ до конца.

Пестель, какъ мы, требовалъ социальнаго переворота. Социальнаго переворота въ 1825!

Бакунина не всегда понимали, чуждались его, боясь его радикализма.

Все, что такъ тѣсно сковываетъ западныхъ людей съ старымъ міромъ, не существуетъ для насъ. Русскіе круто отрѣшаются отъ всѣхъ связей разомъ, отъ религій, отъ

преданій, отъ авторитета; намъ нечего щадить; нечего беречь, нечего любить, но есть что ненавидѣть. Россія, въ отношеніи къ старому міру, поставлена также какъ пролетаріатъ, ей ничего не досталось, кромѣ несчастій, рабства и стыда.

Потому эти двое лишеныя наслѣдства и надѣются на общее воскресеніе въ социальномъ переворотѣ.

Мы представляемъ крошечное меньшинство въ Россіи, это правда. И тѣмъ слабѣе мы были, чѣмъ дальше держали себя отъ нашего народа и чѣмъ ближе къ западнымъ политическимъ партіямъ. Для Европы эти партіи имѣли смыслъ перехода, для насъ никакого.

Это приходитъ къ сознанію, и будущность наша приближается.

Обманывать себя нечего. Мы очень слабы. Но неужели вы вѣрите, что императоръ Николай такъ спленъ какъ это представляютъ?

Я сомнѣваюсь.

Изъ него сдѣлали какое-то пугало, Спящую Бороду, и до того накричали, наговорили, нашумѣли объ этомъ— что въ самомъ дѣлѣ испугались.

Континентъ до того понизился, что отовсюду видна приближающаяся фигура каменнаго гостя, на гранитномъ утесѣ, грозящая нотами, протоколами, народами, арміями шпионовъ, дипломатическихъ агентовъ и нѣмецкихъ принцевъ. Ему это мѣсто создала реакція. Но низость, трусость консерваторовъ не составляетъ дѣйствительной силы... Этой предполагаемой мощи нѣтъ въ сущности его власти.

Вотъ вамъ доказательство.

Наконецъ по счастью у него умъ зашелъ за разумъ, и онъ на минуту повѣрилъ, что и въ самомъ дѣлѣ судьба Европы и Азіи зависятъ отъ него.

Онъ сошелъ въ арену. Ну что-же послѣ всего шума и всѣхъ ультиматумовъ Меншиковыхъ, Горчаковыхъ, католическихъ Те Деум'овъ въ Ольмюцѣ и лютеранскихъ парадовъ въ Потсдамѣ, манифестовъ съ текстами священнаго писанія и съ параграфами Кучукъ-Кайнарджискаго мпра...?

Все, что онъ сдѣлалъ для православной греческой церкви, состояло въ томъ, что Омеръ Папа его побилъ, а онъ обобралъ господаря Валахскаго. Событія могутъ переимѣниться, но лучшая роль въ дѣлѣ принадлежитъ Абдуль-Меджду.

А вѣдь Россія сильна, но императорская власть, такъ какъ она сложилась, не можетъ вызвать этой силы. Она выродилась и негодна больше.

Петербургское императорство съ самаго начала своего было какимъ-то *предворяющимъ бонапартизмомъ*, оно не русское и не славянское, у него нѣтъ корней, это институтъ временной, это диктатура, осадное положеніе, возведенное въ основу правительства. Оно соотвѣтствовало потребностямъ извѣстнаго времени, государство ослабѣвало подъ соннымъ владычествомъ царей московскихъ, надобно было растолкать, разбудить его, направить по иному пути. Императорство можетъ быть было необходимо во время Петра I, но оно нелѣпо во время Николая. И вотъ еще причина почему это мрачное, удушающее царствованіе поражено такимъ удивительнымъ безплодіемъ и такой неспособностью.

Императорская власть достигла своей вершины во время низверженія Наполеона, въ то время, когда Александръ I дѣлалъ свое шествіе въ Парижъ, окруженный святой королей, которыхъ онъ удерживалъ отъ грабежа. Великое призваніе, къ которому его привело безуміе наполеоновской эпохи, подавило его. Ему такая

роль была не по плечу. Его сутуловатая фигура превосходно выражала, что ноша была слишком тяжела. Потерянный, задумчивый, онъ угасъ, одиноко и незамѣтно, въ небольшой пристани Чернаго моря.

Лишь только вѣсть о его смерти распространилась, какъ новый наслѣдникъ предъявилъ свои права. Не Константинъ, не Николай, а возмущеніе на Исакіевской площади!

Борьба была неминуема, неминуемо можетъ было и пораженіе. Но характеръ побѣды слишкомъ связанъ съ личностью побѣдителя, чтобъ не сказать о немъ нѣсколько словъ.

Александръ былъ воспитанъ Екатериной, учился у Лагарпа; онъ былъ свидѣтелемъ великой революціи, дѣйствующимъ лицомъ въ кровавой драмѣ первой имперіи; онъ усвоилъ себѣ до нѣкоторой степени современныя идеи, образованныя манеры и вѣжливость порядочнаго человѣка.

Не таковъ былъ человѣкъ, шедшій за Александромъ: его воспоминанія не шли далѣе конногвардейскихъ казармъ. Онъ получилъ воспитаніе въ кордегардіяхъ и на вахтпарадахъ. Онъ былъ малолѣтнимъ, когда его отецъ потерялъ рассудокъ и былъ убитъ. Его мать, добрая и пустая иѣмка была поглащена этикетомъ и своими образцовыми скотными дворами. Старшему брату было не до него, во время Наполеона; Константинъ могъ только развратить его. Никто не смотрѣлъ на него какъ на будущаго императора; наслѣдникъ престола былъ Константинъ. Не было ни одной сострадающей души, которая бы обратила на него вниманіе, помѣшала бы его сердцу зачерствѣть въ атмосферѣ конюшенъ и экзерциръ-гауза. Онъ взошелъ на престоль, не зная своего времени. Онъ революцію при-

нималъ за нарушеніе дисциплины — онъ самъ вписалъ въ свой формуляръ, говоря о 14-мъ Декабрѣ, „находился при защитѣ дворца.“

Съ тѣмъ вмѣстѣ, казарменное отвращеніе отъ наукъ, презрѣніе офицера къ ффрачнику, ненависть маіора къ отвѣту и возраженію; безумное властолюбіе, страсть къ безусловной покорности и все безъ опредѣленной цѣли, безъ всякой идеи, безъ всякой эксцентричности даже.

Нельзя сказать, чтобъ у него не достало времени, — печальное царствованіе его продолжается 27-й годъ и онъ ничего не сдѣлалъ, ничего не создалъ, *кроме самодержавія для самодержавія.*

Типъ его дѣяній, кавказская война, поглотившая цѣлыя арміи и которая черезъ 25 лѣтъ не подвинулась ни на шагъ.

Онъ мучилъ, притѣснялъ, угнеталъ всѣми средствами Польшу—и не можетъ вывести изъ нея ни одного баталліона солдатъ, боясь ея возстанія.

Онъ преслѣдовалъ въ Россіи книги и школы, профессоровъ и писателей, а въ 1849 году въ трехъ шагахъ отъ зимняго дворца открыли революціонный клубъ.

Онъ велъ въ 1828 году войну съ Турціей, и сгубилъ сотни тысячъ человѣкъ убитыхъ тифомъ и горячкой, не получивъ въ замѣну ничего существенно важнаго.

Когда онъ остается побѣдителемъ, вы можете быть увѣрены, что онъ кунилъ какого нибудь Гѣргея, какого нибудь несчастнаго пашу, какого нибудь злодѣя наконецъ.

Дѣйствительно, Николай очень несчастный человѣкъ, и онъ это чувствуетъ, отъ этого онъ безпокоенъ, мраченъ. Жизнь, которая еще тридцать лѣтъ тому назадъ

кипѣла около зимняго дворца, оттолкнутая имъ, не возвращается. Ни одной великой способности, ни одного необыкновеннаго ума между его помощниками! Николай управляетъ ординарцами и писцами; это очень легко, но ничего не двигается, но казнокрадство, взятки, подкупы приводятся въ систематическій порядокъ.

Онъ посылаетъ армію, она умираетъ на полдорогѣ отъ голоду и холоду. Онъ хочетъ освободить крестьянъ — ему показываютъ окровавленный рядъ его предшественниковъ, убитыхъ помѣщиками. Онъ не хочетъ освобождать крестьянъ — ему пророчутъ Пугачевщину.

Министръ внутреннихъ дѣлъ доноситъ ему, что оберъ-полицмейстеръ воруетъ въ Петербургѣ. „Я это знаю, отвѣчаетъ Николай, но я сплю спокойно, пока онъ смотритъ за порядкомъ.“

И вы думаете, что такое правительство можетъ быть сильнымъ?

Русскій императоръ пробуетъ войну съ Турціей, зная очень хорошо, что если монархической Европѣ непріятно его видѣть въ Константинополѣ, то все-же ей непріятнѣе видѣть республику, т. е. *республику въ самомъ дѣлѣ*, въ Парижѣ. Монархическая Европа во всѣхъ своихъ отгѣнкахъ отъ дикаго и кровожаднаго короля неаполитанскаго до умѣреннаго и честнаго короля бельговъ или короля сардинскаго, не можетъ начать серьезной войны съ царемъ. Въ каждомъ изъ нихъ *слишкомъ много Николая* для этого. Никакой Бонапартъ, никакой наслѣдственный, ни благопріобрѣтенный деспотъ не нанесетъ въ самомъ дѣлѣ удара своему петербургскому товарищу — имъ всѣмъ онъ слишкомъ нуженъ.

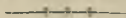
Впрочемъ работать въ нашу пользу вовсе не царское дѣло, и не дѣло нашихъ враговъ; это дѣло наше

— намъ самимъ надобно трудиться, надобно соединить наши силы. „Когда, писалъ мнѣ нѣсколько дней тому назадъ человѣкъ глубоко уважаемый мною — Мишле, когда поляки соединяются въ русскими, какая-же ненависть имѣетъ право продолжаться!“

И такъ, да совершится наше соединеніе. Честь Польшѣ—великой въ своемъ неравномъ бою, несокрушаемой въ своей геройской преданности, растущей несчастіями, но съ тѣмъ вмѣстѣ честь и русскому революціонному меньшинству!

Позвольте-же мнѣ заключить мою рѣчь русскимъ крикомъ :

Да здравствуетъ независимая Польша и свободная Россія!

VI.

НАРОДНЫЙ СХОДЪ

ВЪ ПАМЯТЬ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Рѣчь, произнесенная 27 Февраля 1854 г.

Граждане,*)

Когда Международный Совѣтъ пригласилъ меня сказать мое слово въ этомъ собраніи, меня сначала взяло раздумье, говорить-ли мнѣ во имя небольшого числа русскихъ братьевъ нашихъ, говорить-ли мнѣ среди разгрома войны, въ разгарѣ неистовыхъ страстей, среди святой, глубокой грусти, въ которую все погружено нынѣ. Я сообщилъ это Совѣту. Онъ возобновилъ свое приглашеніе, и притомъ съ такой любовью, что мнѣ стало совѣстно за минуту сомнѣнія, за недостатокъ вѣры...

Война свирѣпствуетъ въ иномъ мірѣ. Громъ ея умп-раетъ у порога этой палаты, въ которой изгнанники и выходцы всѣхъ странъ соединяются съ англичанами, свободными отъ предразсудковъ своей родины, во имя воспоминанія, во имя надежды, во имя *страдающихъ*.

Такъ Христиане первыхъ вѣковъ собирались на скром-

*) Рѣчь эта переведена съ французскаго В. Энгельсономъ и была напечатана въ брошюрѣ „Народный Сходъ.“

ныя свои трапезы, въ спокойствіи и ясности духа, между тѣмъ какъ буря, вызванная кесарями и преторіанцами, потрясала древнія основы Римской имперіи.

На этомъ празднествѣ народной братовщины, русскому голосу должно быть мѣсто.

Въ Россіи сверхъ царя — есть народъ; сверхъ люда казеннаго, притѣсняющаго—есть люди страждущіе, несчастные; кромѣ Россіи Зимняго Дворца — есть Русь крѣпостная, Русь рудниковъ. Во имя этой-то Руси долженъ здѣсь быть услышанъ русскій голосъ.

Спѣшу сказать, что я не имѣю никакого уполномоченія отъ русскихъ выходцевъ. Они не составляютъ сомкнутаго общества. Полномочіе мое говорить во имя Россіи—вся моя жизнь, моя привязанность къ русскому народу, моя ненависть къ царю.

Да, я имѣю смѣлость высказать это, я считаю себя представителемъ мысли возстанія въ Россіи среди васъ, я имѣю право на голосъ; это говоритъ мнѣ мое сердце, мое сознаніе, моя совѣсть.

Седьмой годъ издаю я сочиненія о Россіи. Сначала, европейская публика, озадаченная неистовымъ поведеніемъ возстановленныхъ властей послѣ 1848 года, слушала мои слова снисходительно. Теперь времена измѣнились; война возбудила удивительно боевой духъ, особенно въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газетахъ; онѣ дошли до яростной нетерпимости. Мнѣ стали ставить въ упоръ любовь мою къ славянамъ, мою вѣру въ величіе ихъ будущности, наконецъ самую мою дѣятельность. Обвинительныя статьи два раза переплывали черезъ Океанъ — другія удостоились *чести* быть воспроизведенными „Монитеромъ.“

Доселѣ никогда еще не требовали ни отъ одного выходца или изгнанника, чтобъ онъ ненавидѣлъ свое пле-

ми, свой народъ. У васъ, отнимаютъ настоящее; насъ хотятъ лишитъ будущаго, хотятъ убить нашу надежду!

Еслибъ я ненавидѣлъ русскій народъ, еслибъ я не вѣрилъ въ него, меня бы не было здѣсь. Народъ свободный, республиканскій далъ мнѣ права гражданства у себя; я тамъ бы и остался, не занимаясь странюю, въ которой меня преслѣдовали.

Странная сбивчивость понятій.

Царствованіе Николая начинается огромнымъ заговоромъ. Онъ идетъ короноваться въ Москву подъ триумфальными воротами пяти висѣлицъ. Сотни заговорщиковъ съ цѣпами на ногахъ отправляются въ рудники. Гурьбы молодыхъ людей слѣдуютъ за ними и исчезаютъ въ Сибирь... Все это проходитъ незамѣченно въ западной Европѣ, между тѣмъ какъ наглый образъ воплощеннаго самодержавія отбрасываетъ на насъ, гонимыхъ имъ, тѣнь заслуженной имъ ненависти.

Я знаю, что вы вѣрите въ существованіе революціонной партіи въ Россіи; иначе, появленіе мое на этой трибунѣ было бы нелѣпностью. Но большинство людей, называющихся радикалами, старается этому не вѣрить. Они довольствуются союзомъ и братствомъ между народами, внесеннымъ въ ихъ списки, получившими отъ нихъ революціонный дипломъ.

Какъ вспомнишь, что добрый „заступникъ челоѳческаго рода,“ Анахарсисъ Клоцъ, самъ раскрасилъ одного изъ своихъ родственниковъ, для того, чтобъ на празднествѣ французской республики не было недостатка въ представителѣ изъ Отаити, — такъ нельзя не сознаться, что съ тѣхъ поръ международное братство не далеко ушло впередъ.

Николай насъ вѣшаетъ, ссылаетъ въ Сибирь, сажаетъ въ темницы—но онъ по крайней мѣрѣ не сомнѣ-

вается въ томъ, что мы существуемъ, напротивъ того, онъ черезъ чуръ внимателенъ къ намъ. Граждане, я въ первый разъ въ моей жизни ставлю его величество въ примѣръ.

Но намъ говорятъ, что мы, въ свою очередь, не вѣримъ ни въ силу, ни въ нынѣшнее устройство Европы. Разумѣется, нѣтъ. А вы? развѣ вы вѣрите? — Дѣло въ томъ, что русскій, при выходѣ изъ своего острога, летитъ въ Европу полный надеждъ... и находитъ по всюду другія изданія царскаго самовластія, безконечныя варіаціи на тему „Николай.“

И онъ осмѣливается это высказывать... вотъ въ чемъ бѣда!

Намъ, очевидцамъ іюньскихъ дней и всего ряда злодѣйствъ совершенныхъ торжествующими правительствами въ Европѣ—злодѣйствъ, которыя превзошли, все что могъ бы вообразить самый мрачный предсказатель — намъ ставятъ въ укоръ наши слезы, стонъ боли вырывающійся изъ нашей груди?... Намъ упрекаютъ въ томъ, что на нашихъ губахъ одни горькія слова, одни проклятія... когда въ груди кипитъ злоба, а въ умѣ одно сомнѣніе!

Что-же, слѣдовало—молчать, скрывать?

Зачѣмъ-же намъ льстить этому старому міру, міру битой колен и насилія, который васъ первыхъ раздавить, который громоздитъ трупы прошедшаго, чтобъ загородить дорогу будущему...

Довольно портили царей лестью и молчаніемъ. Съ какой стати развращать ими народы?

Положимъ, что наши мнѣнія преувеличены; положимъ, что они ложны; но съ чего берутъ себѣ право подозревать ихъ искренность?

Нельзя покончить ошибочное мнѣніе, провозгласивъ

его ересью, панславизмомъ, марая его подлыми и нелѣпыми намеками.

Простите мнѣ эти подробности—онѣ лежали у меня на сердцѣ. Я ничего не отвѣчалъ на нападки; чувство глубокаго приличія, которое, вамъ легко понять, заставляло меня хранить молчаніе во время войны. Но мнѣ казалось невозможнымъ держать между вами рѣчь, не касаясь этого личнаго вопроса.

Теперь, отвернемся отъ междоусобицъ императоровъ и журналистовъ, и посмотримъ на то, что происходитъ въ этомъ *нѣмомъ* краѣ свѣта, который называется Русью.

Тамъ вы встрѣтите два зародыша движенія: одинъ сверху, другой снизу. Одинъ преимущественно отрицающій, разлагающій, развѣдающій — разсыпается въ малыхъ кружкахъ, но готовъ составить большой, дѣятельный заговоръ. Другой—болѣе положительный, хранящій въ себѣ почки будущаго образованія, находится въ состояніи дремоты и бездѣйствія. Я говорю о молодомъ дворянствѣ и о сельской общинѣ, которая представляетъ основную ячейку всей ткани общественной, животворящее начало славянскаго государства.

Надъ ними — подавляя однихъ, пстощая другихъ — стоитъ казенная Россія! живой курганъ (какъ я уже разъ сказалъ) притѣснителей, обманщиковъ, взяточниковъ, связанныхъ между собою дѣлжемъ грабительства, завершаемыхъ царемъ и опирающихся на семьсотъ тысячъ живыхъ машинъ со штыками.

Императорство никогда не сдѣлается ручнымъ; оно всегда останется опасностью для Европы, несчастіемъ для славянъ. Оно, по естеству своему, заносчиво, хищно, ненасытно. Очень скудное смысломъ, вовсе не даровитое, во внутреннемъ устройствѣ ему удалось со-

здать одно—войско. Потому-то воевать ему необходимо. это его ремесло, его спасеніе.

Петербургское правительство не народно; оно слишкомъ держится дворянъ и слишкомъ нѣмцевъ, чтобъ быть народнымъ. Единственная живая мысль, привязывающая къ правительству, это мысль о народномъ единствѣ. Правительство знаетъ это очень хорошо, и пользуется этимъ. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему войну слѣдовало перенести въ Польшу. Объявленіе Польши независимою было бы хорошо принято не только малороссами, но и большою частію великорусовъ; оно было бы принято какъ возстаніе, а не какъ нападеніе.

Будьте увѣрены, что царь ничего столько не опасается какъ независимости Польши. Въ тотъ день, когда въ Варшавѣ будетъ восстановлена Республика, петербургскій орелъ повѣсится за одну изъ своихъ головъ.

Не стану разбирать историческую необходимость солдатскаго и чиновническаго управленія, заведеннаго Петромъ I. Въ отношеніи къ прошедшему, оно, полагаю я, было понятно, даже нужно какъ наказаніе, какъ воспитаніе, нужно для того, чтобъ спаять части Россіи во-едино. Но теперь его время мпнуеть, оно держится лишь искусственнымъ, насильственнымъ образомъ. Съ 1813 года императорская власть въ Россіи становится безплодною. Съ возшествія на престолъ Николая, дѣятельность правительства исключительно отрицательная — оно усмиряетъ, подавляетъ, гонитъ—и только.

Потому, что въ первый день своего вступленія на царство, Николай увидѣлъ людей, которые его утрашили, онъ ихъ никогда не могъ забыть. „Дай честное слово, что ты оставишь свои замыслы, и я тебѣ прощаю,“ сказалъ онъ Муравьеву.

— „Не нужно мнѣ помплованія, не нужно произвола, отвѣчалъ осужденный на смерть Муравьевъ, — мы хотѣли свергнуть васъ съ престола именно для того, чтобъ не быть зависимыми отъ вашихъ прихотей.“

Его повѣсили.

— „Вы торжественно поклялись надъ кинжаломъ, въ засѣданіи вашего общества, убить императора?“ спросилъ Пестеля председатель слѣдственной комиссіи. — „Не правда, отвѣчалъ Пестель, я просто сказалъ, что хочу его убить; не было ни кинжала, ни клятвъ; я никогда терпѣть не могъ мелодрамныхъ сценъ.“ И его тоже повѣсили. Веревка порвалась, трое упали на землю, Муравьевъ всталъ и сказалъ: „Проклятая страна, въ которой и повѣсить не умѣютъ!“

Знать, что такого рода люди существовали, не вдалекѣ отъ дворца, что ихъ еще и теперь найдется... не хорошо для высочайшаго сна.

Тридцать лѣтъ Николай ждетъ, чтобъ у него попросили прощенія, ждетъ и не дожидается. Смерть прощаетъ несчастныхъ ссыльныхъ. Какіе люди! какія преданія!

Другой Муравьевъ—ихъ было четверо въ заговорѣ— бывший полковникомъ генеральнаго штаба, жилъ послѣ десяти лѣтъ, проведенныхъ имъ въ каторгѣ, поселщикомъ въ маленькой избѣ, срубленной имъ самимъ въ глуши Сибири; съ нимъ жили вмѣстѣ два другихъ каторжника, генералъ Юшневскій и полковникъ Абрамовъ. Въ 1841 г. онъ умираетъ. Два друга сколотили гробъ и понесли покойника въ ближайшую церковь—за десятки верстъ. Старикъ генералъ любилъ Муравьева, какъ мать можетъ любить своего сына. Дорогой онъ не вымолвилъ ни слова; пришедши въ церковь, онъ сталъ на колѣни возлѣ гроба и закрылъ себѣ лицо руками. Ко-

гда покойника отпѣли, дьячекъ, котораго удивила неподвижность Юшневскаго, подошелъ къ нему. Старикъ былъ мертвъ. Абрамовъ побрелъ себѣ одинъ куда-то по снѣжному морю; объ немъ не было послѣ слышно.

Сколько Николай не упорствовалъ въ жестокости, сколько онъ ни обнаруживалъ рѣдкое бездушіе противъ людей свободнаго образа мыслей — образъ-то мыслей онъ не успѣлъ подавить; напротивъ того, онъ сталъ сильнѣе, болѣе возмужалый и болѣе народный.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вышла во Франціи замѣчательная книга о Россіи. Сочинитель ея, г. Галэ де Кюльтюръ, только что возвратился изъ Россіи; онъ послѣ меня видѣлъ что тамъ дѣлается. Позвольте мнѣ прочесть нѣсколько строкъ изъ этого сочиненія:*)

„Царь не затѣялъ бы этой несправедливой войны изъ-за пустаго предлога заступиться за вѣру христіанъ въ Турціи. Онъ по причинѣ весьма важной вышелъ изъ бездѣйствія. Послѣ двадцати-деяти лѣтъ царствованія онъ не могъ больше управлять Россіей. Бывъ столько времени неограниченнымъ владыкою надо всеѣмъ, онъ подъ конецъ увидѣлъ, что не имѣетъ власти ни надъ чѣмъ. Приближающаяся старость показывала ему не только явный упадокъ его личныхъ силъ, но и упадокъ всего порядка вводимаго имъ. Мысль преобразованія, обновленія, возрастая подобно морскому приливу подъ постояннымъ и неотразимымъ вліяніемъ, подмываетъ изгнившее, старое ученіе самодержавія... Притомъ среди дворянскаго сословія, сословія опаснаго, мятежнаго, составились общества, которыя, яростно осмѣивая мѣры правительства, намѣренно держались отъ него по-одадь;

*) „Николай и Русь святая“ — (Nicolas et la sainte Russie—par Gallet de Kulture. Paris, 1854, стр. 222.)

они состояли изъ людей съ умомъ, съ сильной волей, съ сильной вѣрой и живою жаждой мести; эти общества привлекали къ себѣ все молодое поколѣніе.“

Говоря о донесеніи тайной полиціи о дѣлѣ Петрашевскаго и его товарищей, составившихъ заговоръ 1849 г., авторъ приводитъ слѣдующія слова изъ доклада Липранди Набокову:

„Воспитанники многихъ учебныхъ заведеній напитаны самыми превратными мыслями; каждое слово, каждая строка ихъ отзывается пагубными ученіями. Слепо предаваясь имъ, они считаютъ себя призванными преобразовать все общество, все челоѣчество, и готовы стать апостолами и мучениками своихъ несчастныхъ заблужденій. Отъ такихъ людей *можно всего ожидать*. Ничто ихъ не оставовитъ; ибо по ихъ убѣжденію, они трудятся не для самихъ себя, а ради всего рода челоѣческаго, не для настоящаго времени, а для будущаго.“

„Нельзя—сказалъ одинъ очень замѣчательный челоѣкъ изъ русскихъ г. Кюльтюру—нельзя опредѣлить, когда именно въ Россіи будетъ возстаніе, но оно близко, и облечется въ новый, особый образъ, оно явится въ *русскомъ видѣ*... Весь народъ единогласно воспріиметъ, чтобъ низвергнуть порядокъ дѣлъ, издавна осужденный духомъ времени — вооруженное страшлище, покамѣсть еще внушающее страхъ, но уже не возбуждающее ни единой струны въ сердцѣ челоѣческомъ. За тѣмъ возникнутъ большія распри; поборники движенія захотятъ новаго, нѣкоторые изъ „Славянофиловъ“ пожелаютъ возвратиться къ старой Руси, къ Руси Іоанновъ — между тѣмъ народъ возметъ за Робеспьеровскій топоръ и начнетъ срубать чины и головы.“

Вотъ, Граждане, что дѣлается подъ ледяной корою, подъ однообразной наружностью сѣвернаго самодержавія. Посмотримъ теперь въ глубь этого омутъ, взглянемъ, какія тамъ дремятъ бурн-силы, могущія взволновать народныя стихіи.

Прежде всего надобно вамъ сказать, что на Западѣ не только сомнѣваются въ существованіи революціонной партіи въ Россіи, которая по необходимости прячется, но сомнѣваются и въ томъ, что у насъ есть особый бытъ сельскій, т. е. сомнѣваются, такъ или нѣтъ, живутъ пятьдесятъ милліоновъ людей въ двухъ шагахъ отъ Германіи.

Объ этомъ Гакстгаузенъ издалъ три тома; ему не повѣрили — онъ на царской сторонѣ. Объ этомъ говорилъ и я, мнѣ не повѣрили—я на сторонѣ друзей свободы!

По странному противурѣчю, наша сельская община, задавленная сверху властью, опирается на широкую и явно социальную основу. Права ея велики. Само собою разумѣется, что здѣсь не идетъ рѣчь о правахъ государственныхъ; во всей Россіи одинъ Николаи Павловичъ пользуется таковыми; здѣсь рѣчь о правѣ внутренняго управленія и собственнаго распорядка въ дѣлахъ, касающихся общины и ея земли. Не стану повторять того, что я столько разъ говорилъ объ устройствѣ русской сельской общины и ея преимуществахъ; напротивъ того, я намѣренъ указать вамъ на огромный ея недостатокъ.

Русскій крестьянинъ вѣчно остается малолѣтнимъ; онъ никогда не самостоятеленъ; во всѣхъ случаяхъ онъ опирается на общину, прячется за нее. Лицо поглащается міромъ.

Согласовать личную свободу съ *міромъ*, тутъ вся за-

дача социализма. Она не разрѣшена Соединенными Штатами Сѣверной Америки, еще менѣе разрѣшена славянской общиной. Славянская сельская община — безсознательный зародышъ, который будетъ вызванъ къ дѣятельной жизни лишь тогда, когда каждый человѣкъ въ общинѣ потребуетъ себѣ всѣ права, принадлежащія ему какъ особѣ, *не утрачивая* притомъ правъ, которыя онъ имѣетъ какъ членъ общины.

Вотъ этой — непокорной личности, этой закваски революціонной и недоставало семейно-образной общинѣ русской. Она бы долго еще могла ужиться съ царемъ, тѣмъ больше, что ему мало выгоды нарушать ея права. Но есть законъ судебъ, по которому сами властители вызываютъ народы къ возстаніямъ.

Крѣпостное состояніе, исподволь, лукаво введенное въ семнадцатомъ столѣтіи, приняло въ восемнадцатомъ огромные размѣры: болѣе трети всѣхъ земледѣльцевъ было отдано въ частное владѣніе.

Народъ не разъ возставалъ, болѣе ста тысячъ людей стояло на Волгѣ съ Стенькой Разинымъ. Царь Алексѣй Михайловичъ перевѣшалъ тысячи мятежниковъ. Престолъ Екатерины II былъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду потрясаемъ Пугачевымъ. Привезенный въ Москву въ кѣлѣткѣ, Пугачевъ былъ казненъ, порядокъ восторжествовалъ, крѣпостной народъ былъ побѣжденъ.

Александръ I остановился въ изумленіи передъ чудовищемъ крѣпостной власти. Онъ понялъ зло, но не нашелъ противъ него средства; онъ не смѣлъ ни потворствовать ему, ни искоренить его. Преступленіе было совершено, царь былъ связанъ съ помѣщиками, народъ оглученъ отъ него дворянствомъ. Голосъ царя не могъ больше доходить до него... И когда Николай — этотъ всемогущій императоръ — осмѣлился въ Апрѣлѣ 1842 г.

дать дворянству *робкій совѣтъ* полюбовно уладить дѣло съ крестьянами, министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій прибавилъ къ его совѣту такое поясненіе, что блѣдныя слова Николая потеряли всякое значеніе. Циркуляромъ министра предписывалось губернаторамъ считать мятежникамъ тѣхъ крестьянъ, которые вздумали бы принять за *обязательный*, августѣйшій совѣтъ императора.

Лучъ вольности промелькнулъ предъ глазами несчастнаго крѣпостнаго — и исчезъ. Смутныя слухи шопотомъ разнеслись по народу и остались у него въ памяти. Мѣстныя возстанія, убійства помѣщиковъ, которыя такъ часто случаются на Руси, умножились. Въ Симбирской губерніи крестьяне устроили было *облаву* на помѣщиковъ. Въ Тамбовской собрались люди *разныхъ* волостей и пошли вооруженные кольями и топорами, неся съ собою солому, отъ одного господскаго дома къ другому; передъ ними шла крестьянка босая, простоволосая и пѣла похоронныя молитвы и псалмы — она пѣла, а дома горѣли и въ нихъ помѣщичьи семьи.

Я много жилъ съ нашими крестьянами — и не только глубоко люблю ихъ, но и знаю довольно хорошо. Ребенкомъ, я проводилъ каждое лѣто въ помѣстьяхъ отца моего; въ ссылкѣ я имѣлъ цѣлыхъ семь лѣтъ, чтобъ изучить крестьянина отъ Урала и Волги до Новгорода, и клятвенно увѣряю васъ, Граждане, что въ крестьянахъ внутреннихъ губерній меньше низости, меньше рабства, чѣмъ въ петербургскомъ вельможествѣ, въ царедворцахъ и чиновникахъ.

Это замѣтили и Кюстинъ и Гакстгаузенъ, и добросовѣстный ученый Блазюсъ.

Воля Россіи начнется съ возстанія крѣпостныхъ или съ ихъ освобожденія. Русскій мужикъ слышать не хо-

четь объ увольненіи его въ состояніе бездомнаго бо-
быля (пролетарія). Онъ хочетъ земли—и онъ правъ въ
этомъ; земля будетъ за нимъ. Дворяне были-бы рады
отпустить крестьянъ на волю, оставивъ за собой всё
земли.

Пестель говорилъ своимъ друзьямъ: „Мы можемъ
отдѣлаться отъ царя, можемъ, пожалуй, провозгласить
республику—и все таки мало будетъ толку. У насъ не
будетъ всенароднаго возстанія, доколѣ мы не коснемся
поземельной собственности дворянъ. Мужику нужна
земля.“

Это было сказано передъ 1825 г. Теперь и прави-
тельство и дворянство поняли, что „*мужику нужна
земля.*“ Опыты свести крестьянъ на самомалѣйшую долю
земли были сдѣланы, и не удалсь.

Какъ раздѣлить земли,—указываетъ самое положеніе
дѣлъ и духъ народа. Мужикъ хочетъ себѣ лишь мір-
скую землю, лишь ту, которую онъ оросилъ потомъ ли-
ца своего, которую прибрѣлъ святымъ *правомъ работы*;
больше онъ не требуетъ. Мужикъ русскій не вѣрнть,
чтобы мірская земля могла принадлежать иному нежел
міру. Онъ скорѣе вѣрнть, что онъ самъ принадлежитъ
землѣ, нежели что землю можно отнять у міра. Это
чрезвычайно важно!

Всѣ вопросы, относящіеся до собственности, подлин-
но—вопросы религиозные, основанные на вѣрованіяхъ,
на догматахъ. *Вмѣстѣ съ вѣрой падаетъ дѣло, исче-
заетъ фактъ.*

Теперь сообразите: между крестьяннномъ *вѣрящимъ*,
что земля принадлежитъ міру, и молодымъ дворян-
ствомъ *не вѣрящимъ* въ свое право владѣнія, нѣтъ ни-
чего кромѣ грубой власти, мертвящей привычки, без-
смысленнаго невѣжества, старающагося поддерживать

старое. Никакихъ преданій, никакихъ вѣковыхъ, завѣтныхъ опоръ для престола; онъ не окруженъ ни почтеніемъ въ глазахъ народа, ни спаянъ съ выгодами торговаго сословія. Духовенство греко-россійское слишкомъ смиренно, слишкомъ мало-тѣлесно, чтобъ вступаться въ дѣла міра сего; оно осталось византійскимъ и воздастъ кесарю кесарево, не много заботясь о томъ, кто таковъ кесарь.

Отличительная черта петербургскаго императорства состоитъ въ томъ, что оно не становится монархическою властью; оно неограниченная диктатура, и больше ничего. Въ какой бы видъ царь не облекся — представляй онъ изъ себя папу восточнаго, фельдфебеля прусскаго, хана татарскаго, онъ все-таки ничто иное, какъ представитель грубой силы и уже минующей исторической необходимости.

Въ Россіи впрочемъ ничто не носитъ на себѣ отпечатка косности, застоя, оконченности, которыя встрѣчаешь у народовъ, выработавшихъ себѣ долгимъ трудомъ формы быта, отчасти соотвѣтствующія ихъ образу мыслей.

Не забудьте сверхъ того, что Россія не знала почти нисколько трехъ бичей сильно останавливающихъ Западъ — католицизма, римскаго права и господства мѣщанъ. Это весьма упрощаетъ вопросъ. Мы идемъ вамъ на встрѣчу въ будущемъ переворотѣ; намъ не нужно для этого проходить чрезъ тѣ топи, по которымъ вы прошли; намъ не нужно истощать свои силы въ полумракѣ тѣхъ государственныхъ формъ, которыя можно назвать между *волкомъ и собакой* и которыя нигдѣ не произвели великаго и сильнаго, кромѣ тамъ гдѣ онѣ народны.

Намъ вовсе не нужно продѣлывать вашу длинную,

великую эпопею освобожденія, которая вамъ такъ загромоздила дорогу развалинами памятниковъ, что вамъ трудно шагъ сдѣлать впередъ. Ваши усилія, ваши страданія для насъ поученія. Исторія весьма несправедлива. *поздно приходящимъ* даетъ она не оглодки, а старшинство опытности. Все развитіе человѣческаго рода есть ничто иное какъ эта хроническая неблагодарность.

Безъ воспоминаній, безъ обязанностей относительно прошедшаго, мы находимся въ томъ положеніи, въ которомъ въ Европѣ находится рабочій классъ и безсобственники. Мы и они лишены наслѣдства, намъ и имъ отъ нынѣшняго свѣта достался въ удѣлъ одни оскорбленія, одни несчастія—потому мы не принимаемъ его судьбу очень къ сердцу.

Полицейскій чиновникъ былъ правъ, говоря, „что насъ ничто не остановитъ.“ Нѣтъ у насъ ничего общаго ни съ старой Россіей, ни съ старымъ міромъ. У насъ ничего нѣтъ — да есть *отвага* надежды!

Мы ничего не сдѣлали. Тѣмъ лучше! тѣмъ больше остается дѣла для насъ. Пора рабочая для насъ настаетъ. И потому-то нужно, чтобъ вы знали славянскихъ братьевъ вашихъ. Вѣднѣй европейскій работникъ долженъ знать, что бѣднѣй русскій крестьянинъ не надшее, одичалое существо, а человѣкъ очень несчастный, имѣющій съ нимъ одинакія стремленія и удрученный одинакимъ рокомъ...

Поле общественнаго переворота расширяется..... Развѣ мы не видали Вѣну возмутившеюся?... короля прусскаго, стоявшаго съ обнаженною и повинной головою передъ народомъ? Все это миновало какъ сонъ — но бываютъ сны пророческіе. И эта сходка всѣхъ выходцевъ въ Лондонѣ, этотъ обмѣнъ мыслей, это взаимное

пониманіе, этотъ общій уровеньъ, на который мы становимся, *это не сонъ*. Нѣтъ! это не сонъ, потому, что англичанинъ протягиваетъ намъ руку; а вы знаете, *когда англичанинъ даетъ руку, онъ даетъ и сердце!* — И Русскій приглашенъ участвовать въ этой поминкѣ февральскаго возстанія!... Развѣ вы не видите въ этомъ признаковъ, *знаменій* ?

Посмотрите на эту залу—посмотрите на эти обломки всѣхъ бурь, изгнанниковъ всѣхъ странъ, старыхъ бойцовъ и молодыхъ ратниковъ противъ всѣхъ тиранствъ, сошедшихся праздновать страницу изъ лѣтописи революціи и именно тогда, когда *Она*, отчизна революціи не имѣетъ права торжественно помянуть свое прошедшее! тогда какъ Франція погружена въ дремоту, истощившись лучезарно свѣтя революціей на весь міръ.

Велика судьба Франціи!—она двигаетъ впередъ даже тогда, когда сама идетъ вспять! Такъ, поборая социализмъ, она возвысила его на степень грозной мощи признанной и ратующей.

Все содѣйствуетъ революціи — ибо все содѣйствуетъ Будущему!

Оставимъ-же мертвымъ хоронить мертвыхъ! Давно забытыя надежды снова возникаютъ. Борьба *ихъ* между собою принесетъ *намъ* пользу; они не подозрѣваютъ, что побѣждаютъ для насъ. Царства и цари пройдутъ, но социализмъ не пройдетъ. Развѣ вы не узнаете —это юный *Наслѣдникъ* отходящаго старца!

F

24.104/5-6